

М.И. ПЫЛЯЕВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ЧУДАКИ
И
ОРИГИНАЛЫ

Михаил Иванович Пыляев

Замечательные чудачки и оригиналы

Известная книга М.И.Пыляева "Замечательные чудачки и оригиналы" до последнего времени оставалась только собранием курьезных рассказов о характерах россиян и причудах быта русской аристократии в XVIII и первой половине XIX столетия. Новое издание впервые раскрывает для читателя подлинные имена персонажей, сообщает о них краткие биографические сведения и дает их портреты.

Эта книга станет подлинным открытием для всех, кто интересуется историей культуры и быта императорской России.

Содержание

#1	0006
ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА М. И. ПЫЛЯЕВА	0007
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ И ОРИГИНАЛЫ	0024
#4	0025
ГЛАВА I	0025
ГЛАВА II	0053
ГЛАВА III	0073
ГЛАВА IV	0102
ГЛАВА V	0120
ГЛАВА VI	0141
ГЛАВА VII	0152
ГЛАВА VIII	0175
ГЛАВА IX	0187
ГЛАВА X	0208
ГЛАВА XI	0236
ГЛАВА XII	0265
ГЛАВА XIII	0287
ГЛАВА XIV	0317
ГЛАВА XV	0346
ГЛАВА XVI	0360
ГЛАВА XVII	0382
ГЛАВА XVIII	0404
ГЛАВА XIX	0426
ГЛАВА XX	0444
ГЛАВА XXI	0467

ГЛАВА XXII	0491
ГЛАВА XXIII	0515
ГЛАВА XXIV	0537
ГЛАВА XXV	0558
ГЛАВА XXVI	0579
ПАМЯТИ М.И. ПЫЛЯЕВА	0603
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН	0621
УКАЗАТЕЛЬ ПОРТРЕТОВ	0674
СОКРАЩЕНИЯ	0685

Михаил Иванович Пыляев

**ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ
И ОРИГИНАЛЫ**

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИО- ТЕКА

Михаил Иванович Пыляев (1842-1899)

**ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА М. И.
ПЫЛЯЕВА**

Новое издание книги М. И. Пыляева «Замечательные чудаки и оригиналы» в известной степени уникально. Впервые здесь сделана попытка раскрыть часть имен персонажей повествования о русском быте второй половины XVIII - первой половины XIX века, приведены их портреты, краткие биографические сведения, дан общий именной указатель, а сам текст, насколько это было возможно, освобождён от типографских, смысловых, фактических и синтаксических погрешностей, затруднявших его восприятие.

Всё это имеет свои основания, требующие пояснения.

Как известно, возраставший на протяжении последних десятилетий интерес к нашему прошлому и к истории России в целом, разрешился мощным всплеском репринтов и переизданий самой разнообразной литературы, начиная от классического наследия до пособий по хиромантии, оккультизму и книг давно забытых авторов. Однако, как вскоре выяснилось, далеко не все книги, извлеченные из забвения, смогли выдержать экзамен на жизнестойкость, возбудить в читателях не

кратковременное любопытство, а глубокий и устойчивый интерес. Слишком многое из того, что некогда волновало умы, поднимало общественные силы, казалось смелым и прогрессивным, со временем так же кануло в Лету, как бесчисленные работы по прославлению и утверждению марксизма-ленинизма советского периода, представляющие теперь лишь археологический интерес.

Иная судьба суждена таким книгам Михаила Ивановича Пыляева, как «Старая Москва», «Старый Петербург», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», пользовавшимся заслуженной популярностью при жизни автора, к которым по праву следует причислить и последнюю его книгу о «чудаках». Изданные некогда достаточно большими тиражами, а затем исчезнувшие из обращения, эти книги ещё недавно были достоянием только знатоков и библиофилов, дорогостоящими раритетами, практически не появлявшимися на прилавках букинистических магазинов. Между тем, по мере того как возрастал интерес к реальной родовой и бытовой истории России, насильственно заменяемой на

протяжении семи с половиной десятилетий социально-экономическими схемами, все большее количество исследователей стало обращаться к тому блестящему направлению отечественной историографии, которое представлено именами Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, С. Н. Шубинского, И. Г. Прыжова, Е. С. Шумигорского, а из иностранных - К. Валишевского. Но даже среди этих ярких имен М. И. Пыляев и его труды занимают совершенно исключительное место.

Объяснение лежит на поверхности: Пыляев был коллекционером тех прихотливых, на первый взгляд случайных «мелочей быта», из которых, если внимательно присмотреться, складывается повседневная жизнь и, так сказать, физиономия общества в тот или иной период его исторического развития. Пыляева всегда интересовали характерные черты его отдельных представителей, которые обычно ускользают от внимания академической науки, унося с собой возможность ощущения и, что особенно важно, - сопереживания, а, стало быть, и понимания прошлого. Он не был историком в настоящем значении этого сло-

ва. Скорее, его можно назвать «репортёром минувшего», человеком, собиравшем и публиковавшим те, наиболее яркие картинки прошедших эпох, которые позволяют увидеть в непривычном для нас освещении минувшие события. Пыляев извлекал из забвения даты жизни, поступки, черты характера давно умерших людей, обстоятельства возникновения зданий, организаций, хода военных кампаний, распорядок жизни городов и отдельных семейств, время и причины появления той или иной моды, указа, словечек, порою бытующих в нашей речи и посейчас, но уже в совершенно новом значении, и многое другое, что сверкает алмазными россыпями в его книгах, заново открываемых более века спустя историками культуры императорской России.

Между тем, о самом Михаиле Ивановиче Пыляеве (1842-1899) мы знаем очень мало.

Собственно говоря, до появления статьи Ю. Н. Александрова, использовавшего почти все известные сейчас материалы, связанные именем Пыляева[1], основным источником сведений о нем оставался очерк А. А. Плещеева,

опубликованный в мартовском номере «Исторического вестника» за 1899 год, который мы воспроизводим в конце этой книги, и некролог П. Быкова, помещенный в газете «Новое Время». Однако и то, и другое содержит больше анекдотов, чем реальных фактов, на которые может опираться биограф. Достаточно сказать, что только благодаря А. Р. Кугелю мы знаем, что Пыляев был «кругленький и толстенький... с розовым, как у поросенка, лицом и сложенными на брюшке руками»[2].

Родом из купеческой семьи, М. И. Пыляев получил хорошее по тому времени образование, которое продолжал слушанием лекций в Харьковском университете и в университетах Европы, поскольку много путешествовал, в том числе и по Востоку, посетив Кавказ, Турцию, Египет и даже Алжир, после чего совершил довольно продолжительное путешествие по Сибири и какое-то время даже там жил[3]. Он интересовался буквально всем - театром (он был заядлым театралом и вел театральную хронику в нескольких петербургских газетах), скачками, медициной, цирком, минералами, но больше всего - прошлой жиз-

нию Петербурга и Москвы, а вместе с тем и всей России, которую исходил вдоль и поперек, задерживаясь под видом лекаря в старых дворянских усадьбах и собирая в свою записную книжку различные были и небылицы. Пыляев одинаково интересовался опытным садоводством и теоретической ботаникой, минералогией и медициной, в особенности фармакологией, химией и парфюмерией, к которой был с детства приобщен отцом. Свои исторические, искусствоведческие и археографические разыскания он продолжал среди старожил столиц и губернских городов, на кладбищах, в архивах, дополняя их изучением газетных и журнальных публикаций предшествующих лет в библиотеках и архивах, чтобы затем использовать собранное в многочисленных заметках, статьях, очерках и книгах.

Сокровища, собранные М. И. Пыляевым, поистине бесценны, потому что знакомят читателя с картинами жизни столичного и провинциального дворянства России, возвращают из забвения имена не столько чудаков и оригиналов, сколько в первую очередь людей

ярких, даровитых, энергичных, сделавших чрезвычайно много для культуры, благосостояния и процветания нашего отечества. В книгах Пыляева читатель находит истории дворянских родов, улиц, домов и усадеб, историю развития поместного театра, музыки, садового искусства, быта и нравов, а его рассказы о гастрономических вкусах и кулинарном искусстве наших предков способны вызвать не только аппетит, но и закономерный вопрос известного анекдота: кому это все помешало?

Стоит, вероятно, подчеркнуть ещё одну немаловажную черту в рассказах Пыляева. Исторические личности, известные нашим современникам разве что по именам да по тенденциозным оценкам советских историков, на страницах его книг предстают живыми людьми со своими характерами, убеждениями, странностями, добродетелями; предстают как в блеске бриллиантов и золотого шитья парадных костюмов, так и в домашних халатах, среди приятелей или дворни, позволяя лучше понять давно прошедшую жизнь, исчезающую за сухими выкладками истори-

ческих обобщений. Причину такого успеха понять не трудно: будучи по-настоящему добрым, внимательным к другим и отзывчивым человеком, умевшим восхищаться талантами, умом, выдающимися душевными качествами героев своих рассказов, М. И. Пыляев даже в чудаках и самодурах прошлых времен в первую очередь видел живых людей и пытался если и не извинять их поступки, то понимать причины, их порождавшие.

Вот почему возвращение книг М. И. Пыляева можно считать не очередным историческим курьёзом, а началом их новой и плодотворной жизни в среде самых различных читателей. В полной мере это относится и к книге «Замечательные чудаки и оригиналы», вышедшей всего за три месяца до смерти её автора, как следует из надписи на экземпляре, подаренном Пыляевым «дорогому старинному другу Якову Ивановичу Пирогову» 12 ноября 1898 года.

Между тем, именно эта книга до самого последнего времени вызывала множество вопросов и недоумений, как у читателей её первого издания, так и у исследователей-истори-

КОВ.

Общеизвестно, что М. И. Пыляев был собирателем фактов неутомимым и скрупулезным, в этом нет никаких сомнений. Сохранившиеся письма современников содержат обращения к нему за советом и помощью по самым разным вопросам - от исторических и генеалогических справок до рецептуры лекарств и консультаций по поводу драгоценных камней, подтверждая его обширные знания и разносторонние таланты. Более того, Пыляева можно считать изысканным стилистом. Все его предшествующие книги - «Старый Петербург», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» и «Старая Москва» - пленяют читателей как стройностью изложения, продуманной организацией материала, так и сочным, образным литературным языком. Что же касается внешнего оформления текста, то здесь на первый план выступает обязательное наличие иллюстраций, неукоснительно проводимый принцип выноса развернутого содержания очередной главы в её подзаголовки и столь же обязательное наличие именного, архитектурного или географиче-

ского указателей в конце книги.

Ничего подобного в «Замечательных чудесах и оригиналах», изданных единственный раз А. С. Сувориным в 1898 г., мы не находим, как если бы эта книга была написана совершенно другим человеком. И первое, что бросается в глаза, кроме ряда досадных погрешностей в изложении событий и даже имен, это крайне небрежное отношение к тексту. Впрочем, этим перечнем недостатки издания отнюдь не исчерпываются.

Начать следует с того, что, в отличие от предшествующих, эта книга М. И. Пыляева по какой-то причине оказалась издана в несвойственном для его книг формате, без иллюстраций и указателей. Большинство её глав обозначены только краткими, повторяющимися друг друга и не отвечающими действительному содержанию подзаголовками («Замечательные оригиналы», «Рассеянные люди», «Замечательные шутники и эксцентрики», «Замечательные причудники и чудаки», «Замечательные оригиналы», «Замечательные чудаки и оригиналы», «Замечательные чудаки», «Чудаки и оригиналы», «Эксцентри-

ки», «Чудаки и оригиналы», «Богачи-самодуры», и пр.), хотя наряду с ними есть несколько глав, имеющих традиционно развернутый подзаголовок-содержание (напр.: Глава XXV. Феноменальные силачи Д-в и К-ин. - Чудак-балетоман Ч-ев. - Гр. Потемкин. - Театрал Каменский. - Оригинал В-ский. - Путешественник К-о. - Идилик учитель.). Ещё большее удивление вызывает хаотическое расположение материала (повторение одних и тех же сюжетов, неоправданное разнесение материала об одном персонаже по разным главам и пр.), а также множество орфографических, грамматических и стилистических погрешностей, сконцентрированных преимущественно в главах, имеющих такие краткие, как бы предварительные подзаголовки. Неисполненные обещания рассказать о том или ином персонаже в дальнейшем, различные сокращения имени одного и того же лица, упоминаемого в тексте, а равным образом типические ошибки синтаксиса, заставляющие доискиваться смысла той или иной фразы, оказываются настолько разительны, что порою могут вызвать сомнение в принадлежности этого тек-

ста М. И. Пыляеву.

Парадокс заключается в том, что этот текст и принадлежит перу самого М. И. Пыляева, тогда как представленный в более ранних книгах несет на себе отпечаток долгой и любовной литературной обработки одного из тончайших стилистов второй половины XIX века. Открытие это принадлежит в полной мере Ю. Н. Александрову, привлечшему для своей работы о М. И. Пыляеве письма к последнему Н. С. Лескова, в 1909 г. опубликованные в одном из «Щукинских сборников»[4]. В этих письмах Лесков прямо упрекает Пыляева за крайнюю небрежность в изложении фактов, отсутствие композиции, повторы, наконец, за прямое нарушение грамматики и синтаксиса, когда «есть места по недосмотру совсем непонятные: является сказуемое, а подлежащее, вероятно, только подумано, а не написано»[5]. Правда, судя по датам (1888 г.), объему текста, о котором идет речь (38 листов), и сюжетам (напр. о юродивом Корейше) эти замечания относились к тексту не «Замечательных чудаков и оригиналов», как то предположил Ю. Александров, а, вероятнее

всего, «Старой Москвы», именно тогда предполагавшейся к изданию (книга разрешена цензурой 31. 10. 1890 г., вышла в свет в 1891 г.), но тут важно другое.

Из этих писем можно понять, что, принимая самое деятельное участие в подготовке рукописи вплоть до приглашения стенографисток для работы с автором, Лесков исправлял не только композицию и структуру книги, но и самый пыляевский текст подвергал беспощадной стилистической редакции. Отсюда, как можно думать, и проистекает известное совершенство языка, столь отчетливо выступающее в первых книгах М. И. Пыляева, но почти полностью отсутствующее в «Замечательных чудаках и оригиналах». И это легко объяснить: к тому времени, когда рукопись последней книги была собрана, Н. С. Лесков уже умер, а сам автор был не в состоянии выполнить ту литературную работу, которую по дружеской приязни брал на себя покойный писатель.

Вот почему, приступая к подготовке настоящего издания, публикаторы, первоначально полагавшие возможным ограничить свою за-

дачу расшифровкой только некоторых упоминаемых автором персонажей, снабдив их краткими сведениями биографического характера и портретами, вскоре пришли к необходимости отойти от точного воспроизведения текста суворинского издания 1898 г., и, не останавливаясь на исправлении одних только типографских погрешностей, провести необходимую синтаксическую редактуру текста там, где без этого нельзя было обойтись, если первоначальный текст нес в себе возможность двойственного толкования или прямо затемнял смысл.

Обычно подобное текстологическое редактирование опирается на корректуры предшествующего издания, авторский оригинал или хотя бы на черновые материалы, которыми пользовался автор. В данном случае ни то, ни другое, ни третье использовать было нельзя потому, что до сих остаётся неизвестна судьба библиотеки и творческого архива М. И. Пыляева[6]. Единственные документы, связанные со смертью М. И. Пыляева и ныне хранящиеся в РГАЛИ, не помогают решить загадку, поскольку датированы 1903-1907 гг. и касаются

наследования его авторских прав, перешедших сначала к сестре писателя, вдове коллежского советника Елене Ивановне Пацевич, рожд. Пыляевой, затем к её опекуну, штабс-капитану Анатолию Федоровичу Адоёе, а после его смерти - к его вдове, Надежде Федоровне Адоёе, которая собиралась их продать [7].

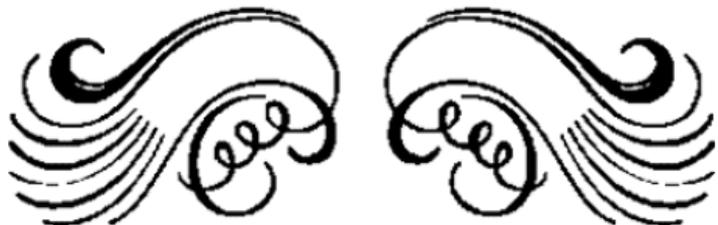
Возможно, специально предпринятые поиски Пыляевского архива в государственных хранилищах когда-нибудь и увенчаются успехом, но сейчас мне о нем ничего не известно.

Таким образом, в основу настоящего издания положен текст книги М. И. Пыляева 1898 г., переданный в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. В квадратных [] скобках дается наиболее вероятная расшифровка сокращенного автором имени, а в постраничных примечаниях - полное имя и годы жизни данного персонажа с указанием его титула, звания или чина, а также, если этого требует контекст, сведения о его (или её) супруге. В подзаголовок каждой главы выведено её содержание, как то было принято в остальных книгах Пыляева и частично прослеживается в настоящей книге (главы 1, 20-

23, 25-26 первого издания). Кроме того, книга снабжена общим указателем имен, упоминаемых в тексте и в примечаниях, а также указателем источника, откуда был взят иконографический материал для иллюстраций, подготовленный И. Е. Домбровским.

К сожалению, часть скрытых имен так и осталась не расшифрованной, в первую очередь по причине малой известности их владельцев, не вошедших в словари и энциклопедии, а потому требующих в каждом случае специальных разысканий. И все же сделанные в этом направлении шаги позволяют надеяться, что новое издание книги М. И. Пыляева будет способствовать возбуждению интереса читателей к нашему прошлому и позволит лицам, занимающимся изысканиями в области российской истории XVIII-XIX вв., продолжить работу по дальнейшему раскрытию и уточнению имен пыляевских персонажей.

Андрей Никитин

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ И ОРИГИНАЛЫ

ГЛАВА I

Чудачества П. В. Н[ащоки]на; его дорогая игрушка. Голландский домик Брандта. Странности А. А. Аракчеева.

В обыкновенной жизни чудак есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и проч. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так как другие; он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудаки. Там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других; но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки.

В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и

чудаков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно: причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном ещё обществе, тем более она порождает личных аномалий.

В двадцатых годах текущего столетия весь интеллигентный мир в Петербурге и Москве был в дружественных сношениях с симпатичным гвардейским офицером-измайловцем П. В. Н[ащокины]м. Своеобразный ум последнего, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко ценились всеми тогдашними нашими писателями; как Пушкин, так и Гоголь были его друзьями. Нащокин воспитывался вместе с Пушкиным в Царско-сельском лицее[8].

Нащокин Павел Воинович (1801-1854)

Несмотря на то, что Н[ащоки]н прожил на своем веку не одну тысячу душ и спустил на разные затеи целый ряд наследств, Пушкин высоко ценил его житейскую опытность и любил следовать его советам. По его рассказу

он написал «Дубровского», которого Н[ащо-
ки]н видел сам в остроге одного белорусского
города: герой повести, небогатый дворянин,

был доведен до нищеты богатым своим соседом. По просьбе Пушкина Н[ащоки]н написал несколько очерков своего детства и рассказов о своих предках. Н[ащоки]н не раз выручал в трудные минуты поэта. Существует предание, что после смерти Пушкина Н[ащоки]н с Вяземским и ещё с кем-то разделили последние деньги, нашедшиеся у того в бумажнике, с клятвою их хранить навсегда, в знак памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которых они написали год, день, число и час его смерти. Интересно, уцелели ли эти бумажки? Н[ащоки]ну Гоголь посвятил несколько лучших глав во второй части своих «Мёртвых душ». Известный петербургский откупщик, миллионер Бенардаки, близкий к Гоголю, предлагал Н[ащоки]ну, когда его дела приняла тугой оборот, принять у него место воспитателя его детей.

Н[ащоки]н был человек очень добрый. Он прожил на своем веку несколько состояний, но судьба почти до последней минуты баловала его. Случалось, что у него в доме не было копейки и он топил камин мебелью, - и вдруг новое богатое наследство валилось ему с

неба. Н[ащоки]н, избалованный богатой матерью, почти с юношеских лет предался свободной и совершенно независимой жизни. Живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж одного большого барского дома на Фонтанке для своих друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, и сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег, не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей, вообще не знакомых хозяину, и одиноких, и попарно. Многочисленная прислуга, под управлением карлика «Карлы-головастика», обязана была для всех раскладывать по полу матрацы со всеми принадлежностями приличной постели, парным - в маленьких кабинетах, а холостякам - в больших комнатах, вповалку на полу. Сам хозяин, являясь ночью, спрашивал только, много ли ночлежников. Утром все обязаны были явиться к кофе и чаю. Случалось, что в торжественные дни рождения его гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака или обеда, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дво-

рецкого с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засев на место кучера и форейтора и став на запятках, вместо лакеев, летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам! Конечно, все это могло совершаться в начале 20-х годов, а в 30-х об этом времени вспоминали только с сожалением.

Так в период буйной и безумной молодости Н[ашоки]на деньги были ему ни о чем: он удивлял многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались все как русские, так и французские актёры. Умный и образованный человек со вкусом, он бросал деньги, покровительствуя художникам и артистам; он любил жить и давал жить другим. Залы у него были полны произведениями начинающих художников. Одних собственных его портретов было более сотни, он их раздаривал знакомым, как теперь дарят фотографические карточки. Все его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми ху-

дожниками. Он покупал все, что попадалось ему на глаза: фарфор, бронзу, бриллианты и бирюзу, которую считал за амулет. В особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова[9] учила свою лучшую роль, он заплатил её горничной шальную цену и обделал в золотой футляр, который вскоре и подарил кому-то из знакомых. Н[ащоки]н одно время был страстно влюблен в эту актрису и, чтобы вылечиться от безумной страсти, придумал следующую хитрую штуку. Он нарядился в женский наряд и прожил у артистки в качестве горничной более месяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетом к его «Домику в Коломне». Щедрость Н[ащоки]на к артистам доходила до того, что известному Вьетану он подарил скрипку, с которою знаменитый артист объехал всю Европу. Подобные дорогие причуды, да вдобавок карточная игра, в которой он являлся, впрочем, не игроком, алчущим выигрыша, а страстным любителем сильных ощущений, в 30-х годах сильно порасстроили

его состояние, тем более, что он обзавелся цыганкой, известной в то время в Москве красавицей Ольгой Андреевной, дочерью Стеши, прозванной «Каталани»[10]. В то время любовь к цыганке была самая разорительная, песни чернооких красавиц разнеживали и одуревали всех кутящих богачей. На вечерах гитара такой цыганки наполнялась по несколько раз золотом и ассигнациями, и много раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения носили название «угольковых» и многим опустошали карманы. Н[ащоки]н для цыганки держал экипажи с парой «вяток» и «шведок»; за нее он дал крупный выкуп хору. У нее собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актёры, литераторы, купцы; сюда заезжал и Пушкин слушать цыганские песни. Постоянным гостем её был и известный князь Гагарин, тоже чудак большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»[11]. Он был бретер и храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чая. И доставил, но только по благосклонности императора благополучно воз-

вратился в русский лагерь. У Н[ащоки]на от цыганки был сын, дворняшка, ненавидевший комнаты. Находя в мальчике сходство с квартальным надзирателем их квартала, он велел портному сшить на мальчика полный мундир квартального того времени, заказав и треугольную шляпу, и оправдывался в этой проделке, говоря: «Ведь наряжают же детей гусарами, черкесами, казаками, почему же мне не нарядить его квартальным, когда я так уважаю полицию!» Однажды у цыганки Н[ащоки]н проиграл все, что у него было - часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми и даже Оленькины сани с парой «вятков». Выигравший, захватив серебро, вещи и в выигрышной карете ещё темным утром поехал домой, приказав сани с «вятками» отправить за ним. Н[ащоки]н добродушно посмеивался над подобной аккуратностью игрока. Цыганка, узнав утром об исчезновении «вятков», несколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится к ней, и, действительно, скоро зажила прежнюю роскошную жизнь. Любовь Н[ащоки]на к цыганке послужила Куликову[12] сюжетом для

его водевиля «Цыганка». Н[ащоки]н сам рассказывал, что, сидя в театре, он видел на сцене себя и свою сожительницу. От этой цыганки он освободился тем, что, оставив ей весь свой дом в Москве вместе с хорошей суммой денег в шкатулке, сам тайком уехал в подмосковную к приятелю, где перевенчался на своей однофамилице[13] и поселился на некоторое время в Туле.

Гагарин Фёдор Фёдорович (1787-1863)

Н[ащоки]н, как мы заметили, любил хорошо покушать и также накормить своих гостей почти насильно. Обеды заказывать и говорить про кушанья он был большой охотник. За столом у себя он потчевал гостей до упаду, ежеминутно вскакивал и кричал на прислугу: «Видишь, мало взяли, попроси, поклоняйся!» И если это было неуспешно, то сам упрашивал не хуже известного крыловского Демьяна. Не возьмет гость - он считал большой обидой. Редкий из его гостей выходил у него из-за стола, не упитавшись так, что еле несли ноги. На обеды он приглашал за

*Нащокина Вера Александровна (около
1811-1900)*

Существует предание, что Петр Петрович

Петух списан Гоголем с Н[ащоки]на.

По смерти Пушкина, Н[ащоки]н переехал жить в Москву[14]. Тут уже пошла не радужная сторона его жизни, но он не унывал и вел почти ту же жизнь, что и в Петербурге. Он ездил почти ежедневно в Английский клуб, выписал себе из Парижа дорогой кий, хранившийся всегда под сбережением маркера, и продолжал мотать деньги, ссужая встречного и поперечного. Иногда, в критические минуты, ему вдруг то падали наследства от какого-нибудь дальнего родственника, то уплачивал ему кто-нибудь старый карточный долг и т. д. Но все эти неожиданности скоро исчезали. Своей роскошной жизни он не покидал и понемногу стал распродавать свои богатые коллекции: монеты, картины, фарфор, бронзу и т. д. Между замечательными редкостями, находившимися в его квартире, был один двухэтажный стеклянный домик аршина два длины, каждая отдельная часть и украшения которого были им заказаны за границей - в Вене, Париже и Лондоне. На этот домик, стоивший ему до сорока тысяч рублей, съезжалось любоваться все лучшее тогда пе-

тербургское общество. Домик этот был потом заложен и перезаложен в Москве за двенадцать или тринадцать тысяч и теперь неизвестно у кого находится как редкая, трудно сбываемая игрушка[15]. Домик был продолговатый, правильный четырехугольник, обрамленный богемскими зеркальными стеклами, и образовывал два отделения, верхнее и нижнее. В верхнем помещалась сплошная танцевальная зала со столом посередине, сервированным на шестьдесят кувертов. По четырем углам залы поставлены были четыре стола и бронзовые канделябры на малахитовых подстоях; на потолке, вылепленном в мавританском стиле, висели три серебряные люстры, каждая по пятидесяти свечей. В одном углу стоял рояль, в другом - арфа; первый был работы Вирта, вторая - Эрара. На первом жена владельца играла небольшие пьесы, употребляя для ударов по клавишам вязальные спицы. В зале помещались ломберные столы с картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растениями, так искусно сделанными в Париже, что, казалось, эти растения

были живыми. Нижний этаж представлял жилые покои и был наполнен всем, что только требовалось для какого-нибудь царственного жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая её, Н[ащоки]н не позабыл ни малейшей безделицы богатого домашнего быта.

В этих жилых покоях, стены которых были то мраморные, то покрытые разноцветным штофом, были и микроскопические картины, писанные масляными красками, и пианино с нотами, и полная миниатюрная библиотека, и целый арсенал оружия, ящик с пистолетами Лепажы, сигары, бильярд и т. д. И все эти лилипутные вещи - серебряные столовые тарелки и блюда, сделанные отдельно замечательными художниками, - должны им были стоить большого труда и терпения, начиная от рояли, фортепиано и до библиотеки. Для напечатания только одних заглавий книг, необходимо было придумывать такой мелкий шрифт, который можно видеть только на наших ассигнациях. Паркет в обоих этажах был мозаичный. Сводчатый подвал под домиком вмещал погреб, в котором в открытых ящиках хранились всевозможные дорогие ви-

на, укупоренные заграницей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свечка, приготовленная для зажигания канделябр. В одной из комнат сидят пестро одетые дамы, а в дверях - фигура военного, «времен очаковских», хозяйка приветствует его рукой. В другой комнате хозяин и гость кушают кофе; в бильярдной идет игра, все фигуры одеты в надлежащие того времени костюмы. Жизнь старого русского дома искусно схвачена в целом ряде моментов.

Разорившись Н[ащоки]н заложил курьезную модель своего московского дома нотариусу Пирогову: последний рассчитывал с хорошим барышом продать её чуть ли не в казну, как большую редкость. Покупка не состоялась, и модель долго не продавалась у известного в Москве в пятидесятых годах антиквара Волкова. Эта старинная барская редкость несколько лет тому назад была выставлена на ремесленной выставке и затем продавалась с аукциона.

Говоря о причудных игрушках доброго старого времени, мы не можем не упомянуть о другом таком же миниатюрном домике, кото-

рый назначался для поднесения императору Петру Великому.

В Утрехте в начале XVIII столетия жил богатый негоциант Брандт, посвятивший себя искусству, для которого нет настоящего имени, но которое можно назвать миниатюрной механикою. Он достиг в этом такого совершенства, что все его работы ценились очень высоко. Когда Петр Великий приехал в Амстердам, Брандт находился в этом городе. Государь, увидев работы его, удивился терпению и искусству, с какими они сделаны. «Дорого бы я дал, чтоб иметь у себя какую-нибудь особенно отличную работу Брандта», - сказал однажды государь. Брандт, узнав об этом, решился сделать для государя миниатюрный голландский домик со всем убранством, мебелью и домашними принадлежностями. Он работал не отрываясь только двадцать пять лет. И что это была за прелесть! Что за чудо!

Этот настоящий дом со всеми мелочами, со всем голландским комфортом до малейшей безделицы. Здесь были обои, сделанные на утрехтских фабриках, белье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами. Серебряная

посуда была отлита в нарочно приготовленных самим Брандтом формах, которые он потом уничтожил. Фарфор был выписан из Японии. Этого мало: даже книга была напечатана в Майнце такая, что её можно было спрятать в ореховую скорлупу. Потом хрустальная люстра, отделанная с удивительным искусством; клетка, в которой и муха едва могла бы поместиться; столовая комната с мраморным полом; чайный стол со всем прибором; картинная галерея, кабинет редкостей; спальня с кроватью, убранная самыми роскошными тканями, и проч. Окончив все это, Брандт послал в Петербург письмо, в котором уведомлял, что работа эта окончена и просил позволения представить её государю. Петру Великому в то время было не до игрушек - он находился в походе. Резидент, получивший в Петербурге известие, велел прежде доклада царю осведомиться, сколько Брандт хочет взять за свою работу. Такой вопрос огорчил художника, двадцать пять лет жизни посвятившего на эту работу и по богатству своему не имевшего нужды в деньгах. Он не захотел после этого посылать в Петербург свое произ-

ведение, которое таким образом осталось в Голландии и, как любопытная вещь, показывается путешественникам в Гааге.

Возвращаясь опять к характеристике Н[ащоки]на, мы находим, что иногда на вечера к нему собиралось немало оригиналов и чудаков того времени; он ловко умел их вызывать на разговоры и воспоминания. Так, у него бывала одна старушка-княгиня, которая в молодости была страстно влюблена в Потемкина и выпросила у него на память голубую ленту, с которой всю жизнь не расставалась ни днем ни ночью. При том эта барыня отличалась необыкновенною скарედностью и не шила себе платьев чуть ли не с кончины великолепного князя Тавриды. Вместо чепца носила она на голове шлык из платка, платье было заплатанное, грязное, но при всем своем неряшестве носила через плечо на груди потёмкинскую ленту. Н[ащоки]н особенно покровительствовал всем вралям и собирал их для потехи целыми десятками на свои вечера. В последние годы своей жизни Н[ащоки]н предался модной тогда страсти к вызыванию духов и столоверчению. Он беседовал с духа-

ми посредством столиков и тарелок с укрепленными в них карандашами. Он вызывал большей частью умерших своих друзей - Пушкина и Брюллова. Исписав горы бумаги, он вскоре сжёг всё написанное и отслужил в доме молебен. После этого он познакомился с одним евреем-доктором, известным тогда в Москве и проживавшим в глуши - в Сокольниках. Этот эскулап привлекал к себе богатых москвичей тем, что будто бы нашел средство делать золото и при лунном свете с помощью розы сгущать его на левой ладони руки в настоящие рубины. Н[ащоки]н оказался одним из первых его адептов и полюбил алхимию. Доктор стал тянуть у него деньги и обирать последние его крохи. При алхимических опытах он говорил ему:

– Нам недостает только одного растения, которого не найдешь в России.

– А какое же это растение? - спрашивал Нащокин.

– Баранец.

– Что это за баранец?

– Трава, которая пищит по зорям, как ребенок, когда вытаскиваешь её корни.

– А где можно её достать?

– В Азии, на горах.

– Что ж, - произносил решительно Нащокин, - мы можем туда съездить. В скором времени я получу с князя десять тысяч рублей.

– Будем надеяться!

Н[ащоки]н, получив эти деньги, повёз их доктору, но последний за разные мошенничества был выслан на жительство в Сибирь. Н[ащоки]н приуныл. Скоро полученные деньги были истрачены, кредита также нигде не было. Жил тогда в Москве полковник Калашников, человек более чем богатый, добрый, известный фронт и волокита до поездки за границу, но сделавшийся отъявленным филантропом по возвращении в Москву. Про него ходили слухи, что будто он, как и Ч[аада]ев[16], принял католичество. Калашников по первому требованию вручал по пяти рублей бедным офицерам и по десяти - штабс-офицерам. Нащокин стал обращаться к нему в критические минуты.

– Подай вспомоществование бедному штабс-офицеру, Александр Степаныч, - говорил он серьезным тоном.

Н[ащоки]н получал постоянно от Калашникова этот пенсiон, когда приходила ему крайняя нужда. Калашников тоже был большой оригинал. Перед смертью Н[ащоки]н опять получил довольно порядочное наследство, принимал к себе калик переходящих, странников, странниц и разных бродяг, которые всегда что-нибудь у него воровали.

Известный граф Аракчеев[17], о котором в свое время иначе не говорили, как шепотом, и пред домом которого на Литейном, проезжая мимо, всякий сдерживал дыхание и затаивал мысль, - отличался большими странностями. Аракчеев очень боялся отравы и за обедом каждое блюдо, прежде чем его начать, давал немного своей собачке Жучке[18] и после того уже ел сам. Даже после стола, когда подавали кофе, то он сперва отливал немного собаке на блюдечко, а после того уже пил из своей чашки.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834)

Аракчеев безмерно любил быструю езду: в

своё Грузино из Петербурга он ездил в восемь часов. Грузино от Петербурга отстояло на 121 с половиною версты. Выезжал он постоянно из столицы в 6 часов утра, а в 2 часа пополудни был уже у себя в Грузино: ему выставляли подставу на каждой станции. Таких верст

между Петербургом и Грузино он сделал во всю свою жизнь около 90 тысяч. Был ещё и другой такой же любитель скорой езды - военный генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков; за такую страсть последний поплатился жизнью, нажив смертельную болезнь в почках. Несмотря на частые приезды в столицу из дальней Сибири, Корсаков во всю свою службу не проехал и четверти того расстояния, что сделал на лошадях Аракчеев.

В числе странностей Аракчеева была какая-то во всем азартная поспешность, а затем - ранжир. Он не только людей, но и природу подчинял своему деспотизму. Когда Грузинское имение поступило к нему, то равнять и стричь было главною его заботою: ни одно дерево в саду, по дороге и деревням не смело расти выше и гуще назначенного ему Аракчевым; сад и все деревья в имении стриглись по мерке. Деревни все он вытянул в прямую линию, и если случалось по необходимости сделать поворот, то он шел или под прямым углом или правильным полукругом.

Все старое было истреблено с корнем - следов не осталось прежних сел и деревень. Да-

же церкви, если они приходились не по плану, были снесены, а кладбища все заравнялись так, что не осталось и следов дорогих для родных могил. Немало было пролито и слез, когда солдаты ровняли кладбища: многих старух замертво стаскивали с могил, так они упорно отстаивали эту, по русскому поверью святыню. Берега реки Волхова, на которых располагалось имение, были покрыты лесом. Аракчеев приказал вычистить берега: лес рубился на свал и сжигался на месте. Все распоряжения были невозможно бестолковы. Так, канавы копались зимою, во время морозов, дороги насыпались в глухую осень под проливными дождями, деревни строились разом и с такою поспешностью, будто к смотру.

Помещичья жизнь Аракчеева отличалась неслыханной дисциплиной. У Аракчеева был написан свой талмуд для крестьян, в котором излагались мельчайшие правила на все случаи жизни крестьянина, даже, например, как и кому ходить в церковь, в какие колокола звонить, как ходить с крестным ходом и при других церковных церемониях. Несколько тысяч крестьян были превращены в военных

поселян: старики названы инвалидами, взрослые - рядовыми, дети - кантонистами. Вся жизнь их была поставлена на военную ногу: они должны были ходить, сидеть и лежать по установленной форме. Например, на одном окошке №4 полагалась занавесь, задерживаемая на то время, когда дети женского пола будут одеваться. Обо всех мелочах в жизни каждого крестьянина Аракчеев знал подробно, в каждой деревне был шпион, да ещё не один, который являлся лично к самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовал о случившемся.

Чуть ли не первое шоссе в России от Чудова до Грузино было построено руками его крестьян. Строено оно было на остатки сумм, отпущенных на военные поселения. Обошлось оно в миллион рублей ассигнациями. Подряд взял голова грузинской вотчины или, вернее, сам Аракчеев, потому что барыши он брал себе, а задельная плата поступала в банк за бедных должников: богатые крестьяне ничего не получали за свою работу. Зачем? Они и без того были богаты. Чистого барыша от этой постройки Аракчеев взял 600 тысяч рублей,

остальные 400 тысяч поступили в банк за долги. Аракчеев любил ссылаться на свою бедность и бескорыстие. Так, при вступлении на престол императора Николая I, Аракчеев недомогал; в это время при дворе с особенным участием стали заботиться о расстроенном его здоровье и настойчиво советовали ему ехать за границу для лечения. Аракчеев говорил, что у него нет на это денег. Тогда в уважение его стесненных обстоятельств ему было выдано высочайшее пособие в размере 50 тыс. рублей. Сконфуженный такой неожиданностью, Аракчеев пожертвовал эти деньги в Екатерининский институт, а чтобы вывернуться из затруднительного и неловкого положения, предложил чрез министра двора купить у него за 50 тыс. фарфоровый сервиз, подаренный ему императором Наполеоном I, мотивируя свое предложение тем, что сервиз с императорским гербом неприлично иметь в частных руках. Предложение Аракчеева было принято, сервиз куплен, и ему пришлось отправиться за границу. За границей Аракчеева принимали более чем равнодушно, почему он, желая напомнить о своем прежнем вели-

чии, напечатал в Берлине по-французски письма к нему императора Александра I. Этот поступок усилил справедливое к нему негодование императора и окончательно подорвал его поприще. Когда Аракчеев выезжал во Францию, таможня отобрала у него серебряные вещи, предлагая возвратить ему при обратном выезде его из Франции или изломать их и отдать ему металл. Он выбрал последнее, но когда таможенный служитель стал разбивать серебряный чайник, он пришел в бешенство, бросился на него и схватил за горло. Сопровождавшие Аракчеева с трудом освободили таможенного.

По возвращении своем из-за границы, Аракчеев, лишенный уже всех своих должностей, проводил время уединенно, развлекаясь только в обществе молодых экономок. Так влачил дни до своей кончины этот человек, замечательный только не по уму и способностям, как говорит Михайловский-Данилевский в своих записках, цитируя слова императора Александра I, а по усердию и трудолюбию, по холодности и жестокости, по отсутствию мысли в действиях, по привязанности

к одной форме и внешности.

ГЛАВА II

Суевер Н. И. Д[емид]ов. Эксцентричности генерала В. Г. Костенецкого. Подражатели странностям А. В. Суворова: граф М. Ф. Каменский и генерал А. А. Вельяминов.

Лет шестьдесят тому назад всему Петербургу был известен своими эксцентрическими странностями и своим служебным педантизмом, превосходившим самый педантизм известного графа Аракчеева, генерал Н. И. Д[емид]ов[19], бывший начальником всех кадетских корпусов. Одно из главных его чудачеств, на котором он был помешан до смешного, было то, что он вылитый портрет императора Наполеона I; некоторое сходство он имел с этим государем, но не до того поразизи-

тельное, как полагал. Кроме этого, он был суеверен до невозможного. У всех его дверей были прибиты найденные им подковы, как знак благополучия. В его спальне сидел в клетке петух для отогнания домового. К числу других его предрассудков принадлежал в особенности тот нелепый русский предрассудок, который считает встречу со священником самым несчастным предзнаменованием. Хорошо знавшие этого генерала люди рассказывали, что неоднократно, выехав со двора и увидев из окна кареты переходившего ему дорогу священника, он выскакивал из экипажа, испрашивал у батюшки с почтительнейшим видом благословение, а затем убедительнейше упрашивал его сесть в его карету. Как только священник исполнял его желание, Д[емид]ов приказывал кучеру скорее ехать домой. Приехав к себе, он учтиво высаживал священника из экипажа, вводил его в комнату с одной дверью, после чего, делая вид, что ему нужно отдать какое-нибудь домашнее приказание, быстро выходил из комнаты и столь же быстро запирает дверь на ключ, который брал в карман, и, уверенный в том, что

этот священник уже не перейдет ему дорогу, сам быстро уезжал туда, куда призывали его дела. Такие похищения духовных лиц долго подавали повод к весьма странным недоразумениям. Затем уже местное духовенство (генерал жил на Васильевском острове) и причты, завидев высокую карету четверкою цугом с двумя лакеями в военных ливреях на запятках, «наостривали лыжи» и быстро утекали, чтобы не попасть на несколько часов под ключ его высокопревосходительства.

Он имел весьма оригинальную манеру ментать на себе сорочку. Камердинер должен был держать перед ним чистую таким образом, чтобы он мог вскочить в нее. Д[емид]ов, сняв рубашку, отходил от слуги шага на три, крестился, бросался к сорочке и опять назад, и так до трех раз; в третий раз он вскакивал в растопыренную перед ним рубашку и уже оставался в ней. В доме у него, находившемся в Москве на Басманной, там, где теперь Константиновский межевой институт, была образная, наполненная множеством икон, размещенных в несколько ярусов. Однажды в образной с ним находился священник, к которо-

му Д[емид]ов был расположен. Генералу пришло в голову приложиться к какому-то образу, находившемуся наверху. Он был в затруднении, как это исполнить, и уже хотел было приказать снять образ, но священник заметил, что это совершенно лишнее, так как в подобном случае достаточно одного усердия почтить святыню. Что же делает генерал? Он складывает пальцы, целует их и посылает образу воздушный поцелуй.

Генерал очень любил играть в карты. Отправляясь играть, он входил предварительно в свою образную и там пред образом молился о выигрыше, обещаясь в таком случае принести ему в жертву какое-либо украшение.

Во время стоянки кадет в лагере вернейшее средство удержать его от прихода к кадетам, на которых он наводил тоску постоянными и однообразными нравоучениями, было положить на пути от его палатки к лагерю кресты из соломинок или из чего придется. Увидев такой крест, Д[емид]ов обыкновенно возвращался назад.

В числе больших причудников был известен в русской армии в царствование Алек-

сандра I генерал В. Г. Костенецкий[20]. Жизнь вёл он необыкновенно оригинальную: одевался в длиннополый военный сюртук и носил какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнат зимою никогда не топил, и ему в них не было холодно. Возле крыльца дома была всегда наметена большая куча снегу, и он, как только поутру встанет с постели, т. е. с жесткого кожаного дивана с такой же головной подушкой, без простыни и одеяла, тотчас же отправляется голым в эту кучу снега и в ней барахтается, и когда потом войдет в комнату, то пар идет с него, как после бани. Чай пил он тоже не по обыкновенному. Он обходился без чайника, клал чай прямо в стакан, заливал его горячей из самовара водой, а когда чай настаивался, то он пил его без сахара и потом жевал чайные листья. Пища его была самая простая: борщ, каша и нарезанная говядина. Водки и вина не пил вовсе. Костенецкий, несмотря на свой миролюбивый характер, боялся мщения и предполагал, что его когда-нибудь да отравят. Чтобы предупредить такую опасность, он хотел приучить себя не бояться никакой отрав-

вы. Для этого в кармане он всегда носил кусок мышьяку, который ежедневно поутру лизал языком по несколько раз, постепенно увеличивая количество лизаний, и таким способом довел себя до того, что уже довольно значительный прием мышьяка, который был бы смертельным для всякого другого человека, на него не производил никакого вредного действия.

*Костенецкий Василий Григорьевич
(1769-1831)*

Костенецкий проводил преоригинальные учения. Рано на заре он приказывал находившемуся при нем трубачу трубить тревогу, указывал, куда скакать батарее, а сам, вскочив на коня, скакал туда во весь опор и, прискакав на место, в поле - долой с коня и голый катался по траве и росе. Это была его суворовская утренняя ванна. Между тем, батарея по тревоге летела туда же во весь опор и находила Костенецкого уже выкатавшимся, одетым и на коне. Тотчас же начиналось ученье по боевому. Вдруг Костенецкий командует: «№

такой-то ранен!» Этот № должен был слезть с лошади и пешком отойти в сторону, а другой заступить его место. Затем опять команда: «№

такой-то убит!» И убитый должен был упасть на землю и лежать, а другой заступит его место, и подобно тому в этом же роде.

Генерал Костенецкий был высокого роста, широк в плечах, стройный и красивый мужчина с самым добрым и приветливым лицом и обладал необыкновенною физическою силою. Характера был доброго, имел нежное сердце, но вспыльчив в высокой степени. Человек он был с сильными страстями, любил женщин, а ещё более был любим ими, но никогда не был женат. Он был страстно влюблен в красавицу княжну Р-в и вел себя как влюбленный юноша-прапорщик, давая пищу насмешкам всего лагеря под Красным Селом. Генерал служил в артиллерии, знал превосходно свое дело и был в полном смысле военным. Много ходило в то время рассказов о его необыкновенной физической силе: он разгибал подковы, стигал серебряные рубли. Однажды в Киеве, в одном обществе, дамы, желая подшутить над ним, поднесли ему на тарелке очень искусно сделанную каменную грушу и просили его скушать. Костенецкий, заметив обман, взял грушу в руку и, как бы нечаянно

раздавив её, воскликнул: «Ах! какая она мягкая...»

Один из случаев его жизни рассказан Михайловским-Данилевским. В одном из сражений с французами в 1809 году, когда на батарею, которой он командовал, бросились польские уланы, перебили всю прислугу и, разумеется, взяли бы батарею, Костенецкий, схвативши банник, начал валять им направо и налево, многих перебил, а других прогнал. Когда император Александр Павлович благодарил его за такой подвиг, он сказал государю, что надобно бы ввести в артиллерию вместо деревянных железные банники. Государь возразил ему: «Мне не трудно сделать это, но где найти таких Костенецких, которые могли бы владеть ими!» Генерал Костенецкий носил в обществе кличку «всеславянского генерала» и был известен шутками в роде таких *cabinet* (как бы нет), *domestique* (дом мести) и т. д. Этими корнесловами известный адмирал Шишков хотел в свое время доказать, что все языки происходят от славянского.

Умер Костенецкий в Петербурге от холеры в 1831 году.

Великий Суворов, отличавшийся, как известно, большими странностями, которые даже у его современников рождали сомнения, в здравом ли он уме, имел также многих раздражителей. Особенно в ряду таких отличался чудачествами старик князь Григорий Семенович Волконский[21] живший долгое время в Оренбурге и командовавший тамошними войсками. Он вставал так же рано, как и Суворов, тотчас отправлялся по всем комнатам и прикладывался к каждому образу. Между тем, все форточки в его доме были открыты, и в комнатах дул сквозной ветер. К вечеру ежедневно у него служили всенощную, при которой обязан был присутствовать дежурный офицер. Обедал он не раньше семи часов. Выезжал к войскам во всех орденах, а по окончании ученья в одной рубашке ложился где-нибудь под кустом и кричал проходившим солдатам: «Молодцы, ребята, молодцы!» Любил ходить в худой одежде, сердился, когда его не узнавали, выезжал в город, лежа на телеге или на дровнях. Вообще, корчил Суворова. Во время кампании 1806 года он просил императора назначить его командовать действующей

щею армией. Император, в виду его старчества, ласково отказывал; старик не унимался, писал письма к покровительствовавшей ему императрице, жаловался, что Аракчеев мешает ему служить отечеству, и проч.

Другим подражателем Суворова был фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский, личность бесспорно талантливая, с большим знанием военного дела и личной храбростью, но необыкновенно честолюбивая и крайне нервная в обращении с людьми. Императрица Екатерина II не любила с ним разговаривать. Вот что она сказала своему секретарю Храповицкому про Каменского: «К нам будет скучнейший человек в свете». Король прусский отзывался о нем: «Это молодой канадец, однако же довольно вылощенный». Император Павел любил Каменского, а граф Аракчеев был большой почитатель его воинских талантов. Каменский был строгий служака и педант; он в частной жизни подражал Суворову и также часто оригинальничал и юродствовал. У себя в деревне фельдмаршал жил в своих комнатах совершенно один, в кабинет его никто не допускался, кроме камер-

динера; у дверей его комнаты были привязаны на цепи две огромные меделянские собаки, знавшие только его и камердинера. Он носил всегда куртку на заячьем меху с завязками, покрытую голубой тафтою, жёлтые мундирные штаны из сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картуз; волосы сзади связывал веревочкою в виде пучка. Ездил Каменский в длинных дрожжах цугом, с двумя фрейторами; лакей сидел на козлах, имея приказание не оборачиваться назад, но смотреть только на дорогу[22].

Каменский Михаил Федотович (1738-1809)

Чудачества Каменского этим не ограничивались - он также пел на клиросе, ел за столом сам только простую грубую пищу и очень оскорблялся всяким невниманием к его заслугам. Так, когда перед второю турецкою войною императрица послала ему в подарок пять тысяч золотом, он захотел показать, что подарок слишком ничтожен, и нарочно истратил эти деньги на завтраки в Летнем саду,

к которым приглашал всех, кто ему попадался на глаза. Вызванный для войны с Наполеоном, предпринятой для защиты Пруссии, он явился в Петербург и поместился в убогом по-

мещении на третьем этаже плохой гостиницы. Женат он был на княгине Щербатовой, и относительно брака судьба его похожа на судьбу Суворова. Супруги виделись довольно редко, однако плодом их супружества были дочь и два сына. Старшего сына отец не любил и, по рассказам Энгельгардта[23], однажды, когда сын уже был в чинах, граф публично дал ему двадцать ударов арапником за то, что он не явился в срок по какому-то служебному делу. Младшего сына, известного театрала, граф очень любил. Каменский никогда не был любим никем за свой крутой и вместе вспыльчивый и жестокий нрав. Фельдмаршал, как и многие вельможи того времени, был неразборчив в связях и подпал под влияние грубой, необразованной и некрасивой простой женщины. Граф М. Ф. Каменский очень верно обрисован Л. Н. Толстым в его романе «Война и мир» под именем князя Болконского[24].

*Вельяминов Алексей Александрович
(1785-1838)*

Большими странностями также отличался командующий на Кавказе и в Черномории генерал Вельяминов[25], известный славный

сподвижник войн -1812 и 1814 гг. Проживая в Ставрополе со всем штабом, генерал выказывал много оригинального в своем характере. Так, он имел привычку говорить почти всем «дражайший», но видеть его можно было только тогда, когда он отправлялся в экспедицию против горцев, иначе он не выходил из комнат занимаемого им дома. Отправляясь в экспедицию, на вопрос подчиненных ему генералов - куда? - он обычно отвечал: «Дражайший! барабанщик вам это укажет!» В походе он ходил подобно Наполеону I в сером коротком сюртуке сверх мундира. У него был открытый стол, к которому приглашались все небогатые офицеры и штабные. Сам он никогда не выходил к столу, кушаний с этого стола не вкушал, а ему подавали в его кабинет одно особое кушанье - ужа под жёлтым соусом, так называемого желтобрюха, откормленного прежде молоком. Это кушанье он чрезвычайно любил. Вельяминов был одинок и умер от полной апатии ко всему.

Платов Матвей Иванович (1751-1818)

Герой отечественной войны знаменитый атаман донцов граф М. И. Платов[26] был большой оригинал во многих привычках сво-

ей жизни. Происходя из казаков, он ревниво оберегал патриархальные нравы своих соотечественников и щеголял настоящей казацкой речью, часто очень нецензурной. Образ жизни его был самый простой. Когда армия наша покинула Москву и первопрестольная столица осветилась заревом пожара, Платов зарыдал, объявив всем окружающим его: «Если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку, живого или мертвого, за того выдам дочь свою!» Это восклицание славного вождя

Платова Мария Матвеевна (1791-1866)

дошло до Англии и в 1814 году появился в Лондоне портрет девицы в национальном донском костюме с надписью: «Мисс Платов: по любви к отцу - отдаю руку; а по любви к отечеству - и сердце свое». Впоследствии эта дочь его, Марья Матвеевна, вышла замуж за донского генерала Т. Д. Грекова[27]. В 1814 году Платов в свите императора Александра I ездил в Лондон, откуда привез молодую англичанку в качестве компаньонки. Извест-

ный партизан Денис Давыдов выразил ему удивление, что, не зная по-английски, сделал он подобный выбор. «Я скажу тебе, братец, - отвечал он, - это совсем не для физики, а боль-

ше для морали. Она добрейшая душа и девка
благонравная. А к тому же, такая белая и до-
родная, что ни дать ни взять ярославская ба-
ба». Тот же Денис Давыдов рассказывал, что
когда Ростопчин представлял Карамзина Пла-
тову, атаман, подливая в чашку свою значи-
тельную долю рому, сказал: «Очень рад по-
знакомиться, я всегда любил сочинителей,
потому что они все пьяницы».

ГЛАВА III

**Военные повесы былых времен.
Майор Г. И. Нечволодов. Генерал-лейтенант Г. Х. Засс. Полковник А-ни. Проказы К. А. Булгакова.**

В доброе старое время отличительную черту характера, дух и тон кавалерийских офицеров - все равно, была ли это молодежь, или старики, - составляли удальство и молодечество. Девизом и руководством в жизни были три стародавние поговорки: «двум смертям не бывать, одной не миновать», «последняя копейка ребром», «жизнь копейка - голова ничего!» Эти люди и в войне, и в мирное время искали опасностей, чтобы отличиться бесстрашием и удальством. Любили кутить, но строго помнили поговорки: «пей, да дело разумей», «пей, да не пропивай разума». Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы иногда и не следовало, все это входило в состав военно-офицерской жизни мирного времени. Молодые кавалерийские офицеры,

по характеристике Ф. Булгарина, в молодости служившего в уланах, и сами того не зная, были почти тоже, что немецкие бурши: они точно также вели вечную войну с «рябчиками», т.е. со статскими, как бурши с филистерами. Эта молодежь нашей кавалерии знать не хотела никакой власти, кроме своей полковой и высшей военной, беспрестанно противодействуя полиции.

Буйство, хотя и подвергалось наказанию, не считалось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных условных границ. Стрелялись редко, только за кровные обиды, за дело чести, но рубились за всякую мелочь. После таких дуэлей обыкновенно следовала мировая, шампанское и т. д. Дуэль ещё больше скрепляла товарищескую дружбу. По замечанию современников, в те годы не каждый решился бы говорить дурно про товарища, клеветать заочно и распространять клевету намеками. За офицера одного полка сразу вступались по десятку товарищей. Офицеры в полку принадлежали одной семье, у них все было общее - честь, дух, время, труды, деньги, наслаждения,

неприятности и опасность. Офицерская честь ценилась очень высоко. Офицер, который бы изменил своему слову, не вступился бы в потребную минуту за однополчанина или обманул кого бы то ни было, положительно не был терпим в полку. В случае крайности, офицеры складывались и платили денежный долг товарища, который впоследствии выплачивал им свой долг.

Столпами службы в те времена были эскадронные командиры; многие из них были зрелых лет старики, прошедшие очень суровую военную школу и не раз надевавшие за дуэли и проказы солдатскую шинель: такие в критическую минуту заменяли молодым офицерам «отцов командиров» не по одной пустой кличке. У эскадронных командиров, по установившемуся издавна обычаю, всегда был открытый стол для своих офицеров. Обеды были, положим, неприхотливы: щи, каша, биток, да стакан вина. В кавалерии, по отзывам современников, жили не только весело, но отчасти и бестолково. Щеголеватость фронта, разные тонкости и порядки в муштре и в службе перенимались армией у гвардии,

но выпадали годы, особенно после походов, когда и гвардия жила «по-армейски», подражая походной бивуачной жизни. Например, в старину существовал обычай в среде товарищей, хотя и знавших французский язык, говорить между собою всегда по-русски, в силу того принципа, что они - русские офицеры и служат русскому царю и отечеству. Тех же, которые употребляли всегда французский язык вместо русского и старались отличиться светскою ловкостью, прозывали «хрипунами». Вообще, чванство, надутость, фанфаронство, важничанье не были терпимы в полках.

В описываемое александровское время у молодых военных повес была великая страсть к так называемым «гросс-шкандам» с немцами. Петербургские бюргеры и ремесленники любили повеселиться со своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екатерингофе и Красном Кабачке; военная молодежь ездила туда как на охоту. Начиналось обыкновенно с того, что заставляли дюжих маменек и тетушек вальсировать до упаду, потом подпаивали мужчин, наконец, затягивали хором: «Freut euch des Lebens...»

[28] упирая на слова: «Pflucke die Rose!»[29] и пошло волокитство, а, в конце концов, обыкновенно следовала генеральная баталия с немцами. После кутежа всю ночь напролет тройки разлетались в разные стороны, и к девяти часам утра ночные повесы, как ни в чём ни бывало, присутствовали на разводе - кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Гатчине. Через несколько дней обыкновенно приходили в полк жалобы, и виновные тотчас же сознавались по первому спросу. Кто был там-то - лгать было стыдно. На полковой гауптвахте частенько бывало тесно от арестованных офицеров.

По словам кавалериста той эпохи, в Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках господствовали тогда особый дух и тон. Офицеры этих трех полков принадлежали к высшему обществу, отличались изяществом манер, утонченною изысканностью и вежливостью в отношениях между собою, многие владели французским языком лучше, чем русским. Офицеры же других полков показывались в обществе только по временам, предпочитая жизнь товарищеской среды,

жизнь нараспашку. Конногвардейский полк держался нейтрально, соблюдая смешанные обычаи. Но зато лейб-гусары, лейб-улань, лейб-казаки, измайловцы и лейб-егеря жили по-армейски и следовали тому духу беззаветного удальства, который являл собою главнейшую черту военного характера этой эпохи, которую так пылко и ярко воспел в своих стихах Денис Давыдов. О походе кавалергардских офицеров сохранилось много рассказов; особенно шалости их в Новой Деревне и на Черной речке в свое время наделали много шума.

На Черной речке в конце двадцатых годов по ночам стал разъезжать черный катер, с поставленным на нем черным же гробом. Гребцы, сидевшие с факелами около гроба, все заунывно пели «Со святыми упокой» и этим будили и пугали крестьян и дачниц. Вскоре узнали, как это рассказывает в своих воспоминаниях дочь графа Толстого[30], что факельщики эти - не кто иные, как молодежь-кавалергарды, а в гробу лежит не покойник, а шампанское. Днем они тоже не сидели спокойно, а с криками и шумом галопом но-

сились на своих собственных пожарных трубах, все стоя на ногах, в сюртуках без эполет, в голубых вязаных шерстяных беретах с серебряными кистями.

Проказы молодых повес нередко пробирались и на дачи, где тогда жили актрисы французского театра. По тогдашним рассказам, веселая мундирная молодежь то пробиралась ночью в палисадник хорошенькой дачки, занимаемой известною итальянскою певицею, и, сняв осторожно ставни, любовалось ночным туалетом красавицы; то устраивали засады в женских купальнях, то врываются через окошко в спальню какой-нибудь молоденькой дамы и затем учтиво извинялись ошибкой, полагая, что здесь живет их товарищ. Подобные проказы сходили в то время зачастую без особых последствий, но кто-то раз довел о них до сведения великого князя Михаила Павловича. Тот доложил государю, и дело разыгралось для повес совсем неожиданным образом. Однажды ночью их всех потребовали в ордонанстауз, а когда они явились, без дальних объяснений посадили их на почтовые тележки вместе с фельдъегерями, и бор-

зые тройки умчали их из Петербурга. Из таких шалунов был отправлен на Кавказ поручик Жерве[31]. Последнего вёз целые две недели угрюмый фельдъегерь, не говоря куда везёт, и только когда они перевалили через кавказские горы и приехали в Карагач к полковому командиру, Жерве узнал свою участь.

Многие из таких военных повес ссылались на Кавказ с лишением офицерского звания, прямо рядовыми; понятно, это делалось не без суда. Из числа таких людей, замечательным по превратности своей судьбы, как рассказывает В. Потто, был некто Нечволодов[32], служивший на Кавказе в 1822 году. Когда ему было более сорока лет, он был только простым рядовым. Жизнь его была полна приключений. Родился он в 1780 году в Харьковской губернии, и жил в родительском доме брошенным без всякого призора. Рос он веселым, буйным и своенравным ребенком. Четырнадцати лет от роду его взял к себе дядя, к великой радости соседей, не имевших от него покоя. Через четыре года Нечволодов был уже офицером и участвовал в походе Суворова.

Здесь, при защите крепости Бреста, он помещен в амбразуру и как отличный стрелок бил оттуда французов на выбор, но вдруг ядро, пущенное с неприятельской батареи, сбило амбразуру и ветхая каменная стена рухнула и придавила его. Вытащили Нечволодова полураздавленного и едва живого. В Италии Нечволодов участвовал с Суворовым не раз в сражениях, переходил с ним Альпы, Чертов мост, и из уст знаменитого полководца несколько раз слышал благодарность и похвалу. Окончил войну он поручиком с брильянтовыми знаками св. Анны 2-й степени на шее, - награда в этом чине в то время была исключительная. Пред ним развертывалась блестящая военная карьера, но обстоятельства сразу разрушили все честолюбивые надежды. Семейные предания смутно передают только, что это была какая-то роковая дуэль, чуть ли не с родным братом, окончившаяся тем, что сам он получил сабельные удары в голову, а противник был изрублен насмерть. Нечволодов был лишен чинов, орденов и сослан в далекий пустынный город Колу.

Жизнь ему здесь не понравилась, и он бе-

жал на корабле в Англию, где, не имея средств к существованию, нанялся волонтером в английские войска, готовившиеся к отплытию в Индию. Но плану этому не суждено было сбыться. Слух о похождениях Нечволодова дошел до нашего посла, графа С. Р. Воронцова, и он потребовал его к себе. Воронцов сумел оценить ум, таланты, даже пылкость нрава молодого несчастливца, отговорил его от его мечтаний, взял с собою в Россию и выпросил ему у императора Александра I полное помилование. В 1803 году он был определен с прежним чином в 20-й егерский полк, но ордена не были ему возвращены. К этому времени относится первая его романическая женитьба на одной из польских магнаток, графине Тышкевич. Гордая родня не соглашалась на брак с русским, но Нечволодов при помощи товарищей увёз графиню из её великолепного замка и повенчался с нею в бедной деревенской церкви. Пока шло венчание, церковные двери были заперты наглухо, а на случай погони за беглянкой при них на страже стояли офицеры-товарищи. Затем наступили беспрерывные военные походы и ряд новых

сражений, в которых Нечволодов добыл свои старые суворовские ордена и чин капитана.

В 1813 году он находился в составе летучего корпуса Платова. Кампания не обошлась для него без новых ран и увечий. Под Лейпцигом он в одной из атак был окружен французами, сбит с лошади тупым концом пики и через него пронесся целый уланский полк, причем каждый француз считал своим долгом кольнуть его пикой или ударить саблей. Ударов этих было так много, что Нечволодов был превращен, можно сказать, в кусок битого мяса. Но при быстрой скачке французов ни один удар не был смертельным: Нечволодов догадался надвинуть на голову кивер и этим, быть может, обязан спасением своей жизни. Через несколько дней, несмотря на раны, он с лихвой отплатил неприятелю: со своими солдатами он положил лоском более 280 человек, а 180 нижних чинов с офицерами и полковым командиром были им захвачены в плен. За это дело он получил вторично орден св. Владимира и чин подполковника. Но страшная судьба опять вмешалась в его блестящую карьеру. По возвращении из Фран-

ции Нечволодов был переведен в один из драгунских полков, где он проиграл 17 тысяч казенных денег. Его опять разжаловали в рядовые. Государь, помня его молодецкую боевую службу, приказал перевести его на Кавказ. Там, после одного геройского дела, Ермолов просил о полном и безусловном его помиловании, но его только произвели в прапорщики - и после четырех лет службы он возвратился в полк опять майором и с теми орденами, что заслужил ещё при Суворове.

Нечволодов кончил жизнь в 30-х годах в с. Карагаче на Кавказе. Он был женат вторично на черкешенке[33].

В двадцатых годах правым флангом на Кавказе командовал большой чудак, генерал-лейтенант Засс[34], имя которого туземцы произносили с трепетом и им даже пугали маленьких детей. В доме его постоянно преобладала какая-то таинственность; часто случалось, что при гостях его вызывали или он вдруг пропадал на неделю и более. В его комнатах и во всех углах постоянно дежурили загадочные лица. Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе как можно

более уважения и страха, а эти два чувства сильно действуют на толпу. Про него существует много рассказов, почти половина которых, конечно, выдумки, но во всех их проглядывает какое-то таинственное влияние, которого и добивался Засс. Он разными шарлатанствами успел уверить всех сынов Кавказа, что знает с шайтаном и может узнавать их сокровеннейшие мысли. Часто он дурачил у себя диких горцев с помощью новейших открытий наук, не пренебрегая ни электрической машиною, ни вольтовым столбом, ни гальванизмом.

В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха, на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа на пиках постоянно торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Тяжело и грустно было смотреть на это отвратительное зрелище. Войдя однажды в его кабинет, как рассказывал один из его друзей, все были поражены каким-то нестерпимым отвратительным запахом, но хозяин, смеясь, вывел всех из недоразумения, сказав, что люди его, вероятно, поставили под кровать ящик с головами. И в самом деле, вы-

тащил пред гостями огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на всех своими стеклянными глазами. - «Зачем они здесь у вас? - спросил кто-то из присутствующих. - «Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам и моим друзьям-профессорам в Берлин».

Шутки Засса, нельзя сказать, чтобы отличались большим разбором, и нередко могли стоить жизни человеку, с которым они были сыграны. У него проживал в доме старинный друг его, майор в отставке. Майору, наконец, надоела вечная суета у Засса, и он решился расстаться с другом и уехать в ближайший город. Приближались праздники, майор получил приглашение от Засса приехать погостить к нему и отпраздновать Мартына Лютера жареным гусем с яблоками и черносливами. Майор собрался и пустился в дорогу. На подъезде к станции, на экипаж мирного старого майора нападает партия черкесов, завязывают ему глаза и рот, берут в плен и связанного мчат в горы. Пленник, окруженный толпою горцев, громко говорящих на своем

варварском наречии, предался горькому жребию и был ни жив, ни мертв. Наконец он чувствует, что находится подле огня, который несколько его согревает, а шум и спор между похитителями продолжаются. «Вероятно, - думает бедный старик, - они делят меня и спорят о праве владеть мною...». Но вдруг с него снимают повязку и, к удивлению майора, ему представляется кабинет Засса и он сам, довольный, смеющийся генерал среди казаков. Майор рассердился на злую шутку, плевался, бранился самыми отборными словами и едва было не рассорился со своим другом, который только и умиловил своего разгневанного земляка-курляндца, что если б, чего Боже сохрани, подобная беда разразилась над майором в самом деле, то дружба заставила бы непременно освободить его из плена. Вкусно приготовленный гусь помирил друзей, однако майор долго прохворал - от душевных тревог или от несварения желудка - неизвестно.

В тридцатых годах проживал на Кавказе отставной полковник, некто А-ни, родом рагузинец, долго служивший в Черногории. Этот человек был замечателен тем, что очень

счастливого играл во все игры в карты. По недоверию к нему играющих, когда приходила очередь сдавать ему карты, то он надевал на руки перчатки. Игрою в карты и разными пари он составил себе очень недурное состояние. Много денег он выиграл, держа самые сумасбродные пари. Так, он раз держал заклад, что проведет целый год на лошади, отдыхая только пять часов в сутки, - и выиграл. В другой раз он держал пари, что взойдет на крутую гору, делая три шага вперед и два назад, - и тоже выиграл. Он бился на заклад в несколько тысяч, что, привязанный к двум лошадям, он проскачет известное расстояние вскачь, рискуя быть разорванным во всякую минуту, - и тоже выиграл. Он держал пари в Таганроге с известным богачом А-ки, что в течение полугода будет питаться маслинами и корнем салепы, первых съедая полфунта, а второго пять золотников, и тоже остался с выигрышем...

*Булгаков Константин Александрович
(1812-1862)*

В тридцатых годах в гвардии служил блестящий офицер Константин Александрович Булгаков[35], большой повеса и остряк, кото-

рого великий князь Михаил Павлович называл «enfant terrible»[36]. Фарсы Булгакова почти ежедневно рассказывали все в городе, разумеется, люди военного общества. Вот несколько проказ Булгакова. Раз, после попойки, он возвращался пешком с двумя приятелями из гостей ночью по Петербургской стороне. В числе его приятелей был известный силач артиллерист Чагин. Вдруг увидели они круглую будку будочника со спавшим в ней часовым, отложившим в сторону свою алебарду. Им пришло в голову, в особенности Булгакову, своротить будку на землю, но так, чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. При помощи такого силача, каков был Чагин, им это удалось. Бедный будочник в этой могиле поднял страшный крик, разбудивший всех окрестных дворников, поднявших будку и освободивших полумертвого часового. И только дядя Булгакова[37] упробер-полицмейстера замять эту историю, кончившуюся смехом.

Из числа анекдотов о Булгаковских повесничествах известен следующий. Император Николай Павлович, заметив, что офицеры

стали носить сюртуки до того короткие, что они имели вид каких-то камзольчиков, обратил на это внимание великого князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу был отдан приказ с определением длины пол сюртуков, причем за норму был принят высокий рост. Военные портные тотчас же смекнули ошибку в приказе и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорциональной росту заказчика. Но шутник Булгаков, рост которого был гораздо ниже среднего, потребовал от своего портного сюртука точь-в-точь с полами именно той длины, какая определялась приказом, почему полы его сюртука покрывали ему икры и он был карикатурен до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смех не только знакомых, но и незнакомых офицеров. Едва успел он раза два пройтись в таком виде среди гуляющей публики по тротуару Невского проспекта, как попался навстречу великому князю[38], который, увидев его в таком шутовском наряде, воскликнул: «Что это за юбка на тебе, Булгаков? На гауптвахту, на гауптвахту, голубчик! Я шутить не люблю». - «Ваше высочество, я одет как нель-

зя более по форме и наказания, ей Богу, не заслуживаю, - возразил почтительно Булгаков, держа пальцы правой руки у шляпы, надетой по форме. - Я одет согласно приказу по гвардейскому корпусу. И вот доказательство!» При этом он вынул из кармана пресловутый приказ и подал великому князю. Его высочество, прочитав приказ, засмеялся, назвав Булгакова шутком гороховым, и приказал ему вместо гауптвахты тотчас же ехать к корпусному командиру, чтобы тот немедленно сделал дополнение к приказу с обозначением трех видов роста.

В другой раз Булгаков, куда-то торопившийся, забыл вдеть в португезию шпагу и шел по улицам без шпаги. На беду его встретил великий князь. «Офицер расстаётся с своею шпагой или саблей только в двух случаях: в гробу и под арестом! - воскликнул он. - В гроб тебя я не положу, а на гауптвахту посажу, но прежде отправления на гауптвахту в Чекушу, я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру и полковым командирам всей гвардии. Садись ко мне в коляску». Булгаков сел в коляску великого князя. Тот при-

вез его в Михайловский дворец и, сказав, - «ты мой арестант», - оставил его в своем кабинете, а сам вышел в приемный зал, где его уже ожидали полковые командиры, ежедневно являвшиеся перед разводом. Великий князь долго говорил им о распущенности гвардейских офицеров и в подтверждение своих слов обещался показать одного такого. Говоря это, он отворил дверь своего кабинета и позвал Булгакова, который смело выступил для осмотра. «Любуйтесь, любуйтесь вашим офицером», - сказал великий князь полковому командиру Московского полка, где служил Булгаков. Генерал, осматривая провинившегося офицера со всех сторон и во всех подробностях, не усмотрел провинности в амуниции.

- Ну, видел, каков молодец? На месяц на гауптвахту!

- Ваше высочество, - возразил полковой командир, - я не нашел в нём никакой ошибки.

- Ты и не мог найти того, чего нет! - вскричал великий князь. - А где же его шпага?

- Шпага на своем месте, - отвечал началь-

ник Булгакова.

И, действительно, Булгаков был при шпаге. Великий князь назвал его новым Пинети, приказал командиру возвратить шпагу тому офицеру, которого арестовал вчера, но оставил его шпагу в кабинете у себя, позабыв отослать её к коменданту.

– А всё-таки пусть Пинети отправится на гауптвахту на Сенную, и я, может быть, постараюсь переиграть этого фокусника...

На другой день Булгаков отбыл свое дежурство как нельзя более счастливо. Но, однако, спустя некоторое время Булгакову снова пришлось быть в дежурстве на той же гауптвахте. День пришелся как раз в именины Булгакова, и вот, зная, что великий князь в Павловске, Булгаков устроил такой фестиваль, что перепоил всех, включая солдат и арестованных. Ночью возвращаясь из Павловска, великий князь заехал на Сенную, где нашёл всех полупьяными и спящих. За отсутствием часового у барабана, он распорядился своему лакею взять барабан и отвезти его в Павловск. На следующее утро в Московском полку получается приказ, чтобы к 12-ти часам полк был

на полковом дворе в сборе. Булгаков, проспавшись, понял, какое ожидает его наказание. Он призывает к себе одного из рядовых, у которого на дежурстве пропал барабан. Рядовой во всём полку пользовался репутацией отъявленного вора. Булгаков обещал ему 25 руб. награды, ежели до смотра барабан будет, а если нет, то его ждет строгое наказание. Часа через два рядовой имел двадцатипятирублёвую бумажку, поскольку ловко украл барабан в Гвардейской артиллерийской батарее. При осмотре рота была с барабаном. Изумлённый великий князь потребовал объяснения у Булгакова, который, принимая вину на себя, объяснил, как было дело. В другой раз великий князь встретил кутящего в компании в ресторане Булгакова в сюртуке за несколько вёрст от лагеря. «Как ты здесь, Булгаков, ведь ты в лагере дежурный по полку! Хорош гусь, хорош!» И вслед затем он крикнул кучеру: «В лагерь, живо, к Московскому полку!»

Коляска быстро донесла великого князя до лагеря, гневный великий князь крикнул: «Дежурные по полкам сюда!» - Мигом все дежурные в форме собрались к великому князю, но

в числе их был и Булгаков. Великий князь глазам своим не верил и, вышедши из коляски, отозвал Булгакова в сторону и сказал ему: «Даю тебе, Булгаков, слово, что тебе ничего не будет за твою неисправность, скажи мне только, каким образом ты здесь в одно время со мною?» - «Самым простым образом, ваше высочество, - отвечал Булгаков, - вы сами меня привезти изволили в вашей коляске, только на запятках».

Существовал и другой вариант такого же случая с Булгаковым. Однажды его высочество был в театре и, к его удивлению, Булгаков сидел напротив в ложе, хотя по распоряжению великого князя должен был сидеть на арсенальной гауптвахте под арестом. Великий князь выходит из театра и едет на гауптвахту. Булгаков опять в караульной. Его высочество возвращается в театр и снова Булгаков напротив него в ложе. Великий князь вторично едет на гауптвахту и опять застаёт Булгакова спокойно сидящего под арестом. Удивленный этим, великий князь спрашивает Булгакова: «Я тебя прошу, скажи, как ты это сделал?» - «Очень просто, ваше высочество, я

всякий раз ехал у вас на запятках». В другой раз великий князь встречает его на Невском. Булгаков делает ему фронт. Великий князь замечает, что тот одет не в порядке. Он сажает его к себе в сани, но тут же отталкивает его и уезжает. «Ну, что?» - спрашивает его товарищ. «Его высочество лично хотел посадить меня под арест и приказал сесть к нему в сани, а я нечаянно наступил ему на мозоль. Он меня выбранил, а я ему в ответ: имею счастье доложить вашему императорскому высочеству, что надо мной оправдалась пословица: «не в свои сани не садись». Его высочество рассмеялся и оттолкнул меня».

Великий князь Михаил Павлович (1798-1849)

Михаила Павловича немало забавляла находчивость этого офицера.

Однажды Михаил Павлович встречает Булгакова у Аничкина моста. На этот раз его высочество видит, что Булгаков в полной форме с головы до ног. «Ваше высочество, - говорит он, подойдя к нему, - осмелюсь просить ока-

зять мне великую милость: дозволейте пройти с вами по Невскому». - «Для чего тебе это нужно?» - спрашивает его великий князь. «Чтобы

поднять мой кредит, который сильно упал». Великий князь дозволил ему дойти с ним до Казанского моста.

В двадцатых годах особенным повесничеством отличались армейские гусары. Изящная внешность мундира, щедрость, лихость и беззаветная удаль были отличительными их признаками; жизнь кавалеристов тех годов текла, как веселый пир. Удаль гусарская по сейчас слывет чуть не пословицей. Вероятно, не безызвестен читателям факт, как один молодой офицер побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу - и выиграл пари. По рассказам современников, гусары в Варшаве устраивали на улицах целые облавы на женщин, оставляя более красивых в плену; в евреев, приходивших за получением долгов, стреляли, только не пулями, а солью; по узким мостовым носились в карьер на четвернях, сокрушая все попадавшееся на пути. Для развлечения в театр привозили с собой громадные астрономические трубы и в них рассматривали дам. Известный эксцентрик гусар Лунин[39] иначе не выходил гулять в Виляновский парк, как в сопровождении большо-

го ручного медведя. В результате, владетельница парка приказывала запира́ть все окна и двери при виде косматого гостя на прогулках.

Изобретательность гусар достигла однажды до того, что они устроили бал в одном из губернских городов в квартире командира полка и пригласили весь город. Чтобы избавиться от ревнивых взоров маменек, папенок и тетушек, а также, чтобы иметь более свободного пространства для танцев, придумано было следующее. Когда гости съехались, и ма-маши чинно расселись с ридикюлями в руках по длинным, обтянутым сукном скамьям с платформами, раздались страшный визг и крики: десяток дюжин гусар вздернули на блоках всех маменек на платформах к потолку, где они оставались все время бала и только а vol d'oiseau[40] могли наблюдать за танцующими. В старые годы не только что юный корнет проказничал, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже в генеральских чинах.

ГЛАВА IV

**Эксцентричности князя В-ского.
Странности графа А. Х. Бенкендорфа.
Замечательная рассеянность графа А. Ф. Ланжерона и графа Ф. А. Остермана. Оригинал П. Б. Козловский.**

Из оригиналов двадцатых годов в Петербурге был довольно известен вельможа екатерининских времен, князь В[олконск]ий, генерал-аншеф[41], отличавшийся различными эксцентричностями, которые, впрочем, не мешали ему быть всеми любимым за его доброту и ум. Князя можно было встретить во всякую пору года разъезжавшим по Петербургу с обнаженной седою, как лунь, головою. Высокий лакей в военной ливрее, стоявший на запятках, держал торжественно над ним генеральскую шляпу с огромным белым султаном. Сам же князь почти всегда имел в руке калач, морковь или яблоко, которые изволил жевать во время езды в открытой коляске, за-

пряженной шестернею с двумя форейторами, предлинноногими парнями, тогда как горбатый кучер-карлик с подвязанною черною широчайшею бородою сидел на козлах и покривал на форейторов.

У В[олконско]го была одна загадочная привычка, всеми замеченная. Каждое утро, ровно в 11 часов, на Невском появлялась его коляска, в которой сидел один князь. Поравнявшись с собором, коляска поворачивала налево и, подъехав под колоннаду, которая выходит на Казанскую улицу, останавливалась. Там генерал выходил и на некоторое время скрывался за экипажем. Проходящие по улице обходили колоннаду. Затем князь садился в коляску и уезжал обратно. Это случалось каждый день, час в час, минута в минуту.

Волконский Григорий Семенович (1742-1824)

Этот князь, будучи андреевским кавалером с времен императора Павла I[42], так любил этот орден, что носил его звезду не только на мундире, но и на шубе, халате, ватном

сюртуке, надеваемом на случай холода. Князь очень любил быть на воздухе, несмотря ни на какую непогоду, и он обедал, ужинал и проводил большую часть дня у себя в саду. Посе-

щавшим его гостям тоже нередко приходилось делить с ним там часы, и когда гости видимо зябли, он приказывал подавать свои теплые плащи, сюртуки, халаты с нашитыми звездами. Таким образом, все его озябшие гости на время превращались в импровизированных андреевских кавалеров.

В числе лиц, отличавшихся чрезвычайно рассеянностью, известен отец графа А. Х. Бенкендорфа[43], один из самых близких людей при дворе Павла Петровича и Марии Федоровны. Однажды он был у кого-то на балу. Бал закончился довольно поздно, гости разъехались. Остались друг перед другом только хозяин и Бенкендорф. Разговор не вязался, оба хотели отдохнуть и спать. Хозяин, видя, что гость его не уезжает, предлагает, не пойти ли им в кабинет, Бенкендорф, поморщившись, отвечает: «Пожалуй, пойдём». В кабинете было им не легче: по своему положению в обществе Бенкендорф пользовался большим уважением, так что хозяину нельзя было сказать ему напрямик, что пора ехать домой.

Прошло ещё несколько времени, наконец, хозяин решился ему заметить:

– Может быть, экипаж ваш ещё не приехал, не прикажете ли, я велю заложить вам свою карету?

– Как вашу карету? Да я хотел предложить вам свою!

Дело объяснилось. Оказалось, что Бенкендорф воображал, что он у себя дома, и сердился на хозяина, который у него так долго засиделся.

Бенкендорф был до того рассеян, что раз, проезжая какой-то город, зашёл на почту узнать, нет ли там писем на его имя. «А как ваша фамилия?» - спрашивает его почтмейстер. «Моя фамилия...», - повторяет он несколько раз и никак её не может вспомнить, с тем и уходит из почтамта. На улице он встречает знакомого, у которого спрашивает, как его фамилия, и, узнав, тотчас же бежит на почту.

В последние годы своей жизни, проживая в гор. Риге, ежегодно в день тезоименитства и день рождения императрицы Марии Федоровны он писал ей поздравительные письма. Но он был чрезвычайно ленив на письма и, несмотря на верноподданнические чувства,

очень тяготился этою обязанностью, поэтому, когда подходили сроки, мысль написать письмо беспокоила и смущала его. Он часто говаривал: «Нет, лучше сам отправлюсь в Петербург с поздравлением. Это будет легче и скорее».

Известный одесский военный генерал-губернатор граф Ланжерон[44] также был чрезвычайно рассеян и часто от рассеянности мыслил вслух в присутствии других, что нередко делало его очень смешным и подавало повод к разным анекдотам и комическим сценам.

Граф Ланжерон по происхождению был француз. Вступив на службу при Екатерине в 1785 году прямо в чине полковника, он вскоре успел в наших войсках стяжать славу храброго и распорядительного офицера. Он участвовал почти во всех наших войнах при императрице и двух императорах и в течение многолетней своей боевой службы и девятнадцати сделанных им походов заслужил все знаки отличия, а, кроме того, много сделал в мирное время в бытность свою градоначальником Одессы.

Ланжерон Александр Федорович (1763-1831)

Раз у него был обед, на котором было несколько иностранных негодциантов. За обедом он выхвалял удовольствия одесской жизни и, указывая на негодциантов, сказал, что с такими образованными людьми можно приятно провести время. На беду его, в то время был он особенно озадачен просьбою о прибавке ему столовых денег. «А не дадут мне прибавки, я этим господам, - стал он мыслить вслух - и этого не дам!» При этих словах схватил с тарелки своей косточку, оставшуюся от котлетки.

Кто-то застал его в кабинете - он сидел с пером в руках и писал отрывисто, с размахом, и после подобного размаха повторял на своем ломаном русском языке: «Нье будет, нье будет». Что же оказалось? Он пробовал, как бы подписывал фельдмаршал граф Ланжерон, если бы его пожаловали в это звание, и вместе с тем чувствовал, что никогда фельдмаршалом ему не бывать.

В другой раз, чуть ли не в заседании какого-то военного совета, заметил он собачку под столом, вокруг которого сидели присутствующие члены. Сначала, он неприметно для дру-

гих стал пальцами призывать её к себе, затем, когда она подошла, стал ласкать и вдруг, причмокивая, обратился к ней с ласковыми словами. Все эти выходки Ланжерона не сердили, а только забавляли и смешили зрителей и слушателей, которые уважали в нем хорошего и храброго генерала. В турецкую войну, в армии, известно сказанное им во время сражения подчиненному, который неловко исполнил данное ему приказание: «Вы пороку нье боитесь, но за то вы его нье видумали».

Ланжерон был умный и довольно деятельный генерал, но ужасно не любил заниматься канцелярскими бумагами: от них он прятался или скрывался из дому, выходя по черной лестнице, пропадая из дому на несколько часов. Во время турецкой войны молодой Каменский у него в палатке объяснял планы будущих военных действий. Как нарочно на столе лежал французский журнал. Ланжерон машинально раскрыл его и попал на шараду. Продолжая слушать положение военных действий, он занялся разгадыванием шарады. Можно представить себе удивление Каменского, когда вдруг, перебивая его, Ланжерон

вскрикнул: «Что за глупость!» Вскоре дело объяснилось: восклицание относилось не к его докладу, а к глупой шараде, которую разгадал его начальник.

Во время своего начальства в Одессе Ланжерон был почему-то недоволен купцами и собрал их к себе, чтобы сделать им выговор. «Какой ви негоцъянт, ви маркитант, - начал он свою речь, - какой ви купец, ви овец», - и движением руки своей выразил козлиную бороду.

В приезд Александра I в Одессу, как рассказывал князь [П. А.] Вяземский, был приготовлен для него дом, занимаемый Ланжероном. Он встретил государя, проводил его до кабинета а после разговора, продолжавшегося несколько минут, откланялся, вышел и по привычке запер дверь на ключ. Государь оставался несколько времени взаперти, но, наконец, постучал и его освободили из заточения. Тогда же, встречая государя, он хотел представить его величеству рапорт о благосостоянии вверенного ему края, долго искал его в своих карманах и, не найдя, сказал: «Право, не знаю, государь, куда положил мой рапорт».

Император улыбнулся и пожал руку покорителю Монмартра.

Граф Ланжерон, столько раз выдавший смерть перед собою во многих сражениях, не остался равнодушным перед холерою. Он был так поражен мыслью, что умрет от неё, что, ещё пользуясь полным здоровьем, написал духовное завещание, начинающееся словами: «умирая от холеры» и пр. Предчувствия его не обманули: уже в отставке, прибыв в Петербург в 1831 году, он внезапно заболел и скончался также скоропостижно 4 июля. Его останки император Николай I приказал похоронить в католической церкви в Одессе.

Необыкновенною рассеянностью славился также граф Федор Андреевич Остерман[45]. Она особенно одолевала его под старость, так что, садясь в кресла, он часто кричал, чтобы везли его в сенат; вместо своей ноги чесал за обеденным столом ногу у соседа и плевал в его тарелку; выходил на улицу из кареты и более часа неподвижно стоял подле какого-либо дома, уверяя лакея, что он ещё не кончил своего занятия, между тем как дождь лил с крыши; являлся иногда в гости в таком на-

ряде, что приводил в стыд прекрасный пол, вступал с хозяином в ученый разговор и, не окончив, мгновенно засыпал. Остерман очень любил науки и вел переписку на латинском языке с митрополитом Платоном, у которого в старости учился богословию. Рассеянность его была просто изумительна. Однажды шел он по паркету, по которому было разостлано посредине полотно: он принял его за свой выпавший носовой платок и начал совать его в карман. Только общий хохот присутствующих дал ему опомниться. В другой раз приехал он к кому-то на большой званый обед. Перед тем как войти в гостиную, зашел он в уединенную комнатку. Там оставил он свою шляпу, вместо нее прихватил деревянную крышку и, держа её под мышкою, явился в гостиную, где уже собралось все общество.

Остерман Федор Андреевич (1723-1804)

Граф Остерман, несмотря на свою безмерную доброту, иногда умел быть и злопамятным. Думая, что граф Кутайсов[46] был его врагом в царствование императора Павла I,

он его не принял, когда тот сделал ему визит, проживая в Москве в царствование Александра, но тотчас же после непринятого визи-

та прислал ему свою карточку. После того Остерман продолжал в большие праздники посылать ему ответные визитные карточки. Остерман жил очень открыто, и каждое воскресенье у него были обеды на пятьдесят и более кувертов. Раз кто-то, разговаривая с Кутайсовым о его странном платеже визитов Остерману, выразил удивление, что граф сам не поедет когда-нибудь в воскресенье обедать к гордому барину? «Ну, как я поеду? Остерман никогда не зовет меня». - «Э, ничего, - отвечал тот, - никто не получает приглашений на его воскресные обеды, и все к нему ездят. У него дом открытый». Думал, думал Кутайсов и поехал к Остерману перед самым обедом. В гостиной Остермана тогда уже сидели все тузы и вся сила Москвы. Кутайсов вошел. Остерман, как увидел незваного гостя, тотчас с приветствиями пошел навстречу к нему, усадил его на диван и, разговаривая с ним, через слово величал «ваше сиятельство, ваше сиятельство...» Долго ждали обеда. Наконец камердинер доложил, что кушанье готово. «Ваше сиятельство, - сказал Остерман Кутайсову, - извините, что я должен оставить вас: теперь я от-

правляюсь с друзьями моими обедать». И, приветливо обращаясь к другим гостям, проговорил: «Милости просим!» Граф Кутайсов остался один в гостиной. Он не помнил, что с ним было и как его привезли домой.

Отец этого Остермана, известный дипломат[47] отличался тоже большими странностями и необыкновенной неряшливостью. Комнаты его были постоянно не прибраны и грязны, прислуга ходила в лохмотьях; серебряная посуда, которую он каждый день употреблял, походила на оловянную, и только в торжественные дни был у него порядочный обед. Одежда графа, особенно под старость, так была замарана, что поселяла во всех отвращение.

Таковыми же странностями страдал и другой дипломат александровской эпохи, князь Козловский[48], внук того человека, которого Екатерина отправила к Вольтеру, как образец русского просвещения и русской вежливости.

Козловский Петр Борисович (1783-1840)

Князь Козловский признан был в обществе

одним из умнейших людей своего времени, разговор его был исполнен разнообразия, огня и красноречия. Князь был в милости у императора Александра I, которого забавлял своими остроумными выходками. После венского конгресса Козловский занимал место рус-

ского посланника при штуттгардском дворе, позднее провел он довольно много времени в Англии. В этой стране он был предметом разных карикатур. Эти карикатуры, впрочем, относились более до его физического сложения и необыкновенного дородства. Так, например, в одной из них он был представлен танцующим с княгиней Ливен[49], которая была очень худощава. Под карикатурою была надпись: долготя и широта России. Вигель про него говорит: он всегда смеялся и смешил, имел однако же искусство не давать себя осмеивать. Несмотря на своё обжорство и умышленный цинизм в наряде, которым прикрывал он бедность или скупость, Козловский блистал остроумием во всех салонах избранного петербургского общества. Жуковский и князь Вяземский часто навещали его и заставляли то в ванной, то на кровати. Несмотря на участие в его недугах, нельзя было без смеха видеть барахтавшуюся в воде эту огромную человеческую массу. «Пред нами, - говорит Вяземский, - копошился морской тюлень допотопного размера».

Доходившее до цинизма нерящество обста-

новки его комнаты было изумительно. Тут уже не было ни малейшего следа, ни тени англо-мании. Он лежал в затасканном и засаленном халате; из распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь. Стол был завален головными щетками, окурками сигар, обедками кушаний, газетами. Стояли склянки с разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разного питья. В нелицемерной простоте виднелась здесь и там посуда вовсе не столовая, и мебель вовсе не салонная. В таком беспорядке принимал он и дам и ещё каких дам, самых высокороденных и самых изящных. Все это забывалось и исчезало при первом слове чародея, когда он в живой и остроумной беседе расточал сокровища своих воспоминаний и наблюдений.

ГЛАВА V

Давьяк. Чудачества Андрея Борисовича. Живой скелет. Таланты моряка И. П. Бунина. Оригинал И. А. К[ремповск]ий. Поэт-эксцентрик А. Ф. Кропотов. Золотопромышленник Н-ов и его банкеты.

В Москве, в тридцатых годах, проживал восточный человек не то армянин, не то перекрещенный персиянин, по имени Давьяк, по профессии колдун, предсказатель и алхимик. В его квартире можно было найти все атрибуты средневекового волшебника и астролога. В полумрачной комнате с очагом в середине сидела на печке сова, был и ручной ворон, черный кот и другие аксессуары колдунов и ведьм. Несомненно, что Давьяк был большой шарлатан, но интересны были его посетители, ездившие к нему, чтобы узнать свою будущую судьбу и секрет делать золото и драгоценные камни.

Одним из самых ревностных посетителей

этого кудесника был некто Андрей Борисович, некогда очень богатый барин, масон-филантроп, у которого от прошлых времен осталось только знатное имя, важный чин, многочисленная богатая родня, но очень мало денежных средств, чтобы расточать их по-прежнему вправо и влево с барской щедростью. Главной целью Андрея Борисовича было стремление на пользу страждущего и бедствующего человечества. Мистик от рождения, он более всего вдавался в месмеризм, в переселение душ. Его библиотека была полна книгами, в которых говорилось о таинствах природы. Сведенборг и Эккертсгаузен были его любимыми авторами. Он с трудолюбием пчелы высасывал все, что только было заманчивого его воображению и недоступного простому человеческому смыслу. Дитя сердцем, он постоянно окружал себя детьми и бегал от взрослого человечества; только одних детей он считал честными и благородными, хотя эти «честные» усердно обкрадывали его сад и оранжереи.

Заботливость его о детях была очень оригинальна. Он был крестным отцом всей своей

деревни и давал своим крестникам такие мудреные для крестьян имена, что последние так и умирали, не умея правильно затвердить своего названия. У него был крестный сын то Фусик, то Садик, то Тихик, то Зотик, то Капик, то Псой, то Дада, то Кукша, то Пуд. Крестницы его именовались: Стадулиями, Праскудиями, Кикилиями, Пуплиями. «Ишь имена какие выбирал наш барин, - говорили крестьяне. - Ум за разум у него зашел, не знаем, когда и праздновать их именины». Барин торжественно разрешал их сомнения. «Как, бишь, твоего сынишку-то зовут?» - спрашивал он, бывало, пришедшего. «Да Кукшею ваше сиятельство его именовали», - отвечал крестьянин, тоскливо махнув рукой. «Празднуется 21-го августа. А твоего?» - обращался барин к пришедшей бабе. «Уж и не выговоришь, бабушка! Сиглия, кажется». «Сиглии нет, - отвечал бывало барин. - Сиглителия - такая есть. Празднуется января 5, октября 24». - «В какое же число праздновать прикажете, ваше сиятельство?» - «А когда родилась Сиглителия?» - «Да в самой серединке. Месяцы-то мы плохо помним...» - «Ну, так 5-го января праздновать

надо». - «С панталыку спятил наш барин», - говорили крестьяне. И, действительно, добрый к своим крестьянам, попечительный и заботливый, он последние годы стал сходить с ума.

Он завел у себя на дому школу для своих крестников и крестниц, но вместо того, чтобы учить их грамоте, приказал затверживать параграфы масонской логи, к которой он сам принадлежал, строго наблюдая, чтобы эти параграфы были твердо заучены. Барин хотел всех своих крестьян сделать масонами и образовать их верными сынами отечества. Наставления его не были многочисленны и ограничивались всего тремя параграфами. Под конец он даже впал в галлюцинацию: ему стали представляться отжившие души, с которыми он будто бы беседовал и прозревал будущее; а то мысли его бродили в подземном пространстве, и ему виделись гномы, над которыми он воображал себя властелином.

На гномах, созданных каббалистами, и сосредоточились все его любимые мечтания и надежды. Когда строилась московская железная дорога, он подавал прошение генералу Клейнмихелю[50], предлагая ему сотрудничать

ство своих подчиненных гномов, уверяя своим честным словом, что эта сволочь, которая разрабатывает подземные жилы благородных металлов и бронзовых руд, будет гораздо полезнее всех инженеров и землекопов в мире. Он так часто подавал Клейнмихелю прошения, что его даже формально просили не предлагать более своих услуг. Разумеется, на такой ответ он сильно негодовал и каждому из своих знакомых, встречая, жаловался: «Вообразите, мне отказали, я бы с ними кончил дорогу менее, чем в год. Вообразите, на этой неделе они в моей спальне праздновали свадьбу. Вообразите, вернулся я от Давьяка усталый и лег. Вдруг слышу шорох у моей постели. Открываю глаза и вижу, что к моему матрасу маленькие существа приставляют лестницу. «Что вам нужно?» - вскрикнул я в изумлении. «К вам с покорнейшею просьбою: позвольте нам сыграть у вас свадьбу, в вашей спальне». - «Как это можно? - возразил я. - У нас есть другие комнаты». - «Нам их не надо, - отвечал один. - Необходимо только одно ваше присутствие». Нечего было делать, я согласился. Вижу, через несколько минут вся моя

спальня осветилась, из всех щелей вылезли маленькие уродцы, все одежды их блистали золотом, брильянтами, изумрудами. Вдруг явились столы, сервизы и пошел пир. Мысли мои мешались, я начал дремать под их музыку, как слышу, что кто-то ползет ко мне на кровать. То был гном. Он тащил с собою три огромных мешка с брильянтами, рубинами и изумрудами. С просьбою принять их в знак благодарности он сунул их ко мне под подушку. Я почувствовал, как голова моя высоко поднялась от этих мешков. «Только берите завтра их левою рукою, ваше сиятельство», - добавил мне гном - и скрылся. «А на утро нашли вы ваше сокровище?» - спрашивали барина. «Нет. Вообразите, я полез под подушку правою рукой, позабыв главное условие...»

Андрей Борисович под конец занялся составлением жизненного элексира, благодаря которому хотел прожить Мафусаиловы годы. Он был убежден, что молодеет, принимая какую-то вонючую жидкость, даже начал танцевать, желая показать, что молодость к нему возвращается, и даже собирался жениться. Он умер, говоря, что им найден секрет бессмер-

тия.

Лет сорок назад в Гостином дворе и по Апраксиному по линиям бродил худой старик из отставных чиновников, по рассказам занимавший некогда довольно видное место в служебной иерархии, но за какие-то проступки принужденный покинуть службу. Эта личность имела одну замечательную физиологическую способность: он мог по неделям и более ничего не есть, а также употреблял непременно пищу испортившуюся, прокислую и с запахом. Купцы для него нарочно гноили мясо и пироги, которые давали ему, и он все это истреблял у них на глазах; нередко ему предлагали по полусотне протухлых яиц, которые он съедал не поморщась, даже со скорлупой. Этот субъект однажды был найден на улице умирающим и был страшно худ, видимо, от голода. Подобные приключения, кажется, нельзя отнести к довольно редким, но в данном случае этот отставной чиновник до того исхудал от ненормальной пищи, что тело его уподобилось скелету и, казалось, создано было лишь для анатомических занятий. Он решил воспользоваться этим, как средством для

существования, и в своем углу начал за известную плату показывать свой «живой скелет».

Спекуляция удалась гораздо лучше, чем можно было ожидать. Привлечены были не только любопытные купцы: даже доктора приходили исследовать этот живой костяной остров. Спустя несколько лет у него было достаточно средств, чтобы удовлетворить свой голод, но, увы, благословение обратилось ему в проклятие. Чем больше он ел, тем становился жирнее, пока, наконец, принужден был прекратить свою обсервацию, а так как в сытые дни он ничего не скопил, то и принужден был возвратиться к старому ремеслу уличного нищего. На этом поприще его и унесла смерть.

В тридцатых годах текущего столетия в петербургском высшем обществе был известен офицер-морьяк Б[уни]н[51], красавец собой, очень образованный, владевший свободно несколькими языками. Это был, что называется «душа общества»: он имел, кажется, все весёлые таланты, был забавный рассказчик, прекрасный музыкант на нескольких инстру-

ментах, комический актёр, редкий чревовещатель, очень искусно подражавший пению многих птиц, жужжанью пчелы, мухи, лаю собак, мяуканью кошки и проч. Где бы он ни появлялся, его неистощимая весёлость и таланты вносили всеобщий смех и веселье. Пел он превосходно как романсы, так и комические куплеты, ловко подражая немцам, евреям, англичанам; особенно хорош он был в роли пьяного англичанина. Все свои песни и рассказы он исполнял с художественной мимикой. Его густые черные волосы на голове отличались необыкновенной подвижностью и сползали, как парик, на лоб и на бока, стоило их только тронуть. Он мог свободно шевелить и своими ушами. В кругу своих приятелей он устроил тайное «Общество кавалеров пробки», все члены которого носили пробку в петлице сюртука. Заседания этого веселого общества происходили в доме известного богача Н[арышки]на[52], жившего в своем роскошном палаццо вблизи Исаакиевского собора. Члены этого общества садились между дам и пели известную застольную песню: «Поклонись сосед соседу, сосед любит пить»

вино, обними сосед соседа, сосед любит пить вино». После каждого припева по уставу исполнялось пропетое. Автор этой песни был Б[уни]н, и он же был гроссмейстер общества. В то время у разгулявшихся господ часто практиковалось под конец попойки хоронить мертвецки напившихся, и режиссером таких импровизированных похорон был всегда Б[уни]н, который костюмировал всех и учреждал кортеж. Опьяневшего до бесчувствия несли со свечами, с пением, все серьезные, и хоронили летом в сене, а зимою в сугробе снега. Б[уни]н впоследствии долго жил в Сибири, и по возвращении умер в Петербурге чуть ли не девяностолетним стариком в большой бедности. Любимой его страстью было в последние годы читать Библию и Иоанна Златоуста, которого он знал чуть ли не наизусть. Родная сестра его[53] отличалась поэтическим талантом и писала стихи.

В описываемые годы в Петербурге славился умом и отличной способностью писать превосходным слогом бумаги, в особенности проекты, некто К[ремповск]ий[54], человек небольшого роста, приземистый, толстень-

кий, рябой, с чрезвычайно узким лбом и блестящими карими глазами. Он был сын сельского священника и долго служил в канцелярии начальника Главного Штаба, где в самое короткое время, благодаря своим замечательным талантам, достиг чина действительного статского советника, но вскоре был уволен в отставку и над ним учредили опеку. Он жил на Петербургской стороне в своем богатом доме. К нему нередко езживали за советами министры и значительные сановники, как, например, Е. Ф. Канкрин, А. И. Татищев, А. А. Аракчеев, баронет Виллие и многие другие. Он имел значительное состояние, хорошие экипажи, лошадей, но сам ходил всегда пешком, более чем в нищенском наряде. Под байковым сюртуком он надевал все свои ордена и вдобавок на груди носил нарамник еврейского первосвященника, называемый эфудом, с двенадцатью драгоценными камнями, которые символически изображали двенадцать колен Израиля. В его кабинете стены были окрашены в семь цветов, также и все вещи в его комнате были в количестве семи штук: семь свечей, семь стульев, семь столов и т. д.

Он имел прислугою одну женщину-экономку, которая на него имела большое влияние и вмешивалась во все его дела, даже по службе, что, как говорили тогда, и послужило к выходу его из Штаба. Он умер в конце тридцатых годов и в духовном своем завещании назначил похоронить себя в гробе с изображением на нем двенадцати крестов. Несомненно, что он принадлежал к числу каких-то сектантов.

Между нашими моряками в начале текущего столетия был известен большой остряк и поэт, некто Кр[опот]ов[55]. Выпущен он был из Морского корпуса ещё в 1796 году. Он бойко владел стихом, но имел несчастную страсть придерживаться чарочки; эта-то страсть и сгубила его. Прослужив до 1805 года во флоте, он вследствие неодобрительной аттестации своего командира был отставлен от службы с тем же чином. Положение его в отставке было самое печальное: не имея никаких средств и по милости своего аттестата он даже не мог получить никакого частного места. И вот в этом-то бедственном состоянии он начал подавать прошения всем тогдашним министрам. Прощения были настолько

оригинальны и курьезны, что списки с них в свое время ходили до рук. Вот извлечения из некоторых писанных им к высокопоставленным лицам прошений. Так, к министру юстиции князю Лопухину он писал: «Светлейший князь! Тебе Фемида вручила весы свои, яко мудрому патриоту, взвешивающему тяжесть истины. Прикинь на чашу правосудия хотя золотника три твоего внимания к бедственной моей участи и исторгни жребий мой из урны злополучия» и т. д. К министру внутренних дел Козодавлеву он писал: «Если бы взяли на себя труд анатомировать и раскрыть порученную в ведомство ваше внутренность, сколько бы вы нашли в недрах её испорченных сильною несправедливостью кишок! Вы бы увидели, что мой тощий желудок трое суток страдает спазмами. Сколько бы вы нашли поврежденных нервов в порученной вам внутренности, служащей для варения всеобщего благоденствия, но угнетение остановило в них кровь патриотического усердия. Я уверен, что ваше превосходительство пришлете мне спасительную микстуру». Взывал он и к министру народного просвеще-

ния Завадовскому: «Тебе премудрая Минерва вручила факел просвещения, дабы посредством оногo невежество наше преобращал ты в пепел и озарял истинные таланты, в которых у меня, грешного, крайняя недоимка. Воспитывался я в Морском корпусе, учили меня всему и, не хочу обманывать, чтобы я чего не понял, но такое множество приобретенных мною наук при настоящих обстоятельствах столько же делают мне пользы, сколько голодному запах жареной говядины. Я всем систематически доказываю, что мне надобно дать место, надобно дать пропитание. Мне философски отвечают: «Подожди до завтра!» Я посредством математических истин, для убеждения бессовестного нашего откупщика в просьбе моей, послал к нему пропорцию: как тощий мой желудок к толстому его животу, как пустой мой кошелек к его кошельку, который почти тучнее самого хозяина. Невежа натурально мое предложение опроверг каким-то порядком скупости. Я доказываю, что без пропитания должен умереть с голоду, мне метафизически отвечают: «Умирай, это обыкновенное дело; смерть - есть общий удел че-

ловчества!» Я одного богатого доктора (который за самый пустой рецепт не берет меньше десяти рублей) старался посредством химии убедить, что голод есть такая пища, которой желудок не варит; он, чтоб не дать мне ни копейки, помощью медицины доказал, что нет ничего для здоровья полезнее, как самая строгая диета». К министру финансов графу Васильеву он писал: «Девять лет я болтался, плавая на дне между «водяными», наконец пузырь моего счастья лопнул, я всплыл на верх злополучия и нашел себя из водяных исключенным! Прикажите, ваше сиятельство, поместить меня в «лесные», крайность моего положения превосходит меры. Я хотел поступить к какому-нибудь помещику в «домовые», но все говорят, что по аттестату своему не го-жусь и в «лунатики». Товарищу министра морских сил П. Чичагову он докладывал в прошении: «Девять лет ходил я по морю, аки по суху, во все сие время дул для меня чистый фордевинд; наконец, в последние три месяца плавания нашел шквал и бурною капитана аттестацией бросило меня на мель отставки. Теперь десятый месяц без руля, без мачт, без

провизии, без такелажа, и, что всего печальнее - экстраординарной ни копейки! В сем критическом положении неоднократно я заводил верп в намерении притянуться к какому-нибудь департаменту, но в аттестате моем грунт коллегского мнения так невыгоден, что якорь самой снисходительной доверенности не может задерживаться. Камень отчаяния у меня под носом; в просторном океане света не осталось никого, кто бы подал мне буксир сострадания».

Мичман Кр[опот]ов наконец был принят на службу после прошения, поданного им министру военно-сухопутных сил Вязмитинову. Вот это прошение: «Целые шесть месяцев капитан N бомбардировал в укрепление моего поведения начиненными злословием его протестами. Я, по возможности, отпаливался добрыми аттестатами прошедшей девятилетней службы моей; но, наконец, он выбил меня из моих ретраншаментов, и я по необходимости ретировался в отставку, в намерении в столице сделать новые укрепления, но ужасная бедность атакует меня на каждом шагу. Я отпаливался от сановников, пока не вышел

весь порох терпения. Я скорым маршем отправился на биваки в вашу прихожую, в надежде получить сикурс великодушного благоволения. Страшный мой неприятель - голод штурмует в моем тощем желудке и, предчувствуя свою скорую победу, кричит «ура!» Если вы не подадите мне скорой помощи, то отчаяние примет меня в штыки...»

В сороковых годах в Петербурге проживал очень богатый иногородний купец Н-в. Он лет шесть был золотопромышленником. Когда открылась в Сибири так называемая «золотая лихорадка» на Олекме, его поиски так были счастливы, что в пять-шесть лет он сделался миллионером. По приезде с приисков в Петербург он зажил по-барски. Дом его по изобилию всего просто поражал посетителя. Балы его напоминали нечто сказочное: ещё далеко до его дома виден был свет от его палат, а у подъезда стояла целая праздничная иллюминация. Сам хозяин встречал гостей в передней и подносил каждой из дам по роскошному букету из камелий или других редких цветов. Все комнаты этого богача убрались и уставлялись цветами и деревьями,

несмотря на зимнее время: здесь были в цвету бульденежи, сирени, акации, розы и другие цветы не по времени. Освещение в комнатах было тоже поразительное: всюду горели карсельские лампы в таком количестве, что температура в комнатах была чисто тропическая. Аромат в комнатах был тоже редкий, точно на какой-нибудь парфюмерной фабрике, и для того, чтобы запах держался долго, на шкафах и под диванами всюду лежали благовонные товары, мыла, саше, пудра и т. д. На одно куренье комнат у него выходило духов в вечер около полупуда. Мало того, что комнаты его представляли нечто вроде тропических садов, вдобавок сады эти были оживлены пернатыми. Здесь с куста на куст порхали ручные птицы, которые садились на плечи дам и пели громогласные свои песни. Возле залы была устроена большая уборная для прекрасного пола. В ней все высокие стены были зеркальные, кругом стояли столы, на которых лежало все, чего душе было угодно - перчатки, башмаки, духи, помада, мыло, фиксатуар, шпильки в коробках, булавки, различные щетки, губки, и все это дамы брали у него да-

ром. Но единственно, что было невыносимо в этих апартаментах, это духота. Последняя происходила от ламп, которые своим светом превращали ночь в день, Этому, впрочем, хозяин очень радовался - гостям ужасно хотелось пить. И амфитрион только и делал, что ходил по комнатам и кричал официантам: «Принеси гостям напиток!» Но напиток воды здесь было нельзя. Хозяин говорил, что «у нас воды и в заводе нет, а шампанского сколько угодно». Дамам, впрочем, было разрешено подавать ананасное прохладительное. Интересным к концу такого вечера был и ужин, состоявший из бесконечного количества блюд.

Любопытны выходили и дневные приемы этого золотопромышленника. Хозяин сидел в своем кабинете в мягких вольтеровских креслах, в халате из китайского атласа чуть не в три пальца толщины светло-зелёного цвета с золотыми фигурами. Такой халат стоил тысячи три, по крайней мере. Мебель в его кабинете представляла ценность тоже немалую: что ни вещь, то золотая или серебряная, сигары гостям предлагались лучшие гаванские и

величиною чуть не в пол-аршина; дорогая мадера, так называемая «ягодная», ост-индская, в больших графинах стояла на столе. В углу помещался накрытый стол с разными закусками, салфеточной икрой, балыками и другими съестными деликатесами.

Про этого золотопромышленника рассказывали, что прежде он был довольно бедный вязниковский разносчик-офеня. Разбогатев так быстро на золотых промыслах, он не знал, куда девать деньги. Приехав в Петербург, он не имел никаких знакомых, поэтому каждое утро выходил на улицу и рассматривал физиономии проходящих: кто ему нравился, тех он звал к себе на обед. Если встречались бедные люди, ремесленники или просто рабочие, он начинал с того, что спрашивал каждого из них, сколько они надеются сегодня заработать в продолжение дня? Избрав таким образом до дюжины гостей - мужчин, женщин и детей, - он возвращался с ними домой, выдавал рабочим плату за весь день, потом приказывал подать роскошный завтрак; после завтрака играла музыка и гости плясали до обеда, затем следовал богатый обед. Добродуш-

ный золотопромышленник говорил, что нет выше удовольствия, как видеть около себя людей довольных, счастливых и веселых. Прожив так несколько лет в Петербурге и прожив только небольшую часть своих миллионов, он затем объехал всю Европу на своих орловских лошадях в богатом дормезе - цель его путешествия была изучение гастрономии - посетил все кухни, изведаль всю глубину этой науки, узнал все её системы и методы, и возвратился на родину всесовершеннейшим гастрономом. Все служители в доме его были повара: лакеи, кучера и даже конюхи все умели готовить. Кроме того, он нанимал более десятка поваров всех наций. Но проесть всего своего состояния он все-таки не мог и, пожив несколько лет в столице, уехал умирать к себе на родину в Вязники или Ковров.

ГЛАВА VI

Вельможа-оригинал граф Ю. П. Литта. Страсть его к мороженому. Жертва предсказания гадальщицы.

В тридцатых годах на улицах Петербурга можно было встретить колоссальную фигуру величественной осанки, члена Государственного совета, графа Юлия Помпеевича Литта, известного главного деятеля в доставлении мальтийскому ордену покровительства императора Павла I. Граф Литта в высшем петербургском обществе являлся истинно блестящим обломком екатерининского двора. Современник его говорит: «Мы так привыкли видеть графа Литту в каждом салоне, любоваться его вежливым и вместе барским обхождением, слышать его громовой голос, смотреть на шахматную его игру, за которую он проводил целые вечера, любоваться его бодрою и свежею старостью, что невозможно было не вспоминать о нем каждую минуту, особенно тогда, когда его не стало».

Гр. Литта принадлежал к древнему миланскому роду, он с юности посвятил себя морской службе. В 1789 году он переехал в Россию и отличился в войне со Швецией под предводительством принца Нассауского, когда заслужил орден св. Георгия 3-й степени и шпагу за храбрость. При императоре Павле он был вице-адмирал, кавалер ордена св. Александра Невского и граф Российской империи; в 1799 году - наместником великого магистра Мальтийского ордена. Граф Литта отличался несколькими эксцентрическими особенностями: во-первых, голос его громкий и сильный, звучный густой бархатистый бас слышался везде и покрывал собою все другие не только голоса, но иногда и звуки оркестра. Так, на гуляньях ли, в театрах, в первом ряду кресел у самой рампы оркестра, на постоянной прогулке по Невскому или Английской набережной, - везде всегда необыкновенно громко звучал его голос. Голос графа в обществе получил наименование «трубы архангела при втором пришествии». Во-вторых, граф, не будучи вовсе большим гастрономом, страстно любил мороженое и поглощал его

страшными массами как у себя дома, так и
везде, где только бывал.

Литта Юлий Помпеевич (1763-1839)

Так, во время каждого антракта в театре ему приносили порцию за порцией мороженого, и он быстро его уничтожал.

Граф считался баснословным потребителем мороженого - известные в то время кондитеры Мецапелли, Сальватор, Резанов и Федюшин почитали графа своим благодетелем. Граф Литта жил совершенно в одиночестве в своем доме на Большой Миллионной, близ арки, - в доме, теперь принадлежащем министерству финансов. Окна большого барского дома Литты никогда не были освещены и являли собой какой-то унылый и грустный вид. Вдруг, в одну ночь, когда медики объявили графу, что ему остается жить не более нескольких часов, к удивлению всех соседей мрачный дом озарился огнями сверху донизу; загорелись и яркие площадки у подъезда графа. Дело в том, что у римских католиков обряд приобщения святых тайн совершается с некоторою торжественностью; граф и приказал засветить все люстры, канделябры и подсвечники в комнатах, через которые должен был

проходить священник со святыми дарами. Умиравший в памяти и совершенно спокойно приказал подать себе в спальню изготовленную серебряную форму мороженого в десять порций и сказал: «Еще вопрос: можно ли мне будет там, в горних, лакомиться мороженым!» Покончив с мороженым, граф закрыл глаза и перекрестился, произнеся уже шепотом: «Сальватор отличился на славу в последний раз», - и перешел в лучший из миров, где он не знал, найдет ли мороженое. Все огни догорели вместе с жизнью графа, и осталась догорать только одна небольшая спальная лампада в головах усопшего, освещавшая распятие.

Граф умер 24 января 1839 года. Император Николай I поручил барону М. А. Корфу, бывшему в то время государственным секретарем, опечатать и разобрать бумаги покойного, между которыми, как предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно Мальтийского ордена. Но ничего важного между ними не отыскалось. Самое любопытное, что нашли в бумагах, был проект сочиненной им себе самому эпитафии

следующего содержания: «Julius Renatus Mediolanensis natus die 12 aprils 1763; obiit in Domino... august 1863.[56] На чем было основано это предсказание, впрочем, не сбывшееся, - не известно.

Самойлова Юлия Павловна (1803-1875)

Граф Литта, как видно из завещания его, оставил огромное состояние, которым был обязан не только своей женитьбе на племяннице Потемкина, рожденной Энгельгардт[57], но и собственному своему состоянию, а также своей расчетливости. Он отказал внучке своей, графине Самойловой, жившей постоянно за границей, 100 тысяч рублей ежегодной пенсии, затем по такой же сумме единовременно в пользу тюрьмы, в инвалидный капитал и для выкупа из процентов содержащихся за долги; 10 тысяч - для раздачи бедным в день его похорон, камердинеру 15 тыс. и пенсии ежегодно по 1000 руб. Но деревни, дом, драгоценные движимости и огромные капиталы завещаны двум родным племянникам Литты, жившим в Милане. Неизвестно только, что

он оставил своему побочному сыну, известному провинциальному актёру Аттиле, имевшему громкую романическую историю в конце

шестидесятих годов. Граф Литта был в родственных связях со всею нашею русскою аристократией. Племянник его, кн. Владимир Голицын, раз спросил его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Беггровым?[58] Вы - граф Литта, а он - литограф».

В Москве была известна в тридцатых годах одна оригинальная личность, которая, где бы ни появлялась, сейчас же засыпала. Это был очень богатый помещик, имевший много родных и знакомых. Одевался он по образцу инкroyблей[59] времен первой французской революции, вечно в одном синем фраке с золотыми пуговками. Из жилетного его кармана торчала массивная золотая цепочка от двух дорогих золотых брегетов. Впрочем, часы, так как и цепочки, часто у него возобновлялись: обе эти дорогие вещи у него часто срезывались охотившимися за ним ворами в продолжение его суточных путешествий по разным улицам Москвы, несмотря на то, что он никогда не выезжал один, а в сопровождении двух гайдуков-лакеев, его любимицы, старой ключницы-калмычки, и жирного мопса. «Где ваши часы?» - спрашивали его знакомые.

«Что-с?» - встрепенувшись от своей спячки прошамшит он. - «Часы ваши где?» - «А! часы срезали, украли, когда я был на похоронах». - «У кого это, где?» - «Не знаю, спросите у калмычки». Все знали, что обокрасть его не было хитрости, даже лакеи его обирали и снимали с рук кольца. Он вечно спал, но это сонливое состояние не было результатом болезненности организма и дряхлости лет, а просто следствием одного предсказания.

В бытность свою в молодых годах в Париже он посетил известную предсказательницу Ленорман. Ловкая гадалщица, заметив его недалекость, позабавилась над ним вволю. Наговорив ему много приятного и неприятного, она наконец окончила свое пророчество словами, заставившими побледнеть нашего чудака. «Теперь я должна вас предупредить, что вы умрете на своей постели». - «Когда? Когда? В какое время?» - спрашивает он в ужасе. «Когда ляжете на постель», - dokonчила, улыбаясь, лукавая предсказательница. И вот с тех пор его покойная мягкая перина, подушки из лебяжьего и гагачьего пуха, шелковые одеяла были брошены и вынесены из квартиры, что-

бы такие дорогие предметы его не соблазнили. Напрасно друзья смеялись ему в глаза, упрекая его в легковерии и не раз доказывая ему, что по его богатству, положению и жизни нельзя было и ожидать другой, более покойной смерти. Но слова Ленорман звучали в его ушах хуже погребального колокола. Он не внимал никаким убеждениям, и с тех пор на всех публичных собраниях, в гостях, в театрах, - всюду стала появляться постоянно дремлющая его личность, не имевшая никакой возможности уже отдохнуть у себя на постели.

Образ его жизни был очень оригинален: он вставал почти со светом, проводя ночь в обществе, потому что ему было скучно без общества, тяжело и невыносимо было отдыхать в полусогнутом положении более часа. С утра закладывали ему четырехместную карету и он выезжал во фраке и белом галстуке в сопровождении своей калмычки и старого мопса Бокса. Без калмычки он не мог сделать шага, она убаюкивала его сон разговорами и сказками. Утренние его прогулки были по крику лакея: «Пошел по ельничку!» Кучер и

форейтор двигались, объезжая столицу, отыскивая, нет ли где похорон. Из всех удовольствий ему нравился только процесс погребения, возможность поспать под унылое пение и проводить покойника до последнего его жилища. На обязанности калмычки также лежало по возвращении домой рассказать барину все виденное за день, сам барин этого не мог сделать - он всюду спал. В Москве говорили, что ловкая калмычка, пользуясь беспросыпным положением его и присутствуя в церквях на всяких церемониях, чуть-чуть не сыграла с ним злой шутки и не обвенчала с одной из своих знакомых. Только непредвиденный случай спас его. Это так напугало его, что с ним сделался нервный удар, от которого он и умер. Больного его никак не могли уложить на постель. Он умирал, дремля, полусогнувшись на своем кресле и ворча и брыкаясь ногами, когда калмычка со слезами просила его успокоиться на её постели. Перед кончиной, несмотря на его последние усилия, на жалобный стон, на слезящиеся глаза, его все-таки силою уложили на кровать. Предсказание Ленорман сбылось после пятидесятилетнего

добровольного нравственного мученичества.

ГЛАВА VII

Чудачества помещика Т-ва. Причуды графа М. П. Румянцева. Марокканский принц В. А. Чупятов. Князь А. М. Горчаков и его коллекция. Камер-юнкер «Рококо». П. А. Позняков и Д. А. Новосильцев.

К числу других таких же чудаков, которые в силу какой-либо боязни по ночам не ложились спать и бодрствовали, принадлежал богатый помещик Пензенской губернии Т-ъ, который никогда не спал ночью, а ложился только тогда, когда все вставали. Чтобы ночью не дремать, он держал у себя в спальней кого-нибудь из своих дворовых, и они должны были стоять перед ним всю ночь на ногах, так как «перед барином сидеть неприлично».

Правда, он их менял, призывая то одного, то другого по очереди, только бы не оставаться одному. Рассказывали, что он делал это из страха, причиною же была кровавая история, в которой он ещё молодым человеком принимал участие. Говорили, что отец его был убит своею женою в сообществе с учителем-французом, с которым она была в нежных отношениях и за которого впоследствии вышла замуж. Это случилось, когда дети были ещё маленькие. Когда же они выросли и возмужали, то отплатили непрошенному отчиму тем же, т. е. отправили его на тот свет. Все четыре брата, участвовавшие в смерти отчима, были какие-то странные: лобызались друг с другом самым нежным образом, целовали друг у друга руки, а между тем постоянно судились, потому что не могли разделиться. Они не могли между собою стовориться даже в самых мелочах. Деревянный двухэтажный отцовский дом они распилили на три части, так как не могли устроить, чтобы он достался в одни руки. Да и дети одного из них были тоже странные. Один уже женатый, живя в деревне, вместо развлечения приказывал зашивать себя в

медвежью шкуру и ходил на четвереньках по двору. Дворовые собаки, разумеется, бросались на него и рвали, но это доставляло ему удовольствие. С женою, на которой он женился по любви, влюбившись в нее в театре, где видел её только один раз, он ссорился и мирился по нескольку раз в день. И это происходило не только дома, но и в гостях, при чужих людях, делая их таким образом невольными свидетелями его семейной жизни, потому что ссоры происходили большею частью из ревности к кому только можно и сопровождались или неприличными упреками, или же лобзаниями с испрашиванием на коленях прощения, и тому подобною обстановкою, иногда очень приторною.

Сын известного победителя при Ларге и Кагуле - Румянцова, - граф Михаил[60], страдал тоже довольно странною причудою, которая довела его впоследствии до опеки над ним. Он стал воображать, что служит у строгих господ и исполняет обязанности экономки. Его старый, преданный слуга, чтобы помочь этому горю, принужден был сам наряжаться в женское платье и помогать ему в

разных женских занятиях, вроде починки белья, штопанья чулок и т. п. Роль же господ играли два дюжих солдата-гвардейца, которые в известные часы приходили смотреть на работу экономки и, если находили её неудовлетворительною, ругали и били её. Побои графу так нравились, что после них он успокаивался на несколько дней. Солдаты, по приказанию ближних Румянцева, платили графу жалованье медными пятаками, на которые последний покупал деревянное масло и теплил его в лампадке у своего фамильного образа. Пишущий эти строки видел в 60-х годах у старика сенатора кн. П. А. Голицына портрет Румянцева и его слуги Иона Ивановича в женских платьях, оба они изображены сидящими за пяльцами. Причина такого помешательства графа, как рассказывал кн. Голицын, была нелюбовь к нему его отца. Известно, что фельдмаршал рано разошелся с женою и совсем не знал своих детей. Рассказывали, что один из его сыновей в отроческом возрасте явился к нему в армию просить о принятии его на службу. «Да вы кто такой?» - спросил его фельдмаршал. «Сын ваш», - отвечал тот.

«А-а... весьма приятно... Вы так выросли». После нескольких таких родительских вопросов молодой человек осведомился, где он может иметь помещение и что должен делать. «А вы, - отвечал отец, - поищите: у вас, верно, найдется здесь, в лагере, кто-нибудь знакомый из офицеров...»

Румянцев Михаил Петрович (1751-1811)

К ряду замечательных чудаков екатерининских времен надо отнести Чупятова[61], вовсе, как кажется, не помешанного, прикидывавшегося легковерным до помешательства из желания избежать тюрьмы за долги. Дурачество выдавать себя за жениха мароккской принцессы при искусной игре Чупятова принималось за чистую монету, и он жил себе припеваючи, забрасывая время от времени в разные коллегии вздорные претензии, ещё более поддерживавшие убеждение властей, что этот человек не в своем уме. Личность этого субъекта до того интересовала современников, что они собрали о нем много анек-

дотов. Чупятов носил название мароккского принца. В конце 50-х годов на Смоленском кладбище существовала ещё каменная плита

над могилою этого чудака. Вот надпись: «Под камнем сим покоится ржевский купец Василий Анисимович Чупятов, под названием принц мароккский, в сем лестном звании странствовал 27 лет и на 64-м году жизни своего скончался 1792 г. сентября 16-го дня». Чупятов несомненно был человек просвещенный по своему времени и не лишенный ума. Он был мужчина высокого роста, ходил во французском кафтане с мишурными знаками. По словам современников, он поражал своею величавою скромностью. Чупятов принадлежал к старинному именитому купечеству из города Ржева, но неудачные дела за границей и большой пожар расстроили его состояние. По словам Державина, он торговал с Любеком и Гамбургом, с Англией и Голландией, посылая туда на кораблях пеньку и масло. Другие полагают, что главной причиной расстройств его дел было неудачное сватовство за дочь известного богача Володимирова, которую сватал ему её дядя, известный тоже чудаком, Прокофий Акинфиевич Демидов. Чупятов в деле своего сватовства прибегал к содействию всесильных в ту пору Ордовых и даже

доходил с просьбой до самой императрицы. Графы Григорий, Алексей и Федор Орловы, а также граф Иван Григорьевич Чернышев, поочередно брались быть сватами Чупятова у Володиминова. Сама императрица приказывала высватать ему невесту Д. В. Волкову, но последний предложил ему других невест благородных. Чупятов, однако, отказался. Все усилия высокопоставленных благодетелей и милостивцев не могли победить упорства и уклончивости Володиминова. Чупятов не хотел ещё считать свое дело проигранным и входил с формальным прошением в коммерц-коллегию к прокурорским делам. Коммерц-коллегия не вошла в рассмотрение такой странной просьбы, и Чупятову оставалось склониться пред волею судьбы. Тут-то, вероятно, как говорит Л. Н. Майков в своих литературных мелочах екатерининского времени, он, не имея возможности выполнить свои торговые обязательства, теснимый кредиторами, и объявил себя банкротом, как уверяли некоторые, притворно. «Затем, избегая неприятностей от своих верителей, - рассказывает Державин, - он представился поме-

шанным и навесил на себя разноцветных лент и медалей, присланных к нему будто бы влюбленною в него мароккскою принцессою». Чупятов в петербургском обществе был предметом постоянных насмешек, к нему присылали по почте ленты и грамоты будто бы на пожалованные ему ордена; иные писали к нему и просили, чтобы он оказал им свое покровительство, когда взойдет на мароккский престол, которого состоит наследником. Чупятов не замечал, однако, глумления и даже утешался присылками.

Державин в своей «Оде к вельможе» упоминает о нем:

*Всяк думает, что он Чупятов,
В мароккских лентах и звездах...*

Чупятов в обществе, ради его странного пошлостества, был всегда желанным гостем даже у высокопоставленных лиц. Являясь в гости, он вел разговор как человек здравый до тех пор, пока не покажут ему, ради потехи, курицу, разукрашенную лентами. Как только Чупятов увидит такую курицу, так и понесет всякий вздор, воображая, что курица есть во-

площенный дух, присланный ему от мароккской королевы.

Существует рассказ, что когда государыня после осмотра Вышневолоцкого канала в 1785 г. находилась в Успенском соборе, вдруг протеснился вперед Чупятов, разукрашенный лентами и звездами. Государыня спросила главнокомандующего, кто это, и, услышав, что это такой-то помешанный, сказала: «Почему он у вас на свободе? Для подобных людей место в заведении».

Что касается приведенного рассказа, то трудно допустить возможность приказа Екатерины II, ко всем снисходительной, о лишении свободы чудака, никому не вредившего.

В человеческой натуре бывают очень странные вкусы. Лет двадцать тому назад ещё здравствовал один довольно высокопоставленный человек, который из любви к искусству выучился рвать зубы. Он никогда не выходил из дому без футляра с зубными инструментами в кармане, как другой без портсигара. Ко всем он в зубы так и заглядывал. Беда тому, кто при нем заикнется, что у него зуб болит или болел: он так на него сейчас и ки-

нется и с инструментом в рот залезет. Нередко за свое искусство он претерпевал даже личные неприятности, но все-таки своей «дантистики», как он выражался, не покидал.

До коллекционерства почтовых марок существовало несколько собирателей сургучных печатей. Из числа любителей таких редкостей был известный князь Гор[чако]в[62], который начал с того, что хранил печати всех полученных писем, потом просил всех своих знакомых, чтобы они отдавали ему конверты писем, и, наконец, начал отыскивать и платить за печати и собрал больше тридцати тысяч оттисков на сургуче. В коллекции князя было много редких печатей XVI, XVII и последующих веков. В числе таких любопытных у него была печать, на которой изображен открытый ящик Пандоры с надписью: «Любопытство погубило свет»; на другой изображен амур, держащий записочку, а вокруг него слова: «Полиции нечего тут смотреть»; на третьей - бежит собака с письмом и надпись говорит: «Скорее и вернее почты». На одной вырезано: «Распечатано по приказанию». На печати, принадлежавшей Виктору Гюго, выре-

заны слова: «Faire et faire»[63], на печати Мишле - «Des ailes»[64]; на печати Бальзака вырезано старинным правописанием: «Ум обязывает»; на печати Альфреда Мюссе видны таинственные слова, напоминающие время, памятное одному, забытое другими: «Depuis lors»[65], на письме Фридерика Сулье странный девиз: «Nec sorte, nec morte»[66]. На печати Александра Дюма было написано: «Tout passe, tout lasse, tout casse»[67], Эмиля Сувестра - слова: «Espoir ni crainte»[68]. На печати Шарля Нобле[69] виднелось банальное изображение: пылающее сердце, пронзенное стрелой, с надписью: «Raison le veut»[70]. На печати Адольфа Адана: «J'espere et je crains»[71].

На печати певца Нурри изображен был Гарпократ, держащий палец на губах, со словами: «Chut, chut, chut!»[72] Эта печать была подарена Нурри одним его поклонником. Когда Нурри должен был петь вечером, он имел привычку молчать весь день и только шикал, если кто заговаривал с ним. На печати композитора Герольда стояли слова: «Rien de beau sans hasard»[73]. Самую большую коллекцию таких печатей Гор[чак]ов купил у француза

Бландо за 30000 руб., всех печатей там было 30000 штук. Цена, как видим, довольно высокая за несколько фунтов сургуча!

В тридцатых годах вся Москва знавала одного очень богатого помещика, делавшего с раннего утра визиты своим знакомым. Он не жил никогда в деревне, а вечно проживал в Москве или в своей подмосковной, близ Сокольников. Придворное звание его не позволяло ему покинуть столицу: ещё юношей, благодаря своему родовому положению, он был пожалован в камер-юнкеры и с этим званием прослужил чуть ли не до семидесяти лет. В обществе он был известен под именем «камер-юнкера Рококо».

Кличку эту он заслужил вот по какому случаю. Средств у него было много, даже слишком. Один дом его занимал почти целую площадь - с садом, огородом, прудами и т. д., пристроек в его доме было множество. На дворе было так много разных домиков, павильонов, хижин, что все это казалось чуть ли не целым уездным городком. Про его дом в Москве ходило немало рассказов, уверяли даже, что там находило себе убежище немало темного

люда. Самый же дом, в котором жил «камер-юнкер Рококо», состоял из двух длинных этажей. Один огромный бельэтаж с нескончаемою анфиладою комнат мог бы послужить казармой для целого полка солдат. Комнаты эти были убраны великолепно. В них было много царской пышности - парча, бархат, атлас, позолота, мрамор, гобелены, статуи, античная бронза, китайский фарфор, словом все, что могло служить украшением царственного жилья.

Горчаков Александр Михайлович (1798-1883)

Но все это в барских апартаментах было расставлено, развешано, размещено с таким безвкусием и в таком беспорядке, что с первого взгляда казалось, будто все эти драгоценные вещи свезены сюда на продажу, как в лавку, и только дожидаются покупателей, чтобы быть вынесенными для приведения их в более стройный порядок. Когда посетители спрашивали хозяина об этом хаотическом беспорядке, о дорогой китайской бронзе, сме-

шанной с простыми глиняными деревенски-
ми кубарями, с чугунами или ухватами, о
прекрасных старых картинах вместе с разны-

ми мазилками крепостных Рафаэлей, хозяин равнодушно слушал подобные замечания и, казалось, его они даже радовали. «Камер-юнкер Рококо» был страшно упрям. «Знаю, очень хорошо знаю, но я, знаете, люблю, чтобы у меня все было «рококо», - отвечал он, видимо, сам не разумея этого слова. И пошел с тех пор гулять наш камер-юнкер под этим именем - «Рококо».

Этот оригинал жил не для себя, а для своих многочисленных знакомых, веселился не сам, а веселил своих знакомых. Все его увеселения носили отпечаток неподражаемой оригинальности, он тешил себя и других дорогими игрушками. Он только и мечтал о том, что бы ему изобрести для вечера или для обеда. Как и гоголевский Петух, он призывал к себе по утрам своего старика-повара Яшку и дворецкого Прошку, грабивших своего барина без милосердия. Особенно обеда и завтраки стоили ему много дум и забот. Задумав раз угостить своих гостей в посту по-монастырски, он закатил обед более чем в сто блюд. В меню входили папошники, пироги длинные, косые и круглые из щучьей телесы, пирожки малень-

кие с телом рыбы, пряжъя, кашка молочная с пшеном сорочинским, присол из живых щук, щука-колодка, огнива белужья в ухе, звено лосося, звено семги, полголовы осетра и белуги просольной, лещи паровые, стерляди и т. д. Но особенно отличился он за десертом, где цукатные пироги, кремы, марципаны, желе и другие сладкие яства подавались на досках - на обыкновенных блюдах поместиться последние не могли.

При русских обедах прислуга из простых лакеев превращалась в прислугу, бывшую в княжеской и боярской среде, т. е. в стряпчих, стольников, кравчих, чашников и т. д.; последних он наряжал в археологические одежды. В другой раз придумал он угостить своих гостей лебедями. Чтобы достать эту птицу, он командировал в подмосковное село Ц[арицы]но своего дворецкого, где тот и купил декоративную птицу у немца-управляющего за баснословные деньги.

И вот такие птицы с раззолоченными ногами и растопыренными крыльями подаются целиком на стол. Начинка их была самая мудреная - с шафраном, лимонами, имбирем и

разными пахучими травами. Для обедов в древнем вкусе он закупал по дорогой цене павлинов, журавлей, рысей, лосей, но на такие обеды гости стали ездить редко, их крепкие желудки не могли выдерживать, и наш амфитрион с сожалением говорил, что у людей измельчали желудки. Рассердившись за такое невнимание к «чревобесию предков», он сделался французским гастрономом, переманил к себе лучшего повара из Английского клуба и задумал соперничать с Рахманиным, известнейшим гастрономом, тратившим на свои немногочисленные угощения шальные деньги.

После этого его кухня преобразилась на рахманинский лад: в ней появились большие пальмовые и мраморные столы, полки красного дерева, бронзовые карсельские лампы и дорогая мебель, на которую он сажал своих гостей, приготавливая сам некоторые блюда. Не раз он давал лукулловские обеды на своей кухне. Но главное, что любил наш «камер-юнкер Рококо», так это неожиданные сюрпризы: на них он был помешан. То он приглашал гостей собирать в его саду белые грибы, кото-

рые за два дня скупал возами по всей Москве и заставлял их натывать в одном месте своего сада, чтобы гостям далеко не ходить. То он раздавал билеты на ужение в его прудах рыбы - около его пруда стояли беседки-плоты и в этих местах втыкались удочки. Каждая дама вынимала билет, как в лотерее, на счастье, что кому Бог пошлет, и в самом деле счастье было удивительное для рыболовов: то выуживали из тинистого пруда стерлядь, уже давно уснувшую, то огромного осетра, то налима или другую какую-нибудь замечательную рыбу. Однажды, как уверяли, кто-то выудил даже малосольную севрюжку.

Искание персиков, абрикосов, апельсинов на деревьях тоже не было редкостью. Как только сходил снег весной, то гости уже приглашались для искания в саду клубники и земляники. Сюрпризы в его доме не переводились. Он устроил у себя в зале особенный пол, который опускался вниз в подвальный этаж по данному знаку и оттуда поднимались кушанья. Вместе с тем он придумал и особого рода свечи, о составе которых у него долго хлопотал какой-то выписанный немец-пиро-

техник. В тот вечер, когда новоустроенный пол должен был действовать, приглашены были гости. Сюрприз вышел действительно неожиданный. Во время мазурки, когда растанцевавшиеся дамы и кавалеры отчаянно притоптывали, при общем крике вдруг пол опустился в кухню. Этого и сам хозяин не предвидел, хотя и приказал, чтобы по первому стуку в пол последний опускался и поднимался.

Но история с опускаемым полом ещё не окончилась. После невольного опускания, на нем был сервирован стол. «Теперь скорее свечей, свечей!» - кричал хозяин. Свечи были принесены, гости сели ужинать. Кушанья мигом подымались из кухни и разносились, потом исчезали и заменялись новыми. «Хорошо, хорошо!» - говорил хозяин, посматривая на часы, как будто ожидая какого-то сюрприза. Ужин уже подходил к концу; вдруг свечи, казавшиеся восковыми, стали постепенно меркнуть и из фитилей полетели бриллиантовые фонтаны огней, римских звезд, фальшфейеры, и вся зала наполнилась удушающим запахом пороха. Дамы ахали и визжали, отря-

живая с своих плеч искры огня. «Неправда ли, вы не ожидали такого сюрприза?» - спрашивал всех гостеприимный хозяин. Сюрпризы на балах камер-юнкера «Рококо» редко проходили без приключений: то у кого-нибудь нос был обожжен, у кого платье испорчено, у кого ноги чуть-чуть не были переломаны.

«Камер-юнкер Рококо» умер тоже сюрпризом. Его повар Яшка накормил его с пьяных глаз какими-то вредными грибами, известными в простонародье под именем «самоплясов», не догадавшись порядочно рассмотреть их. Говорят, что гастроном-чудак ранее, чем расстаться с этим светом, принужден был, несмотря на свой возраст, неистово отплясывать «dans macabre»[74] под действием этих грибов.

В Москве, в начале текущего столетия, отличался большим чудачеством помещик Позняков[75]: он почти ежедневно давал спектакли, маскарады и балы, вся Москва так и рвалась и называлась к нему на приглашения. Особенно парадны выходили его маскарады, на которых он сам важно расхаживал наряженным в какой-то восточный костюм.

Грибоедов о нем сказал в своей комедии: «на лбу написано - театр и маскарад». Не забыл он и его бородача, который во время бала в тени померанцевых деревьев щелкал соловьем: «певец зимой погоды летней».

К этому московскому хлебосолу и увеселителю добровольно прикомандировал себя некто г. Лунин - он был при нем вроде гофмаршала, хозяйничал при дворе его, приглашал на праздники и проч. В Москву, как рассказывает кн. Вяземский, ожидали турецкого или персидского посла. Разумеется, Позняков не мог пропустить эту верную оказию и занялся приготовлениями к великолепному празднику в честь именитого восточного гостя. К сожалению, смерть застала его в приготовлениях к этой тысяче и одной ночи. Посол приезжает в Москву и Лунин к нему является. Он докладывает о предполагаемом празднике и о том, что Позняков извиняется перед ним: за приключившуюся смертью его, праздник состояться не может.

В числе чудаков, живших в Москве в грибоедовское время, был известен ещё один, выведенный им в его комедии под именем

«Максим Петрович». Это был приятель гр. Ростопчина, некто Новосильцев[76], бывший «в случае» при Екатерине. По связям и богатству он имел сильное влияние, по способности принижаться - не знал соперников. В царствование императора Александра I Новосильцев жил замкнутый в своем роскошном таинственном нелюдимом доме, никого не принимал и сам никуда не ездил. Впрочем, иногда в орденах он садился на крыльце своего дома и пугал прохожих, бросая в них хлопушками. Иногда он выезжал прогуливаться на великолепном коне, покрытом вышитым золотом чепраком, тогда как вся сбруя была составлена из богатых золотых и серебряных отличного чекана цепочек. Во время таких пышных своих уличных поездок в сопровождении богато одетой свиты, он курил трубку. Последнее обстоятельство особенно всех поражало и заставляло всех снимать перед ним шапки, недоумевая, как величать этого стамбульского пашу.

ГЛАВА VIII

Легендарный силач Лукин. Рассказы о его невероятных подвигах. Силачи Чагин и Телегин.

Легендарный русский силач моряк Лукин [77], помимо своей геркулесовской силы, отличался тоже многими странностями. Про капитана Лукина во флоте и по сей час живы ещё самые невероятные анекдоты, по большей части рисующие дух лихих моряков того времени. Рассказывают, что во время пребывания Лукина в Англии один англичанин заспорил с ним насчет смелости и решительности русских и англичан. Он утверждал, что русский никогда не решится на то, что сделает англичанин. «Попробуй», - сказал Лукин. - «Вот, например, ты не смеешь отрезать у меня носа», - сказал англичанин. «Почему же

нет, если ты захочешь?» - отвечал Лукин. «На, режь!» - воскликнул англичанин в азарте. Лукин прехладнокровно взял нож со стола, отрезал у англичанина конец носа и положил на тарелку. Рассказывали, что англичанин, старый и отважный моряк, не только не рассердился за это на Лукина, но подружился с ним, и, вылечившись, приезжал навестить друга своего в Кронштадте.

Лукину в Англии предложили кулачный поединок. Вместо одного, он вызвал вдруг четырех лучших боксеров и каждого из них по очереди перекинул через свою голову, ухватив за пояс.

Однажды он был выслан на берег для приема такелажа с двадцатью матросами. Лукин вмешался в спор английских моряков с их канонирами, наконец, вступил в борьбу с обеими партиями и в кулачном бою со своими двадцатью удальцами прогнал всех. В городе заперли лавки, жители спрятались в домах, а Лукин с песнями возвратился на корабль.

Раз, сидя в креслах во французском театре, он заметил, что сидящий с ним рядом фронт [78] перемигивается с дамами, сидевшими в

ложе, и кивает головой на него. Лукин сперва не обратил на это внимание, но вскоре фронт заговорил с ним. «Вы, кажется, не понимаете по-французски? Не хотите ли, чтобы я объяснил вам, что происходит на сцене?» - «Сделайте одолжение», - сказал Лукин. Фронт стал объяснять и понес чепуху страшную. Соседи прислушивались и фыркали, в ложах тоже не могли удержаться от смеха.

Вдруг Лукин спросил его по-французски: «А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?» - Фронт сконфузился. «Я не думал... не знал...» - «Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?» - «Извините!» - «Знаете вы, кто я? Я - Лукин». Они оба встали. Лукин сказал фронту: «Идите за мной!»

Они отправились к буфету. Лукин заказал два стакана пунша. Пунш подали. Лукин подал стакан фронту: «Пейте». - «Не могу, я не пью». - «Это не мое дело. Пейте». Фронт, захлебываясь, опорожнил свой стакан. Лукин залпом опорожнил свой и снова скомандовал два стакана пунша. Напрасно фронт отнеки-

вался и просил пощады, оба стакана были выпиты, а потом ещё и ещё. На каждого пришлось по восьми стаканов. Только Лукин, как ни в чём не бывало, возвратился на свое кресло, а франта пьяного замятвое подобрала полиция...

Анекдотов про Лукина было множество, но при всем удалстве он был добрейший человек. Лукин командовал кораблем во флоте Сеньявина и первый бросился на один из турецких кораблей, где и погиб геройской смертью. Император Александр Благословенный облагодетельствовал семейство Лукина по просьбе известного своего лейб-кучера Ильи[79], который был прежде крепостной Лукина и тоже обладал феноменальной силой.

Лукин воспитывался в морском корпусе, откуда выпущен мичманом 1 мая 1789 года. Лукин был среднего роста, плотный, коренастый. При своей удивительной телесной силе он был кроток и терпелив; даже будучи рассержен, он никогда не давал воли своим рукам.

Байков Илья Иванович (1768-1838)

Сила его была поразительная, но трудно было заставить его что-либо сделать: только в веселый час, и то в кругу знакомых, он иногда показывал подвиги своей силы. Например, он легко ломал подковы, мог держать пудовые

ядра полчаса в распростертых руках, одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену. При такой необычайной силе был ещё ловок и проворен; и беда тому, с кем бы он вздумал вступить в рукопашный бой. Подвиги в этом роде, несомненно немного преувеличенные, прославили его в Англии. Там с большим старанием искали с ним знакомства, впрочем, и в России редко кто не знал капитана Лукина. Знал ли вполне Лукин в первые годы своей молодости о той страшной силе, которою он обладал, неизвестно, но первый опыт этой силы грустно и тяжело отозвался в его доброй душе.

Вскоре по выпуске из корпуса Лукин поздно ночью шел по Адмиралтейской площади. В то время Адмиралтейская площадь от Зимнего дворца до Сената представляла громадное пустое пространство, еле освещенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукин шел в шубе, левая рука была в рукаве, а правая на свободе под шубой. Вдруг на него сзади нападают два человека: один схватывает его за левую руку и тащит шубу, другой уже успел её сдернуть с правого плеча. В

этот момент Лукин правой рукою наотмашку дает удар в лицо человеку, стащившему шубу. Тот, как сноп, грянулся на землю; другой же, видя падение товарища, бросился бежать. Оправившись от такого неожиданного нападения, Лукин идет на адмиралтейскую гауптвахту и заявляет о случившемся караульному офицеру. Принесенный человек оказался адмиралтейским плотником: кулак Лукина буквально раздробил и своротил челюсть несчастного. Эта история тяжелым камнем легла у Лукина на душу.

Первый опыт силы, выказанный Лукиным в Англии, в которой он пробыл два года, случился при следующих обстоятельствах. Лукин обедал в трактире. После обеда вошел он в бильярдную посмотреть на игравших. Там он спросил себе стакан пунша. Отпив немного, он поставил стакан на подоконник отворенного окна, а сам продолжал следить за игрой. Через несколько времени он обращается к своему пуншу, но находит стакан пустым. Это удивило Лукина. Не говоря ни слова, он спросил себе другой стакан пунша. Отпив от него, он поставил стакан на то же место и,

смотря на играющих, стал незаметно наблюдать за стаканом. Не прошло нескольких минут, как к стакану подходит джентльмен и разом его осушает. Такая дерзость взволновала Лукина, но он умел себя удерживать и спокойно, как будто ничего не случилось, приказывает слуге принести миску пунша, да побольше. Взяв эту чашу, он подошел к выпившему его стаканы и сказал: «Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вам выпить эту посудину. Покорно прошу». Джентльмен вошел в амбицию. Все, находившиеся в бильярдной, видя Лукина с чашей, подошли к нему. Лукин уже серьезно заметил: «Вы выпили два моих пунша. Русские не скупы на угощение. Если не выпьете теперь этой миски, то я вылью её вам на голову». При этих словах в толпе послышался недружелюбный говор, а любитель чужого пунша ответил крупной дерзостью.

Тогда Лукин, недолго думая, приподнимает миску и окатывает джентльмена пуншем с ног до головы. Вся бильярдная разразилась бранью, и бывшие тут англичане с киями и кулаками подступали к Лукину. Он подошел

к окну и приготовился к обороне. Вдруг из окружавшей его толпы выходит человек огромного роста, плечистый, с сжатыми кулаками, готовый дать хороший бокс. Но Лукин предупреждает боксера, схватывает его поперек туловища, в воздухе только мелькают две ноги, и боксер уже за окном. К счастью, оно не было высоко. Спровадив боксера, Лукин проворно схватил одною рукою за ножку стоявший близ него деревянный увесистый табурет и с этим оружием встал в оборонительное положение. Англичане, озадаченные такими подвигами, невольно отступили от Лукина и вступили с ним в переговоры. Когда же объяснилось дело, то Лукин единогласно был объявлен правым. На другой день все лондонские газеты рассказывали про силу Лукина.

У Лукина была любимая собака «Бомс», такая же сильная и скромная, как хозяин. Однажды, когда он возвращался с нею по довольно глухой местности, его остановили два мошенника: один приставил к груди Лукина пистолет, требуя хриплым голосом кошелек, другая же личность осталась в отдалении. Лукин хотя и был озадачен таким требованием, но не

растерялся. «У меня денег нет, а есть часы», — ответил он флегматически, запуская левую руку за борт своего сюртука, и в тот же момент правой рукою схватывает руку и пистолет мошенника; а верный «Бомс» по знаку хозяина кидается на грудь другого и сваливает его на землю. Мошенник с пистолетом неистово заревел, когда Лукин своею рукою стиснул его руку и пистолет вместе. После нескольких пожатий Лукин выпустил руку мошенника: она и пистолет оказались измятыми и крепко изуродованными. Отобрав у мошенника пистолет себе на память, Лукин покинул грабителей, дав им добрый совет быть осторожнее.

Однажды императрица Мария Федоровна, знавшая лично Лукина, пригласила его обедать в Павловск и за обедом пожелала видеть его силу. Лукин взял две серебряные тарелки в обе руки, свернул в дудочку самым легким образом и поднес государыне. Свернуты они были столь искусно, что нельзя было подумать, что тут две тяжелые серебряные тарелки.

При отправлении из Кронштадта сенявин-

ской эскадры, Александр I посетил корабль «Рафаил», которым командовал Лукин, и заметил, что тот очень грустен. На вопрос о причине, Лукин отвечал, что он чувствует, что не воротится более на родину (что и случилось: неприятельское ядро разорвало Лукина на две части в Афонском сражении). Государь сказал ему несколько милостивых слов и пожелал от Лукина иметь что-нибудь на память о его силе. Тогда Лукин достал из кармана целковый, слепил из него, как будто из воску, чашечку и подал государю.

Говоря выше о наших исторических силачах, как о Лукине, Чагине и других, мы не можем не упомянуть об обладавшем феноменальной силой поручике Телегине, служившем в былые годы на Кавказе, в Нижегородском драгунском полку. Офицер этот, лихой во всех отношениях, имел одну физическую особенность: при большой силе он обладал такою крепкою головою, что ею, как тараном, отворял любую запертую дверь. Таран этот он употреблял с особенным успехом против армян-духанщиков и против персиян, имевших привычку надоедать назойливым предложе-

нием фруктов и чуреков. Телегин, не любивший персиян за брата, убитого под Дербентом, подзывал разносчика и затем наносил ему в живот такой удар головою, что тот отлетал кувырком на несколько сажен и, распластавшись на земле, кричал: «Аллах, Аллах!» Телегин приезжал в Екатериноград, где товарищи, шутки ради, сами вызывали его на единоборство: составлялись пари, собьет ли он с ног или не собьет того или другого офицера. Это был своего рода спорт.

ГЛАВА IX

Загадочные личности. Граф В-кий. Ожерелье Марии-Антуанетты. Гра- финя де Ламот. Барон Жерамбо. Граф Визапур.

В первой четверти текущего столетия в Петербурге жило немало загадочных иностранцев; в ряду таких был известен миллионер граф В-кий, происхождением поляк. Он находился в самых приятельских отношениях с выдающимися людьми всей Европы, его хорошо принимали при многих дворах. Обхождение, манеры, образ жизни, все обнаруживало в нем человека, привыкшего к высшему обществу, а жил он в Петербурге, как настоящий герцог времен Людовика XIV. Обеды его считались самыми гастрономическими, вина тончайшие, щедрость его была изумительная, вкус во всем изящный, речь увлекательная и характер самый веселый и уживчивый.

Судя по его расходам, он считался богачей-

шим человеком в мире, вроде графа Монте-Кристо. В доме его играли в карты, и он играл превосходно во все игры, выигрывая большие суммы, но и проигрывал иногда приятно. Его называли beau joueur[80], что тогда считалось весьма хорошим качеством в светском человеке. Многие предполагали, что В-кий составил себе состояние игрою, но где и как - никто не знал. В те годы азартные игры процветали всюду, поскольку правосудие думало, что публичная открытая игра не так опасна, как тайная. Несколько раз искусные шулера составляли против В-кого союзы, чтобы обыграть его наверняка, и каждый раз жестоко платились. «Compte soquin, soquin et demi»[81] - говаривал В-кий и очищал шулеров до последней копейки. Иногда он возвращал некоторым деньги, если они ему нравились, но чаще отдавал выигранное на бедных.

Неизвестно, был ли В-кий таков всегда, например, в молодости, но в зрелых годах он играл честно, чрезвычайно искусно и счастливо. Как клевета ни изощрялась на выдумки, но истины о нем она никогда не узнала, хотя несколько рассказов и доходило до общества.

Так, были люди, которые видывали В-ского за границей и не в блестящем виде; впрочем, он и сам никогда не задибался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако ж, подробностей и не распространяясь в рассказах. Например, его спрашивали:

– Правда ли, что князь Сапега встретил вас в крайней бедности в Галиции?

– Правда, - отвечал он, - я был без куска хлеба и без гроша денег, и князь сделал мне добро, которого я никогда не забуду.

– Как это было? - приставали к нему.

На этот вопрос В-кий уже отвечал неохотно:

– Это для вас не интересно, а для меня скучно. Действительно, в молодости он имел большую страсть к картам и доигрался в одном из карточных притонов до того, что должен был ради куска хлеба поступить в маркиры в трактир. В то время между богатыми и знатными поляками было немало эксцентриков, которые, несмотря на свое положение и состояние, искали повсюду приключений. Таким был и богатый князь Сапега, постоянно рыскавший по Европе и в течении своей жизни

ни сделавший много тайного добра; с него, как думали, Евгений Сю и списал своего князя Рудольфа в «Парижских тайнах»[82].

В Польше повсюду в городах метали банк и штос, и всюду там были шайки игроков, которые разъезжали по ярмаркам, как купцы с товарами. Из исторических игорных домов известны в старину были, как теперь Монако, «Серебряная зала» в Вильно, «Зала Нейман» в Варшаве, в которой была после главная квартира князя Барклая де Толли, затем «Hotel Nambourg», и многие другие.

В старинной Польше родители бедных дворян отправляли детей своих в свет для искания счастья, или, как говорили тогда, «на волокитство за фортуной». Перед отправлением имели ещё обычай растянуть их на ковре в гостиной, т. е. в лучшей комнате своего дома, и всыпать сто ударов плетью ни за что, ни про что, без всякой вины, единственно для внушения осторожности и притупления гордости.

Обычай польской знати и с нею шляхты посещать Петербург и искать там счастья начался со времен Екатерины II. Государыня

очень покровительствовала полякам, как и её наследник, император Павел I, и почти все приезжавшие получали места как при дворе, так и в военном и гражданском ведомствах. Граф А.С. Ржевуский рассказывает, что он, возвратясь домой из Петербурга, встретил на станции графа Северина Потоцкого, ехавшего в Петербург. Это было в начале польской революции, в 1793 году. Они были приятели, и Ржевуский спросил, зачем он едет в Петербург. - «В Польше у меня ничего не осталось, - отвечал Потоцкий, - а теперь единственная пора, что человек с именем может все приобрести при русском дворе. Еду за всем!» - примолвил он, смеясь. И, действительно, Северин Потоцкий приобрел всё в России - он был сенатором и попечителем Харьковского университета.

Императрица Екатерина II привлекла своими милостями многих поляков и посредством браков старалась соединить таких поляков с русскими, которые были особенно покровительствуемы императрицею. Граф Соллогуб[83], князь Любомирский и князь Понинский женились на трех дочерях Л.А. На-

рышкина[84], граф Виельгорский[85] - на графине Матюшкиной, Д.Л. Нарышкин[86] женился на княжне Марии Антоновне Четвертинской[87], граф В. Зубов[88] - на Потоцкой [89] и т.д. Родителям предоставлено было на волю избирать вероисповедание для их детей в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов и матерей примут православие, что и исполнилось почти без исключения: сын графа Соллогуба был католик, а внук его (писатель) - православным, равно как и князья Любомирские и т.д.

Граф В-кий жил в Петербурге в доме графини Браницкой (теперь дом князя Юсупова на Мойке), затем купил собственный дом на Большой Морской, на углу Почтамтского переулка. Комнаты В-кого были меблированы с большим великолепием. По возвращении Крузенштерна из путешествия вокруг света, привезенные на кораблях «Надежда» и «Нева» товары продавались с аукциона на Гороховой, в правлении Российско-Американской компании, и вся знать съезжалась туда ежедневно любоваться произведениями Китая и Японии. Граф В-кий купил лучшие вещи

на несколько больших комнат, шелковые обои, китайские и японские вазы, фарфор, бронзу и т.д., которыми и убрал комнаты. Он имел богатое собрание картин лучших мастеров. Но что составляло истинное богатство этого миллионера - это коллекция драгоценных камней и редких ювелирных вещей, которые находились в витринах за стеклами в его кабинете. Коллекция его золотых эмалированных табакерок считалась первою в Европе: между ними находились известные в целом свете двенадцать эмалированных табакерок с живописью знаменитого Петито. Табакерки эти некогда принадлежали французскому королю и о них существовало много рассказов. Несколько столовых сервизов В-кого тоже изумляли богатством и изяществом, особенно золотой сервиз со вставленными драгоценными камнями. Между редкостями В-кого был известный целому свету сапфир, изменявший свой цвет после захождения солнца и послуживший известной французской романистке г-же Жанлис предлогом написать повесть. В настоящее время такие камни, как описанный сапфир, теряющий

свою окраску при искусственном освещении, не представляют редкости: сапфиры, переходящие при свечах в фиолетовый и розоватый цвет, ценятся в десять раз ниже тех, которые не теряют своей настоящей синей окраски. Таких камней и помимо сапфиров в настоящее время существует много, как напр., хризобериллы, дихроиты и т.д.

Всё высшее петербургское общество навещало В-кого. У него была тьма друзей. Он обладал помимо всегдашней своей любезности ещё двумя важными качествами, которые в свете имеют силу волшебных талисманов, - умел отлично угощать и к стати дарить. При таких светских добродетелях граф отличался широкою благотворительностью: он сыпал деньги во все благотворительные учреждения. Виленскому университету он подарил свою редкую коллекцию минералов, которая теперь хранится в Киевском университете.

Говоря об источниках его богатства, мне кажется, нельзя ошибиться, если сказать, что он приобрел его торговлей драгоценными камнями, картинами и табакерками. Все петербургские ювелиры собирались у него еже-

дневно, как на биржу, по утрам и приносили вещи или брали их из его витрин. Известный ювелир Я.Д. Дюваль вел для него даже переписку с Парижем, Лондоном и Амстердамом, и через тогдашнего банкира барона Раля им переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег. В делах В-кого все обнаруживало торговлю, но вел он её секретно, через других. В то время в обществе охотнее принимали ловких шулеров и разных темных авантюристов, чем купцов.

Граф В-кий имел внешность вельможи. Он выезжал в нарядной польской или венгерской шорной закладке, в богатой собольей шубе, крытой зелёным бархатом, со звездой Станислава на покрышке, и в таком виде никто не мог бы заподозрить в нем продавца алмазов. Покупать бриллианты в те годы было очень выгодно, да и знатоков было очень немного. Я знавал одного старика, продавца дорогих камней, которому удалось купить в одном аристократическом доме у наследника все фамильные бриллианты за какие-нибудь сто рублей, когда цена их колебалась в сумме свыше трехсот тысяч рублей. В том виде, в ка-

ком были куплены бриллианты, даже самый опытный глаз искусного ювелира не мог бы признать их за настоящие. Покупка случилась как раз в год смерти Александра Благословенного. При дворе был тогда траур, и придворные дамы, которые являлись ко двору, не надевали бриллиантов. Но как избавиться от укоренившейся привычки? И вот одна владелица замечательных бриллиантов, чтобы не разлучаться с ними, придумала следующую хитрость. Для того, чтобы отнять у них сильный блеск, она покрыла их густо лаком, иначе сказать, прикрыла их траурным крепом. Такие потускневшие бриллианты впоследствии и были проданы наследниками за простые стекла.

О старых выгодных покупках драгоценностей существуют целые легенды. Век романов, я думаю, и теперь не прекратился, человеческие страсти всегда были сильны. Старые петербургские ювелиры все знали, что знаменитое алмазное ожерелье Марии-Антуанетты, наделавшее столько шума в Европе своим скандальным процессом, было продано в Петербурге графу В-кому одним таинственным

незнакомцем, впоследствии довольно известным лицом в Москве. Знаменитое алмазное ожерелье было сделано парижским ювелиром Бемером. Это великолепное украшение стоило 1800000 ливров. Царское украшение состояло из многих рядов и один из них в 17 великолепных бриллиантов в орех величину. В 1784 году придворные ювелиры представили королеве Марии-Антуанетте это бриллиантовое ожерелье редкой красоты. Людовик XVI отказался от покупки - цена была слишком высока, и сказал, что на эти деньги можно построить целый корабль. В это время придворным епископом был кардинал де Роган, некогда посланник в Вене, не одобрявший брака с Марией-Антуанеттой, чего впоследствии не прощала ему королева. Де Роган хотел быть первым министром, а вместе с тем он был страстно влюблен в королеву. Это обстоятельство хорошо знала графиня де Ламот, женщина с довольно подозрительной репутацией. Она вкралась в доверие кардинала и убедила его в мнимой своей близости к королеве. К Рогану также явился на подмогу знаменитый алхимик Калиостро, у кото-

рого кардинал просил сверхъестественного содействия в его страсти к королеве. При помощи Калиостро, де Ламот уверила де Рогана, что ожерелье будет желанным подарком для королевы, за которым последует взаимность. Была приискана девица Олива, очень похожая станом на королеву, и вечером в Версальском саду Роган был обманут: мнимая королева оказала ему внимание.

Ювелирам графиня де Ламот сказала, что королева покупает ожерелье тайно от короля, но с рассрочкою платежа. Графиня бралась доставить ожерелье королеве, но вместо того украла его. Ювелиры, не получая денег, бросились в Версаль. Королева пожаловалась королю. Кардинала в полном облачении перед обеднею арестовали и привели в кабинет к королю, а оттуда прямо отвезли в Бастилию. Арестовали и графиню де Ламот, которая от всего отказалась, свалив вину на волшебника Калиостро; последний тоже был схвачен.

Процесс вышел очень скандальным. Судьи не столько обвиняли преступников, сколько делали оскорбительные для власти намеки. Разбирательство длилось долго, возникла да-

же целая литература по делу ожерелья. Парламент оправдал Рогана и подставную девицу Оливу.

Калиостро был изгнан из Франции, графиня де Ламот подверглась публичному наказанию плетью и клеймению, а так как она вырывалась у палачей, кусала их зубами, вертелась, почему клеймо у плеча вышло неясно, то оно было повторено. Посажённая потом в тюрьму, она успела бежать и, как свидетельствуют иностранные источники, умерла в Англии. На самом деле она бежала в Россию: сперва жила в Петербурге, где сошлась с последовательницами известной гжи Крюднер, а затем проживала на южном берегу Крыма. В шестидесятых годах пишущий эти строки хорошо знал одну старушку-швейцарку, мадам Л-ге, которая некоторое время была у де Ламот компаньонкой: де Ламот жила здесь под именем графини де Гаше. Это была довольно красивая, худая старушка, ходившая в сером полумужском платье, на голове она носила чёрный бархатный берет с перьями.

Баронесса М.А. Боде[90] в своих воспомина-

ниях говорит, что та имела лицо умное и приятное, с живыми блестящими глазами; она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком. О её странностях и намеках, о её таинственных приключениях ходило много рассказов. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок. Иногда она даже любила возбуждать их будто не нарочно обмолвкой с людьми образованными, а легковверных и простых местных жителей запутывала таинственными намеками.

О короле Людовике XVI, графе Калиостро и о разных личностях той эпохи она говорила, как о лицах своего знакомого кружка. Графиня де Ламот умерла в Крыму, оставив своим душеприказчиком барона Боде[91]. Служившая ей старая армянка, как говорит дочь барона Боде, передавала, что как только она почувствовала себя дурно, провела всю ночь, разбирая и бросая в огонь свои бумаги. Она запретила трогать свое тело и велела похоронить себя в чём была; говорила, что её тело потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при её погребении.

Эти предсказания, однако, не сбылись. За

неимением католического, её хоронили православный и армянский священники. Служившая ей армянка мало могла удовлетворить общему любопытству: покойница редко допускала её к себе, употребляя лишь для чёрной работы. Только обмывая её после смерти, армянка заметила на плече её два пятна, очевидно, выжженные железом.

Вигель в своих воспоминаниях говорит о ней, что она никогда не снимала лосиной фуфайки. Это также передавала мне некогда служившая у ней швейцарка, мадам Л-ге. Последняя добавляла, что графиня нередко перед смертью прихварывала, часто бредила бриллиантами и по ночам рассматривала драгоценности, которые она хранила в железном ларце, который, как она сама видела, взял перед её смертью сосед. М-те Л-ге не отвергала и того, что прибывшим после её смерти офицером из Петербурга были запечатаны все её вещи. Последних, впрочем, оказалось очень немного: один большой сундук набит был разным мужским платьем.

Похищение бриллиантов соседом не составляло большой тайны для многих крым-

ских старожиллов, они рассказывали это не стесняясь. Баронесса Боде в своих воспоминаниях передает, что едва успел дойти в Петербург слух о смерти графини, как приехал курьер с требованием её запертого ларчика, который будто бы и был немедленно отправлен в столицу.

Она слышала, что за этой женщиной власти наблюдали давно. Полиции хорошо было известно, что она графиня Ламот-Валуа, укрывшаяся в Россию под именем графини де Гаше; последнее имя она получила от эмигранта, за которого вышла замуж где-то в Англии. Та же баронесса передает, что император Александр I случайно услышал от известной англичанки Бирч, во время разговора последней с императрицей, о графине де Гаше. При этом имени он невольно воскликнул: «Она здесь?! А сколько раз меня о ней спрашивали, и я всегда отвечал, что её нет в России. Где она?» М-м Бирч пришлось повторить императору все, что она знает про эту эмигрантку. «Привезите её завтра сюда». Бирч отправилась к ней с этим известием. «Что вы сделали, вы меня погубили, - с отчаянием го-

ворила графиня, - я погибла». После свидания с государем графиня возвратилась успокоенная и очарованная его благосклонностью. «Он обещал мне тайную защиту», - говорила она. После этого графиня переехала из Петербурга в Крым. Графиня де Ламот похоронена на кладбище Старо-Крымской церкви.

Надо думать, что о целостности знаменитого ожерелья у де Ламот знал и приезжавший в Россию при императоре Павле I аббат Жоржель, автор известного труда «Affaire de Collier. Paris, 1785»[92]. Собственно это не книга, но переплетенное собрание тех судебных документов, которые были напечатаны и изданы разными сторонами в этом знаменитом процессе об ожерелье. Эти бумаги, переплетенные в два тома in quarto с портретами, картинами, с заметками, пасквильными песнями и тому подобное, иногда самого нецензурного свойства. Это один из обширнейших сборников лжи, какие только существуют в печати.

В первых годах текущего столетия приезжал в Москву довольно загадочный человек, выдававший себя за барона Жерамбо. Он но-

сил всегда черный гусарский мундир и на груди серебряную мертвую голову. Он уверял, что этот мундир и мертвая голова были присвоены полку, который он сформировал в Австрии во время войны. Барон был очень ловкий, остроумный и любезный человек, принятый в лучшие дома. Он, кажется, был известен в обществе и литературными произведениями. Так, во время пребывания своего в Москве он обратил сердечное внимание свое на одну девицу и, не смея в том признаться, написал в альбоме её брата: «Prince, je vous adorerais, si vous etiez votre seour»[93]. Он разъезжал по Москве в щегольской карете цугом, играл широко в карты и проигрывал довольно значительные суммы. Наконец денежные средства его, по-видимому, истощились. В подобной крайности, как рассказывает кн. Вяземский, он обратился к известной княгине Дашковой с письмом такого содержания: он видел Родосский колосс, египетские пирамиды и подобные тому чудеса, и не умрет спокойно, если не удостоится увидеть княгини Дашковой.

Старушка была тронута этим лестным

приветом и пригласила его к себе. В первое же свое посещение он попросил у княгини дать ему в займы 25 т[ысяч] руб[лей]. Княгиня, разумеется, их не дала и знакомство их на этом закончилось.

Известно, что Дашкова отличалась большой скупостью, и если давала деньги, то едва ли иначе, как за проценты. У меня имеется заемная расписка орловской помещицы Кокуриной, по которой была взята крупная сумма денег на проценты от княгини чрез посредство графа Санти, бывшего поверенным в денежных делах Дашковой.

Жерамбо кончил жизнь монахом. Когда русские войска вступили в Париж, многие офицеры, знавшие Жерамбо в Москве, нашли его трапистом[94] под именем отца Жерамбо.

До нашествия Наполеона на Москву проживала там весьма загадочная личность, некто граф Визапур, происхождением араб, черный, как смоль, с характерными чертами негра. Он был очень образованный человек, прекрасно объяснялся по-французски, писал недурно стихи, был принят в высшем обще-

стве, к которому, видимо, и сам принадлежал по воспитанию. Он долго искал себе невесту, пока одна из дочерей одного помещика, бывшего богатого купца-сахароторговца З., не вышла за него[95].

Этот брак для молодой девушки считали неравным и кто-то сложил по этому случаю стишки:

*Нашлась такая дура,
Что не спросясь Амура,
Пошла за Визапуром.*

От этого брака рождались дети двух цветов - черные и белые; последних тогда называли в Москве «сахарными».

Граф Визапур, благодаря достатку своей жены, широко угощал высокопоставленных москвичей и кормил редкими в те годы хорошими устрицами. Визапур рассылал устрицы даже незнакомым лицам. Князь Долгоруков, известный поэт, бывший владимирский губернатор, рассказывал, что «этого черного человека, по происхождению араба, я никогда не видал в лицо, и он мне совершенно был незнаком, но вдруг получил от него с эстафе-

той большой пакет и кулечек; я не знал, что подумать о такой странности: в пакете я нашел коротенькое письмо на свое имя в четырех французских стихах и двенадцать самых лучших устриц, и с тех пор по странной случайности:

*Которых где при мне за стол ни
подадут,
А в памяти моей граф Визапур,
как тут».*

В записках С.П. Жихарева находим упоминание об этом Визапуре следующее: «В церкви у Дмитрия Солунского черномазый Визапур, не знаю - граф или князь, намедни пришел в такой восторг от певчих, что осмелился аплодировать; полицеймейстер Алексеев приказал ему выйти».

Визапур до прихода Наполеона куда-то скрылся из Москвы, но существует известие, что он вскоре был пойман в окрестностях столицы нашими казаками; у него найдены были подозрительные письма и зашифрованные депеши, за что он и был расстрелян в поле[96]

ГЛАВА X

Исторические самодуры Д.И. Чичерин и В.В. Нарышкин. Иркутский губернатор Н.И. Трескин. Пышная жизнь князя Куракина. Брат канцлера в Орловском имении.

В числе исторических замечательных самодуров в екатерининское время известны были два сибирских губернатора - Д.И. Ч[ичери]н[97] и В.В. На[рышки]н[98]. Первый у сибиряков был известен под именем «батюшки», второй - «шалуна». Д.И. Ч[ичери]н был роста среднего красив лицом, ловок и телосложения крепкого; вспыльчив он был до бесконечности. По крутости характера легко выходил за пределы, но при самоуправстве, которое делало его страшным в народной молве страны, он скоро смягчался, в разговоре лю-

безничал, любил веселое препровождение времени, давал балы, вечера. Обычные народные праздники, как, например, масленицу, Ч[ичери]н праздновал так: в избранный день у губернаторского крыльца стояли народные огромные сани, устланные коврами, с беседками-балдахинами, мягко и богато убранными. Ч[ичери]н с дамами и свитой садился в сани и отправлялся в сопровождении гайдуков и драгун, а впереди другие, также огромные сани, с музыкантами.

У известных домов поезд останавливается, музыканты бегут в прихожую, хозяйин и хозяйка ждут гостей у дверей. Первый гость подает руку хозяйке и, приплясывая под музыку, проходит комнаты при общем подражании всех гостей и тотчас выходит, уводя с собою хозяйку и хозяина. Таким же образом заезжают в прочие дома и увеличивают поезд. Потом катаются по городу и около гор с шумною музыкою и оканчивают веселый день в доме гостеприимного губернатора.

Чичерин Денис Иванович (1721-1785)

Ч[ичери]н жил очень пышно при дворе с гайдуками, скороходами, гусарами, арабами и проч. Таких прислужников у него считалось более трехсот человек. В высокаторжественные дни, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками, он ходил с азиатскою пышностью в собор, будучи облечен в мантию ордена св. Александра Невского, со скороходами и пажами впереди, а в заключение кортежа следовали гайдуки.

Ежедневно за столом он угощал более пятидесяти человек, а в праздничные дни давал большие обеды. В делах он был трудолюбив и не оставлял их даже тогда, когда у него танце-

вали гости: сам он являлся только к ужину. Страдая постоянно бессонницей, он превращал ночь в день, издавая приказы, чтобы чиновники работали только ночью, а днем спали. В дни своего величавого губернаторства он раз задумал создать у себя целый сенат, в роде римского, и сенаторами произвел всех учителей семинарии, которые и были наряжены в римские тоги.

Когда он приезжал в этот сенат, ему говорилось латинское приветствие, на которое он отвечал по латыни же. В дни его губернаторства утренняя и вечерняя заря в летние месяцы сопровождалась особенным церемониалом: перед губернаторским домом становилась музыкальная и певческая капеллы, и когда после отбоя барабана все затихало, над городом разносились усладительные мелодии из кларнетов и скрипок, оживлявшие пение тенором или альтом божественного стиха: «О всепетая Мати, рождающая всех святых Светлейшее Слово, нынешнее приемши приношение, от всякой напасти избави всех и будущие нам муки Тебе вопиющих: аллилуйя!»

Ч[ичери]н, несмотря на любовь к нему го-

сударыни, вскоре впал у неё в немилость и получил выговор за лишнюю во время голода в Сибири закупку провианта: он израсходовал 1800000 р. сверх определенных ему ста тысяч рублей медною монетою из Екатеринбурга.

При дворе у него было много врагов и завистников, которые воспользовались случаем представить поступок его действием неограниченного властолюбия. Он подал в отставку, которую вскоре и получил.

По получении отставки жил он в орловской деревне, в с. Ильинском, где вначале не бросал своей прежней пышной жизни, но наконец деревня стала ему скучна, он сделался угрюмым, задумчивым, начал чуждаться людей, заперся в свой кабинет, никого не видал и умер в 1785 году, отвергая пищу и все услуги своей дворни.

Второй из этих администраторов-самодуров, Вас[илий] Вас[ильевич] На[рышки]н, представляется личностью тоже очень сумасбродной, но ещё не вполне разгаданной. Он был - широкая русская натура, хорошо знакомая с возникшим тогда учением энциклопед-

дистов. Судя по некоторым его поступкам, он обнаруживал демократические и социальные убеждения для того, чтобы приобрести популярность в среде русского и бурятского населения, имея целью достигнуть отделения Забайкалья от российской короны. Действия его, пожалуй, можно объяснить и примерами общего произвола и ненормальностью тогдашнего строя жизни.

В.В. На[рышки]н был крестник императрицы Екатерины II. По приезде из Петербурга в Нерчинский завод, Н[арышки]н одиннадцать месяцев не выходил из дома, окна его квартиры были закрыты ставнями. Он ревностно занялся делами, заботился о крестьянах, о хлебопашестве, о школе и т.д. Но выйдя на Пасхе в церковь, он заставил сначала служить обедню, а потом утреню. Все следующие дни в церковь его вводили под руки две толстые барыни, а он по дороге приплясывал и пел песни. Чиновники, шедшие позади, тоже подпевали и притопывали.

После этого Н[арышки]н продолжал нередко поучать народ изустно и письменно, объясняя обязанности к Богу, государю и ближ-

ним; кроме того, делал крестьянам умные и практичные наставления по домохозяйству. Затем учредил праздник - «открытие новой благодати» и, приказывая всем каяться во грехах, остановил заводские работы и стал задавать народу обеды, приготовляемые на несколько сот человек.

На этих празднествах он разжаловывал чиновников, а арестантов производил в чины, сажал с собою обедать и заставлял первых прислуживать последним. В служебном штате у Н[арышки]на состояло несколько человек из секретных арестантов, вероятно, людей с образованием, из них двое при нем были секретарями. Кроме того, Н[арышки]н приблизил к себе двух князей Гантимуровых, замешанных перед тем в истории самозванца Петра I.

Во время церемониальных празднеств, которые устраивал Н[арышки]н, происходила пальба из пушек и разбрасывались народу казенные деньги, а когда денег в казне уже не оказалось, то он потребовал их у купца Сибирякова и, окружив дом его пушками, угрожал в случае отказа бомбардировкой. Испуганный

Сибиряков вынужден был вынести ему на серебряном блюде несколько тысяч рублей.

Н[арышкин] катался по городу в экипаже, запряженном провинившимися перед ним чиновниками. Под конец своего губернаторства из соперничества во власти Н[арышкин] предпринял военный поход против иркутского губернатора Немцова[99]. Поход этот вышел каким-то опереточным, веселым шествием толпы бурят и местных жителей с даурским красных гусар полком, который он сформировал из бурят, с песнями и музыкой. В процессии везли пушки и колокола, по дороге в деревнях звонили и стреляли, а чтобы увлечь ещё более народа, поили всех вином и разбрасывали в толпу казенные деньги. В степи, на отдыхах, кипели огромные котлы, в которые сваливался цибиками чай и сахар, вино выставлялось бочками, и все это забиралось с встречных обозов. Н[арышкин] совершил таким образом шумный тысячеверстный доход до Верхнеудинска, и только воевода этого города Тевяшев успел положить предел завоеваний «шалуна», как наименовала императрица Екатерина II этого сумасброда.

В первых годах текущего столетия в Сибири служил губернатором Т[рески]н[100], прозванный у жителей вторым Аракчеевым. Родом Т[рески]н происходил из смоленских священнических детей. Это был величайший оригинал. Он не был зол и жесток, но, как власть, был очень строг. Вся полиция при нем была доведена до совершенства, и во всей И[ркутско]й губернии не было ни грабежей, ни воровства. Рассказывали, что всякий проезжий, забывший в доме крестьянина какую-нибудь вещь, непременно был догоняем и получал забытое. Дороги и мосты были превосходны, деревни чисты, крестьяне зажиточны, скота и лошадей много. О преступлениях в городе не было слышно.

Трескин Николай Иванович (1763-1842)

Что такое был Т[рески]н в этом городе - теперь трудно иметь понятие. Т[рески]н и законы были синонимы.

По праздникам Т[рески]н позволял дамам целовать свою руку; из мужчин допускались к руке только старшие чины и купцы первой

гильдии. Все дамы целовали ручки у его супруги и у дочерей.

Рассказов о его деспотической власти мно-

жество. Жалобы до Петербурга не доходили, а если редкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться. Т[рески]н был замечательно деятелен, работал он с раннего утра до глубокой ночи, вникал во все мелочи. Город при нем превратился в военное поселение. Не знали, когда спит Т[рески]н: его можно было встретить во всякое время дня и ночи, и встретить, скорее всего, там, где не ожидаете. Он, как сказочный халиф Гарун-аль-Рашид, гулял в простом платье, заходил в частные дома, замечал все: плохи ли были калачи на базаре, плох ли гороховый кисель, бывший в постах в большом употреблении в Сибири. Зайдет, бывало, в частный дом и видит - муж с утра ушел на работу, а жена сидит и попивает чаек. «А что ты, матушка, приготовила мужу поесть?» - и в печь. Если в печи ничего нет - тотчас расправа. Он ходил всегда один, но полицейские зорко следили издали и тотчас являлись, куда нужно.

Наружное безобразие города сильно возмущало Т[рески]на, и он его в три года переломал и переустроил. Это была настоящая архитектурная революция, но он совершил её.

Управляя при военном губернаторе Пестеле обширнейшей в мире провинцией, он не имел понятия о том, что такое статистика и вообще терпеть не мог ученых, считая науки занятием пустым и бесполезным. Он держал в своих руках местного архиерея, приказывал ему являться на свои вечера; даже проповеди в торжественные дни последний говорил не иначе, как с распоряжения или по приказаниям его, отдаваемым через полицеймейстера.

Т[рески]н держал себя со всеми как восточный властитель, заставляя даже вице-губернатора подавать ему шубу. Ежедневные официальные приемы у него происходили в девять часов утра. Его большая прихожая всегда была полна служебного люда - казаки, полицейские офицеры, дежурные чиновники. Тишина полная. У глухой стены на раз назначенных местах стояли чиновники с бумагами, и ни один чиновник не смел пошевелить ногой или кашлянуть. Более часа чиновники, как каменные, ожидали его выхода, не сводя глаз с маленькой двери, где должен был появиться Т[рески]н. Появление его было очень

характерное, потому что являлся он, как мраморная белая статуя Командора. На нем был как снег белый колпак, из-под колпака свисали длинные белые волосы, рубашка со стоячим воротником без галстука, подпоясанный белым кушаком белоснежный халат, из-под которого видно нижнее белье, чулки и мягкие туфли без задков. Он не шел, а двигался, скользя туфлями.

Взятки Т[рески]н лично не брал; их брала его супруга, по сибирскому выражению, Трещиха[101], которая задалась собрать для своих восьмерых детей по пуду ассигнаций на каждого. Жена его имела огромное влияние на дела, она всегда была окружена молодыми, красивыми чиновниками, которых называла своими «детками».

Она раздавала должности и брала взятки по важным делам. Губернатор, говорили, не берет, а Трещихе «надо поклониться».

Прием был следующий: купи у нее мех соболий. Принесут мех, сторгуются тысяч за пять - и мех возьмут назад, и деньги. То же и другому, и третьему. Один этот мех раз пятьдесят продавали. В большие праздники, в

именины и т.д., Трещиха запросто угощала у себя купцов, съезжавшихся по этим дням исправников и бурятских тайшей, играла с ними в карты и, понятно, выигрывала, не говоря уже о подносившихся ей подарках и всевозможных припасах, доставлявшихся в этот день в дом губернатора.

У нее был любимец откупщик Кузнецов, тоже замечательная личность, ловко обделывавший свои кабацкие дела. Впоследствии он открыл богатейшие золотые прииски, сделался миллионером, статским советником и украсился орденами[102]. Дочерей своих он отдал за титулованных особ. Мотовство его было, безгранично: он однажды за один визит заплатил доктору 50000 рублей, а в другой раз - 25000 рублей.

При Т[рески]не в Сибири взяточничество доходило до высшей степени. Подарки от разных обществ и частных лиц ему уже некуда было девать, и Трещиха открывала в гостином дворе лавку, где последние и продавались. Он ежегодно отправлял обозы всякого добра на сохранение к своему брату в Москву. Всё, присланное им до 1812 года, сторело при наше-

ствии французов, но и после этого он продолжал посылать обозы.

С опалой Т[рески]на, по сибирским преданиям, в чиновничьем мире началась паника вроде той, какую описывают древние летописцы перед падением царств. Не появлялось только невидимой руки, которая написала бы на стене его кабинета огненные слова «мене, текел, фарес», но видения вроде этого были.

Так, ему докладывали, что «некошной» (черт) в губернаторском доме давил часового; в полночь отворялись двери, под полом брехали кандалы; часовой от казначейства видел в губернаторском доме носимую большую свечу с огнем, а другой, стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубахе.

Пошли несчастья воочию: советник Кузнецов стал мешаться в уме, бегал по улицам и хотел топиться в Ангаре; другой секретарь его, Белявский[103], тоже впал в острое помешательство, стал неистовствовать и буяннить. Несчастья, казалось, опережали одно другое: пришла из Петербурга весть, что сын губернатора, ещё молодой человек, в азарте и непри-

личной компании убил бутылкой актрису и находился под судом.

К довершению всего, пришло крайне печальное известие из Верхнеудинска о смерти самой губернаторши. Во время путешествия с двумя любимцами за Байкалом её понесли лошади и убили до смерти. Узнав об этом, Т[рески]н рвал на себе волосы и горько плакал. Замечательно, что все эти горестные события делались известными губернатору по четвергам и почти в один час - невежество и суеверие, видимо, и здесь играли видную роль. Сибирское общество не верило, чтобы кто-нибудь мог поколебать могущество этого человека, который придерживался строго одного только правила: кто не за нас - тот против нас, и преследовал всех ему непокорных. Советника Корсакова за непокорность он выслал из И[ркутско]й губернии и предписал от имени военного генерал-губернатора всем губернаторам не допускать ему нигде жить дольше трех дней, но в то же время не выпускать за пределы Сибири. Корсаков целых четыре года кружил по Сибири, как легендарный Вечный жид.

Сперанский, сменив Т[рески]на и главных его пособников, насчитал на них взысканий на 2847000 руб. Под суд было отдано более 600 человек. Т[рески]н был лишен чинов.

После своей отставки он, поселившись в Москве, притворился бедняком, водил дочерей в заячьих салопках и «по бедности» просил даже у государя пособия через известного саванника Нарышкина[104]. Но кто тогда не знал о миллионах Т[рески]на... Существует предание, что он вывез из Сибири пуды ассигнаций в замороженных осетрах; говорили, что после его смерти в одном из диванов нашли в подушке более 500 тысяч рублей депозитками: предполагали, что покойный об них забыл...

Выдающимся хлебосольством и гостеприимством отличались многие из наших вельмож и помещиков старого времени. Таким большим хлебосолом был представитель сластолюбивого XVIII века, великолепный, покрытый бриллиантами и окруженный всегда множеством всякой прислуги канцлер Александр Борисович Куракин, правнук знаменитого дипломата и свояк Петра Великого.

При Екатерине II этот вельможа был сослан в ссылку в свое саратовское имение. Причиной ссылки князя стала обнаруженная во время путешествия секретная переписка его с флигель-адъютантом П.А. Бибиковым [105].

Когда князь проживал в своем Надеждине, все кипело жизнью шумной и полной всякого довольства. Учтивая, внимательная барская дворня прежнего времени по уши была занята услугами: большой наплыв посетителей всегда был приятен князю. Часто многие из бедных дворян жили здесь, из скромности по несколько месяцев не смея представиться князю, однако пользуясь всеми удобствами широкой барской жизни. Во дворе для выездов были всегда готовы экипажи и верховые лошади, а на прудах желающих ожидали шлюпки с молодцами-гребцами.

Каждому из приезжих гостей подавалась печатная инструкция: «Обряд и правила для здешнего образа жизни в селе Надеждине». Первое правило гласило: «хозяин, удалясь от сует и пышностей мирских, желает и надеется обрести здесь уединение совершенное, а от

онаго проистекающее счастливое и ничем непоколебимое спокойствие духа»; второе - «хозяин почитает хлебосольство и гостеприимство основанием взаимственного удовольствия в общежитии. Следственно, видит в оных приятные для себя должности»; третье - «всякое, здесь деланное посещение хозяину будет им принято с удовольствием и признанием совершенным»; четвертое - «хозяин, наблюдая предмет и пользу своего сюда приезда, определяет в каждый день разделять свое время с жалующими к нему гостями от часу пополудни до обеда, время обеда и все время после обеда до 7-ми часов вечера»; пятое - «хозяин по вышеуказанному наблюдению определяет утро каждого дня от 7-ми часов до полудни - для разных собственных его хозяйственных объездов, осмотров и упражнений, а вечер каждого дня, от 7-ми до 10-ти часов, определяет он для уединенного своего чтения или письма»; шестое - «хозяин просит тех, кои могут пожаловать к нему на один, или на два дня, или на многие дни, чтобы, быв в его доме, почитали себя сами хозяевами, никак не помня о нем единственно в сем

качестве, приказывали его людям все надобные для них услуги и, одним словом, распоряжались бы своим временем и своими упражнениями от самого утра, как каждый привык и как каждому угодно, отнюдь не снаравливая в провозждении времени самого хозяина, который чрез то с новою к ним благодарностью получит всю свободу им принятое безостановочно и с продолжительным тщанием выполнять»; седьмое: «хозяин никогда не ужинает, но всякий день, в девять часов вечера, будет у него ужин готов для всех, приобыхших к оному, и он, прося дозволения от оного всегда отлучаться, просит также своих случающихся гостей, несмотря на его отсутствие, за оный садиться и за оным самим хозяйничать».

Куракин Александр Борисович (1752-1818)

С восшествием на престол Павла Петровича, князь был отозван в Петербург и на него тотчас посыпались нескончаемые царские милости. В течение одного месяца Куракин

получил чин тайного и действительного тайного советника, звание канцлера, орден св. Александра Невского и св. Андрея Первозван-

ного, 5 т[ысяч] душ, 20 т[ысяч] десятин земли в Тамбовской губернии и рыбные ловли на Волге.

При императоре Александре I на его долю также выпало немало почетных должностей. Так, в 1808 г. он был назначен русским послом в Париж, где и пробыл до 1812 г.

Там в 1810 г. его постигло большое несчастье: он едва не погиб во время пожара на празднике, данном австрийским послом, князем Шварценбергом, по случаю бракосочетания Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой. Он очень обгорел, у него совсем не осталось волос, голова повреждена была во многих местах и особенно пострадали уши; ресницы сгорели, ноги и руки были раздуты и покрыты ранами; на одной руке ожог оказался настолько силен, что кожа слезла, как перчатка. Спасением своим он отчасти был обязан своему мундиру, который весь был залит золотом; последнее до того нагрелось, что вытщившие князя из огня долго не могли поднять его, обжигаясь от одного прикосновения к его одежде. Независимо от здоровья, Куракин во время суматохи лишился ещё брилли-

антов на сумму более 70000 франков, до которых он был очень большой охотник.

Существует редкая гравюра, изображающая князя Куракина в больном виде после этого пожара. Князь Куракин был вытасчен в обмороке из толпы доктором Кфэф при содействии французских офицеров. Платье на нем тлело, и его тушили водою из лужи, между тем как другие отрезывали бриллиантовые пуговицы его одежды. На этом балу погибло до двадцати жертв, в числе которых и жена князя Шварценберга. Потеря драгоценностей исчислялась в несколько миллионов.

Выздоровление Куракина долгое время считалось сомнительным, хотя лучшие парижские врачи окружали его, в том числе доктор Наполеона. Получив немного облегчения, он велел перенести себя в бархатных креслах, халате и в соломенной шляпе в загородный свой дом, находившийся в окрестностях Парижа. Служители его шли впереди по два человека в ряд, свита следовала за ним; многочисленная толпа народа толпилась вокруг него. Прибыв в Нельи, князь Куракин произнес приветственную речь жителям, вы-

шедшим к нему навстречу.

Под конец своей жизни князь Куракин, состоя членом Государственного Совета, жил в Петербурге, где он часто давал пышные обеды и блистательные балы в обширном своем доме на Большой Морской. Палаццо Куракина по вечерам горело огнями, огромный оркестр гремел полонезы, толпа ливрейных слуг и официантов кишела в комнатах, скороходы, расставленные на крыльце, встречали и провожали гостей.

На балах у Куракина разыгрывались бездежно в пользу прекрасного пола лотереи из дорогих вещей. В кругу лучшего петербургского общества и всего дипломатического корпуса гостеприимный хозяин не раз имел счастье принимать у себя царскую фамилию. Князь Куракин носил всегда глазетовый или бархатный французский кафтан, на котором, как и на камзоле, все пуговицы были бриллиантовые, а звезды, как и кресты на шее, - из крупных солитеров. На правое плечо он надевал бриллиантовый или жемчужный эполет, пряжки и шпагу имел алмазные, даже петлю на шляпе - из бриллиантов; кружева носил на

груди и рукавах.

Куракин был большой педант в одежде. Каждое утро, когда он просыпался, камердинер подавал ему книгу вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные костюмы, и образцы платья; при каждом платье были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка и т.д.

Однажды, играя в карты у императрицы, князь внезапно почувствовал дурноту: открывая табакерку, он увидал, что перстень, бывший у него на пальце, совсем не подходит к табакерке, а табакерка не соответствует остальному костюму. Волнение его было настолько сильно, что он с крупными картами проиграл игру; по счастью, никто, кроме него, не заметил ужасной небрежности камердинера.

В Александровское время, когда сам император ездил в одну лошадь, когда исчезли богатые экипажи и обложенные галунами ливери, в Петербурге только один Куракин сохранял прежний екатерининский обычай и ездил в вызолоченной карете о восьми стек-

лах цугом с одним форейтором, двумя лакеями и скороходом на запятках, двумя верховыми впереди и двумя скороходами, бежавшими за каретой.

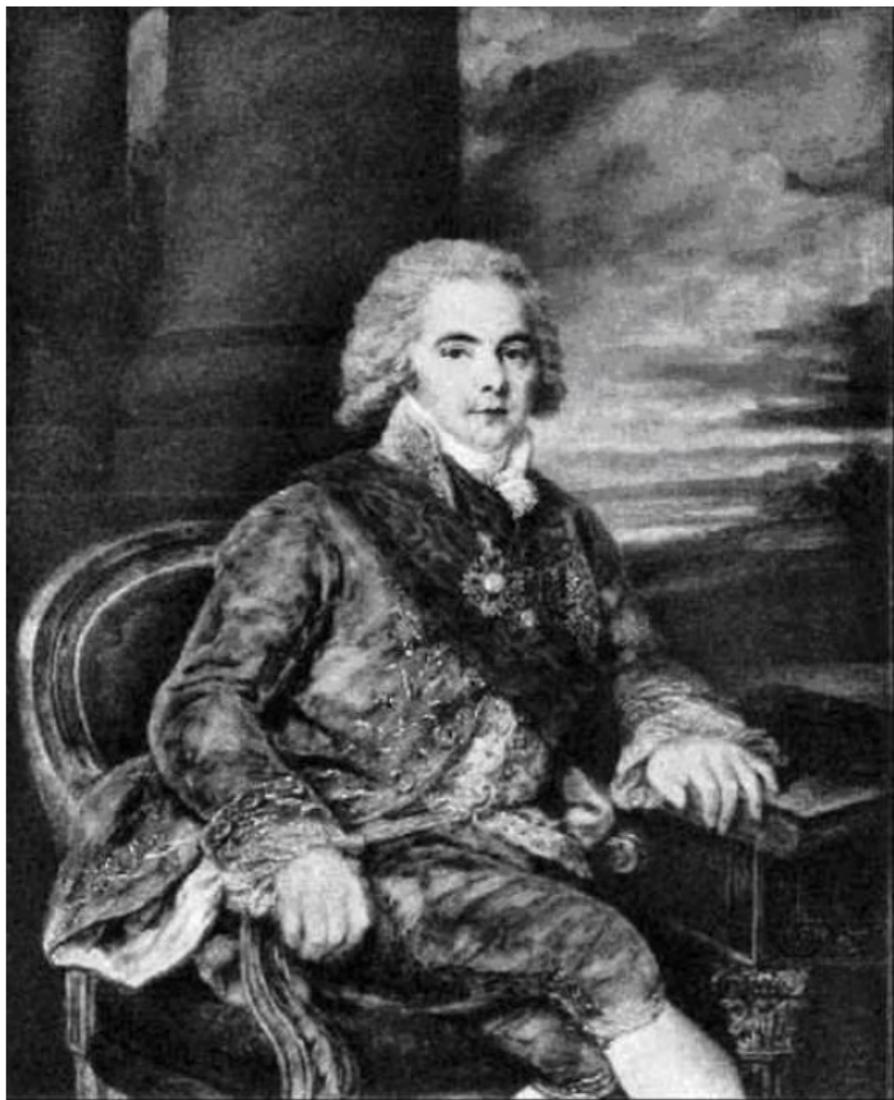
Князь Куракин во всю свою жизнь не оскорбил никого: отличительная его черта была - за всякую безделицу быть благодарным.

С благоговением он хранил у себя стол, за которым провел лучшее время своей жизни, обучаясь вместе с Павлом Петровичем.

Куракин Алексей Борисович (1759-1829)

Куракин умер в 1818 году, в Веймаре; тело его перевезено и погребено в Павловске. Императрица Мария Федоровна воздвигла ему памятник с надписью: «Другу супруга моего», а брат его, Алексей Борисович, бывший тогда министром внутренних дел, подле церкви, где был похоронен князь, выстроил дом для инвалидов.

Этот Куракин жил тоже пышно, но отличался необыкновенною гордостью. В его имении Орловской губернии Малоархангельско-

го уезда был целый штат придворных - полная пародия на двор. Были даже чины полиции: на кладбище сельской церкви села Кура-

кина посе́йчас ещё́ целы́ могилы куракинских крепостных полицеймейстеров и камергеров.

При дворе князя соблюдался самый строгий этикет и нередко даже родная его дочь дожидалась выхода князя по пяти и более дней. Дочь его была замужем за графом Зотовым; она выведена в романе «Война и мир». Роскошный деревенский дом князя Куракина был в пятьдесят комнат, с залами в два света, галереей в помпейском стиле и со всеми затеями былого барства.

В конце шестидесятых годов эта диковинка конца XVIII века была в неделю сломана каким-то молодым управляющим. Одного железа было продано из него более, чем десяток тысяч пудов, и место, где он стоял, было распахано под конопляник. Золотые кареты и разные портшезы были тоже уничтожены управляющим, как ненужные вещи, занимающие только место в сараях. Этому погрому очевидцем был пишу́щий эти строки.

ГЛАВА XI

**Странности семейства Луниных.
Проказы Д.М. Кологривова. Ориги-
налы кн. Д.Е. Цицианов и братья С.
Остроты А.С. Меншикова.**

В старину в Москве и Петербурге был изве-
стен остряк П.М. Лунин[106], замечательно
падкий на разные ордена, которыми, впро-
чем, он самовластно себя жаловал. После мно-
голетнего пребывания за границей, возвраща-
ется он в Москву. Генерал-губернатор, старый
его приятель Д.В. Голицын приглашает его на
большой и несколько официальный обед. Пе-
ред обедом кто-то замечает хозяину дома, что
у Лунина какая-то странная орденская бутон-
ьерка на платье. Князь Голицын, очень бли-
зорукий, подходит к нему и, приставив лор-
нетку к глазу, видит, что на этой пряжке -

звёзды всех российских орденов, не исключая и георгиевской. «Чем это ты себя, любезнейший, разукрасил?» - спросил его князь с улыбкой. «Ах, это дурак Николашка, камердинер мой, всё это мне пришил». - «Хорошо, - сказал князь, - но всё же лучше снять». Разумеется, так и было сделано.

Вся фамилия Луниных отличалась большими странностями, даже женщины из этого рода были большие чудачки. Так одна из близких родственниц вышеназванного Лунина во время нашествия Наполеона на Москву осталась в столице и во все время его пребывания там ничего не боялась и разъезжала то и дело по городу цугом. Она была пожилая женщина и очень богатая. И только что бывало услышит, что мы одержали какую-нибудь победу над неприятелем, велит заложить свою карету, сама разрядится как только возможно, приедет на какую-нибудь площадь и машет платком из окна лакею, приказывая остановиться. «Стой, стой!» Народ сбегится смотреть, что за диковинка такая сидит в карете, в цветах и перьях, со спущенными стеклами, а она то к одному окну бросится, то к

другому и кричит проходящим: «Эй, голубчики, подите сюда! Слышали, мы опять одержали победу! Да, победу, да и какую, голубчики: разбили маршала такого-то!» Потом высунется из другого окна и то же самое повторяет. Накричится вдоволь и отправится дальше. Там опять на рынке или на площади опять закричит: «Стой!» И снова кричит проходящим: «Победа, голубчики, победа!» И так все утро и разъезжает по городу из конца в конец.

Риччи Екатерина Петровна (1787-1886)

В Петербурге в эти же годы проживала т-це Лунина[107], про эксцентричности которой в столице ходило очень много рассказов. Злословие про эту барышню тогда почти не знало границ.

Лунина была львицей большого света. Она не была красавица. Лунина много путешествовала с матерью, была во Франции и Германии, знала хорошо музыку и обладала прекрасным голосом. В Париже в салоне королевы Гортензии[108] она имела такой успех, что Наполеон просил её петь в дружеском кружке

в Тюильри. Этого было достаточно тогда, чтобы имя её сделалось знаменитым. Жила она в Петербурге, в нижнем этаже дома князя Гага-

рина на Дворцовой набережной. Рассказывали, что однажды рано утром император, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидел, как кто-то вылез из окна нижнего этажа её дома. Потом через обер-полицмейстера он послал сказать хозяйке квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью к ней могут влезть и похитить все, что у ней есть драгоценного. Рассказ этот в Петербурге повторялся со многими вариантами.

Хотя у Луниной были живы отец и мать, в петербургском обществе все говорили: салон m-ll Луниной. Лунина вышла в Италии замуж за какого-то певца Риччи[109]. Но этот дуэт окончился неудачно. Она в сороковых годах проживала в Москве, в большой бедности, страсть к пению стала причиной её разорения.

Но кто был замечателен по странностям из Луниных, так это декабрист Михаил Лунин [110]. Он слыл за чрезвычайно остроумного и оригинального человека. Тонкие его острооты отличались смелостью, хотя подчас и цинизмом, но это ему, как и его бесчисленные дуэли, сходило с рук. Эксцентричность Луни-

на во время его военной службы доходила до невозможности: так, будучи молодым кавалергардским офицером, он побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу - и выиграл пари.

Лунин сперва служил в кавалергардском полку, но колоссальные долги заставили его покинуть службу и уехать за границу. Здесь он сделался католиком и проживал в Париже, на чердаке, перенося всякие лишения, давая уроки и трудясь над трагедией «Лжедмитрий». Это произведение Лунин написал на французском языке, который знал лучше родного, вследствие тогдашнего воспитания.

По смерти своего отца он неожиданно сделался владельцем громадного состояния, приносившего ежегодно более 200 тысяч дохода. Он возвратился в Россию тем же манером, как и уехал из нее - не испросивши дозволения на возвращение, так как не считал себя беглецом. Он сел просто на корабль, прибыл в Петербург и отправился прямо без доклада в кабинет к князю Волконскому, жившему в Зимнем дворце[111]. Волконский, увидев внезапно Лунина, просто остолбенел.

Риччи Миньято (1792-1860 или 1877)

Лунин был принят государем на службу

тем же чином, только в армию, служил в Варшаве у цесаревича и был самым близким к нему человеком. Сосланный в Сибирь, он проживал в Чите в Петровском заводе, затем жил на поселении.

Резкие его статьи, которые он печатал в Англии, навлекли на него новую немилость правительства: он был арестован и заключен в акатуевскую тюрьму, где скоропостижно умер.

В Петербурге в двадцатых годах проживал Д.М. Кологривов[112]. Несмотря на свой крупный чин и весьма важное звание, он любил дурачиться, как школьник. У Кологривова была особенная страсть к уличным маскарадам; последняя доходила до того, что он иногда наряжался старою нищею чухонкою и мел тротуары. Завидев знакомого, он тотчас кидался к нему, требовал милостыню и в случае отказа бранил по-чухонски и даже грозил метлою. Он доходил до того, что становился в Казанском соборе среди нищих и заводил с ними ссоры. Сварливую чухонку отвели раз даже на Съезжую, где она сбросила свой наряд, и перед ней же извинились.

Голицын Федор Сергеевич (1781-1826)

Граф Соллогуб про него рассказывает: однажды государь готовился осматривать кавалерийский полк, вдруг перед развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь

опор необыкновенно толстая дама в зелёной амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отчаянный щеголь. За ними следовала небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою нарядился тучный князь Ф.С. Голицын[113], любезным кавалером оказался Кологривов. Шалунам был объявлен выговор, но карьера их не пострадала.

Однажды к известной благотворительнице Татьяне Борисовне Потемкиной[114] пришли две монахини просить подаяния. Монахини были немедленно впущены. Войдя в приемную, они кинулись на пол, творили поклоны и умоляли о подаянии. Растроганная Потемкина пошла в спальню за деньгами, а вернувшись, остолбенела от ужаса: монашенки неистово плясали вприсядку. То были Кологривов и другой проказник.

*Потемкина Татьяна Борисовна (1797
или 1801-1869)*

В Москве в первой четверти этого столетия проживал большой оригинал князь Ц[ициа-

но]в[115], который также весьма любил наряжаться в нищенский костюм и на улицах играл роль Гарун-аль-Рашида, исправляя народные нравы. Почти каждый день в заплатанном костюме ходил он, похожий на лакея, по рынку и заходил в лавки. И где только встречал обман или грубость, тотчас, распахнув свой сюртук, под которым виднелась орден-

ская звезда, собственноручно наказывал виноватого либо писал записку к обер-полицеймейстеру, после чего виновника привлекали к ответу.

В числе больших московских оригиналов в начале нынешнего столетия были два брата С. Они не принадлежали к аристократическому обществу, но в некоторых дворянских кружках пользовались даже знаменитостью. Оба были очень красивые, видные мужчины: в них выражался некоторый разгул, некоторое молодечество, признаки царствования императрицы Екатерины II.

Так в 1806 г., будучи ополченцами в одном отдаленном губернском городе, они вынудили губернатора перед 12 декабря, днем рождения Александра I, войти с представлением к высшему начальству, испрашивая дозволения пить на предстоящем официальном обеде за здоровье государя императора малагою, а не шампанским, потому что все шампанское, имевшееся в губернском городе и в уездах, уже выпито братьями С.

Правнук знаменитого Александра Даниловича Меншикова, князь Александр Сергеевич

[116], один из последних сподвижников императора Александра Благословенного, славился своим остроумием. Остроумие наделало ему множество врагов, но часто на него взваливали слова, каких он никогда не говорил. Воспитанник энциклопедистов XVIII века, он стыдился мягкосердия, скрывая его под личной насмешки, между тем на деле был впечатлителен и сострадателен. Одному из близких ему лиц случилось как-то раз увидеть в глазах его слезу, которую тот не успел стереть. «Зачем скрываете вы добрые волнения души? - сказал он князю. - А то говорят про вас, что вы не способны ни к какому человеческому чувству». - «Когда вы доживете до моих лет, - отвечал князь, - вы убедитесь, что люди не стоят того, чтобы беспокоиться об их мнении».

Огласки своей благотворительности он опасался так, как будто она была делом позорным, придумывал способы, как бы лучше это уладить, беспокоился о том, не разгласилось ли его благотворение, и на замечание, что его опасения доходят до странности, он отвечал, смеясь: «Я имею репутацию скупца. Я дорожжу

этой репутацией и не хочу её портить».

П.А. Бартенев говорит, что когда Меншикову был пожалован дом в Петербурге на Английской набережной, он внес в инвалидный капитал от неизвестного сумму, равную стоимости дома.

Едва ли можно встретить другого человека, оцениваемого столь различным образом не только различными, но и одними и теми же судьями, как князь Меншиков. Ума обширного, соображения необыкновенно быстрого, памяти изумительной, князь с независимостью мнений соединял беспредельную преданность и покорность самодержавному своему монарху.

До самой смерти князь сохранял свойственную ему одному художественность повествования. Он не украшал рассказов ни одним отборным словом, ни одною эффектною фразою; ни возвышение голоса, ни жест не шли к нему на помощь. Устремив свои глаза на слушателя, князь спокойным, почти ленивым голосом, обстановкаивал прежде всего сцену, потом излагал события с такою отчетливостью, что в представлениях слушателя

обрисовывалась живая картина, которая так сильно врезывалась в память, что уже никогда не могла быть забыта. Князь прослужил 64 года и все время не переставал ни на минуту следить за всеми политическими событиями и за всеми успехами науки.

Когда Меншиков был назначен в Дрезден посланником, то это назначение он счел немилостью и подал в отставку. В отставке он страдал от бездействия. Вот его личный рассказ об этом времени.

«Измученный праздностью, страдая бессонницею от нечего делать, я отправился за советом к А.П. Ермолову. «Вы тоже были в опале, - сказал я ему, - тоже в отставке после деятельной жизни; скажите мне, что вы сделали, чтобы не сойти с ума?» - «Любезный Меншиков, - отвечал Ермолов, - я нанял деревенского попа учить меня латыни. Прочитал с ним Тита Ливия, Тацита, Горация. Это чтение наполнило праздное время, укрепило во мне дух и дало мне тот слог, который так нравился нашей молодежи». Я последовал было его совету: взял деревенского священника и стал повторять латынь. Но учитель мой ред-

ко бывал в совершенно нормальном виде, а между тем подвернулся мне сосед, мой почтенный Глотов, автор морской практики. Я вспомнил, что мне предлагали черноморский флот и что я не мог принять его потому, что не имел понятия о морском деле, - и стал учиться у Глотова».

Меншиков в течение своей жизни был известен на многих поприщах. Из одиннадцати мундиров, право носить которые было ему предоставлено, он избрал и предпочитал морской, и носил его постоянно в Севастополе, когда был его защитником. Известный Денис Давыдов сказал ему однажды: «Ты так умно и так ловко умеешь приладить свой ум ко всему: по части дипломатической, военной, морской, административной, за что ни возьмешься. Поступи ты завтра в монахи - в шесть месяцев будешь митрополитом».

Меншиков был самый усердный придворный, и ничто не могло заставить его не быть во дворце в дни, назначенные для приезда туда. Какой-то шутник утверждал, что когда в придворной церкви при молитве «Отче наш» поют «но избави нас от лукаваго», то князь

Меншиков, крестясь, искоса глядел на Ермолова, а Ермолов делал то же, глядя на Меншикова.

Однажды, явившись во дворец, Меншиков, став перед зеркалом, спрашивал у окружающих: не велика ли борода у него? На это бывший здесь же Ермолов отвечал ему: «Что ж, высунь язык, да обрейся!» В другой раз великий князь Михаил Павлович сказал про Меншикова: «Если мы будем смотреть на лицо князя с двух противоположных сторон, то одному будет казаться, что он насмехается, а другому - что он плачет». Это замечание великого князя и остроумия Ермолова очень хорошо выражают характер Меншикова. На лице Меншикова улыбка всегда была поддельная, чтобы скрыть впечатлительность, которой, как уже мы выше сказали, он всегда стыдился.

У князя Меншикова с графом Клейнмихелем были какие-то личности. В шутках своих князь не щадил ведомства путей сообщения. Когда строились Исаакиевский собор, постоянный мост через Неву и Московская железная дорога, он говорил: «достроенный собор

мы не увидим, но увидят дети наши; мост мы увидим, но дети наши не увидят, а железной дороги ни мы, ни дети наши не увидят». Во время работ железной дороги и моста было много толков. Дорогу все обещали кончить, а не было видно окончания работ; мост делали быстро, но не многие были уверены в его прочности.

Когда же скептические пророчества его не сбылись, он при самом начале езды по железной дороге говорил: «Если Клейнмихель вызовет меня на поединок, вместо пистолета или шпаги предложу ему сесть нам обоим в вагон и прокатиться до Москвы - увидим, кого убьет».

Перед окончанием постройки петербурго-московской железной дороги Клейнмихель отдал её на откуп американцам, заключив с ними контракт. На основании этого контракта в первый год (с октября 1851 года) американцы пускали поезда только по два, потом по три раза в день, и каждый поезд составляли не более как из шести вагонов. От этого товары лежали горами на станциях в Петербурге и Москве, а пассажиры третьего

класса по неделе не могли получить билета на проезд. Кроме того, американцы, раздробив следующую им плату по верстам, обольстили Клейнмихеля копеечным счетом: с каждой версты они назначили себе по полторы копейки серебром; но из этого, как будто бы ничтожного счета выходила огромная сумма, и все выгоды остались на стороне американцев.

В феврале 1852 года, когда общий ропот по этому случаю был в разгаре, прибыл в Петербург персидский посланник со свитой. Император приказал показать ему все редкости столицы, в том числе и новую железную дорогу. Исполнив это поручение, сопровождавшие персиян подробно докладывали, что показано ими, и на вопрос его величества: «Все ли замечательное показано на железной дороге?» отвечали: «Всё». Меншиков, находившийся при этом, возразил: «А не показали самого редкостного и самого достопримечательного!» - «Что такое?», - спросил государь. - «Контракта, заключенного графом Клейнмихелем с американцами», - отвечал Меншиков.

В описываемое время на графа Клейнмихе-

ля возлагались чрезвычайно разнообразные поручения. Он возобновлял Зимний дворец после пожара, ему подчинена была Медико-Хирургическая Академия, он строил железную дорогу. Такие многосторонние обязанности возбуждали в обществе остроты и большие толки. В одном иностранном журнале явилось известие, что возобновление Зимнего дворца поручено доктору медицины Клейнмихелю, и в столице при каждом открытии вакансии важной государственной должности тотчас возникали слухи, что и на это место определен будет Клейнмихель. Его назначали, по городским слухам, и военным министром, и министром внутренних дел, и шефом жандармов. В 1843 г., когда Клейнмихель был уже главноуправляющим путями сообщения, умер митрополит Серафим. Слушая разговоры и предположения о том, кто будет назначен митрополитом в Петербург, Меншиков сказал: «Вероятно, граф Клейнмихель...»

Меншиков Александр Сергеевич (1787-1869)

В том же 1843 году военный министр князь Чернышев был отправлен на Кавказ. Предположили, что он будет назначен главнокомандующим, а его место займет Клейн-

михель. В то время известный военный историк Михайловский-Данилевский, заботившийся о том, чтобы выдвинуть на первый план подвиги тех генералов, которые могли бы быть ему полезны, и таким образом проложить себе дорогу, приготавливал новое издание описания войны 1813-1814 гг. Поскольку оно уже оканчивалось печатанием, Меншиков не преминул заметить: «Данилевский, жалея перепечатать книгу, пускает её в ход без переделки. Правда, в начале он сделал примечание, что все написанное о князе Чернышеве относится к графу Клейнмихелю».

Узнав же о смерти Михайловского-Данилевского, Меншиков сказал: «Вот и ещё один баснописец умер!»

Меншиков недолюбливал также графа Закревского. Когда тот после восемнадцатилетней отставки был назначен московским военным генерал-губернатором и вскоре после назначения получил звезду св. Андрея Первозванного, не имея ещё ни александровской, ни анненской, ни Владимира 1-й степени, то Меншиков говорил: «Чему после того удивляться, что волтижерка Можар скачет

через ленту: Закревский вот и на старости перескочил через две».

Когда весной в 1850 г. Меншиков был в Москве вместе с государем, то рассуждая о храмах и древностях Москвы император заметил, что русские справедливо называют её святою. «Москва действительно святая, - сказал со смирением князь Меншиков, - а с тех пор, как ею управляет граф Закревский, она ещё и великомученица!»

В морском ведомстве в прежнее время производство в генеральские чины шло очень туго и генеральского чина достигали только люди весьма старые, а полного адмирала - очень уже престарелые. Этими стариками в память их прежних заслуг были наполнены адмиралтейств-совет и генерал-аудиториат морского министерства. Очень понятно, что смертность в этих учреждениях была большая. И вот при одной из ревизий император Николай Павлович спросил Меншикова: «Отчего у тебя часто умирают члены адмиралтейств-совета?» - «Кто же умер?» - спросил в свою очередь Меншиков. «Да вот такой-то, такой-то...» - сказал государь, насчитав три или

четыре адмирала. «О, ваше величество, - отвечал князь, - они уже давно умерли, а в это время их только хоронили!»

Во время венгерской кампании австрийцы дрались очень плохо, и венгерскую кампанию, как известно, окончили одни русские. В память той войны всем русским войскам была дана медаль с надписью: «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» Меншиков сказал, что австрийский император роздал своим войскам медаль с надписью: «Бог с вами!»

В 1859 году, когда осложнились натянутые отношения между дворами российским и турецким, Меншиков был отправлен в Константинополь чрезвычайным послом. Он был принят там с большого торжественностью, навстречу ему вышел патриарх, по всей дороге были расставлены турецкие войска. Меншиков отнесся к туркам с большою гордостью, как посол монарха не просящего, но повелевающего.

На смотру войск он был в пальто с хлыстиком; даже свита его была одета довольно небрежно. С этой небрежностью князь являл-

ся на переговоры, когда первые чины Дивана встречали его со всеми почестями. Переговоры длились, султан изъявлял согласие, но недоброжелатели России - англичане и французы - принуждали его пускаться в азиатские хитрости. Меншиков говорил, что «диван здесь на английских пружинах».

В то время везде стали заниматься верчением столов и много говорили об открытии новой силы, которая заставляет от прикосновения человеческих рук ходить столы и другие вещи. Когда Меншикову говорили об этом, он сказал: «У вас вертятся столы, шляпы, тарелки, а от моего прикосновения Диван завертелся!»

Отпуская из Константинополя чиновника, на вопрос последнего, не прикажет ли его светлость ещё что-либо сказать? Меншиков, по обыкновению морщась и грызя ногти, ответил: «Больше ничего. Разве прибавь, пожалуй, что я здоров, что часто езжу верхом, что теперь объезжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовут Султан».

Во время Крымской войны командование

армией ему не удалось, но ум его не мог и здесь не обозначить себя. Меншикова не любила армия, в нем было много такого, что отталкивало от него. Всегда наморщенный и недовольный, он никого не дарил ни приветом, ни одобрением. Солдаты почти не видели его, генералы и офицеры не получали никаких наград. Перед сражением не было молебствия, после сражения главнокомандующий не объезжал поля битв, не выражал соболезнований об умерших и раненых.

В одной из первых стычек наших войск с неприятелем, казак притащил пленного французского офицера на аркане. Этот офицер, явившийся к князю, жаловался, что казак бил его плетью. Князь обещал строго взыскать с виновного. Потребовав к себе казака, Меншиков расспросил его как было дело. Донец рассказал, что офицер во время битвы три раза стрелял в него из пистолета, но ни разу не попал, что за это он накинул аркан на плохого стрелка и притащил его к себе, дав ему столько же ударов плетью, сколько раз тот прицелился. Князь расхохотался и пригласил к себе пленного офицера. При нем

Меншиков начал делать строгий выговор казаку, объясняя, что он обязан уважением и к пленным офицерам. Все это князь говорил на французском языке и казак, ничего не понимая, только моргал. С гневом подав рукою знак, чтобы казак вышел вон, князь обратился к пленному и спросил, доволен ли тот решением? Французский офицер низко кланялся и не находил слов благодарить князя. По удалении пленного Меншиков снова потребовал казака, благодарил его уже по-русски за храбрость и ловкость и наградил его орденом.

В бытность князя морским министром во флоте служил капитан-лейтенант Ю[нке]р [117], который по разным обстоятельствам вынужден был перейти в штат полиции, где вскоре назначен был частным приставом. Получив эту должность, Ю[нке]р счел обязанностью откланяться министру. Князь принял его благосклонно и, обратясь к своим подчиненным, сказал: «Вот человек, все части света обошел, а лучше второй Адмиралтейской - не нашел!»

При одном многочисленном производстве генерал-лейтенантов в следующий чин (пол-

ного генерала), Меншиков сказал: «Этому можно порадоваться: таким образом многие худые генералы наши пополнеют».

Известные в свое время Бибиковы - Дмитрий, Илья и Гаврило Гавриловичи - в петербургском обществе известны были: первый - за гордеца, выведившего свой род чуть-чуть не от Юпитера; второй - за игрока, а третий - за хвастуна. Князь Меншиков говаривал, что из Бибиковых один надувается, другой продувается, а третий других надувает.

Особенно много анекдотов Меншиков рассказывал про бывшего министра финансов Вронченко[118], но большая часть из них не годится для печати. Когда же после смерти графа Вронченки был назначен министром финансов товарищ его П.Ф. Брок[119], то Меншиков заметил: «Видно плохими оставил наши финансы Вронченко, когда уже прибегнули и ко Броку»[120].

После освящения Кремлевского дворца император роздал многие награды, но всех более был награжден вице-президент комитета для построения дворца, тайный советник барон Боде[121]: ему дан был следующий чин, ал-

мазные знаки св. Александра, звание камергера и медаль, осыпанная бриллиантами, ценною в 10000 рублей серебром. На это Меншиков сказал: «Что тут удивительного? Граф Сперанский составил один свод законов и ему дана одна награда - св. Андрея, а вон Бюде - сколько сводов наставил!»

Когда приехал в Россию итальянский певец Рубини, он ещё сохранял все пленительное искусство и несравненное выражение пения своего, но голос его уже несколько изменял ему. Спрашивали князя Меншикова, почему он не поедет хоть раз в оперу, чтобы послушать Рубини. «Я слишком близорук, - отвечал он, - не разглядеть мне пения его». Император Николай Павлович однажды со свитой посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении высокого гостя, начальник её, Струве[122], в первую минуту смутился и спрятался за телескоп. «Что с ним?» - спросил император у Меншикова. - «Вероятно, испугался, ваше величество, увидав столько звезд не на своем месте», - ответил тот.

ГЛАВА XII

Замечательные скряги, неряхи и вруны. Московские Кусовниковы. Доктор-скупец. Богач-раскольник и его странности. Княгиня В. и её скупость. Чудачества князя П.Г. Гагарина. Краснобай князь Ш-в. Рассказы князя Д.Е. Цицианова и графа В.И. Красинского. М.И. Веревкин.

Русские скупые люди по общности своей страсти мало отличаются от скупых других стран, все их действия более или менее одинаковы. Скряга меряет все на вес золота. Кроме денег, для него не существует ничего, и страсть к ним с годами не только не слабеет, но, напротив, усиливается все более и более. Скряга вечно трепещет за свое богатство и старается как можно искуснее скрыть его от

посторонних взоров. Один прячет свои деньги в подвалы, другой опускает капиталы свои под пол, третий никогда с ними не расстаётся, четвертый беспрестанно перекладывает с одного места на другое, и так далее до бесконечности.

В Москве лет сорок тому назад на Мясницкой улице жили в своем пустынном доме муж и жена Ку[совнико]вы[123], страшные богачи: помимо дома, они имели большое подмосковное имение и несколько десятков тысяч десятин земли в великорусских губерниях. Старики Ку[совнико]вы были именно тем и замечательны, что не знали, куда бы им спрятать свои деньги. Мысль эта терзала их постоянно, она мучила их днем и бросала в жар и холод ночью, когда не спят воры. Ку[совнико]вы ежечасно перемещали свою шкатулку. Они относили её в коровник, зарывали в саду перед окнами, и сами стояли на карауле день и ночь. Раз они схоронили свои капиталы на городском кладбище; в другой раз они более месяца каждую ночь развозили свои деньги по городу в карете и только утром, когда рассветало, возвращались до-

мой.

Однажды летом, собираясь в деревню, они как на беду, перед самым отъездом получили много банковых билетов. Чтобы спрятать их, они придумали зарыть билеты в золу под лежанку, на которой десятки лет лежала слепая, разбитая параличом жена их дворника.

Возвратясь домой, - представьте себе весь их ужас, - они вдруг видят, что дворник развел под лежанкой огонь, чтобы согреть больную свою старуху. Быстрее птицы бросаются они к месту преступления, хватают воду, заливают огонь и руками разбрасывают горящие головешки, в отчаянии крича: «Нас разорили, разорили, сожгли наши деньги!» Бранясь и плача, им кое-как удалось, наконец, высвободить большую часть денег, до половины истребленных огнем. Много хлопот наделали им эти деньги: старик так и умер, ходя к министру и по банкам, прося их разменять или переменить.

Много в Москве ходило рассказов про их скупость. Вечером их комнаты никогда не были освещены. Когда единственный их слуга-дворник докладывал им о приезде кого-ни-

будь, то он или она, смотря по приезжему, т.е. его ли это гость или её, выходили из внутренней комнаты со свечкою в руке. Когда же гость был общий, то муж и жена, встречаясь в противоположных дверях и завидев друг друга, спешили задуть свечу, так что гость оставался совершенно впотьмах.

Рассказывая про стариков Ку[совнико]вых, которые не знали, куда прятать деньги, нельзя не вспомнить другого богача-скрягу, бывшего доктора Б-го, который, чтобы напугать воров, украсил свои комнаты разными предметами ужаса. Он расписал стены своей квартиры картинами, которые изображали ужасные или отвратительные сцены и возбуждали страх или отвращение зрителя. У входной двери в его квартиру стоял скелет женщины, убившей своего отца. Этот скелет заменял ему вешалку. У кровати красовался колоссальный скелет бывшего солдата, казненного за убийство. Третий скелет повесившейся старухи помещался у стола: между его ребрами он помещал салфетки, ножи, ложки и вилки. Сахарница его состояла из распиленного наполовину черепа детоубийцы, а должность

щипцов исправляла большая бедренная кость. Трубка его была выдолблена из локтевой кости отравленного ребенка, а разные небольшие кости употреблялись для чистки трубки, вместо зубочисток и т.д.

Посреди такой угрюмой обстановки жил скряга-доктор. Этот образцовый скупец занемог с горя и досады на возрастающую за последние годы дороговизну съестных припасов, которых он, впрочем, и не был большим потребителем. Его единственная старуха-кухарка утверждала, что он давно бы повесился, если б ему не жаль было денег на верёвку. Наконец, его болезнь приняла опасный оборот и свела его в могилу. За несколько минут до смерти он с трудом приподнялся на постели и последним вздохом своим задул свечу, стоявшую подле него на столе: вероятно, он думал в эту минуту, что умирать можно и впотьмах.

На той же петербургской улице, где жил доктор-скряга, проживал другой богач, проводивший дни свои в уединении, окруженный одними деньгами всех сортов. Это был купец-раскольник Н. Вместо того, чтобы прятать свои деньги, он раскладывал их по полу

своей комнаты. В его комнате, куда никто не входил, потому что нечего было в ней убраться, лежало несколько сот тысяч рублей. Однажды в эту комнату забежала со двора собака, толкнула нечаянно стол, у которого недоставало ножки, стол упал, и деньги рассыпались по полу. В продолжении двух десятков лет, которые суждено было ещё прожить этому чудаку, он не поднял ни стола, ни денег, а удовольствовался только тем, что раздвинул их ногами и проложил таким образом тропинку от постели к двери и окошку.

После его смерти потребовалось несколько дней, чтобы собрать все его деньги. Большая часть его богатств была найдена за шкафом, часть за половиком и много золота в проеденных молью валенках. Странная судьба постигла эти богатства. Никто не мог сказать, когда умер старик: его труп был найден чуть ли ни на второй неделе после смерти. Родственников у него в Петербурге не оказалось, и приводить в порядок наследство стал местный квартальный надзиратель с понятыми. История передает, что одних золотых монет ими было собрано пять мешков, а серебра и

бумажек целых два сундука. Но наследники вряд ли получили и один сундук с серебром: деньги куда-то испарились.

В числе лиц, обуреваемых большою скупостью, была известная княгиня В., жена высокопоставленного сановника. Она одевалась более чем скаречно, в какие-то лохмотья. Из экономических видов она не имела никогда при себе горничной и все её обязанности исправлял при ней старый лакей.

В жизни она была скупа до смешного, до крайности. Так, являясь в гости к своим знакомым, она имела обыкновение прятать в свои карманы сахар, сухари, булки. Путешествуя за границей, она приехала к своему старому знакомому, у которого и поселилась в его палаццо. Он уступил ей лучшую комнату с тем, что она будет заботиться об её отоплении.

Княгиня часто ходила гулять одна по городу и раз, когда она возвращалась с прогулки, он встретил её сам в передней, хотел снять с нее бурнус, но она, не допустив этого, поспешила в свою комнату. Но, увы! посреди этих церемоний ротонда распахнулась и из-под

неё к ногам хозяина выпало большое полено. Княгиня, заручившись им во время своей прогулки, несла его для своей печки. Можно представить себе последовавшую комическую сцену. При всей своей скупости княгиня, однако, не была глуха к бедным и благотворила истинно нуждающимся щедрою рукою.

В тридцатых годах нынешнего столетия вечером или рано утром на Миллионной улице можно было встретить прогуливающегося старика невысокого роста, с умною добродушною физиономией, летом всегда без шляпы, с ермолкой на лысой голове и в халате, подвязанном красным фуляром вместо пояса.

Старику этому всегда сопутствовал одетый в ливрею лакей. Эта оригинальная личность в свое время пользовалась большою известностью в столице. Дом его на Миллионной был самый богатый аристократический, а владелец его, князь Г[агари]н[124], служил генерал-адъютантом у двух императоров - Павла I и Александра I. Смерть красавицы-жены подействовала на него вначале так сильно, что он заперся, никуда не выходил, никого не принимал, даже родных; не было друга, кото-

рый мог бы ободрить, успокоить, утешить его.

Гагарин Павел Гаврилович (1777-1850)

Он сделался философом, отшельником и, разочаровавшись в людях, возлюбил одних птиц и собак. О своей наружности, прежде очень красивой, князь не помышлял более и ходил таким неряхой, какого другого не найти. В первое время единственным его развлечением была прогулка по саду, устроенному на дворе над конюшнями и сараями, в котором посредине стоял мраморный бюст усопшей. Князь жил в третьем этаже, куда вела круглая лестница. Первая зала была освещена сплошными окнами, упирающимися в пол. Все стены этой комнаты были заставлены полками с книгами; за неимением места на полках множество книг валялось на полу.

Петербургские книгопродавцы обязаны были все вновь вышедшие или полученные из-за границы книги немедленно доставлять князю. По прочтении или просмотре книжка бросалась в библиотечную кучу. Следующая затем комната была бильярдная. По стенам её висели прекрасные картины, из которых многие подарены были императором Павлом, с его печатью сзади. В этой комнате по всем уг-

лам и около бильярда поставлены были сосновые и еловые большие ветви, на которых сидели, порхали, чирикали сотни чижей, снегирей, синиц и других птичек.

Все это летало, ело и пило из расставленных сосудов, портило мебель и картины, из которых некоторые так были залеплены, что нельзя было рассмотреть сюжета. Остальные роскошные комнаты князя были в высшей степени загрязнены целыми сотнями собак: эти животные имели право ложиться на коврах, на диванах и креслах.

Всякий раз во время своих прогулок по городу князь, встречая какую-нибудь уродливую, хромую, кривую или забитую уличную собаку из числа тех, которых фурманщики по ночам в те времена убивали, приводил домой, вылечивал и поселял в своем кабинете. В известный час князь выходил из своего кабинета через балкон по маленькой витой лестнице на террасу, которая соединялась с его висячим садом. Здесь он, несмотря ни на какую погоду, зимой и летом, открывал приготовленные его слугами корзины, наполненные крошками хлеба и разным зерном.

Тотчас же все галки, голуби, вороны, воробьи бросались с соседнего Мраморного дворца и со всей Миллионной бесчисленными стаями с оглушительными криками на террасу и поглощали все то, что рассыпал для них князь. Замечательно, что он лет за пятнадцать до смерти вылез из описанных странностей, сделался балетоманом, женился на танцовщице[125] и затем разъезжал с доезжачими и борзятниками по окрестностям Петербурга. Умер он на своей даче на берегу Невы.

Как бы в укор этому князю-неряхе в описываемые годы жил в Петербурге граф Аракчев, у которого до такой невероятной степени была развита любовь к опрятности, что доходила до смешного. К примеру, его сад в Грузии славился такою чистотою, что трудно было найти в саду на дорожке хоть один блеклый листик. Достигалось это тем, что в кустах у него сидели крестьянские дети, чьей обязанностью было подбирать падающие с деревьев листья.

Существует рассказ по какому-то случаю, кажется, по случаю пожара в городе. Государь однажды ночью прислал за ним, чтобы ехать

вместе. Вскочив с постели, Аракчеев начал поспешно одеваться. На беду, когда он почти совсем был одет, камердинер по неосторожности капнул свечой на его палевые штаны. И хотя за другими штанами нужно было пробежать несколько комнат, Аракчеев предпочел переодеться, несмотря на то, что из-за этого переодевания заставил государя прождать минут пять лишних, - до такой изысканности доходило у него требование чистоты.

В ряду острых краснобаев и больших вралей, забавлявших в двадцатых и тридцатых годах петербургское общество своими затейливыми выходками и неожиданными рассказами, вроде знаменитого барона Мюнхгаузена, был известен князь Ш-ов.

В начале нынешнего столетия Адмиралтейский бульвар был центром, из которого распространялись по городу вести и слухи, часто невероятные и нелепые. Бывало спрашивали: «Да где вы это слышали?» - «На бульваре», - торжественно отвечал вестовщик, и все сомнения исчезали. Бульварных вестовщиков тогда называли «гамбургской газетой»

Князь Ш-ов был известный бульварный вестовщик и почти ежедневно здесь тешился такими проделками. Выдумает какую-нибудь победу и начнет о ней рассказывать на бульваре от Дворцовой набережной до средних ворот Адмиралтейства, но всегда с прибавлением: «Так я слышал, может быть это неправда». Пройдет до другого конца бульвара, у Сената, и поворотит назад. Встречные уже останавливают его: «Слышали ли вы? Победа, сто тысяч пленных, двести пушек, Бонапарт ранен, Даву убит». - «Быть не может! - возражает сочинитель «бюллетеня». - Это вздор, выдумка!» - «Вот ещё! Я слышал от верных людей. Видели фельдъегеря, весь в грязи и в пыли. Худой же вы патриот, если не верите!...»

В Москве, в первых годах нынешнего столетия жил большой хлебосол, уже упомянутый князь Д.Е. [Цицианов], вместе с этим радужным качеством обладавший ещё необыкновенным талантом врать без запинки: князь в своих рассказах не уступал барону Мюнхгаузену. Обед у князя был всегда чудесный и, как говорил хозяин, стряпала его кухарка. Провизия тоже вся домашняя - стерляди и

осетры из его прудов, громадные раки ловились в небольшой речке, протекающей по Люблино, телятина белая, как снег, со своего скотного двора, фрукты тоже из своих оранжерей, персики чуть ли не выращенные на открытом воздухе, шампанское тоже свое, из крымского имения.

Происшествия, случавшиеся с ним, были так необыкновенны, что нельзя было им не удивляться. Так он, между прочим, говорил о каком-то сукне, которое он поднес Потемкину, вытканном по заказу его из шерсти одной рыбы, пойманной им в Каспийском море. Каких чудес он не видал на свете! Во время проливного дождя он является как-то к своему приятелю. «Ты в карете?» - спрашивает тот его. «Нет, я пришел пешком». - «Да как же ты вообще не промок?» - «О, - отвечает он, - я умею очень ловко пробираться между каплями дождя». Императрица Екатерина отправляет его курьером в Молдавию к князю Потемкину с собольей шубою. Нечего уже говорить о скорости, с которою проехал он это пространство. Он приехал, отдал Потемкину письмо императрицы. Прочитав его, князь спрашивает: «А

где же шуба?» - «Здесь, ваша светлость!» И тут вынимает он из своей курьерской сумки шубу, которая так легка была, что уложилась в виде носового платка. Он встряхнул её раза два и подал князю...

Таким же вдохновенным и замысловатым в своих импровизациях был в старину и польский граф Красинский[126]. Кн. Вяземский[127] рассказывает, что он сам наслаждался своими импровизированными рассказами. Граф был блестящей храбрости генерал, но его вдохновение было ещё храбрее. После удачного и смелого нападения на неприятеля, совершенного конным полком под его командою, прискакивает к нему на место сражения Наполеон, говорит: «Vincent! Je te dois la couronne!»[128] и тут же снимает с себя звезду Почетного Легиона и на него надевает. «Как же вы никогда не носите этой звезды?» - спросил его простодушный слушатель. Опомившись, Красинский оказал: «Я возвратил её императору, потому что не признал действия моего достойным подобной награды».

Красинский (Корвин-Красинский) Ви-

кентий (Венсент) Иванович (1783-1858)

Однажды он занесся в своем рассказе так далеко и так высоко, что, не зная как выпутаться, сослался для дальнейших подробностей

стей на своего адъютанта, тут же находившегося. «Ничего сказать не могу, - заметил тот, - вы граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения».

Две приятельницы, - рассказывал Красинский, - встретились после долгой разлуки, где-то неожиданно на улице. Та и другая ехали в каретах. Одна из них, не заметив, что стекло поднято, опрометью кинулась к нему, пробила стекло головою, но так, что оно насквозь перерезало ей шею и голова скатилась на мостовую перед самую карету её искренней приятельницы... Таких рассказчиков, как выше названные, нельзя называть лгунами - это скорее поэты-импровизаторы.

Таким же краснобаем и рассказчиком был ещё придворный Екатерины II, некто М.И. Веревкин[129], автор комедии и переводчик Корана, издатель многих книг, напечатанных без имени, а только с подписью деревни его: Михалево. Князь Вяземский рассказывает, что он сделался известным ещё императрице Елизавете Петровне по следующему случаю. Однажды перед обедом, прочитав какую-то немецкую молитву, которая ей очень понра-

вилась, изъявила она желание, чтобы перевели её на русский язык.

«Есть у меня один человек на примете, - сказал Шувалов, - который изготовит вам перевод до конца обеда». И тут же послал молитву к Веревкину.

Так и сделано. За обедом принесли перевод. Он так полюбился императрице, что тотчас же или вскоре наградила она переводчика 20000 рублями. Вот что можно назвать успешною молитвою!

Веревкин любил гадать в карты. Кто-то доносил Петру III о мастерстве его: послали за ним. Взяв в руки колоду карт, выбросил он на пол четыре короля. «Что это значит?» - спросил государь. «Так фальшивые короли падают перед истинным царем», - отвечал он. Шутка показалась удачною, а гадания его произвели сильное впечатление на ум государя. И на картах ему посчастливилось. Вслед за этим отпустили ему казенный долг в сорок тысяч рублей.

Император сказал о волшебном мастерстве Веревкина императрице Екатерине и пожелал, чтобы она призвала его к себе. Явился

он с колодою карт в руке. «Я слышала, что вы человек умный, - сказала императрица, - неужели вы веруете в подобные нелепости?» - «Нимало», - отвечал Веревкин. - «Я очень рада, - прибавила государыня, - и скажу, что вы в карты наговорили мне чудеса».

Когда Веревкин приезжал из деревни в Петербург, то с шести часов утра прихожая его наполнялась присланными с приглашениями на обед или вечер: хозяева сзывали гостей на Веревкина.

Отправляясь на вечер или на обед, говорят, он спрашивал своих товарищей: «Как хотите, заставить мне сегодня слушателей плакать или смеяться?» И с общего назначения то морил от смеха, то приводил в слезы.

Веревкин был директором Казанской гимназии, когда Державин был там учеником. «Помнишь ли, как ты назвал меня болваном и тупицею?» - говаривал потом бывшему начальнику своему «тупой ученик», переродившийся в министра, статс-секретаря и первого поэта своей нации.

Старинные комедии всегда любили личности. Таковы комедии и Веревкина. Первая,

«Так и должно», написана на подьячих; вторая, небольшая шутка, написана на Суворова, в ней осмеяны странные причуды его; третья комедия,

«Точь-в-точь», сочинена в Симбирске, что означено на её заглавии. И.И. Дмитриев говорит, что он помнил ещё воеводу и секретаря, изображенных в последней. В старые годы аристофановскою вольностью страдали все драматурги. Комедия кн. Дашковой «Господин Топсеков» была тоже копией с лица известного. О комедии Лукина «Мот, любовью исправленный» говорит Новиков в своем «Словаре писателей», что сочинитель ввел в свою комедию два смешные подлинника, которыми представлявшие актёры весьма искусным и живым подражанием, выговором, ужимками и телодвижением, также и сходственным к тому платьем, весьма много смешили зрителей. Комедия Крылова «Проказники» была написана на семейство Княжнина. Комедия князя Шаховского «Новый Стерн и Липецкие воды» возбудила негодование многих современников тоже за намерение изобразить известных лиц. Несколько эпиграмм

по этому случаю были написаны на Шаховского. В «Горе от ума» Грибоедова в Москве также узнавали людей известных, а в Фамусове - Алексея Федоровича, дядю сочинителя.

Комедия Веревкина «Так и должно» была дана на открытие тамбовского театра. Пьеса эта, как пишет Державин, была им избрана с нравоучительною целью: она была направлена против подъячих и крючкотворцев, которых Державин немало застал в Тамбове.

ГЛАВА XIII

Оригинал П.Г. Демидов. Чудачества князя Е.А. Грузинского. Странности адмирала Ф.Ф. Ушакова. Остряк генерал С.Л. Львов. Помещица Рагозина и её двор. Двор князя Г.С. Голицына. Придворный штат князя А.Б. Куракина. Князь «Юрка» и Jean de Paris . Князь « Cosa rara » и его баснословная расточительность.

Известный создатель Ярославского лицея Павел Григорьевич Демидов - пожертвовавший не один миллион науке и народному просвещению, отличался большою скромностью, граничащею с чудачеством. Нравственная сторона его жизни достойна подражания. Он был всегда тих, кроток, прямодушен, честен, справедлив и во всем чрезвычайно умерен. Его строгая жизнь и умеренность были изумительны.

При своих несметных богатствах он тратил на стол шесть, семь рублей в месяц.

Утром обыкновенно он пил чашку кофе или шоколада; обед его состоял из самого слабого бульона и одной котлетки, из которой он сосал только сок. После обеда пил чай с молоком, не более одной чашки, а зимой ел пять, шесть ложек кислого молока; хлеба употреблял в день не более четверти фунта.

Будучи врагом всякой роскоши, носил несколько лет один кафтан. Он целый день проводил в письменных ученых занятиях, музыку любил страстно и сам играл на скрипке и фортепиано. Никогда никаких праздников и обедов у себя не давал и его называли скупым за то, что он не давал никому займы денег. «Всякий должен довольствоваться тем, чем его благословил Бог», - говорил он. Со своих многочисленных крестьян он брал в год оброк только пять рублей с семейства.

Демидов Павел Григорьевич (1738-1821)

Своего рода филантропом считал себя проживавший в начале нынешнего столетия в богатом приволжском своем имении, с. Лыскове Нижегородской губернии, князь Е.А. Гру-

зинский. Он вообразил, что послан [на Землю], чтоб покровительствовать всем бедным и угнетенным, в силу чего принимал к себе с

большим радушием всех беглых и несчастных, а также укрывал у себя и бежавших от его соседей крепостных, чем-либо недовольных. Число таких призреваемых у этого богатого князя возросло до нескольких сот человек. Лысково известно было на сотни верст, как странноприимный приют, в котором, однако, принимались с большим разбором и с удостоверением в том, что прибегавший к помощи был не вор, не убийца, а только простой бродяга.

Грузинский Егор (Георгий) Александрович (1762-1852)

На земскую полицию князь наводил почти ужас - у него были под домом подземелья и таинственные в лесах становища. Князь был суров нравом, и суд его над беглыми иной раз бывал более чем жесток. Князь И.М. Долгорукий говорит про князя, что этот человек - отважный буян, он вмешивался в дела каждого, судил и рядил по произволу, и каждому доказывал его вину и свою правоту коренными русскими аргументами, т.е. кулаками: кому

глаз выбьет, кому бороду выдерет - такова юстиция его светлости. Все жители губернии не смеют на него жаловаться, все запугано пышным его именем. Селение его наполнено беглыми, они у него торгуют, водворяются и никто их пошевелить не смеет. Правительство

местное всё это знает, но молчит, а то князь по своим связям надуёт такие тучи, от которых никто не спасется.

Когда князь был, наконец, предан суду за притонодержательство беглых, то он воскликнул с удивлением: «Как суду? Суду за добрые дела? Да я сколько хлеба одного каждогодно издерживаю на таких гостей!»

Известный своими победами на море в екатерининское время адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков в частной жизни отличался большими странностями: при виде женщины, даже пожилой, приходил в страшное замешательство, не знал, что говорить, что делать, стоял на одной ноге, вертелся, краснел.

Ушаков Фёдор Фёдорович (1745-1817)

Отличаясь, как Суворов, неустрашимой храбростью, он боялся тараканов и не мог их видеть. Нрава он был очень вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия, но гнев его скоро утихал. Один только камердинер его, Фёдор, умел обходиться с ним, и когда Ушаков сердился,

тот сначала хранил молчание, отступал от Ушакова, но потом сам в свою очередь возвышал голос на него. Теперь уже барин принужден был удаляться от слуги, и не прежде выходил из кабинета, как удостоверившись, что гнев Федора миновал. Ушаков был очень на-

божен, каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню, и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием военно-судных дел; а утверждая приговор, был исполнен доброты. В 1801 году Ушаков определен был главным командиром Балтийского порта и всех корабельных экипажей, находившихся в Петербурге.

Ушаков был долго грозою и бичом турок, которые иначе его не называли, как «паша Ушак»; все чины и все знаки отличия он приобрел только лично своею храбростью. В 1806 году он представил в дар отечеству алмазную челенгу, но император возвратил ему, сказав, что знак этот должен сохраняться в потомстве его, как памятник подвигов его на водах Средиземного моря. Происходил же Ушаков родом из бедных тамбовских дворян Темниковского уезда и очень любил всем рассказывать, как он в молодости ходил в лаптях.

Суворов очень уважал Ушакова. Когда в бытность его в Италии к нему приехал курьер с депешами от Ушакова, начальствовавшего в то время соединенным российско-турецким

флотом в Средиземном море, то, прочитав некоторые бумаги, Суворов вдруг обратился к привезшему их и спросил: «А что, здоров ли мой друг Фёдор Фёдорович?» Посланный курьер-немец не сразу догадался, о чём спрашивает Суворов и, не знаящий ещё всех причуд героя, смутившись сказал: «А, господин адмирал фон Ушаков! Я оставил его в добром здравье, и он поручил мне засвидетельствовать вашему сиятельству свое искреннее почтение». - «Убирайся ты с твоим фон! Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихтбешмирзагеры, немогузнайки, а человека, которого я уважаю, который своими победами сделался грозой для турок, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело - освобождение Италии, отнял у французов крепость Корфу, ещё никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто - Фёдор Фёдорович!»

Ушаков умер в 1817 голу в своем тамбовском имении, ведя жизнь почти отшельническую.

К числу больших причудников и остряков

надо отнести любимца Потемкина, генерала от инфантерии Сергея Лаврентьевича Львова. Этот придворный вместе с острым умом отличался примерною храбростью и редким присутствием духа - его воинские подвиги известны при осаде Очакова и взятии Измаила, где он командовал первую колонною правого крыла.

Известный Спада[130] в своих «Ephemerides Russes (St. Petersbourg, 1816) приводит несколько остроумных замечаний этого генерала.

Вот некоторые анекдоты Львова. Лорд Витворт подарил императрице Екатерине II огромный телескоп, которым она очень восхищалась. Придворные, наводя его на небо, уверяли, что на луне различают даже горы. - «Я не только вижу горы, но и лес», - сказал Львов. «Ты возбуждаешь во мне любопытство», - произнесла императрица, вставая с кресел. «Горопитесь, ваше величество, - продолжал Львов, - лес уже начали рубить; подойти не успеете, как его срубят».

«Что ты нынче бледен?» - спросил его раз Потемкин. «Сидел рядом с графинею Н. и с её стороны ветер дул, ваша светлость», - отвечал

Львов. Графиня Н. сильно белилась и пудрилась. «Давно ли ты сюда приехал и зачем?» - спросил Львов своего друга, встретив его на улице. «Давно и, по несчастью, за делом». - «Жаль мне тебя! А у кого в руках дело?» - «У NN.» - «Видел ты его?» - «Нет ещё». - «Так торопись и ходи к нему только по понедельникам. Его секретарь обыкновенно заводит его по воскресеньям, вместе с часами, и покуда он не размахается, путного ничего не сделает». Львов говорил про секретарей, что они имеют сходство с часовой пружиной, потому что невидимо направляют ход событий.

По словам Храповицкого, императрица Екатерина II, едучи в Крым, исключила из своей свиты Львова, сказав: «Бесчестный человек в моем сообществе жить не может». Но впоследствии государыня простила Львова и всегда щедро награждала его по представлениям Потемкина. Гнев императрицы на Львова, как полагать надо, вышел за неплатеж долгов Львовым: он был очень небогатый человек и запутанный в своих денежных делах. Об этом все знали. И когда Львов с воздухоплавателем Гарнереном летал в воздушном

шаре, известный остряк Александр Семенович Хвостов напутствовал его вместо подорожной следующим экспромтом:

*Генерал Львов
Летит до облаков
Просить богов
О заплате долгов.*

На что Львов, садясь в гондолу, ответствовал без запинки такими же рифмами:

*Хвосты есть у лисиц, хвосты есть
у волков.
Хвосты есть у кнутов, берегись
Хвостов!*

Львов Сергей Лаврентьевич (1740-1812)

На вопрос известного адмирала Шишкова, что побудило его отважиться на опасность этого воздушного путешествия с Гарнереном, Львов объяснил, что, кроме желанья испытать свои нервы, другого побуждения к тому не было. «Я бывал в нескольких сражениях, - сказал он, - больших и малых, видел неприятеля лицом к лицу и никогда не чувствовал, чтоб у меня забилося сердце. Я играл в карты,

проигрывал все до последнего гроша, не зная, чем завтра существовать буду, и оставался также спокоен, как бы имея миллион за пазухою. Наконец, вздумалось мне влюбиться в одну красавицу-польку, которая, казалось,

была от меня без памяти, но, в самом деле, безбожно обманывала меня для одного венгерца. Я узнал об измене со всеми гнусными её подробностями, и мне стало смешно. Как же, я думал, дожить до шестидесяти лет и не испытать в жизни ни одного сильного ощущения! Если оно не давалось мне на земле, дай поищу его за облаками. Вот я и полетел. Но за пределами нашей атмосферы я не ощутил ничего, кроме тумана и сырости, немного продрог - вот и всё...»

Император Павел I, разговаривая однажды с Львовым на разводе, облокотился на него.

– Ах, государь! - произнес с сожалением Львов, - могу ли я служить вам опорой?

Однажды Потемкин за что-то рассердился на Львова и перестал с ним разговаривать, но Львов не обратил на это особенного внимания и продолжал каждый день обедать у фельдмаршала.

– Отчего ты так похудел? - спросил, наконец, его Потемкин.

– По милости вашей светлости, - отвечал сердито Львов.

– Как так?

– Если бы вы ещё немного продолжали на меня дуться, то я умер от голода.

– Я ничего не понимаю! - возразил Потемкин. - Какое может иметь отношение к голоду моя досада на тебя?

– А вот какое, и очень важное: прежде все оставляли меня в покое и не нарушали моих занятий, а чуть только показали Вы мне хребет, я не стал иметь отдыху. Едва только поднесу ко рту кусок, как его отрывают вопросами. Не смел же я не отвечать, находясь в опале...

Любимая племянница Потемкина, графиня Браницкая, забавляясь однажды при Львова примериванием разных нарядов, обернула себе голову драгоценным собольим боа.

– Как я в этом буду? - спросила она Львова, кокетничая.

– Просто будете с мехом (смехом)- отвечал он.

– Какое различие между трутом и школьником? - спросил он однажды, и когда все затруднились ответом, сказал: то, что трут прежде высекут, а потом положат, а школьника сперва положат, а потом высекут.

По сообщению С.П. Жихарева, Львов в обществе был неистощимым рассказчиком разных любопытных происшествий в армии при фельдмаршалах Румянцеве и князе Потемкине; он забавлял анекдотами и умел расшевелить и таких людей, которые, кажется, от роду своего никогда не смеялись.

Лет пятьдесят-шестьдесят тому назад, у нас в России, особенно в провинции, мудрено было удивить самодурством.

Редкий из зажиточных помещиков не отличался особыми причудами. На такие причуды ушли колоссальные состояния.

В Малоархангельском уезде Орловской губернии жила старушка-помещица Ра[гози]на [131], помешанная на всевозможных придворных церемониях. Зал, в котором она принимала своих знакомых и «подданных» (как величали тогда помещики своих крепостных людей), представлял нечто до нелепости странное. Это была большая комната в два света, расписанная в виде рощи, пол которой изображал партер из цветов; посредине был устроен из зеркальных стекол пруд, на котором плавали искусственные лебеди; по до-

рожкам стояли алебастровые фигуры богов и богинь древней Греции.

Клумбы из искусственных цветов во время выходов помещицы напрыскивались одеколоном и «альпийской водой». На больших деревьях, там и сям поставленных, порхали снегири, синицы и другие певчие птицы. Сама помещица сидела на золотом троне, в ногах её стояли и лежали пажи и арапчики.

Каждое воскресенье и двенадцатые праздники после обедни здесь происходили приемы. Первым являлся сельский священник с причтом, диакон торжественно нес на серебряном блюде большую просфору. Несмотря на то, что церковь от усадьбы была в расстоянии полуверсты, помещица к обедне ездила всегда со свитой в пятьдесят человек. Кроме господского, экипажей в поезде было не менее десяти. Сама владелица ехала в громадной откидной коляжке, называемой «лондоном», запряженной восьмериком; кучер сидел так высоко, что был на уровне с коньками крестьянских изб. Вторым экипажем был дормез, запряженный четверкой, третьим - четырехместная коляска в шесть лошадей, потом ко-

ляска двухместная, потом крытые дрожки, потом две польские брички, наконец, две-три линейки и несколько кожаных кибиток. Барыня была женой генерала, любила почет и уважение. Торжественные приемы её, как говорили, доходили до Петербурга, но им только посмеивались: таких помещиц и помещиков было тогда немало.

Князь Г.С. Г[олицы]н[132], один из тоже замечательных самодуров, в подмосковном поместье учредил даже нечто вроде маленького двора из своих «подданных». У него были гофмаршалы, камергеры, камер-юнкеры и фрейлины, была даже «статс-дама», необыкновенно полная и представительная вдова-попадья, к которой «двор» относился с большим уважением: она носила на груди род ордена - миниатюрный портрет владельца, усыпанный аквамаринами и стразами. Князь Г[олицы]н своим придворным дамам на рынках Москвы покупал поношенные атласные и бархатные платья и обшивал их галунами. В праздник совершались выходы; у него был составлен собственный придворный устав, которого он строго придерживался.

Голицын Григорий Сергеевич (1779-1848)

Балы у него отличались особенным этикетом, т. к. на них присутствовали его придвор-

ные. В зале, ярко освещенном, размещались приглашенные. Когда все гости были в сборе, с хор неслись звуки торжественного марша, и хозяин входил в зал, опираясь на плечо одного из своих гофмаршалов. Бал открывался полонезом, причем помещик вел «статс-даму», которая принимала приглашение князя, предварительно поцеловав его руку. Князь достаивал и других дам приглашением на танец, причем они все прежде подобострастно прикладывались к его руке. Бал завершался шумным галопадом, а последний нередко превращался в веселую «барыню».

Голицын Юрий Николаевич (1823-1872)

В Орловской губернии, в нескольких верстах от уездного города Малоархангельска, существует большое село князей К[ураки]ных [133], где на обширном дворе в виду сельского храма виднеется небольшое кладбище, обросшее пирамидальными тополями. Кладбище это переносит нас к бывшим барским причудам одного из владельцев [134], о причудах которого рассказали выше. Там между несколь-

кими уцелевшими весьма недурными каменными мавзолеями ещё в шестидесятых годах можно было отыскать несколько с упомина-

ниями особ пышной дворни князя К[уракина]. В одной могиле похоронена «девица Евпраксия, служившая до конца дней своих при дворе его сиятельства камер-юнгферой», на другой могиле написано, что в ней «покоится Сенька Триангильянов», бывший в ранге полицеймейстера в придворном штате его сиятельства, далее находим «стремянного Иакима Безупречного, пролившего кровь за своего властелина 9-го октября 1819 года» и т.д.

Что только ни происходило при жизни этого гордого вельможи! Окруженный многочисленной дворней, он, как и брат его[135], разыгрывал при ней роль немецкого принца и мечтал, что он в своем владельческом княжестве. Он давал такие обеды, за которыми, как хозяин, так и гости бывали пьяны настолько, что не могли ни дверей сыскать, ни без помощи слуги сесть в свою карету. Это называлось на языке князя «des diners a huis clos». Он принимал приезжих гостей обыкновенно у себя в спальне, когда ему мылили бороду, а по сторонам стояли шуты в золоченых камзолах. Гордость князя доходила до смешного: он рассчитал своего старого домового

доктора за то только, что тот осмелился ночью, во время приступа болезни князя, явиться не во фраке. Кто, впрочем, в былые годы не доходил до сумасбродства в деревне, чтобы «показать себя» своим вассалам и чинить там суд и расправу?!

Известный своим самодурством Голицын по прозвищу «Юрка»[136], рассказывал, как он в юношеские годы приехал в свое родовое имение по выпуске из Пажеского корпуса, где он окончил курс с первым гражданским чином. Ещё до выезда из Петербурга он послал в вотчинную контору приказ, которым уведомлял, что будет в Троицын день, в престольный праздник. Позднюю обедню он предполагал слушать в приходском своем соборе, о чём предписывал уведомить как духовенство, так и окрестных помещиков, и подлинный его приказ прочесть на мирском сходе. Ему казалось, - как он сам иронически замечает, - что величественнее этого приказа до сих пор ещё ничего не было. Для пущей важности, приказ был написан на бристольской бумаге, вложен в огромный конверт казенного формата с гербовой печатью в ладонь и отправлен по эста-

фете, т.к., - думал он про себя, - «таким образом посылаются только царские грамоты».

Ну, вот и поехал он в свои владения в зелёной коляске а l'Empereur[137] - с двумя лакеями: первый был в ливрее, второй - в военной форме. Почему он нарядил его так, он и сам разъяснить не мог. В коляске барина лежал ещё большой черный водолаз. Сзади его в другой коляске ехали: секретарь, приживальщик, повар и казачок. Помещик, как и следовало ожидать, был встречен хлебом-солью от крестьян. При этой депутации также явилось в вицмундирах несколько чиновников земского и уездного судов и дворянской опеки, имевших, вероятно, в виду продолжать эксплуатацию, начавшуюся со времени взятия имения в опеку.

Не доезжая до села, дежурная тройка поскакала дать знать становому, который и приехал почтительно встретить юного владельца и с полверсты скакал перед ним до церковной паперти. Лишь только экипажи показали на плотине, с колокольни послышался благовест; народ перекрестился и побежал к барину навстречу. «Меня самодовольно

передернуло, - рассказывал князь, - и я, обратясь к камердинеру, приказал подложить под меня третью кожаную подушку, чтобы многочисленные мои дети могли лучше рассмотреть своего отца-благодетеля. Народ так и валил». Картина выходила торжественная, но безмолвная толпа не произвела на владельца села сильного впечатления, - он ожидал, что будут кричать «ура». А когда подъехал к церкви и увидел, что «духовенство с крестами меня не встречает», то «решительно пришел в негодование и подумал: «ну, я заведу свои порядки и дам себя знать!» И действительно не прошло и двух минут, как он к таким порядкам и приступил. Войдя в церковь, он увидел пономаря в стихаре с распущенными волосами, ругающегося с старушками. Тут он пришел в такую ярость, что подошел к пономарю, закрутил руку его волосами и таким образом прошелся с ним по всей церкви и привел его в алтарь к священнику, совершавшему проскомидию, и сказал ему:

– Посмотрите, какие беспорядки у вас делаются в церкви.

Священник, не поняв, в чём дело, ответил:

– Извините, ваше сиятельство, этого впредь не будет... Если так был требователен юный коллежский регистратор, то что мог делать в ту эпоху министр в отставке?!

В павловское время много было выключенных из службы дворян, которые охотно принимали всякие, даже низкие должности у знатных вельмож. Известный любимец императора Павла I, князь Куракин, как уже выше сказано, в своем богатом саратовском имении Надеждино сделал у себя, наподобие посещенных им дворов владетельных княжеств, собственный двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворецких, управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстеров. У него жил очень видный собою майор, которого обязанность состояла только в том, чтобы с палкою в руках ходить перед князем, когда он шел в свою домовую церковь. Но и помимо него было множество любезников без должностей, которые составляли княжескую свиту. Всякий день, даже в будни, за столом гремела музыка, а в праздники были большие выходы. Разделение времени, дела и забавы, -

все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображения Павла I находились у него во всех комнатах; в саду и в роще, там и сям встречались весьма изящные памятники знаменитым друзьям и родственникам. Князь наслаждался и мучился воспоминаниями Трианона и Марии Антуанетты, посвятил ей деревянный храм и назвал её именем длинную, ведущую к нему, аллею. Такие державные затеи имели довольно смешную сторону.

В двадцатых годах текущего столетия был известен своими чудачествами князь Иван Александрович Голицын, носивший в обществе прозвище Jean de Paris[138] по названию современной оперы. Князь отличался большою расточительностью: в Париже, во время пребывания наших войск, он выиграл в одном игорном доме миллион франков, а спустя несколько дней проигрался так, что ему не на что было выехать из города. Женившись на Всеволожской, он оказался холостяком тотчас же по совершении брачного обряда, так как, выходя из церкви, жена подала ему портфель и оказала: «Вот половина моего состояния, а я - княгиня Голицына, и теперь все кончено»

между нами!» Такая характерная черта довольно ясно обрисовывает эту женщину. Она впоследствии принадлежала к обществу женщин-мечтательниц, объединившихся вокруг г-жи Крюденер.

Голицына была главною распорядительницею в деле переселения этой колонии женщин на южный берег Крыма. Отплыли они из Петербурга водою, в большой барке. Голицына поражала всех своим мужественным видом: она ходила в длинном сюртуке и суконных панталонах, с плетью в руках, которою собственноручно расправлялась с своими домашними и даже окрестными татарами. Не только они, но исправники, заседатели и прочие трепетали перед деспотическою женщиною. Ездил она верхом, как мужчина, и подписывалась в письмах «La vieille des Monts», что остряки переводили как «La vieille Demon»[139]. Муж её, Jean de Paris, служил адъютантом у великого князя Константина Павловича. По рассказам современников, он был очень забавен при своей сановитости в обстановке и кудреватости в речах. Князь был от природы немного трусоват. Однажды

он ехал в коляске с великим князем, и скакали они во всю лошадиную прыть.

Это Голицыну не очень нравилось. «Осмелюсь заметить, - сказал он, - и доложить вашему высочеству, что если малейший винт выскочит из коляски, от вашего высочества может остаться только одна надпись на гробнице: здесь лежит тело его императорского высочества великого князя Константина Павловича». - «А Михель?» - спросил великий князь. Михель был главный вагенмейстер при дворе великого князя. «Приемлю смелость почтительнейше повергнуть на благосмотрение и прозорливое соображение вашего высочества, что если, к общему несчастью, не станет вашего высочества, то и Михель его высочества бояться не будет».

Князь, как мы выше уже сказали, был страстный игрок. Житье в то время в Варшаве носило характер бивуачный и азартная игра велась сильная, проигрыш его в самое короткое время достиг чудовищных размеров. Он вышел в отставку, имея до пяти миллионов долгу.

Судьба этого князя очень сходна с судьбой

его однофамильца - тоже названного именем любимой тогда оперы «Cosa cara»[140].

Этот Голицын имел 24000 душ крестьян и громадное состояние, которые пустил прахом: частью проиграл в карты, частью потратил на неслыханное сумасбродство. Он ежедневно отпускал кучерам своим шампанское, крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, бросал на улицу извозчикам горстями золото, чтобы они толпились у его подъезда, и прочее. Прожив таким образом состояние, он подписывал не читая векселя, на которых суммы выставлялись не буквами, а цифрами. В конце своей жизни он получал содержание от своих племянников и никогда не сожалел о своем прежнем баснословном богатстве, всегда был весел духом, а часто и навеселе.

ГЛАВА XIV

«Пензенский Людовик» - князь Григорий Голицын. Англоман Зыбин. Граф В.И. Апраксин. Типограф Н.Е. Струйский. Переводчик Е.П. Костров. Поэт В.П. Петров.

В первых годах нынешнего столетия в Пензенской губернии губернаторствовал князь Г[олицы]н, известный более под именем князя Григория[141]. Это был представитель старинного русского барства, только с ещё большими странностями, прихотями и причудами. Князь Григорий был большой оригинал. В нежной юности он хорошо помнил своего дедушку, князя Потемкина, открытую его грудь, босые ноги, халат нараспашку, в котором принимал он первых вельмож, сырую репу и морковь, которые при них же и грыз; помнил также царскую его представительность, его бриллианты и жемчуга, и его фавориток. Но всего этого ему показалось ещё мало: он захотел превзойти деда и избрал об-

разцом не одного его, а многих ещё чудаков того времени.

Князь Григорий полагал, что для вида необходимо иметь фавориток, и вот завел он себе двух таких старых женщин. Первую из них он назвал маркизой де Монтеспан. Она составляла его партию в бостон и сверх того давала ему деньги займы только за высокие проценты. За это качество к её титулу он прибавил ещё второй - мадам ла Ресурс.

Вторая платоническая метресса пензенского Людовика была тихая, богомольная, пожилая женщина: её он посвятил в девицы де Лавальер. Князь Григорий был женат, жена его была кроткая и нежно любила мужа, в свою очередь и супруг был к ней верен. Но что всего забавнее - он заставлял жену показывать чрезвычайную холодность к обеим этим мнимым метрессам.

Князь Григорий был большой затейник. Вместе с копировкой Людовика и Потемкина ему вдруг захотелось скопировать иудейского царя Давида, и вот он выучился довольно изрядно играть на арфе, так что по утрам его находили иногда в каком-то древнебиблейском

костюме с лирою в руках, на которой он играл, припевая разные псалмы, арии и песни как «Lison dortait un bocage» или «При долинушке стояла...». Князь имел также страсть к церковным обрядам. В деревне наряжал он самого себя и любимейших слуг в стихари, певал с ними на клиросе и читал апостольские послания.

Со стороны любви к церковнослужительству он сблизился с великим Суворовым и высокомощным дедом своим. Из своих чиновников он составил себе целый придворный штат. Для молодых писцов канцелярии своей простого происхождения он нанял где-то танцмейстера, одел их на свой счет и представил в свет, где все девицы обязаны были с ними танцевать. Он называл их своими камер-юнкерами, и они отличались от других однообразным цветом жилетов. Когда его секретарь жаловался, что некому переписывать в канцелярии, что они ничего делать не хотят, князь велел набрать для работы других, а этих считать сверх штата, и дал им от себя содержание.

Всему, что до него относилось, умел он да-

вать какой-то торжественный вид. Занеможет ли у него жена - по всем церквам велит он служить молебствия о её выздоровлении; родится ли у него сын - он собственноручно пишет церемониал его крестин. И вот по улице от губернаторского дома до собора несут на подушке младенца, окруженного разряженными повивальной бабкою, нянькою, кормилицею и девочками; впереди и сзади два ливрейных лакея; один курьер открывает шествие, другой замыкает его. Во время отъезда в деревню также соблюдались официальные формы, писался маршрут, поезд делился на три отделения, назначались роздыхи, ночлеги, и по дороге рассылались копии с письменных распоряжений.

Г[олицы]н любил распространять все новомодное, но держался и старины, особенно в том, что могло умножить личное его величие. О святках на маскарадах он являлся один, без маски, в богатом длинном платье старинных русских бояр. Гости же, в угождение ему, были в масках и как можно смешнее наряжены.

Такой образ жизни этого губернатора в то время многим очень нравился. «Ну, подлин-

но, - говорили они - можно сказать, что барин, так барин, не то, что иной другой какой-нибудь наш брат, рядовой дворянин». «И как такому вельможе захотелось у нас поселиться?» - говаривали иные.

Во время Отечественной войны князь Григорий жену свою одел в сарафан и кокошник, а сам нарядился в казацкое платье темно-зелёного цвета с светло-зелёной выпушкой. Из губернских чиновников и дворян, все те, которые желали ему угодить, последовали его примеру. Слуг своих одел он также по-казацки, и двое из них, вооруженные пиками, ездили верхом перед его каретою.

Но особенно где княжеские проказы выказывались, так это в его деревне. Дом его постоянно перестраивался и был великолепно отделан внутри со всеми затеями барства. Маленький двор его, составленный из увезенных им писцов губернаторской канцелярии, одет был однообразно - в казачьи кафтаны серого цвета из холщовой материи с синим холстинным стоячим воротником, на котором белыми нитками было вышито название села. Дворня его была разделена на три класса,

из коих каждый отличался цветом жилета. По праздникам происходило производство в эти классы и допущение к целованию руки, а также лакейские балы, в которых, исключая князя и княгини, должна была принимать участие и самая мелочь из соседних дворян. Угощение последних состояло из моченых яблок и брусники.

Были в век старого барства и такие причудники, которые, век свой разъезжая по чужим краям, совсем позабывали родной язык или, вернее, старались корчить из себя таких псевдоиностранных. Так, в описываемое нами время в Москве проживал чудак Зыбин, долго живший в Англии, притворявшийся, что совсем забыл русский язык, почему, выходя из театра, он кричал: «Зибен-карет!» [т. е. «семь карет» (*нем.*)]. Тогда была мода на высокие фаэтоны для гулянья. В таком уродливом экипаже Зыбин проехал из Петербурга в Москву. На станциях все на него смотрели, как на шута, и мальчишки бежали за ним с криком, о чём рассказывал сам Зыбин, относя это к невежеству нашего народа.

В ту эпоху были и такие русские, как, на-

пример, граф А[праксин][142], известный в обществе под именем «Васинька», которые, занимая место на лестнице, именуемой табелью о рангах, не умели правильно подписать даже свою фамилию, но при этом имели способности разнообразные: живопись и музыка была для них почти природными талантами. Граф А[праксин], не зная истории, ничего никогда не читал, но раз услышанное мог так остроумно и забавно применять в разговорах, что считался большим остроумцем. Этот «Васинька» имел ещё две большие страсти: к орденам и духам. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован. Уверяют даже, что после его смерти у него нашли несколько экземпляров разных форматов звезды Станислава второй степени, на которую давно глядел он со страстным вожделением.

Апраксин Василий Иванович (1788-1822)

«Васинька», по словам князя Вяземского, так любил орденские знаки, что часто во время самого живого разговора опускал вниз гла-

за свои на кресты, развешенные у него в щегольской симметрии, с нежностью ребенка, любующегося своими игрушками, или с пугливым беспокойством ребенка, который

смотрит: тут ли они?

В характере и поведении его не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но не уважать: он был образцовое дитя светского общежития. Множество карикатур и острых слов им потрачено было на варшавское общество, когда он служил при великом князе Константине Павловиче.

Польский генерал Гельгуд носил стеклянный глаз. Перед какими то праздником «Васинька» утверждал, что тому пожалуют «глаз с вензелем». При том же случае он говорил, что Куруте будет пожаловано прекрасное издание в великолепном переплете «Жизни знаменитых мужей» Плутарха.

Генерал Чаплиц, известный своею храбростью, любил говорить очень протяжно, плодovито и с большими расстановками. «Васинька» приходит однажды к великому князю и просит отпуск на 28 дней. Между тем в Варшаву ожидали императора. Великий князь, удивленный такою просьбою, спрашивает, какая необходимая потребность заставляет его отлучиться из Варшавы в такое время. «Генерал Чаплиц - отвечал тот, - назвался

ко мне завтракать, чтобы рассказать мне, как попался он в плен в Варшаве во время первой польской революции. Посудите сами, ваше высочество, раньше 28 дней никак не отделаюсь!...»

Его спрашивали о некотором лице, известном по привычке украшать свои рассказы красным словцом: не едет ли он в Россию на винные откупа, которые только что открылись в Петербурге?

«Нет, - отвечал он, - а едет, чтобы откупить поставку лжи на всю Россию».

Когда разнесся слух, что умер римский папа, многие старались угадать, кого изберет новый конклав на его место. «О чем тут и толковать, - прервал он эту речь - разумеется, назначен будет военный!» Это слово, сказанное в тогдашней Варшаве, строго подчиненной военной дисциплине, было очень метко и всех рассмешило.

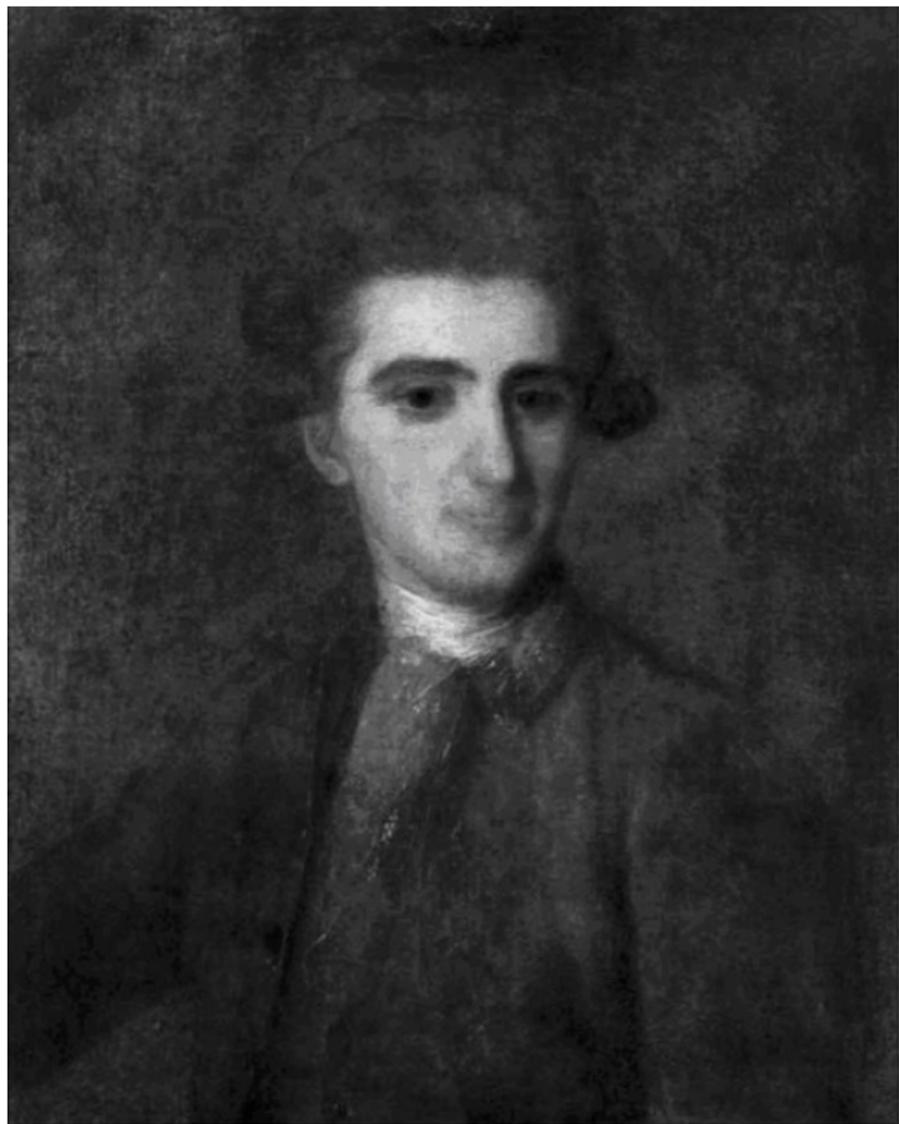
В московском обществе в тридцатых годах пользовалось некоторое время правом гражданства слово «анкураже». Как рассказывает поэт князь Вяземский, слово это вторглось в русскую речь по следующему случаю. При

московской театральной дирекции служил один забавный чудаки, который, как следует русскому чиновнику, был охвачен болезнью чиновлюбия и крестолубия. Он беспрестанно говорил и писал кому следует: «Я не прошу кавалерии через плечо или на шею, а только маленького анкураже[143] в петличку». Это слово так понравилось тогда, что даже Пушкин его применил к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета её, то есть с одной стороны - ухаживание, а с другой - снисходительное и одобряющее кокетство. Не менее странен был в образе жизни, в обращении, в одежде и во всех своих поступках другой богатый пензенский помещик, Н.Е. Струйский [144], проживавший в своем селе Рузаевка. Владения его простирались верст на тридцать кругом. Рузаевка была с тремя церквями, из них две выстроены Струйским. Все селение было обведено валом. Барский дом был огромный: зала в 40 аршин длины с мраморными стенами и тройным светом, на карнизе дома виднелась надпись «16-го декабря 1772 год», год основания дома. За одно железо хозя-

ин отдал купцу подмосковную деревню с 300 душ. Кабинет Струйского был в самом верху дома, назывался он «Парнас».

В это святилище никто не хаживал, потому что барин говорил «не должно метать бисера свиньям». В кабинете царствовал неслыханный беспорядок - на столе рядом с сургучом лежал бриллиантовый перстень, возле большой рюмки стоял поношенный бюст. Такой беспорядок Струйский, по словам спрашивающих, допускал для того, что пыль была его сторож: по ней он тотчас узнавал, был ли тут кто-нибудь и трогал ли что-либо. В этой комнате у него было много разного оружия - Струйский боялся нападений на себя. Носились слухи, что он был большой тиран, любил юридические процессы и делал сам своим людям допросы. Разбирательства он производил по-нынешнему и судил, говоря «за» и «против» обвиняемого. Но в своих разбирательствах прибегал и к пыткам, разумеется, тайно.

Струйский Николай Еремеевич (1749-1796)

Струйский был некогда владимирским губернатором. Одевался он очень странно: с

фраком носил парчовый камзол, подпоясывался розовым шелковым кушаком, обувался в белые чулки, на башмаках носил бантики, а на голову повязывал длинную прусскую косу. Но главной страстью Струйского были стихотворство и типографское дело. Типография его была богатейшая, печатание у него было доведено до наилучшего в то время в России искусства.

Он выписывал из-за границы всевозможные шрифты, подносил императрице Екатерине II разные свои стихотворные труды. Она любовалась изданиями и хвасталась перед иностранными посланниками, что у ней, за тысячу верст от столицы, в глуши, процветает искусство и художество. Государыня не раз посылала ему бриллиантовые перстни за его труды.

На типографию Струйский тратил весь свой доход с имения. Книги у него нередко печатались на атласе и почти всегда на александрийской клееной бумаге, с превосходной виньеткой. Типография составляла единственную его страсть, а стихи - единственное занятие, печатание шло у него очень быстро,

но кроме своих сочинений, он ничего не любил печатать на своих станках. Струйский никогда не покидал своей Рузаевки. Последняя у него была устроена великолепно, особенно прекрасны были в ней сад и цветники. Стихи, или, вернее, вирши Струйский писал запоем иногда по два дня, запершись на «Парнасе» и не принимая никакой пищи; в это время он переодевался Аполлоном.

Посетивший его известный поэт прошлого столетия князь И.М. Долгорукий рассказывает: «Меня он удостоил ласкового своего приема на Парнасе, за который дорого заплатил, однако, один из моих товарищей, ибо он, читая ему свое одно стихотворение, по его мнению лучшее, вошел в такой восторг, что щипал слушателя до синих пятен. После "Телемахиды" ничего нет на свете потешнее, как его произведения», - замечает Долгорукий. Струйский очень уважал «оптику» и говорил, что многие сочинения наших авторов теряют свою цену оттого только, что листы не по правилам оптики обрезаны, что голос от этого ожидает продолжения речи там, где переход её прерывается, и от нескладности тона теря-

ется сила мысли сочинителя.

Все приказания по имению Струйский отдавал на «Парнасе»; у подошвы же «Парнаса» происходило наказание. Иногда profanum vulgus оказывался виновным и в том, что помешал вдохновению.

Иван Платонович Бекетов, служивший вместе с сыном Струйского в одном гвардейском полку, видел одно сочинение его отца и просил посмотреть, но последний дал под одним условием: немедленно прислать его назад по первому требованию. Причина была следующая: время от времени Струйский требовал у сына уведомления - «какой стих находился в его сочинениях на такой-то строке такой-то страницы?» Эти внезапные вопросы служили удостоверением, что сын не разлучается с его сочинениями.

Правописание и пунктуация у Струйского были тоже свои, особенные, так что расстановка знаков препинания, кажется, не представляла ничего, кроме каприза и произвола. В стихах Струйского была одна плоскость - его нельзя ставить рядом с Третьяковским и графом Хвостовым: у этих иногда встречаются

смешные бессмыслицы - у Струйского стихи были до крайности плохи мыслями и путаницей речи.

Струйский был великий почитатель Сумарокова. Смерть этого чудака последовала тоже довольно странная: его сильно поразила кончина императрицы Екатерины. Услышав это печальное известие, он тотчас же слег в постель, лишился языка и умер очень скоро.

Из редких, но пустых книг этого чудака-типографа известны: «Апология к потомству от Николая Струйского», затем первое издание «Камина» И.М. Долгорукова и «Блафон». К этой великолепно изданной книге, поднесенной Екатерине II, приложена превосходной работы гравюра, представляющая живописный плафон (потолок) залы дома Струйского в Рузаевке с аллегорическим значением. Императрица изображена в виде Минервы, сидящей на облаке, окруженной гениями и различными атрибутами поэзии, попирающей крючкотворство и взяточничество, пресмыкающиеся с эмблемами лихоимства, как то: сахарными головами, мешками с деньгами, баранами и проч. Все это поражается стрела-

ми изображенного за богинею двуглавого орла. Подлинник гравюры написан крепостным художником Струйского. Из роскошно изданных его же книг известна: «Епиталама или Брачная песнь на вожделенный для россиян брак е.и.в. благоверного государя вел. кн. Александра Павловича». Это сочинение посвящается адресату, «яко жертва усердия и восхищения». Стихи отпечатаны на белом атласе. В своей «Епиталаме» плодовитый рузавский стихотворец сзывает на брачное торжество чуть ли не всех богов Олимпа. Стихотворение оканчивается обращением к холмам, долинам и потокам, чтобы те внимали его песне, и затем приглашает знакомых ему, как стихотворцу, фавнов, почтить играми своими торжество и, отбирая у Эрота лук и стрелы, заставляет его плясать.

Известно ещё «Письмо о российском театре нынешнего состояния». Письмо написано Струйским к актёру Дмитревскому. В нем он вспоминает о блестящей эпохе, когда на сцене шли трагедии Сумарокова, и скорбит о настоящем времени, когда вместо бессмертных творений «стремятся игрищи вводить». Осо-

бенно гневно нападает он на Княжнина за его «Вадима», называя его рыгающим на закон, открывающим в себе явно изменника и возмутителя. Обличает его в безверии и посягательстве на власть, представляет картину тех страшных последствий для автора трагедии и актёров, которые повлекло бы за собою представление её на сцене. Несмотря на нелепо выраженные и пересыпанные бессмысленною бранью суждения автора о Княжнине, нельзя не видеть в них отголоска тогдашних воззрений как самой императрицы, так и окружавших её высших государственных сановников. Это сочинение Струйского было тоже им поднесено императрице. Всех книг, отпечатанных Струйским в его деревенской типографии, известно не более 20 штук.

Из старинных наших поэтов большим чудачком был Ермил Иванович Костров[145]; знавшие его коротко, рассказывают о нем много забавных странностей. Входил он к приятелям в комнату всегда в треугольной шляпе, снимал её для поклона и снова надевал на глаза, садился куда-нибудь в уголок и молчал. Только тогда примет участие в разгово-

воре, когда услышит речь любопытную или забавную и тогда приподымет шляпу, взглянет на говорящего и опять её наденет. Костров был небольшого роста, головка маленькая, несколько курнос, волосы приглажены так, как все тогда носили букли и пудрились; коленки согнуты, на ногах стоял нетвердо и был вообще, что называется, рохля. И.И.Дмитриев говорит, что рядом с ним на улице ходить было совестно: он и трезвый шатался. Какая-нибудь старуха, увидев его, скажет с сожалением: видно, бедный, больнехонек! А другой, встретясь с ним, пробормочет: эх, нахлюстался!

Костров Ермил Иванович (1755-1796)

Костров был добродушен, прост, чрезвычайно безобиден и незлопамятен, податлив на всё и безответен. В нем было что-то ребяческое. Нравственности он был непорочной, а когда был навеселе, то любил читать роман Вертера и заливался слезами. В таком поэтическом положении, лежа на столе, обращался он мыслию и словами к какой-то любезной,

которой у него никогда не было, называл её по имени и восклицал: «Где ты? На Олимпе?... Выше! В Эмпирее? Выше! Не постигаю!!» - и

умолкал.

В доме известного мецената Ивана Ивановича Шувалова ему была отведена комната возле девичьей. Тут он переводил «Илиаду». Домашние Шувалова обращались с ним, почти его не замечая.

Однажды Иван Иванович Дмитриев приехал к Шувалову и, не застав его дома, посетил Кострова. Он нашел его в девичьей: тот сидел в кругу девиц и сшивал разные лоскутки. На столе возле лоскутков лежал греческий Гомер, разогнутый и обороченный вверх переплетом. На вопрос, чем он это занимается, Костров отвечал очень просто: «Да вот, девчата велели что-то сшить!» - и продолжал свою работу[146].

Добродушие Кострова было пленительное. Его вывели на сцену в одной комедии и он любил заставлять при себе читать явления, в которых представлен был в смешном виде. «Ах он пострел! - говорил он об авторе. - Да я в нем и не подозревал такого ума. Как он славно потрафил меня!» Часто в гостях у Бекетовых, друзья, подпоивши Кострова, ссорили его о молодым братом Карамзина. Костров

принимал эту ссору не за шутку, дело доходило до дуэли. Карамзину давали в руки обнаженную шпагу, а Кострову ножны. Он не замечал этого и с трепетом сражался, боясь пролить кровь неповинную. Никогда не нападал, а только защищался.

И.И. Дмитриев с ним сыграл следующую шутку: поддерживая Кострова в веселом настроении некоторое время, он увез его из Москвы и, поив всю дорогу, полупьяного привез в Петербург и выпустил на самой многолюдной улице. «Где я? - произнес Костров. - Я не узнаю Москвы!»

В Петербурге князь Потемкин пожелал видеть Кострова. Прошло несколько времени, пока его совершенно не протрезвили - но надо было снарядить Кострова, и этим занялись его друзья. Всякий уделил ему из своего платья - кто французский кафтан, кто шелковые чулки и проч. После продолжительного ожидания Костров был введен в кабинет светлейшего князя. Костров отвесил Потемкину поклон. «Вы перевели Гомерову «Илиаду»?» - спросил вельможа. Потом пристально посмотрел на него, кивнул головою, тем свида-

ние и кончилось.

Костров вышел из кабинета, радуясь, что счастливо отделался от надменного сановника, и уже с поспешностью пробирался сквозь толпу, как был остановлен адъютантом, сказавшим ему, что светлейший приглашает его к своему обеденному столу. За обедом у Потемкина Костров не забыл себя, не пропустил ни одного напитка, ни одного блюда, так что когда все встали с своих мест, слуги принуждены были взять его под руки и усадить в карету.

Императрица Екатерина II в бытность свою в Москве пригласила Кострова к обеденному столу, возложив это поручение на Шувалова. Слабость поэта была известна меценату; он призвал его к себе, велел одеться и просил непременно явиться к нему в трезвом виде, чтобы вместе ехать во дворец. Настает час, Шувалов посылает за Костровым, но того нигде не находят. Вельможа отправляется один к государыне и оправдывает поэта перед царицей, сказав, что тот заболел. Недели через две Костров является к Шувалову. «Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, - говорит послед-

ний, - что ты променял дворец на кабак?» - «Побывайте-ка, Иван Иванович, в кабаке, - отвечал Костров, - право, его не променяете ни на какой дворец!» - «О вкусах не спорят», - сказал Шувалов.

На языке Кострова «пить с воздержанием» - значило так, чтобы держаться на ногах. Однажды шел он из трактира с Верещагиным, тоже поэтом, студентом, который, пивши не с воздержанием, пополз на четвереньках. «Верещагин!- закричал ему Костров. - Не по чину, не по чину!»

В другой раз, после обеденного стола у Карина[147], тоже поэта, но богатого барина, Костров так напился, что закинул голову на спинку дивана. Один из присутствовавших, желая подшутить над ним, спросил его: «Что, Ермил Иванович, у тебя мальчики в глазах?» - «И самые глупые!» - отвечал Костров.

За несколько дней до кончины его, Карамзин встретил Кострова в книжной лавке. Он был измучен лихорадкой. «Что это с вами сделалось?» - спросил его Карамзин. «Да вот такая беда! - отвечал тот. - Всегда употреблял горячее, а умираю от холодного!»

Существует театральная пьеса Кукольника «Ермил Иванович Костров», фабула которой построена на случае, характеризующем душевную доброту поэта. В 1787 году императрица пожаловала ему 1000 руб. новыми ассигнациями за перевод «Илиады». Костров с этими деньгами отправился покутить в любимый свой Царегородский трактир. Здесь, попивая вино, он встретил убитого горем офицера. Поэт участливо разговорился с ним и узнал его печальную повесть - офицер потерял казенных денег 800 рублей и должен быть разжалован в солдаты. Услышав этот рассказ, Костров сказал ему: «Я нашел ваши деньги и не хочу воспользоваться ими!» С этими словами он положил перед удивленным офицером на стол 800 руб. и тотчас же скрылся. Но Кострова знали в Москве, и добрый его поступок вскоре стал известен всему городу.

Суворов высоко ценил Кострова, называл его своим другом и не расставался с его переводом Оссиана. Заслуги, оказанные Костровым нашей литературе, памятны и по сей час, но его самого литературные труды не обогатили.

тили. Костров вечно нуждался и умер в нищете, как и Гомер.

Существует рассказ, что за остальные шесть песен «Илиады» московский книгопродавец предложил ему только 150 рублей, но Костров их не принял и бросил свой перевод в печку. Неизвестно, каким образом сохранилась седьмая, восьмая и половина девятой песни, которые были напечатаны в «Вестнике Европы» 1811 года. Костров умер 9 декабря 1796 года и похоронен в Москве, на Лазаревском кладбище. Происхождением он был крестьянин Вятской губернии, но сказывал сам о себе, что он сын дьячка.

Из старинных поэтов был ещё один, замечательный по своим странностям, это - В.П. Петров. Костров перевел «Илиаду», Петров - «Энеиду» и оба шестистопными ямбами. Петров имел важную, напыщенную наружность; он был друг Потемкина; произведения его теперь забыты - виною тяжелый, выпранный слог.

Петров Василий Петрович (1736-1799)

Этот бард писал свои оды, ходя по Кремлю. За ним носил бумагу и чернильницу его ливрейный лакей. При виде Кремля, Петров наполнялся восторгом, останавливался и писал.

Костров не любил стихов Петрова, но пьяный, за пуншевою чашею, любил их слушать.

Князь Вяземский рассказывает, что при одной барыне-старушке читали раз оду Петрова к графу Гр. Орлову:

*Блюститель строгого Зенонова
закона
И стоик посреди великолений
трона...*

При первом же стихе старая барыня прервала чтеца: «Какой вздор! - сказала она. - Со всем не Зенонова: законная жена графа Орлова была Зиновьева. Я очень хорошо знавала её!...»

ГЛАВА XV

**Любители печальных церемоний:
«духовный майор» Д-ови, вице-губернатор Ш-в. А.И. Лужков. Богатые помещики С.Е. Кротков и С.Т. Мацнев. Богач М.Л. Фалеев.**

В былые годы в Малороссии существовали странствующие поэты, которые проживали в домах богатых панов и оживляли семейные празднества своими импровизациями. В XVIII веке по Малороссии в каникулярное время расхаживали киевские студенты и представляли духовные драмы, бандуристы распевали возле церквей духовные гимны, а на площадях и в домах - думы (род баллад) и патриотические песни. Из всего этого не осталось теперь и следа, но у русских помещиков ещё в начале текущего столетия проживали в подмосковных и в приволжских усадьбах домашние поэты и сочинители, которые в дни тезоименитств своих помещиков писали на эти торжества вирши, сочиняли пьесы, шара-

ды в лицах и т.д. Из таких дворовых сочинителей известны по оставленным ими печатным трудам Матинский[148], дворовый человек графа Разумовского, и Вроблевский, такой же крепостной графа Шереметева[149]. Первый из них написал комическую оперу «Петербургский Гостиный двор», которая долго не сходилась с репертуара; второй известен также, помимо театральных пьес, многими учеными переводами с немецкого и других языков.

В старину поэзия и бедность были почти синонимы, и многие такие прислужники или жрецы Аполлона ходили по линиям Гостиного и Апраксина дворов в рубище, в дырявых сапогах, по лавкам, подавая каждому встречному четко написанный акростих в довольно звучных стихах, начальные буквы которого воспроизводили фамилию поэта, а остальные гласили, что автору нужны сапоги и кусок хлеба.

Помимо таких странствующих литераторов, ещё в начале сороковых годов можно было встретить объявление в газетах, что «Т-в жительствоует на Выборгской стороне в доме

такого-то, что он сочиняет стихотворения на разные случаи, как-то: поздравительные, театральные, погребальные надписи на памятники и пишет различные письма, как амурные, так и деловые».

Долгое время в Москве пользовался большой популярностью прозванный «духовным майором» отставной гусар павловских времен Д-дов, который изобрел себе особого рода занятие - предшествовать все погребальные процессии и присутствовать при всех архиерейских и митрополичьих служениях. На богатых похоронах он всегда шел впереди печального кортежа в отставном гусарском голубом мундире, с напудренными завитками на висках и с косой на спине; на голове его была огромная треугольная шляпа с полуаршинным белым плюмажем.

На митрополичьих служениях он прочищал путь владыке, и во время служения ставил к образам свечи, поправлял лампы и всюду суетился. Когда, бывало, говорили о похоронах, то при этом прибавляли: «да, похороны были богатые, с майором».

Купеческие похороны были особенно при-

ятны для старого гусарского майора, потому что он тут был всегда почетнейшим гостем и угощаем был на славу. Занимаясь таким почтенным занятием, он считал себя почти официальным лицом в городе и, проживая по квартирам, не платил домохозяевам ничего. Нанимая квартиру, он не давал хозяину никакого задатка, но заявлял, что благородное его слово вернее всяких контрактов. И в самом деле, если, зная его привычки, ещё до переезда на квартиру, хозяин просил у него не задерживаться, тот сдерживал слово и съезжал точно в назначенный день. По большей же части дело выходило иначе.

Когда истекал месяц, хозяин являлся к Д-ву с требованием платы за квартиру. Жилец отвечал, что не может теперь отдать. На другой и на третий месяц повторялось то же. Выведенный из терпения хозяин обращался в полицию.

«Да чего же вы хотите?» - спрашивали у него в участке. «Конечно, денег». - «От Д-овато? Да он даром живет, это всем известно, и так заведено с испокон века, ведь он духовный майор, у преосвященного состоит. Мы на

него и жалобы не принимаем, и если вы искать станете, то только время потратите. А вы лучше приищите-ка для него приличную квартиру, заплатите за месяц вперед, а там поклонитесь ему и попросите его переехать»... И хозяин, следуя этому благоразумному совету, поклонится павловскому служаке, сделает ему же надлежащее приношение, и перевезет духовного майора к новому домохозяину.

Лет пятьдесят тому назад или немного более проживал и в Петербурге такой же любитель богатых покойников. Это был отставной вице-губернатор Ш-ев. Последний до того обожал усопших, что, узнав от гробовщика, где и кто скончался, брал из дому небольшую подушку и прямо переселялся в квартиру мертвеца. Он его обмывал, читал по нем псалтырь, провожал на кладбище и последним покидал могилу.

Материально обеспеченный, он всю жизнь проводил в таких хлопотах и сам, видимо, желал поскорей умереть. Прежде он служил у известного мистика, министра императора Александра I, князя Голицына, был масоном

и чуть ли не принадлежал к татариновской секте. Старику шел восьмидесятый год, смерть не приходила и старик очень скучал. Но вот легкое нездоровье посетило его. Он обрадовался и послал за старым своим приятелем-гробовщиком. «Что вам угодно?» - спросил последний. «Сними мерку с меня да поспеши, не медли работой. Гроб сделай из дубового дерева, полированный под лак, лучшей работы. Ручки поставь серебряные, да приделай и замок с ключом к нему. На крышке, против того места, где будет лежать моя голова, вырежь отверстие и вставь в него толстое стекло...»

Но гроб простоял ещё два года, Ш-в два раза в неделю ходил его осматривать. За два дня до смерти он писал гробовщику: «Приготовьте мне мое жилище, обметите его и почистите. В прошедший раз я заметил, что ручки потускли... Пожалуйста, содержите гроб в чистоте». Через два дня он умер.

В Петербурге, в первой четверти нынешнего столетия проживал другой такой же любитель похорон - это был Алексей Иванович Лужков[150], служивший при императрице

Екатерине II в Эрмитаже в должности библиотекаря и консерватора драгоценных вещей. Императрица очень любила говорить с Лужковым. Последний был человек строгой честности и говорил государыне одну правду, иногда в очень резкой форме. Екатерина, часто разбирая эстампы и камеи, спорила с ним и, выходя из Эрмитажа, нередко говорила Лужкову: «Ты всегда споришь и упрям, как осел». Лужков на это, вставая с кресел, отвечал: «Упрям, да прав!»

Император Павел I был также очень милостив с Лужковым, но, зная его упрямый характер, при вступлении на престол наградил его чином и дал отставку с пенсионом в 1200 рублей, что по тогдашнему времени считалось очень щедрым.

Лужков при императрице в чине титулярного советника служил более 25 лет. Император, зная это, велел ему купить дом. Лужков у государя попросил, чтобы тот ему дал клочок земли на Охте, вблизи кладбища, на котором он мог бы себе выстроить небольшой домик. Павел приказал исполнить его просьбу, и Лужкову была отведена на Охте, подле клад-

бища, земля и выстроен дом. Лужков жил на Охте до своей кончины. Занятия его были: каждый день ходить к утрени в церковь, возвратившись из храма домой пить чай, а потом писать свои записки. При нем жили два отставных солдата, а обед приносили из харчевни. Под конец своей жизни он рыл на кладбище для бедных покойников могилы и любил писать эпитафии, нередко очень игривые. Вот одна из его эпитафий, сохранившаяся на Охтенском кладбище: «Паша, где ты? Здеся, а Ваня?» немного подалье: «а Катя? осталась в суетах!»

В екатерининское время своими странностями были известны два помещика С.Е. Кротков[151] и С.Т. Мацнев[152]. Первого из них императрица выставляла всем русским помещикам, как образцового хозяина. Действительно, он к своим 300 душам родовых сумел в сорок лет нажать ещё 10 тыс. душ крестьян. Кротков был неутомимый хозяин, седые густые брови почти совсем закрывали глаза, но зоркое око его ещё в 70 лет пристально следило за ходом хозяйственной его машины.

Жихарев говорит, что богатство Кроткова имело источником совершенно романтическое приключение[153]. Кротков был прежде очень бедный дворянин, обремененный семейством. Пугачев, во время разгрома Симбирской губернии, проезжая мимо деревеньки Кроткова, полюбил её местоположение и обратил её в главное свое становище, а из гумна, риги и овинов поделал магазины и кладовые для всего награбленного им в губернии имущества. Когда налетевшие отряды императорских войск выгнали самозванца из его становища, Кротков, следовавший за отрядами, немедленно возвратился в свое имение и нашел в риге, овинах и даже в хлебных скирдах множество всякого добра и, между прочим, несколько баулов с деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоценными вещами, всего тысяч на триста. Тут купил он имений и, будучи хорошим хозяином, год от году приобретал все более и более.

Благово рассказывает в своих воспоминаниях[154], что Кротков нашел у себя много церковной утвари, которую он возвратил мо-

настырям. Но не впрок пошло богатство, доставшееся так неожиданно. У Кроткова было несколько сыновей, это были лихие молодцы и ловко спускали с рук пугачевские деньги. В особенности один из них был большой кутила и шалун на всякие проказы. Он ни перед чем не останавливался: как задумает, так и поставит на своем. Отец был скуп и нравом крут, и очень нехотя давал детям деньги на мотовство, а проказника-сына частенько бивал из своих рук и раз даже велел конюхам выпороть на конюшне. Это в старину водилось и не считалось бесчестием - не от чужого побои, а от отца. Сын, однако, задумал отомстить родителю и придумал следующее: без ведома отца взял да и продал одно из лучших его имений, а в число крестьян во главе подворной описи поместил в продажу и самого родителя своего под скромным званием бурмистра Степана сына Кроткова. Это наделало в свое время много шума. Старик едва выпутался из беды, и ежели бы он не смиловался над своим сыном, тому было не миновать ссылки за подлог и ужасный поступок с отцом.

Впрочем, не один этот сын был замешан в этом деле: другие братья тоже принимали в нем участие. Продав отца, Кротков-младший из шалости и от долгов распустил слух о своей смерти и выехал из Петербурга в гробу в свою Симбирскую губернию. Историк и критик Болтин был его пасынком. Отчим заставлял его петь в хорах, составленных из дворовых людей, и утешал себя на веселых и приятельских попойках, тогда как пасынок урывками от пьяных бесед втайне предавался литературе[155]. Чтобы наказать своих сыновей за непочтительность и чтобы они не выжидали корысти ради отцовской смерти, старик Кротков задумал жениться на молодой женщине, бедной дворянке Марфе Яковлевне. Последняя тоже была не без крупных странностей. Она известна была в допожарной Москве под именем Марфы Кроткой; ей принадлежало известное подмосковное село Молоди.

В те же годы, как мы уже сказали, в России никто так не славился своими экономическими талантами, как орловский помещик Спиридон Тимофеевич Мацнев. Он служил секре-

тарем в орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку, принялся хозяйничать и в несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в 18 тысяч десятин. Хозяйство его было почти беспремерное: ему были ведомы все нужды его крестьян, ни один из его крепостных ни за чем не должен был ездить в город, все нужное для себя он находил в экономии своего барина и все от него покупал. Но у Мацнева, по пословице «лег и встал», надзор над всем был самый рачительный. Помещики его называли «хлебною маткою».

Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и больше от скупости морил себя голодом. Самый парадный его выезд в поле был в холстинном халате, облитом масляною краскою, часто без седла, на одном потнике. Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок. Был у него один сын, но и тот при нем умер. После него остался внук,

который хотя и женился на богатой аристократке, родной сестре любимца Екатерины II, но из всего своего и женина приданого уберечь только имение в 400 душ, на котором, впрочем, долгов было больше, чем оно стоило. Дети его тоже отличались большими причудами.

В екатерининское время приобретать имения и населять их крестьянами между ловкими прожектерами считалось не особенно трудно. Известный купец Фалеев[156], впоследствии дворянин, любимец и компаньон Потемкина в комерческих делах, до того эксплуатировал свою власть, что даже землю пахивал на рекрутах. Благодаря покровительству своего друга, Фалеев имел силу настолько беспредельную, что захватывал однодворческие земли и населял их целыми сотнями и тысячами рекрут, составляя, таким образом, себе целые деревни.

Иногда у некоторых бар случалось и наоборот. Так, к числу странных московских происшествий 1795 г. надо отнести и пропажу целых двадцати тысяч душ у известного вельможи графа Кириллы Григорьевича Разумов-

ского. Это случилось между четвертою и пятою ревизиею и сделано было столь искусно и скрытно, что по множеству деревень и поместий дознаться о пропаже было трудно: пропали крестьяне не в одном месте, а поне- многу и в разных местах. Учинено это было, как ходили тогда, слухи, главным управляющим с согласия фаворитки графа, во владении которых и очутились «пропавшие» крестьяне.

ГЛАВА XVI

Граф-бродяга. Игрок-автомат Воронский. Кладоискатель генерал Б. Охотник Н.В. К[иреевск]ий. Откупщик П-в.

Один из внуков известного вельможи, графа Р., принадлежал к числу самых странных людей и мог назваться совершенным чудачком. Его избаловали в детстве, дав ему полную свободу, а мать его, проживавшая всегда в роскоши за границей, внушила ему склонность к бродяжничеству и к исканию приключений.

Он несколько раз убегал из богатого родительского дома, скрывался у людей самого низкого звания, - у разносчиков и рабочих, - снискивая у них скудное себе пропитание. Лет четырнадцати от роду он пропадал более двух лет, скитаясь по ярмаркам с цыганами и ворами. Замечательно, что при такой бродячей жизни он не утерял познаний в разных науках и не забыл языков. Его нашли после

долгих поисков и заставили заниматься делами, которые даны ему рождением и богатством. Спустя год, он бросил все дела, начал кутить, мотать и задолжал до того, что должен был бежать за границу. Там, без всяких средств он рыскал по всей Европе и пускался в сумасбродства разного рода. По его рассказам, он был конюхом у своего двоюродного брата в Австрии, где нанялся под чужой фамилией, затем был кучером, почтальоном, хлебопашцем, огородником, даже слугою веселого дома в Париже.

Долго так странствуя за границей, он через Бессарабию перебрался в Россию. Здесь он поступил в шайку очень ловких мошенников и более пяти лет разъезжал по ярмаркам, где сбывал фальшивые виды на жительство и поддельные ассигнации. Под конец он попал в скит к раскольникам. Там он подвизался более двух лет и был самым ярым поборником одного из самых вреднейших изуверских толков - самосожигателей.

После этого он был арестован и содержался более пяти лет в Соловецком монастыре, откуда уже был, по принесении полного рас-

каяния, выпущен на свободу. Получив родовые богатства по смерти своей матери, он отправился жить в один из наших приморских городов, где выстроил довольно большой каменный дом с хитро устроенными тайниками и подземельем. В последнем у него был устроен мудреный лабиринт, выход из которого был известен одному ему. Здесь была одна комната, отделанная в азиатском вкусе так роскошно и пышно, что живо напоминала одну из сказок из «Тысяч и одной ночи». В ней он уединялся по целым месяцам и более, получая пищу и напитки от дворецкого по запискам, которые клал ночью в одной комнате своего дома.

В такие дни его самозакупоривания слугам был дан строгий завет не встречаться с ним под угрозой смерти. Чем кончил свою жизнь этот более чем странный чудаков, так и осталось неизвестным. Кто говорил, что он тайно бежал в Турцию; рассказывали также, что он был убит в своем тайнике ловкими мошенниками, нашедшими возможность пробраться в его заповедную комнату[157].

В числе таких же чудаков, осудивших себя

на вечное одиночество в самом небольшом пространстве, был один из польских шляхтичей, Воронский. Вот его история.

В конце царствования Екатерины II по России разъезжал механик Кемпелен со своим автоматом, знаменитым игроком в шахматы, с которым не могли совладать самые искусные игроки-шахматисты. Автомат Кемпелена в первый раз был показан в Варшаве 10 октября 1776 года. Он был сделан в рост человека, одет в турецкое платье и сидел за ящиком длиною в три фута и три дюйма и шириною в девять дюймов. На середине ящика находилась шахматная доска. Перед началом партии механик показывал публике все затейливые пружины, колеса и цилиндры, устроенные в ящике. Под конец вынимал из того же ящика шахматы и подушку, на которую должен был облокотиться турок-автомат. Затем он снимал с куклы платье и таким образом показывал его внутреннее устройство. После того механик заводил пружину ключом. Турок, кивнув головою в знак готовности, брал пальцами пешку, переносил её на другое место и клал руку на лежавшую возле него подушку.

Так как автомат не мог объясняться, то механик предупреждал, что троекратное наклонение головы будет значить шах королю, а двукратное - шах королеве.

Как бы ни был силен игрок, автомат его побеждал и был несравненно опытнее противника. Демонстрация автомата шахматного игрока, изобретенного и составленного механиком Кемпеленом, наделала много шума не в одной России, но и в целой Европе. Сама императрица Екатерина II пожелала видеть знаменитого шахматного игрока и убедиться в его искусстве. Государыня даже изъявила желание купить чудесный автомат, но Кемпелен сумел ловко отклонить это предложение, объявив, что для шахматного автомата необходимо личное присутствие механика.

Позднее открылось, что шахматный автомат был колоссальной мистификацией. В автомате помещался безногий и с одной левой рукой поляк Воронский, пострадавший во время смут первого раздела Польши. Человек он был очень умный и энергичный, и крайне небольшого роста. Во время уличной схватки он был ранен в обе ноги и руку, но успел

сползти в ров и укрыться от победителей. Один хирург сумел его вылечить, отняв ноги и руку, уже пораженные гангреной. Выздоровев после такого увечья, Воронский поклялся не показываться людям в своем натуральном виде и сам придумал механизм, в котором он мог действовать как шахматный игрок-автомат. Механик Кемпелен был никто иной, как его помощник[158].

К числу людей легковерных, надеявшихся разбогатеть, отыскав большой клад, принадлежал один из героев кавказской войны, генерал Б. Страсть его к поискам кладов доходила до того, что он месяцами и более жил в какой-нибудь глухой лесной местности со своими копачами, питаясь скудной пищей. Генерал, выйдя в отставку, по зимам жил в Петербурге, но лишь приходила весна, он снимался с места и отправлялся куда-нибудь на юг, в степи или на Волгу, в лесные места.

В былые годы у нас господствовало среди всех классов поверье в клады. Основанием этому служило то, что иногда зажиточные люди, боясь покражи или истребления пожаром некоторых вещей и денег, зарывали их в

землю, а потом умирали, не взяв спрятанного ими из потаенного, известного только им одним места. По прошествии же многих лет иногда находили зарытое добро, стоимость которого народная молва всегда преувеличивала. Точно также и разбойники зарывали иной раз награбленное ими в лесах или других отмеченных ими местах.

На Волге нет, кажется, оврага или горы, о которых народная молва не рассказывала бы, что будто именно здесь зарыт клад Стенькой Разиным или Кудеяром. Много также рассказывается и про Пугачева. В Пензенской губернии есть одно место по реке Мокше, о котором идет молва, что там зарыта Пугачевым целая лодка с серебром. Зарывал ли Пугачев клады - неизвестно, но в его время действительно было немало случаев зарытия в землю денег и дорогих вещей, а потому с тех пор с особенною силою пошла в ход молва о богатых кладах.

Державин передает слух, что после разгрома Железняка предводительствуемые им казаки, беспощадно грабившие польских панов, шляхту и евреев, зарыли в лесах несметные

богатства: золотую и серебряную посуду, а также пушки, набитые жемчугом и золотом. Вспомним также пресловутые гайдамацкие клады, якобы скрытые в сухих колодцах Малороссии.

Генерал Б. имел старинные записи о мно­го зарытых кладах. Он верил и тому народно­му поверью, что клад не дается в руки без со­блюдения известных обрядов, заклинаний и без знания приговоров. Приговоры же при за­рытии кладов бывают весьма различны. Ино­гда, как рассказывают, прячут в землю клад на голову или на несколько голов челове­ческих. В этом случае тот, кто хотел бы его до­стать, должен погубить известное число лю­дей, только в этом случае клад достанется ему без всяких затруднений. Если подозревают, что кто-нибудь собирается зарыть клад, то близкие к нему люди подстерегают его, и ко­гда он примется за работу, подслушивают его слова и переговаривают их, после чего за­клятый клад легко переходит в другие руки.

Если клад зарывают «на счастливого», то ему он открывается в виде петуха, курицы, кошки или собаки. Если клад явится в таком

виде, то следует идти за ним, а когда тот остановится, то не плошать, ударить его наотмашь чем попало, вскрикнув: «Аминь - рассыпья!» Там, где он рассыплется, там и следует копать землю. Бывают клады, известные многим, но взять их невозможно. У генерала был и мастер искать клады: это был моряк-боцман, человек весьма опытный в этом деле, разрывший много могил в Крыму. Б. с ним искал клады более десятка лет, однако результат был плачевен. Прокопав три своих богатых поместья и не встретив ни одного случая, где бы мог найти хотя одну монету, Б. закончил свою жизнь чуть ли не в доме умалишенных.

Расчет на легкоеверие в возможность отыскивать клады доходил до того, что ещё Петра Великого один серб подбивал отыскивать «клад царей»: персидского Дария Кодомана и македонского Александра Великого. По рассказам серба, клад этот находится в Венгрии и состоит из слитков золота, царских корон и золотого змия, в устах которого «учинен камень диамант», «золотого болвана - бога жидовского», золотого льва и пр.

Лет тридцать тому назад, в богатом орловском имении проживал по-царски богатый помещик Н. К[иреевск]ий[159], страсть которого к охоте, собакам и садовым беседкам доходила до смешного. Усадьба его издали представляла какой-то восточный заколдованный город, огромное его состояние позволяло ему вести широкую жизнь. Многие окрестные помещики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Об обедах и подарках его говорили на целую губернию. Тургенев в своем «Гамлете Щигровского уезда» коснулся одного такого обеда К[иреевско]го. Съезды на праздник гостей этого помещика, по большей части охотников-собачеев, выходили очень многочисленными. Один из домов в его усадьбе был отделан как лучшая гостиница: здесь могли останавливаться более сотни приезжих, жить по неделям и даже не являться на глаза хозяина. Все желания, все прихоти гостей исполнялись в точности его дворецким. Барский дом был громадный. Главный корпус соединен был с каждой стороны длинными галереями с флигелями, отчего строение принимало огром-

ные размеры. Большие залы в доме были в два света. По прихоти хозяина все украшения, как наружные, так и внутренние, представляли непривычному взгляду довольно странный вид.

Киреевский Николай Васильевич (1797-1870)

Начиная с решетки до флюгера на крыше дома все изображало одни принадлежности охоты. Из окон выглядывали медвежьи головы, в углу притаился пушной зверь, вместо ковров владелец набросал звериные шкуры. На стенах висели картины, изображавшие псовую охоту. Вся мебель была из оленьих и лосиных рогов, кабаньих голов, лошадиных ног и т.д.

Странные причуды были у этого помещика, собирателя охотничьих предметов. В одной из беседок в его саду, богато отделанной в виде надгробного мавзолея, внутренность здания была украшена всеми врагами пернатых. Над самую дверью парила с распростертыми крыльями и разинутым клювом огром-

ная сова. По стенам, окрашенным черным цветом, были прибиты крылья и головы филинов, орлов, коршунов, копчиков, ворон, обведенные каймою из мышей, крыс, хорьков,

ласочек. Все эти хищники, прибитые к стене, составляли звезды, треугольники, розетки, словом, все фигуры, которыми только умудрилось больное воображение, создав их из крыльев, голов, ног и корпусов птиц и животных. Также отделан был потолок. В простенках между окнами были прибиты головы казненных кошек. Над каждой имелась надпись, когда и за какое преступление виновная лишена жизни. Например: «приговорена к смерти за покушение на жизнь голубя», на другой надписи: «лишена жизни за убийство воробья» и т.д. Под ними были укреплены накрест их лапки в том положении, как на надгробных камнях ставят кости под мертвыми головами.

Но самой любопытной достопримечательностью беседки была другая комната. Она была отделана в мавританском вкусе, потолок и стены были убраны золотыми арабесками, лучистыми венками и целыми двестишиями из наших поэтов доброго старого времени, но все эти хитросплетения букв и венков были сделаны из мышинных и крысиных хвостов, которые известным путем очищались, сорти-

ровались, делались твердыми, полировались и покрывались позолотой. Для этой работы у помещика жил специалист по части крысоистребления, старик-венгр. Должность его состояла в том, что он ходил по усадьбе, отыскивая норы крыс. Способ ловли их был замысловат и любопытен. Он раскладывал у всех щелей и прогрызенных крысами дыр кусочки сала. Крысы, как известно, отличаются прекрасным чутьем, и долгохвостые лакомки являлись в первую же ночь, чтобы удовлетворить свой аппетит.

Так делалось в продолжение двух-трех дней. Затем в следующие сумерки венгр, вооружив свой каблук стальным острием вроде долота, насаживал под пятку кусок сала и становился на страже при одной из щелей, где ранее клал приманку. Крысы, не подозревая, к какому низкому предательству способен человек, вылезали из нор своих, и как только их рты разверзались, чтобы схватить добычу, венгр делал прыжок назад - и крыса была обезглавлена. Он никогда не делал промаха и продолжал эти убийственные скачки, переходя от щели к щели, от подвала к чердаку до

тех пор, пока не истреблялось целое поколение крыс.

В былые годы имение К[иреевского] кипело жизнью шумной и полной всякого довольства. Внимательная барская дворня ловила желания гостей, а многолюдство посетителей всегда было приятно владельцу этого роскошного сельского уголка. Часто многие из бедных дворян жили здесь по несколько месяцев, не смея из скромности представиться хозяину, хотя пользовались всеми удобствами широкой барской жизни. Более десятка линеек, шарабанов, троек всегда были готовы для любого выезда. На пруду желающих ожидали шлюпки, лыжи, гондолы с гребцами. Сад был прохладный, дремучий, разбитый на сорока десятинах; в нём были аллеи без клочка голубого неба - всё зелень и тень. По главной аллее стояли статуи и памятники. В кущах деревьев виднелись храмики с названиями, значение которых было приятно и понятно только одному владельцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпения и т.д. Но особенно были великолепны беседки. Помещик имел к ним особенную слабость и не

жалел десятки тысяч. Одна из таких была построена над прахом его любимого кобеля «Любезного» и стояла владельцу около пятидесяти тысяч, другая - в память ахалцихского дела - была вся выстроена из железа и окрашена очень искусно под цвет кашемировой шали; стоимость этой беседки чуть ли не превышала названную стоимость первой.

Особенно пышными выходили у этого барина так называемые «отъезжие поля». Стая его гончих состояла более чем из двухсот смычков «выжлецов и выжловок», выжлятники были одеты в красные куртки и синие шаровары с жёлтыми лампасами; у ловчих для отличия были куртки, обшитые позументом, рога у всех висели на красной тесьме с кистями; каждый имел борзых собак на своре не более трех. Хортых собак К[иреевск]ий не любил, борзые у него были чистопсовые и густопсовые. К походу борзятники всегда играли «позов». Выезд тянулся с обозами чуть ли не на версту, так много приглашалось гостей на травлю волков и русаков. На болотную дичь К[иреевск]ий отъезжал тоже не с меньшим парадом, один обоз состоял не менее как

из сорока телег. Сам барин с почетными гостями ехал в линии, остальные гости в тарантасах и беговых дрожках. Охотничьих ружей у него было более сотни, среди них были такие драгоценные, как работы Пюрде, Мортимера, Ланкастера. Затем в лучших образцах таких старых мастеров, как Лебеда и Лепажя, ещё более древних, как шведский Старбук, включая ружья работы испанского оружейника Лазаро Лазарини. Стволы последнего мастера по преданию отличались такою мягкостью, что, будучи помятыми, после первого выстрела выпрямлялись. Сам К[иреевск]ий имел ружье необыкновенной легкости, весом немного более четырех фунтов, над которым известный французский оружейник Гастон Ренет трудился чуть ли не десять лет. Бой этого ружья был удивительный: дробь приносилась в цель кучно в окружности чайного блюдечка.

Особенною его странностью была ещё нелюбовь к прекрасному полу, и как ни хлопотали соседки хоть одним глазком взглянуть на роскошное житье соседа, но доступим в усадьбу, как на Афон женщинам, был

невозможен. Сам же К[иреевск]ий прожил в своем имении более пятидесяти лет, не выезжая иначе, как только на охоту.

В первых годах текущего столетия в Курской губернии проживал богатый откупщик, помещик П-в. Он считался одним из крупнейших землевладельцев - его владения простирались на пространстве 80000 десятин. П-в приобретал имения, не стесняясь никакими незаконными средствами. Он был так богат, что самые дикие и бессердечные его выходки сходили ему с рук. После его смерти у него в кабинете нашли большой куль, наполненный золотыми табакерками и бриллиантовыми перстнями; в его сараях стояло около сотни новых экипажей, ещё зашитых в чехлы и рогожи. И все эти табакерки, перстни, экипажи были назначены «на подарки» губернским чиновникам.

Люди, не занимавшие видных мест в губернской иерархии, трепетали перед именем П-ва и творили всякие беззакония по воле этого денежного мешка. В своих приобретениях этот помещик-откупщик не брезговал никакими мерами. Так, раз облюбовав име-

ннице одного мелкопоместного дворянина, он пригласил его к себе и предложил продать свое имение. Дворянин отказал ему наотрез. П-в настаивал, бедняк упрямылся. Наконец, выведенный из терпения П-в объявил тому, что не отпустит его домой, пока не будет составлена запродажная запись. Когда и эта угроза не подействовала, тогда П-в позвал своих слуг и приказал запереть его в сырой погреб, где несчастный провел целых два года.

Сырая тюрьма и вечная непробудная теплота сокрушили силы несчастного. Он согласился на требование откупщика и совершил купчую крепость. П-в возвратил ему свободу и вручил сторублевую ассигнацию.

Но ещё и не такие драмы разыгрывались в доме этого бессердечного палача. Под его домом было устроено подземелье, в котором содержались провинившиеся перед этим богачом лица. Рассказывали, что после смерти его было здесь найдено несколько костяков с цепями. Исход всякого уголовного следствия против П-ва можно было заранее предугадать: не было таких денег, которых бы он не

дал следователям.

Много шуму наделало в губернии одно из таких дел. На земле П-ва были устроены шлагбаумы, у которых стояли сторожа, так что никто из приезжающих не мог здесь проехать без дозволения хозяина. Но раз случилось, что один из петербургских сановников сам спустил цепь. Когда коляска уже тронулась, стражник успел опустить поднявшийся было шлагбаум, который ударил по голове сидевшего в коляске камердинера сановника. Удар был настолько силен, что несчастный пролежал более двух недель в уездном городе. Сановник доложил об этом случае императору, наряжено было строгое следствие. П-в узнав, что едет на следствие чиновник по фамилии М., велел тотчас же донести ему, когда тот прибудет в город. Вскоре приехал в город господин, носивший такую фамилию, для покупки себе имения. П-в, полагая, что тут кроется хитрость, приехав в город, поселился в одной с ним гостинице и, разузнав, что он не сторговал имение за недостатком нужной суммы, предложил ему банковый билет, превышающий требуемые деньги. Последний

воспользовался таким великодушным предложением, взял деньги и уехал. Вскоре открылось, что М. был не тот, а только однофамилец. Настоящий следователь, носивший фамилию М., тоже был уловлен этим богачом. После долгих переговоров он не устоял перед крупной взяткой, вложил ломбардные билеты в конверт, переслал жене и детям, но сам застрелился.

От закона возмездия П-ов не ушел. Смерть его вышла более чем странная, об ней говорили во всей России. Миллионер-палач был найден прислугой однажды утром у дверей в своей роскошной спальне в виде кучи пепла, в которой можно было различить две целые ноги от пяток до колен, и руки. Между ногами лежала голова. Остальное тело превратилось в пепел, имевший то особенное свойство, что от прикосновения к нему на пальцах оставалась жирная и зловонная мазь. При этом замечено было, что воздух в комнате был наполнен точно сажей. Карсельская лампа оказалась без масла, а две свечи на ночном столике истаяли. Постель и вся драпировка в этой и соседней комнате были покрыты серо-

ватой сажой, а в воздухе слышался запах горелого мяса.

Смерть П-ва была объяснена тем, что он сгорел от внутреннего и невидимого огня. Камердинер его рассказывал, что за последнее время он имел обыкновение натираться каким-то ароматическим спиртом, который он употреблял в большом количестве, и думали, что это снадобье было одной из причин его замечательной смерти.

После уже, спустя несколько лет, ходили слухи в губернии, что на самом деле П-ов был убит своими дворовыми, притом самым безжалостным образом: у него живого были выжжены внутренности. Убийство произошло в теплице-ананаснице, а палачами этого палача были камердинер, садовник и два доезжих.

ГЛАВА XVII

Голицын - «Фирс». Актёры-любители. Старушка Загряжская. Чудак-сенатор. Старосветская помещица. Меховщик-путешественник.

В сороковых годах в петербургском высшем обществе было несколько князей Голицыных, известных под разными кличками. Был Голицын «Рябчик», был Голицын «Кулик» и был Голицын, известный под именем «Фирса»[160]. Последний играл замечательную роль в тогдашней петербургской молодежи. Роста и сложения атлетического, веселости неистощимой, куплетист, певец, рассказчик, балагур, куда он только ни являлся, начинался смех и он становился душою общества, причем постоянное дерганье его лица придавало его физиономии особый комизм. Про свое прозвище «Фирс» он говорил, что оно всюду ему мешало, потому что было связано с днем 14 декабря.

Сначала никто не понимал, почему так

могло быть и отчего оно произошло, но потом всё объяснилось.

Князь С.Г. Голицын, прекрасный певец-бас, был почти домашним человеком в доме Чернышева, впоследствии графа и князя. Он был приятный собеседник и притом всегдашний певец романсов и оперных арий, почему дети Чернышева прозвали его в шутку Тирсисом, по-русски - Фирсом. Но так как память св. мученика Фирса и других с ним по русским святцам празднуется 14 декабря, то при производстве следствия над декабристами возникло подозрение, не имело ли прозвание «Фирс» какого-либо отношения к событию 14 декабря 1825 года. От князя С.Г. Голицына было истребовано формальное объяснение, но за всем этим оказалась одна только детская шутка. С тех пор это прозвание осталось ему на целую жизнь.

Голицын Сергей Григорьевич (1803-1868)

«Фирс»-Голицын ввел в петербургском свете представления, известные под именем шарады в действии (charade en action), что в свое

время долго считалось последним словом изящной новизны. Разыгрывались они так. В известный день у какого-нибудь великосвет-

ского барина или барыни назначался вечер, в который вдруг к ним являлось несколько замаскированных актёров-любителей, нередко в очень богатых костюмах; с ними являлись и музыканты. В зале перед публикой ставился стул или кресло, богато убранное. На него садился султан или паша в своем сказочном наряде, и уже перед ним происходили представления. Один пел, другой декламировал; случалось, что являлись баядерки и протанцовывали перед искусственными зрителями танец ночи или другой какой-нибудь. Такая странствующая труппа состояла более чем из десяти актёров.

На этих представлениях все женские роли занимали мужчины. Так, в исполнении женских оперных партий часто являлся известный впоследствии композитор М.И. Глинка. Например, в «Дон Жуане» он играл роль донны Анны в белом пудромантеле, в женском парике с распущенными волосами, что при его небольшом росте представляло довольно забавное зрелище, но пел он контральто очень хорошо.

Любительские спектакли всегда заверша-

лись балетными дивертисментами: танцевали преимущественно русские танцы в мужских и женских крестьянских одеждах. Все, участвовавшие в спектакле, разделены были на пары, которых бывало до двадцати, если не более. В каждой паре один был в мужском, другой - в женском национальном костюме, конечно, театральном, в сарафане с кисейными рукавами и кокошнике. Все были в полумасках. Дивертисмент открывался польским, в котором пары проходили перед зрителями несколькими кругами взад и вперед, а затем некоторые из пар протанцовывали отдельно русскую пляску, так, как она ставилась на театре известным в то время балетмейстером Огюстом, который ставил танцы и здесь. Танцевали всегда под оркестр известного богача того времени Всеволожского. Лучшие такие спектакли происходили в присутствии высшего столичного общества - в доме одного из важнейших государственных людей, графа В.П. Кочубея, на Фонтанке, близ Летнего сада, где долго помещалось III отделение.

В числе актёров считался и князь Василий Голицын, неизвестно почему прозванный

«Рябчиком»[161], это был певец, исполнявший очень мелодраматично романсы. Так, известное стихотворение «Гречанка», слова Пушкина, музыка Верстовского, он пел с большим выражением, в конце выхватывал из-за пояса кинжал и кидался на изменницу. Голицын был меценат, тип на Руси более не существующий. Он положил огромные деньги на устройство и украшение художественными предметами своего дома на Владимирской, теперь, увы, обращенного в приказчиный клуб с мясными, зелёными лавками, как бы в насмешку над судьбами искусства. Актёры этой труппы подвизались в лучших тогда аристократических домах, очень часто у княгини Н.П. Голицыной, известной под именем «la princesse moustache»[162], матери московского генерал-губернатора, светлейшего князя Дмитрия Владимировича. Сын, несмотря на свое высокое положение в свете, относился к ней не только с крайнею почтительностью, но чуть ли не подобострастно. В свете княгиня властвовала, всеми признанная. К ней везли каждую молодую девушку на поклон. Гвардейский офицер, только что надев-

ШИЙ эполеты, являлся к ней, как к главнокомандующему.

Голицына Наталья Петровна (1741-1837)

Еще большее влияние тогда в Петербурге имела одна весьма оригинальная и остроумная старушка, Наталья Кирилловна Загряжская, известная по её анекдотам, записанным Пушкиным. Это была живая хроника царствования Екатерины II, и многие из её рассказов не раз были повторяемы в печати. Замечательная старушка жила на Фонтанке близ Цепного моста в доме бывшего III отделения. Вот малоизвестные черты её характера. Она сохранила обычай прошлого столетия принимать визиты во время одевания. Росту она была небольшого, кривобокая, с одним плечом выше другого. Глаза у нее были большие, серо-голубые, с необыкновенным выражением пронизательности и остроумия; нос прямой, толстый и большой с огромной бородавкой у щеки. На нее надевали сперва рыжие букли, потом сверх чепчика навязывали пестрый платок с торчащими на темени концами, затем её румянили и напяливали на уродливое туловище капот, а шею обвязывали широ-

ким галстуком.

Она выходила в гостиную, ковыляя и опираясь на костыль. Впереди бежал её любимый казачок Каркачек, сзади шла, угрюмо наступившись, её неизменная спутница, приживалка Авдотья Петровна, постоянно вязавшая чулок и изредка огрызавшаяся. Старуха чудила много и рассказывала про себя многие диковинки. Она очень боялась воров и не любила ездить по Цепному мосту возле Летнего сада, - «вдруг как из леса выскочат разбойники и на меня бросятся».

Однажды она услышала, что воры влезли к кому-то в окно, и она для того, чтобы быть обеспеченной от такого нежданного визита, приказала дворнику купить балалайку с тем, чтобы он всю ночь ходил по тротуару, играл и пел. Так и было сделано. Мороз был трескучий. Дворник побренчал и ушел спать. Ночью она просыпается. Кругом тишина... Звон, крик, вбегают испуганная приживалка. «Что случилось?» - «Скажи, матушка, чтобы Каркачек побежал на улицу и спросил, отчего дворник не веселится? Я хочу, чтобы он веселился!»

*Загряжская Наталья Кирилловна
(1747-1837)*

Загряжская сама смеялась над своими капризами и рассказывала, что даже покойный муж потерял однажды терпение и принес ей лист бумаги и карандаш: «Нарисуй мне, матушка, как мне лежать в кровати, а то всего ногами затолкала».

В гостиной этой живой хроники прошлого века появлялась вся интеллигенция того времени. Самый способ её приема был оригинальный. Когда вошедший гость добирался до кресла, на котором она сидела у карточного стола, она откидывалась боком к спинке кресла, подымала голову и спрашивала: «Каркачек, кто это такой?» Каркачек называл гостя, и прием был обыкновенно радушный.

Но однажды вечером явился к ней сановник, на которого она была сердита. Услыхав его имя, старушка крикнула, несмотря на толпу гостей: «Каркачек, ступай к швейцару и скажи ему, что он дурак! Ему велено не пускать ко мне этого господина». Сановник помялся и вышел. Загряжская была положительно силою по благоволению двора и по своим близким родственным связям к князю Кочубею, тогдашнему председателю Государ-

ственного Совета, и, наконец, по собственным достоинствам.

В двадцатых годах, недалеко от Загряжской, проживала другая знаменитость тех дней, красавица П[укало]ва[163], о сыне которой, большом шалуне, мы расскажем ниже. По положению в обществе она не была в высоком ранге: муж у неё был только секретарем какого-то учреждения. Но П[укало]ва представляла силу, потому что её боготворил известный А[ракче]ев. Перед её домом на Фонтанке дежурил унтер-офицер и доносил генералу о бывших у нее лицах.

П[укало]ва отличалась многими странностями: она боялась покойников, крика и всякого уличного шума. Но особенно, чего она страшилась, это - грозы, и только что показывалась на небе туча, как у ней зажигались лампы, наглухо запирались окна, спускались шторы, гардины, спальня её наполнялась перинами и подушками, под её кровать подкладывались стеклянные ножки, воздвигалась даже над креслом, где она сидела, стеклянная палатка, из комнаты изгонялось все шерстяное, кошки и собаки относились в под-

вал, прислуга одевалась в одни шелковые платья и целой толпой наполняла её спальню.

Барыня ложилась на кровать, а прислуге приказывалось как можно сильнее ходить, говорить громче, словом, делать побольше шуму, чтобы заглушить раскаты грома. Эта причудница питала также большое доверие ко всяким гадалкам и предсказательницам и свято верила в то, что ей предсказала одна цыганка. Предсказание по счастливым обстоятельствам сбылось наполовину, и вот она ждала конца предсказания, которое ей сулило в женихи чуть ли не владетельного князя.

П[укало]ва отличалась большим долголетием: она умерла чуть ли не девяноста лет. Под конец своей жизни, чтобы лучше скрыть от всех свою старость, она почти изгнала из своих комнат всякий свет. Днем её окна были тщательно завешаны шторами, а вечером вся длинная анфилада комнат освещалась двумя свечками; в зале горела одна лампа, а в гостиной - одна восковая свечка в высоком подсвечнике.

В старые годы многие помещики не нахо-

дили ничего предосудительного в причудах и выходках, нередко совершенно невозможных. Известен анекдот, как один сенатор М-й имел случай угодить графу Аракчееву, посетившему тогда Москву. Граф в продолжение обеда, данного ему сенатором, заметил у него соловья, пение которого было превосходно. На другой день сенатор приказал одному из своих слуг взять клетку с птицей, обратившей на себя внимание знатного посетителя, и отправиться с ней к графу в Петербург пешком, потому что так было лучше для соловья и дешевле для сенатора. Слуга, прошедши туда и назад более тысячи верст в пору слякоти по дороге самой скверной, вернулся с докладом, что соловья донес благополучно и что граф приказал очень благодарить сенатора за подарок.

Лет пятьдесят назад проживал в Пензенской губернии один почтительнейший сын, который в год раз двадцать, если не более, посылал своих дворовых к матери, жившей в Орловской губернии, то с десятком куриных яиц, предназначенных для высиживания тогда ещё редкой кохинхинской породы, или с

пятифунтовой банкой ежевичного варенья или липового меда. Маменька этого помещика была вполне дама прошлого столетия: она всегда была одета в шелковое платье «молдаван» старинного покроя, на голову надевала разные мудреные куафюры старинных времен, румянилась, накладывая румяна на щеки яркими неестественными пятнами, и прилепляла одну мушку возле другой.

Челядь в своем доме она имела многочисленную. Толпа горничных под начальством барыни дежурила во всех комнатах; у каждой двери господских покоев стоял огромный мальчик. Встать с кресел и сделать несколько шагов для того, чтобы взять нужную вещь, она считала действием неприличным и обращалась к малому у двери с приказаниями Феньке, чтобы та прислала рыжую Шурку подать ей карты, хотя карты лежали на столе в той же комнате, где сидела барыня.

У этой барыни была особая комната для болонок и для приставленных к ним девушек; два попугая у ней тоже имели своих слуг, которые получали сухари и сливки для птиц. Болонки были у барыни очень злобные от

слишком целомудренной жизни, их даже не выпускали гулять из комнат. Собаки кусали слуг ежеминутно. Нередко слуга, подавая чай, стоял танцуя перед барыней с подносом в руках. Наливая сливки в чашку, барыня замечала слуге:

– Скажи, зачем ты так трясешь подносом?

– Фиделька больно ноги кусает!

– Должно ли из-за этого трясти подносом, когда ты подаешь мне чай?

Это говорилось совершенно простодушно: в ту среду, в которой она родилась, не проникали иные понятия.

Петербургская сторона в старые годы изобиловала чудаками и оригиналами. Там можно было найти людей, убивших весь свой век и состояние на тяжбы. Такие несчастные по вечерам и ночам сидели дома над бумагами, выводя в тишине крючки на прошениях. Рано утром их встречали уже на Мытном перевозе. Сюда они собирались, чтоб переехать в Сенат, обремененные связками и свертками бумаг.

Лет пятьдесят тому назад почти ежедневно видели здесь одного худого чахлого ста-

ричка, который с видимым усилием приносил под мышкой тяжелое толстое березовое полено, тщательно завернутое в клетчатый бумажный платок. Садясь в лодку, он бережно клал его к себе на колени, любовно глядел на него и заботливо укутывал, словно мать ребенка.

– Берегите, берегите его, - часто говорили, смеясь, старичку молодые чиновники, - не равно простудится ваше полено, станет кашлять, спать не даст.

– Полноте смеяться, - отвечал старичок, - оно мне и так сорок лет не дает спать.

– Да отчего же?

– Разве я вам не рассказывал?

– Нет, право, нет!

– Ой, рассказывал!

– Нет, нам не рассказывали; может быть, другим рассказывали, а нам нет.

– Это дело прелюбопытное, - начинал старичок, - от этого полена зависит все мое состояние. Оно, изволите видеть, не простое полено, оно мое сердечное, образцовое... В 1798 году я ставил подряд на дрова...

И старик в тысячный раз рассказывал сво-

им обычным слушателям, как он ставил куда-то дрова по подряду, как ему не заплатили вполне всех денег, потому, будто бы, что дрова были короче, нежели положено по условию; как он с секунд-майором А. и провинциальным секретарем Б., призвавши их в свидетели, взял собственными руками из кучи своих дров полено, так, без выбору, спрятал его, завел дело и проч., и теперь для доказательства, в случае потребует надобность, отправляясь в Сенат, он постоянно берет свое полено, высчитывает, сколько носовых платков износило это полено и т.п.; словом, говорил, пока лодка не причаливала к другому берегу и его слушатели не разбегались по разным направлениям. Тогда он, вздохнув, давал копейку лодочнику, брал бережно полено подмышку и отправлялся в Сенат.

На Петербургской стороне существовала Плуталова улица, названная так от одного домовладельца, жившего на ней, за то, что последний, выходя из дому, потом уже никак не мог возвратиться домой; он обладал такой слабой памятью, что узнать ворот своего дома без помощи других не мог. Его приводил к

крыльцу будочник или вела старуха-кухарка. Старик весь век так и прожил, жалуясь всем на свою гадкую память.

– Трудно, трудно мне, - говорил он, - но ещё труднее было бы, если б опять меня в школу...

В начале шестидесятых годов в Гостином дворе на верхней линии торговал старик, купец-меховщик, человек довольно высокого роста и очень тучный, известный между гостинодворцев по своей неудержимой страсти к поездкам под именем «всемирного путешественника». Он был замечателен тем, что изумлял всех количеством верст, которые проехал. По его вычислениям выходило, что за свою жизнь он проехал более одного миллиона верст, таким образом, если принять окружность всего земного шара в 37800 верст, получалось, что земной шар он объехал не менее тридцати раз. Чтобы исчисления этого купца не показались преувеличенными, надобно сказать, что при хорошем устройстве дорог в Сибири и чрезвычайно скорой езде до открытия золотых промыслов весьма легко было на вольных лошадях проезжать в сутки летом от 200 до 250, а зимою от 300 до 350

верст, платя за версту 5,7 или 10 копеек за тройку.

Купец или приказчик меховыми товарами в старину, проводивший большую часть года в разъездах, мог проехать за четыре зимние месяца от 36000 до 42000 верст; за четыре летних месяца (полагая два месяца на проживание в городах и селениях) от 24000 до 30000 верст; в течение одного года, при двухмесячном отдыхе, проехать от 60000 до 72000 верст, и только за десять лет проехать ужасное пространство от 600000 до 720000 верст! Но этот купец разъезжал по сибирским дорогам, закупая пушные товары, в Якутск, Иркутск, Кяхту, Ирбит и в Нижний слишком сорок лет, начав разъезды с юношеского возраста. По его рассказам, первые тарантасы в Сибири явились в 1826 году, их называли там «карандасом», а ранее приказчики и купцы ездили в обыкновенных повозках. Сколько должны они были вытерпеть толчков и ударов при непрерывных разъездах! Сколько с каждым случалось таких происшествий, где жизнь их подвергалась опасности! Сколько им нужно было претерпеть от непрерывных дождей или трид-

цатиградусных морозов. По его словам, от морозов они спасались тем, что зажигали в повозках свечи - тогда существовали большие фонари для свечей - и это очень согревало. Такие продолжительные поездки редко кто выносил, по большей части умирали от болезней почек. Известный военный генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков[164], проехавший не одну сотню тысяч верст, умер от блуждающей почки. С постройкой железной дороги в Сибири рассказы о быстрых поездках на обывательских лошадях отошли в область мифа. Кто поверит, что по льду на Байкале ездил 54 версты в два часа? Во время сильного ветра здесь невозможно даже ехать тихо: легкая повозка скользит по зеркальной поверхности озера и сбивает лошадей с прямого пути. Вот примеры продолжительной скорой езды. Во времена иркутского гражданского губернатора Трескина с 1806 по 1819 год, казаки, посланные по каким-либо нужным делам, проезжали от Иркутска до города Верхнеудинска 310 верст за 18 часов. Казаки, отправляемые в Якутск, иногда проезжали 2620 верст в 7 или в 7 с половиною

дней - более 15 с половиною верст в час, не считая остановок. Но в последнем пути зимою встречались весьма важные остановки. Ямщик, проехав несколько верст, принужден бывал иногда остановиться и оттирать у лошадей лед, образовавшийся около ноздрей. Самый изумительный пример скорой езды и беспримерной неутомимости показал иркутский казачий офицер Чеусов. Зимою 1809 года расстояние от Петербурга до Иркутска в 6016 верст он проехал в семнадцать дней.

ГЛАВА XVIII

Уличные оригиналы. Сенатор Д-ский. Помещик А.А. К[ологриво]в. Ростовщики-индийцы. Приверженцы восточной моды. Граф А.И. Соллогуб. Бригадир И.С. Брызгалов. Князь Окропир.

Лет пятьдесят-шестьдесят тому назад столичная уличная жизнь представляла ещё много свободы в костюмах. На главных улицах Петербурга попадались люди чисто в маскарадных нарядах. В первых годах царствования императора Николая I было в живых и несколько людей екатерининского века, которые ходили по улицам в звездах, в плащах и золотых камзолах с раззолоченными ключами на спине, виднелись и старые бригадиры в белоплюмажных шляпах. Немало было и таких аристократов, которые по придворной привычке при матушке-царице приходили на Невский с муфтами в руках и с красными каблуками: этот обычай считался самым ари-

стократическим и шел со времен королей французских. Молодые модники ходили зимою в белых шляпах и при самых бледных лучах солнца опешили открыть зонтики. Светские кавалеры тех времен носили брюки в обтяжку из трико и гусарские с кисточками сапожки; жабо у них было пышное, шляпа горшком, на фраках - ясные золотые пуговицы, воротники в аршин. У одних на цепочках часов висели огромные печати, у других виднелись небольшие серьги в ушах.

Обычай носить серьги в ушах у мужчин явился с Кавказа, от грузин и армян; нередко уши мальчикам протыкали по суеверию от некоторых болезней. мода на серьги особенно процветала у военных людей в кавалерийских полках, и трудно поверить, что гусары прежних лет, «собутыльники лихие», все следовали этой женской моде, причем серьги носили не только офицеры, но и солдаты. Первым восстал на эту моду генерал Кульнев, командир Павлоградского гусарского полка[165]. Он издал приказ, чтобы все серьги из ушей были принесены к нему. Уверяют, что известная пословица «для милого дружка и сережка

из ушка», придумана в то время как раз солдатами.

Лет 50 тому назад не считалось странным белиться и румяниться, и иной щеголь так изукрашивал себе лицо румянами, что стыдно было глядеть на него. Военные ходили затянутыми в корсеты; штаб-офицеры для большей сановитости приделывали себе искусственные плечи, на которых сильнее трепетали густые эпoletы. Волокиты того времени ходили с завитыми волосами, в очках и ещё с лорнетом и с моноклем; жилет непременно бывал расстегнут, а грудь - в батистовых брыжжах. В конце сороковых годов типом для наряда щеголя считался актёр, игравший роли первых любовников. Теперь, я думаю, редко кто будет рабски следовать моде драматических любовников александрийского театра и завивать себе волосы «тюрбушонами», но тогда, за неимением хороших образцов, франты средней руки копировали во всём актёров.

Первые любовники описанной эпохи ходили на улицу и на публичные гулянья в венгерке оливкового цвета и с красным шарфом на шее. Шиком в то время считалось менять

часто шарфы, а не платье. Молодые театралы, подражая актёрам, являлись тоже на улицах в таком наряде. Нынешние брюки сверх сапог вошли в моду тоже в начале царствования императора Николая I. Эту моду Петербург перенял у приезжавшего тогда в наш город герцога Веллингтона, генерал-фельдмаршала английской и российской армий. Такие брюки стали называть «веллингтонами». Знаменитый сподвижник императора Александра I ввел у нас и узкий, длинный плащ без рукавов, называемый тогда «воротником» (cools).

В описываемую эпоху на улицах Петербурга попадались и модные на головах «боливары». Это были шляпы необычайной величины: не сняв такой шляпы, трудно было пройти в узкую дверь. Но были также гулявшие по улице, усвоившие себе привычку ходить с непокрытой головой. К таким принадлежали приезжавшие по торговым делам англичане из секты квакеров. Они ходили по улицам без шляп в силу того, что снятие шляпы перед кем бы то ни было им было запрещено. Квакеры отвергали музыку, пение, всякие игры, посещение театров и всякую роскошь, но про-

давать предметы роскоши им не возбранялось. Квакеры первые познакомили нас с входившими тогда в моду гаванскими сигарами. В екатерининское время почти все чиновные и важные люди не носили шляп, а, гуляя, держали их под мышкою. Высокая прическа, пудра и тупеи не давали возможности накрывать шляпой голову.

В числе уличных оригиналов в сороковых годах часто попадался на улицах небольшой худенький старичок, по профессии учитель французского языка. Он суетливо, почти бегом шагал по тротуарам, но всегда зимою и летом с непокрытою головою. Шляпы у него совсем не было. По рассказам, он приехал в Петербург в суровое царствование императора Павла I. Раз ему случилось проходить мимо Михайловского замка, где жил государь, имея шляпу на голове. Возле дворца его увидели, догнали и не очень вежливо сбили с головы шляпу, а самого отвели в крепость. Когда узнали, что он иностранец, не знавший тогдашних порядков, то его выпустили; но испуг так на него подействовал, что он помещался на этом и никогда уже не надевал бо-

лее шляпы.

В сороковых годах в Царском и Петергофе близ дворцов все ходили с открытыми головами, как в комнатах. Этого требовал этикет и вежливость к царскому жилищу.

В пятидесятых годах на улицах был замечен ещё другой невысокого роста старичок, гладко выстриженный под гребенку и с головой, густо намазанной черной помадой, так что она всегда текла у него со лба. Он также зимой и летом ходил без шляпы, держа её в руках. Это был сенатор Д-ский, большой любитель церковного пения. Его крепостной певческий хор славился в столице. Крепостных хоров в былое время было в Петербурге несколько.

Обращал на себя внимание также разгуливавший по улицам со своим хором певчих богатый костромской помещик К[ологриво]в, приезжавший по зимам в столицу.

К[ологриво]в был большой оригинал, необыкновенно тучный, одетый всегда в коричневый фрак и в огромном парике.

Все певцы его хора были подстрижены в скобку, в черных кафтанах и все брюнеты, т.е.

окрашены в черную краску. Этот барин водил своих певчих в приходские церкви, где сам, становясь на клирос, правил хором. После церковной службы его усталого, в поту, певчие увозили домой в маленькой коляске на рессорах, в которую по очереди впрягались. Причина тому была следующая. К[ологриво]в очень боялся лошадей и в столицу приезжал чуть не шагом на своих старых конях, которых всю дорогу кормили одним сеном и очень скудно, из боязни, чтобы они не раздобрели и не понесли хозяина.

В описываемые годы Петербург немало видел уличных оригиналов. Такие по большей части встречались на линиях Гостиного двора.

Из заметных здесь лиц каждому бросались в глаза два бродивших старика индуса в своих национальных костюмах. Первый из них - в широком темном балахоне, надетом на нем сверх шелкового пестрого халата, подпоясанного блестящим с камнями кушаком, на котором блестел небольшой золотой цилиндр с священною водою Ганга. На его голове был тюрбан из дорогой кашемировой шали,

бронзовое лицо было татуировано разноцветными красками, черные зрачки, как угли, блистали на желтоватых белках с кровяными прожилками, а черные широкие брови, сросшиеся на самом переносье, грозно украшали суровые черты его лица.

В правой руке у него постоянно была длинная бамбуковая палка с большим костяным набалдашником, а в левой он держал перламутровые или янтарные четки. Он был стар и от тучности еле ходил. Когда он умер, то был сожжен на Волковом поле по индусскому обряду. По профессии этот индус был ростовщик. Как рассказывают, он особенно любил ссужать деньгами актёров, и затем каждый месяц являлся спозаранку в театральную контору с ворохом векселей и записок, где и разыскивал со своих горемычных заемщиков. Другой индус, одетый также в живописный восточный костюм, был тоже очень богатый продавец драгоценных камней и тоже главную отрасль его коммерческих оборотов было ростовщичество, только ещё в больших размерах, чем у первого.

Судьба его была трагична: он был убит в

Москве в номерах черкасского подворья, и убийца не был обнаружен. После его смерти все его сокровища оказались в целости, пропали одни векселя, выданные ему одною графинею.

Его драгоценные камни спустя несколько лет продавали с аукциона. Одной бирюзы было продано около четырех пудов, но лучшая, самого высокого качества, пропала при расценке товара. Рассказывают, что оценщик, рассматривая мешки с бирюзой, самую дорогую из каждого мешка вынимал и клал отдельно в коробку. Бирюза была в кусках, не отшлифованная. После расценки он выпросил её у квартального надзирателя за труды, а последний беспрекословно отдал ему, не придавая ей никакой цены.

Впоследствии этот оценщик, татарин, выстроил себе около десяти домов в Татарской слободке.

Ходил по Гостиному двору и другой не менее известный ростовщик, обделявая свои делишки при встрече с военными. У купцов он слыл под именем «Хаджи-Мурата», но он был не турок, а нежинский грек по прозвищу

«Маргаритка». Он долго служил в наших войсках лазутчиком и маркитантом. Давал он деньги на проценты преимущественно военным. Как говорили, векселей у него в бумажнике было на сотни тысяч рублей.

Этот «Маргаритка» не гнушался и мелкой торговлей: на Вербной неделе он первый стал торговать турецкой халвой и рахат-лукумом. Кончил он жизнь также трагически - был зарезан своим воспитанником.

Азиатцев в те времена на улицах Петербурга попадалось немало, встречалось много и подражателей носить восточные костюмы. Из таких мнимо восточных людей были известны - светлейший князь Салтыков[166], десятки лет путешествовавший по Индии, и другой богатый аристократ, Н[арышкин][167], экс-лейб-гусар, который щеголял в живописном наряде кавказского горца. Н[арышкин], как говорили, для большего сходства с настоящим представителем племени шапсугов, привил себе на лице даже коросту, присущую этому горскому племени.

Немало встречалось и других подражателей кавказцам. Так, известный художник Ор-

ловский очень часто выходил из дому в наряде лезгинца с кинжалом и в папахе. Орловский был мужчина высокого роста, смуглый, черноглазый и силы большой, наряд черкеса очень шел к нему. Нередко ему сопутствовали два его камердинера, из которых один желтолицый узкоглазый калмык был в своем родном одеянии, а другой, черный, как смоль, араб в широких шальварах, куртке и чалме.

Орловский Александр Осипович (1777-1832)

Известный граф С[оллогу]б[168], первый столичный щеголь своего времени, выдумывал разные костюмы. Между прочим, он изобрел необыкновенный в то время синий плащ с белыми широкими рукавами. И плащ, и рукава были подбиты малиновым бархатом. В таком плаще приехал он раз в Михайловский театр и сел в первом ряду кресел. Приятель [169], сидевший с ним рядом и восхищавшийся плащом, стал незаметно всовывать в широкие рукава заготовленные медные пятаки. Когда граф в антракте поднялся с кресел, пя-

таки раскатились во все стороны. Приятель начал их подбирать и подавать с такими ужимками и прибаутками, что все, сидевшие

рядом, покатались со смеху.

Соллогуб Александр Иванович (1784-1843)

Были ещё два графа в петербургском высшем обществе, которые тоже прославились своими маскарадными переодеваниями. Первый из них, граф Х[восто]в[170], загримиро-

ванный пьяницей с красно-синим носом и повязанной щекой, ходил по улицам во фризовой старой шинели.

Второй, известный потомок любимца императрицы Екатерины II и министра государыни[171], ходил в белой куртке немецкого булочника, обмазанный тестом и осыпанный мукой, а когда его узнавали, то он отрекся и сердился. Он начал свою карьеру блистательно, ещё юношей был пожалован в камер-юнкеры, но вскоре влюбился со страстью гимназиста в известную танцовщицу[172] и поклялся честью, что если кто сделается счастливым его соперником, то должен будет иметь с ним смертельную дуэль. Такой трагический эпизод вскоре представился - противник[173] был убит на дуэли, и с тех пор в нем развилось врожденное расположение к мизантропии и пессимизму.

Истомина Евдокия (Авдотья) Ильична (1799-1848)

В описываемые времена театральными и маскарадными костюмами многие не стесня-

лись. Некоторые из актёров в дни своих бенефисов, отправляясь продавать билеты к вельможам-милостивцам и купцам в шутовских костюмах, в париках, с разрисованными физиономиями. Мало того - брали с собою своих ребятишек, наряженных в русские или цыганские платья, и заставляли их плясать под аккомпанемент гитары или торбана. Случа-

лось также, что артисты, играя где-нибудь на домашнем спектакле, возвращались домой испанцами и рыцарями.

Шереметев Василий Васильевич (1794-

Известный балетмейстер Дидло, высокий, худой и долгоносый, окончив свою роль какого-нибудь олимпийского бога в Большом театре, шел домой пешком по Невскому в Троицкий переулок в таком театральном костюме, имея на голове вместо шляпы лавровый венок или фантастическую корону.

Купцы тоже не стеснялись своими костюмами и не только в баню ходили в халатах, но и в ложе Александрийского театра можно было видеть почтенного отца семейства, заседающего по-домашнему, в халате, в кругу своих чад и домочадцев.

Очень долгое время в Петербурге был грозой и страхом женщин полупомешанный моряк, ходивший по Невскому и Летнему саду в одежде прародителей, будучи завернут только в модный тогда плащ *a la Quiroga*. Этот плащ был необъятной ширины, им можно обернуться три раза. Видоизменение такого плаща под названием «альмавивы» долго было любимым одеянием наших художников и актёров. Моряк воображал, что он по сложе-

нию Аполлон Бельведерский, и сковывать свои классические формы пошлыми модными одеяниями не считал нужным. И когда он встречал достойных, по его мнению, ценителей и ценительниц красоты, то тотчас распахивал плащ и являлся их глазам в виде античного изваяния. Такую прогулку он раз проделал в саду Виндзорского замка, когда там проезжала королева Виктория, за что получил вместе с отставкой чуть ли не европейскую известность.

Немало в те годы было и охотников ходить босиком зимой и летом. Из таких дам была известна в Петербурге орловская помещица С-ва и одна немка таинственного происхождения, для которой великосветские дамы устраивали благотворительные концерты и вечера в Павловске. Приезжал ещё по зимам в Петербург какой то малороссийский помещик, очень тучный и высокий старик, который тоже гулял, несмотря на снег и мороз, всегда босым. Привычка эта у него явилась после какой-то хронической болезни, от которой таким способом его вылечил известный знахарь Ерофеич.

На главных улицах в описываемое время замечалась странная фигура бывшего некогда кастеляна Михайловского замка Брызгалова [174] в красном длиннополом мундирном фраке французского покроя, богато шитом золотом. Белый суконный жилет, белые замшевые панталоны, огромные ботфорты со шпорами и треугольная шляпа с белым плюмажем дополняли его наряд. В таком виде Брызгалов ходил во всякую погоду пешком, ведя за руки своих детей - мальчика и девочку, ковылявших на ногах, страшно искривленных английскою болезнью.

Группа эта была так комично-карикатурна, что проходившие мимо останавливались со смехом, а Брызгалов сердился и бранился. Он серьезно утверждал, что дожидается возвращения императора Павла из дальнего путешествия и что тогда напляшутся все, которые считали его умершим. «Сомнительно, - говорит в своих воспоминаниях Ципринус [175], - но несомненно то, что он был ростовщик и страшный ябедник».

Как бы в pendant к этой странной фигуре, в те же годы жил один старый сенатор. Живя в

Большой Морской, он в хорошую погоду ходил в Сенат по Адмиралтейскому бульвару в красном сенаторском мундире. За ним, нога в ногу, следовал старый лакей и вязал чулок. Красный мундир сенатора накликал однажды на него беду. Козел, выпущенный из конюшен Конногвардейского полка, увидев красную фигуру, накинулся на сенатора и повалил его ранее, чем лакей успел предотвратить это комическое приключение. Катастрофа эта для здоровья сенатора не имела вредных последствий, но строжайшее следствие все-таки было произведено полицией.

Не меньшее любопытство встречал на улицах катавшийся шестериком с фореитором на вынос в богатой восьмистекольной карете, всегда с дымящимся кальяном в зубах и с десятком жирных котов, бывший владетельный кавказский князь, известный под именем князя Окропира. Это был большой оригинал. Восточный наряд его был высокой цены: одних изумрудов и рубинов, нашитых на нем, было более, чем на сотни тысяч.

Князь был помешан на церемонии и этикете. Его вносили и выносили на руках десят-

ки лакеев, одетые в зелёные и малиновые бархатные кафтаны, за ним всегда следовал целый ряд карет с его придворными-дворянами. Штат их был весьма многочисленен. Князь был очень щедр и за раскурку своего кальяна платил своему придворному по червонцу. Ему все подавалось на золотых блюдах. Он любил, чтобы и пенсию, получаемую им от правительства, ему подносили чиновники при церемониале, и он каждого такого наделял щедро червонцами. Кредитных бумажек он не брал: будь их хотя на сто рублей или более, все они оставались на долю казначейского чиновника.

В многочисленный штат этого князя входило несколько заклинателей от разных болезней. Он их считал единственными знатоками и практиками медицины. Но когда первая холера посетила столицу, заклинателей у князя заменили кошки. Как-то покушав не в меру жирного пилава, он почувствовал припадки страшной гостьи, сейчас же прибегнул к заклинателям, но последние не принесли пользы. В отчаянии он разослал всех своих людей за докторами. Оставшись один, он ки-

дался из угла в угол, не зная, что делать, и нечаянно наткнувшись на своего любимого кота с грустью прижал его к своей груди. Каково же было его изумление, когда, согревшись прикосновением своего фаворита, он почувствовал облегчение и вскоре задремал. Когда же открыл глаза, толпа докторов стояла в безмолвии перед его креслом. Болезнь миновала. С тех пор князь Окропир кошек считал единственной панацеей не только от холеры, но и от всех болезней, и более сотни этих разношерстных четвероногих стали навсегда обитателями его апартаментов.

ГЛАВА XIX

Акакий Прокофьевич Демидов. Блюститель трезвости П-в. В.А. Все- воложский и его праздники. Прока- зы Паши Булгакова.

В числе больших чудаков был один из из-
вестных богачей Демидовых, Акакий Про-
кофьевич. Воспитание он получил в Голлан-
дии[176] и потому по-русски говорил весьма
плохо, как иностранец. Он доживал свой век
в нижегородской своей вотчине.

Эксцентричность его состояла в необычно-
венном гостеприимстве. Когда гость въезжал
к нему во двор, то ворота запирались на
несколько дней и никто уже из усадьбы не
выпускался. В обильном его подвале храни-
лось много старых дорогих вин. Он любил,
чтобы за его столом пили и ели как можно бо-
лее, и не выносил, когда на тарелках его го-
стей оставалось недоеденное кушанье или в
больших его рюмках недопитое вино. «Что
ты, душенька, не пьешь?» - говорил он гостю,

заметив, что вино не допито. «Не могу, Акакий Прокофьич, много пил». «А зачем же ты, душенька, наливал? Пей, или я велю, душенька, вылить тебе за пазуху...» Гость, зная Акакия Прокофьича и что его спокойно сказанная угроза неотразима, - выпивал.

Также точно он заставлял гостя доедать взятое на тарелку кушанье, обещая в противном случае выложить остатки гостю за пазуху. Вина в его подвале были распределены по числу лет. Спрашивая, например, рейнвейн или венгерское, он показывал дворецкому знаками, поднимая вверх то одну, то другую руку с растопыренными пальцами. Одна поднятая рука означала пять лет, две руки - десять лет; вторично поднятая первая рука - пятнадцать и т.д. Для почетных и редких гостей счет этот восходил до восьмидесяти и более лет.

Воспитанник чужой земли, он, вопреки духу своего времени и уставу православной церкви, не соблюдал постов и не ходил в церковь, но раз в год, в великую пятницу, весь день ничего не ел и только под вечер выпивал рюмку вина.

К себе он, несмотря на свои богатства и угоды, допускал только старосту, которого называл Кондрант Степанычем, и ключницу, которую называл Барушкою. Когда управляющий приходил к нему с докладом, он приказывал ключнице подавать ему чаю. Управляющий был очень плутоватый мужик и делал бесконтрольно что хотел в богатых имениях Демидова. Барин же по уму был чисто младенец и ничего не понимал в хозяйстве. Так, однажды Кондрант ему доложил, что на мельницах мыши все жернова проели.

Когда этот Демидов отдавал старосте приказания по хозяйству, тот только мрачно говорил барину: «слушаю-с!... слушаю-с!... слушаю-с!...» Это «слушаю-с» он повторял то повышая, то понижая голос на все тона. Несмотря на все «слушаю-с!», Кондрант распоряжался, как ему казалось лучше и выгоднее.

В ряду чудаков, любивших смотреть похоронные процессии и слышать надгробный плач и вопли над покойником каждодневно, был известен очень богатый помещик Л-ев, образованный и чрезвычайно приличный старичок, весьма приветливый и любезный.

Он ездил на все похороны, о каких случалось только ему узнавать: ему было все равно, богатые они или бедные. Он входил в церковь, стоял при отпевании, потом провожал покойника до последнего жилища, затем шел в дом покойного, отведывал кутьи и сидел за поминальным обедом. Он не разбирал, кто был умерший, бедняк или богатый аристократ: он провожал людей, которых никогда не знал и о которых никогда даже не слыхивал. Для чего он это делал, было его тайной, которую он унес с собой в могилу. Было ли это постоянное *memento mori* [т. е. «помни о смерти» (лат.)], чтобы поддерживать в себе христианское смирение, или другое что, так и осталось для всех загадкой. Многие думали, что присутствие на похоронах было новым средством помогать бедным в такие минуты, когда помощь всего необходимее.

Лет сорок тому назад, в Петербурге был известен богатый барин П-в, особенно не любивший пьяных. Прислуга у него получала жалованье по тогдашнему времени очень большое, но вся жила по контрактам, где были пункты, по которым за неумеренное питье

водки было вменено телесное наказание.

Так, в контрактах его камердинера и кучера был включен пункт, по которому им позволялось напиваться только раз в месяц. Если же они напьются в другой какой-нибудь день, то им, помимо денежного штрафа, полагалось довольно суровое телесное наказание на конюшне. Камердинер этого барина редко преследовался за пьянство, но кучер сильно придерживался хмельного, и наказания ему были довольно часты. П-в отсчитывал ему собственноручно удары, после чего кучера выдерживали в запертой комнате, где шло довольно строгое лечение от пьянства. Здесь применялись все методы, но более в ходу были разные простонародные, симпатические. Так, чтобы отвратить поклонника алкоголя от питья, ему давалась водка, настоенная тухлыми раками. Под конец ему разрешалось пить только одни ароматические спирты вроде киндер-бальзама, одеколона, оде-лаванд и даже духи. Над своеобразным лечением надзирал домашний врач причудника-барина.

Мы уже не раз говорили о былой роскоши некоторых русских богачей начала нынешне-

го столетия. К числу таких петербургских крезов принадлежал В.А. В[севоложск]ий[177], впрочем, этот богач считался не только одним из первых в России, но даже во всей Европе. Его знаменитые железоделательные заводы и соляные промыслы давали ему годового дохода более чем миллион рублей. В[севоложск]ий был сын последнего пензенского воеводы, погибшего на службе в пугачевщину. Он первый в России устроил на Волге пароходы и первый совершил на одном из них поездку из своих заводов до Казани. Также он первый ввел выделку железа английским способом, занялся разработкой каменного угля на Урале и открытием многих золотоносных россыпей; он не задумался рафинировать свекловичный сахар у себя на даче за Охтой и радовался, как ребенок, что в своем домашнею обиходе не употреблял ни фунта колониального сахара, сделанного из привозного песку. Когда в 1836 году в Петербурге учреждалось газовое общество, он устроил у себя на даче чугунолитейный завод, на котором отливал трубы, которые выходили наполовину дешевле выписных английских.

*Всеволожский Всеволод Андреевич
(1769-1836)*

Купив себе имение за Охтой у обер-полицеймейстера Эртеля, он в два года привел его в изумительный порядок, расчистил в нем рощи в виде парка и сделал в нем дорог более чем на 25 верст. Его оранжереи стоили ему более полумиллиона рублей.

Он ежегодно поздравлял императрицу в день Нового года по русскому обычаю, поднося на золотом блюде персики, сливы, виноград и ананасы. Его барский дом состоял из 160 комнат, расположенных в двух этажах. Гостиница для приезжающих гостей помещалась в двух больших флигелях. Гостей к нему съезжалось в день его именин несколько сот человек, и для всех были устроены особые помещения, причем приняты были меры, чтобы привычки каждого гостя не встретили ни малейшего стеснения, почему предварительно собраны были самые точные сведения от прислуги о привычках их господ и что для каждого нужно. Трудно теперь поверить, что одной прислуги у В[севоложско]го было до четырех сот человек.

Конюшни его вмещали до ста двадцати породистых лошадей; экипажей тоже было не

менее ста. Когда В[севоложск]ий жил на даче, за стол ежедневно садилось не менее ста человек. Крепостные музыканты, певчие, актёры и актрисы составляли у него довольно многочисленную труппу.

Тогдашние драматурги - Хмельницкий, Ф. Глинка, Крылов, А.А Шаховской, И.П. Мятлев - писали для них комедии, водевили; музыку для куплетов писали известный А. Верстовский и Маурер, часто аккомпанировал на гитаре замечательный виртуоз Аксенов, кажется, чуть ли не первый автор школы для гитары.

Праздники у В[севоложско]го выходили очень оригинальные. В его именины в комнатах устраивалась «ярмарка» самая разнохарактерная: в залах между тропической зеленью были устроены лавки с разными товарами и буфеты, в которых заседали разные народности, продавая произведения своей страны. Эти лавочки и импровизированные караван-сарай прихотливо освещались различными фонариками. Там сидели китайцы, персияне, турки, армяне - все костюмы продавцов были строго выдержаны. Где дымились само-

вары и чайники, сидели китайцы и китайянки; где подавалось мороженое - сторожили камчадалы, кутаясь в свои оленьи дохи. Персияне подносили фисташки и сушеные фрукты, турки разносили кофе, шербет и подавали дымящие кальяны и трубки с турецким табаком. Ярославки и ярославцы в своих национальных костюмах потчевали гостей сбитнем, бубликами и медовым квасом. Все эти лавочки имели свои вывески. В составлении этих вывесок и надписей участником был сын В[севоложско]го, известный каламбурист и остро слов того времени. Замечательно, что талант его перешел и к его сыну, недавно умершему Н.Н. В[севоложско]му[178].

*Всеволожский Никита Всеволодович
(1799-1862)*

Вот некоторые надписи на вывесках. Над мелочною лавкою вывеска изображала три картинки: на первой представлен был пьяный мужик, которого вяжет будочник, и тут же большой башмак с надписью «Le soulie» [179]. На другой картинке старик с большим

носом и надпись «Quel beau nez» и тут же висит чепчик[180]. На третьей - мальчик снимает щипцами с сальной свечи нагар и тут же носовой платок, надпись гласит: «Mouchoir»

[181]. У китайцев, торгующих готовым чаем, изображена была красавица, подающая с нежною улыбкою руку своему возлюбленному, который восклицает: «*Quel bon the!*»[182]

Интересны были и разыгрываемые там так называемые «шарады в лицах», входящие в наше высшее общество теперь опять в моду. Они были разных названий. Так, «омоним» разыгрывался на сцене следующим образом. Выходили трое: первый, математик, становился у доски и писал ломаные числа; второй, с барабаном, посредине бил дробь; затем третий, рядом, в охотничьем платье, насыпал дробь в патроны, и каждый по очереди читал:

Первый.

*В словах я - целое, но в цифрах состою
Я частью целого, не боле.*

Третий.

Не то с охотником я птиц и зайцев бью.

Второй.

*Не то меня же бьют на барабане
в поле.*

Из всего этого и выходило значение омонима - дробь.

Для представления шарады было выбрано слово, напр., трех значений, что и составляло три части представления. В первой части на авансцене открывался бал: несколько особ из общества танцевали польский, мазурку, вальс. Во второй части на середине сцены появлялась в богатом наряде на воздушной колеснице, предшествуемая и окруженная Лелями в виде крылатых детей с венками, богиня Лада; за колесницею стоял Полев с венком и факелом. В третьей части сцена наполнялась призраками и тенями. Когда все это размещалось живописными группами, на середине сцены выходила в русском платье и в мантии, украшенной эмблемами, Баллада и читала известное стихотворение Жуковского: «Раз в крещенский вечерок» и проч.

Во время чтения известной А.М. Колосовой, впоследствии Каратыгиной, были представлены в лицах мечты и видения поэта, из числа которых в живых картинах были раз-

личные наши святочные гадания: с башмачком, бросаемым за ворота; с петухом, кормимым отборным зерном; с зеркалом, в котором видится изображение суженого и проч.

Загадка изображалась по-французски. С одной стороны на сцену выходил мудрец в черной мантии, углубленный в чтение огромной книги (*livre*), а с другой - разносчик с весами и фунтовыми гирями: *le livre* - книга, и *la livre* - фунт.

Логогриф - тоже по-французски: с одной стороны, ученый с книгою (*livre*), с другой - пьяница, пишущий ногами мыслете (*ivre*).

Каламбур представлялся по-русски. При поднятии занавеса публика видела на сцене охотника, держащего нож над убитым тетеревом; затем на сцену являлся чтец и читал оду Тредиаковского, смысл которой понять было очень трудно. Каламбур выходил - «дичь порет».

Анаграмма изображалась по-французски так: деревенский балы в треугольной шляпе, в старинном французском кафтане и штиблетах, при трости, украшенной огромным бантом, отказывает толпе просителей и проси-

тельниц, говоря: «Je cause au suppliant une douleur extrem. Retournez moi»[183]. Его поворачивали на другую сторону и те же просители подходили и опять получали отказ. После чего лицо, игравшее бальи, обращалось к партеру и произносило: «И я все один и тот же». Затем в транспаранте появлялось слово «Non»[184].

Мы выше рассказывали о Константине Булгакове, умевшем остроумными шалостями не только составить себе известность в гвардии, но и заслужить пощадку со стороны великого князя Михаила Павловича. Меньшой брат его, известный под именем «Паши» [185], тоже немало напроказил в свое время. За одну дикую выходку в театре он понес строгое наказание на Кавказе.

В сороковые годы московская молодежь, чуткая на все изящное, черпала свои восторги в балете. Балет в те годы в Москве украшали танцовщицы: Санковская, Ирка-Матьяс и Андреянова. Танцы последней, некрасивой, но грациозной, привлекали довольно много публики в театре. Она была действительно пленительна, особенно при полете через сце-

ну на развевающемся шарфе, и тогдашний поэт-балетоман пел:

*«Когда волшебницей в «Жизели»
На легкой дымке вы летели...»*

И вдруг этой-то Андреяновой Паша Булгаков кинул на сцену мертвую кошку с привязанною к хвосту надписью: «первая танцовщица». Булгаков был «санковист», почитатель танцовщицы Санковской; орудием его выходки был какой-то дюжий мещанин, который и бросил кошку из райка с правой стороны сцены. Андреянова в это время танцевала в балете «Сатанилла». В тот момент, когда танцовщица и её партнер Монтасю окончив рас остановились в чрезвычайно грациозной позе, к ногам Андреяновой упала кошка о длинной широкой лентой. Монтасю поднял упавший предмет, а разглядев его, взглянул на публику и, откинув от себя далеко за кулисы кошку, выразил мимикой знаки укоризны, относящиеся к публике. Андреянова закрыла лицо руками, и видно было по судорожным движениям груди и плеч её, что она плакала. Смятение в публике и на сцене труд-

но было передать: в партере и ложах все встали, начали раздаваться крики участия к невинно пострадавшей артистке. Сцена наполнилась актёрами в обыкновенных костюмах. Они подходили к Андреевской со знаками участия, публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами, дамы махали платками. Затем на сцену посыпались венки, букеты и артистка была буквально закидана ими. Полиция заметалась, мгновенно оцепили все ложи и раек, и в этот же вечер открыт был виновник глупого поступка.

Старшего брата, некогда блестящего остроумца, характеристику которого мы выше рассказали, в те годы в Москве видели ходившим сторбленным стариком; у него после отнялись ноги и он доживал свой век на квартире у отца. Он жил в одной просторной комнате, с прекрасным роялем и весьма незатейливой мебелью. Он сидел на двухколесном кресле, свесив неподвижные, тщательно обутые в полосатые чулки и лаковые башмаки ноги, бодрый на вид, одетый с некоторым щегольством. Днём он по большей части играл на рояле в четыре руки с проживающим у него му-

зыкантом, но то и дело прикладывался к графинчику, стоявшему у него в шкапчике. Играл он довольно хорошо и вдохновенно; нередко музыка вызывала обильные слезы у нервно больного Булгакова.

Видеть этого оригинала можно было часа в три или четыре, - это было самое показное его время, к которому он успевал отмыться и приодеть себя от полуночного пьянства.

ГЛАВА XX

Индиец-ростовщик. Алхимик Антон Маркович Гамулецкий. Кабардинский принц Яковлев. Любитель гадалок. Петербургские Филемон и Бавкида. Человек-пушка. Ходячая реклама портного. Литература вывесок.

В описываемые годы на стогнах столицы ежедневно можно было встретить одного или двух индийцев в живописном восточном наряде - и что замечательно было, все они были ростовщики. В числе таких, о которых мы уже выше говорили, был ещё один замечательный оригинал индиец Мунсурам.

Большая часть жителей, особенно те, которые хворали безденежьем, знали его под именем «ростовщика Мажерама». Он жил более тридцати лет в доме Лаптева, в Малой Коломне по Торговой улице, где занимал две небольшие комнаты. В первой комнате стоял простой письменный стол, четыре стула и небольшой кожаный старый диван; во вто-

рой комнатке был тоже диван с кожаными подушками, два стула и большой, окованный железом сундук. Мунсурам-Мажерам вел жизнь правильную, строгую: летом и зимою он вставал в пять часов утра и ложился спать зимою в восемь, а летом в десять часов. Пища его была более чем умеренная: по утрам стакан молока с полуторакоепечным французским белым хлебом, за обедом каша из сорочинского пшена и небольшой белый хлеб с мёдом. Он никогда не ужинал и не пил ни вина, ни чаю. Несмотря на свою глубокую старость, он был бодр и свеж, хотя ему было далеко за восемьдесят лет. Старик вел жизнь отшельническую, он был не словоохотлив, говорил по-русски хорошо, но писать не умел.

Из его рассказов можно было понять, что он родился на Малабарском берегу в городе Пуне, но родителей своих не помнил. До пятидесяти лет он жил в Калькутте, занимался там торговлей и нажил порядочный капитал. В Россию он приехал в 1808 году, три года жил в Астрахани, а с 1811 года поселился в Петербурге. По религии он принадлежал к почитателям Браммы. Мунсурам был ростовщик: в

первых числах каждого месяца он являлся во многие присутственные места для получения вычета из жалованья задолжавших ему чиновников. В прихожей он смиренно дожидался по несколько часов выхода экзекутора или казначея; разговаривал в это время с чиновниками и тут же иногда давал им деньги взаймы. Всем служащим вообще он давал деньги в ссуду под расписки за поручительством двух или трех чиновников, товарищей бравшего у него в долг деньги, и с засвидетельствованием на расписке экзекутора или казначея в верном платеже денег из жалованья должника.

Людям же незнакомым и не служащим он давал взаймы не иначе как под верный залог. Мунсурам был добрый и честный ростовщик, иногда бедным и особенно вдовам он давал без поручительства, на одну расписку, беря только одни законные проценты. Этот оригинал умер в Петербурге 14 октября 1833 года. Ещё за несколько дней до смерти он говорил: «Брама в лице Шивы зовет меня к себе. Я стар, пожил довольно, пора костям на покой». Желание его исполнилось, и душа его предстала

на суд единого Бога, Бога христиан и язычников.

Погребение Мунсурама по обряду индусов происходило на холерном кладбище, на Волковом поле, в ночь 17 октября, на среду. Кроме незначительного числа зрителей, привлеченных любопытством зрелища сожжения трупа, собралось не более десятка его соотечественников. Тело Мунсурама лежало в деревянном гробу, в который были брошены деньги, разноцветные драгоценные камни и разные безделушки. Подле болота сложен был костер дров, на нем поставлен гроб с покойником. Гроб обложили дровами, сверху набросали соломы, и все это полили маслом. На это редкое в нашей столице зрелище публика смотрела с любопытством.

Огонь охватил понемногу весь костер и вдруг поднялся высокий столб яркого пламени, отражавший блеск свой на бледных лицах зрителей и на печальных могильных памятниках. Тишина и мрак ночи придавали этой картине какую-то таинственную торжественность. После некоторого времени пламя начало понижаться и, наконец, среди облака

дыма представилась взорам груды пылающих углей, на которой лежало полуобгоревшее тело усопшего индийца. На вопрос одного из зрителей, - с какою целью сожигаете вы ваших мертвецов, - один из индийцев ответил: «Вы возвращаете тело одной стихии, а мы всем четверем - теперь предаем его огню, потом оставим пепел три дня на месте, чтобы земля и воздух взяли должную себе часть, а остатки бросим затем в море».

В начале нынешнего столетия на улицах Петербурга пользовался большою известностью между жителями столицы живой, веселый старичок, седой как лушь, всегда ходивший пешком, несмотря ни на какое расстояние, и до самой смерти не употреблявший никогда очков. Кто не слышал о его замечательном кабинете дорогих замысловатых механических вещей и разного рода редкостей! Имя и фамилия этого общего любимца, слывшего у всех за алхимика и волшебника, были Антон Маркович Гамулецкий. Сын полковника войск короля прусского, родился он в Царстве Польском в 1753 г.; в 1794 г. он переехал в Россию и определен на службу в рижскую поли-

цию; в 1798 г. переведен в с.-петербургскую таможню, а в 1799 г. определен в с.-петербургскую полицию брандмайором. В этой должности, за отличное и усердное действие при тушении пожара на даче гр. Кушелева-Безбородки, именным указом императора Павла I он был награжден чином коллежского регистратора и годовым окладом жалованья. После разных служебных переходов Гамулецкий в 1808 г. определен был на службу в ведомство московского почтамта. В следующем году он оставил службу и завел контору коммиссионерства. В Отечественную войну, потеряв от нашествия неприятеля все свое состояние, он оставил Москву и переселился в Петербург.

Гамулецкий до последних дней своей глубокой старости не бывал болен, хорошо сохранил память, зрение и постоянно был весел и шутлив: он умер почти ста лет. По его словам, достиг он старости очень просто: до сорока лет он вел жизнь довольно рассеянную и не всегда правильную; впоследствии он вошел в определенные границы, стал наблюдать за собою, подчинять себя умеренности и

аккуратности, никогда не оставался без дела и, будучи постоянно в хлопотах и заботах, не падал духом и не предавался унынию.

Смерть его была тихая, покойная; похоронен он на Смоленском кладбище. Как мы выше сказали, Гамулецкий был большой охотник до всяких фокусных машинок и редкостей. У него был волшебный кабинет, между многими диковинками которого находилась большая голова, отделанная под бронзу и поставленная в особом месте на зеркальном стекле. Голова эта явственно отвечала на предложенные вопросы. Добрый старичок очень охотно показывал свой кабинет не только коротким приятелям, но и всякому шапочному знакомцу. В древности он мог бы весьма хорошо занять место гимнософиста в каком-нибудь египетском храме или управлять механической частью дельфийского оракула, зато в средние века сильно рисковал бы попасть на костер инквизиции.

Мы уже рассказывали раньше о чудеке Чупятове, выдававшем себя за мароккского принца. Как бы в дополнение к нему в тридцатых годах появлялся часто на Невском про-

спекте, в Летнем саду и на всех общественных гуляньях другой такой полусумасшедший, старик очень приличного вида. Его седая голова внушала к нему почтение. Он носил старый французский кафтан черного цвета, черное исподнее платье, черные шелковые чулки, летом башмаки с пряжками, которые зимою иногда сменялись обыкновенными сапогами. Кланяясь почтительно народу, он вызывал всякого на такой же поклон. На лице его, умном и почтенном, не заметно было и признаков помешательства. Он был принят во многих домах петербургского общества. Разговор его был приятен, умен, обхождение величественное, вполне соответствовавшее той роли, которую он на себя принимал. Старик воображал, что он происходит от царской крови владетельных кабардинских князей, и если разговор этого не касался, то речь старика была светская, живая, разнообразная, остроумная. Но как только кто-нибудь начинал говорить о его высоком происхождении, то он вдруг принимал на себя вид претендента и с важностью, с достоинством, с силою и одушевлением, но без неприличия, не

смешно и не глупо начинал доказывать права свои на престол, будто бы несправедливо похищенный у него кем-то. «Известно, - говорил он, - что в землях моих живут многие дикие горцы, которые враждуют с Россией; они могут выставить войска от 70-80 тысяч человек; это мои подданные. Я должен бы был управлять всеми ими, но отец мой, который утеснял некоторые племена, восстановил их против себя, и раз ночью они убили его, а меня, ещё грудного ребенка, спасла кормилица и вывезла в Россию, где я и вырос.

Я писал ко всем дворам Европы и просил участия их в моем деле и вспоможения, но не получил ответа. Я просил у разных лиц двадцать миллионов в ссуду. С этими деньгами я мог бы явиться к своим подданным, которые помнят меня и хотят видеть на троне. Впрочем, одно только племя ко мне враждебно, но остальные мне преданы.

Я хотел жениться на одной принцессе владетельного германского дома, и она согласна была принять мою руку, но здесь интриговали французский двор и Австрия. Невеста моя вышла замуж, и я очень скучал...» Обо всем

он говорил очень основательно, пока только не касались его слабого пункта.

Когда ему предлагали чашку чая или рюмку вина в обществе, то обыкновенно он вставал со стула и, обращаясь к хозяину или хозяйке дома, почтительно кланялся, как бы напоминая, что по уставу придворного этикета они должны были испросить предварительно его позволения, как принца крови, подать ему рюмку вина.

Он не принимал ни вина, ни чашки чая из рук слуги, и хозяин или хозяйка сами должны были держать перед ним поднос, если хотели, чтоб он принял поданное.

В тех домах, где он часто бывал, знали это и исполняли его требования. Точно также трудно было заставить его принять платье или сапоги, когда он нуждался в таких вещах. Сапоги или платье следовало зашить в клеенку, адресовать на имя принца и надписать, что они присланы из его страны. Так же, а не иначе, принимал он и деньги. Старик этот принадлежал к купеческому сословию, фамилия его была Яковлев. Проживал он очень бедно, в убогой комнатке, где-то на Петер-

бургской стороне.

В тридцатых годах на улицах Петербурга обращал на себя внимание чисто одетый старик, чиновник, экзекутор в отставке, вечно отыскивающий в самых отдаленных частях города - на Песках, в Гавани, в дальних краях Коломны, Измайловского полка - жилище какой-нибудь гадалки, старухи-чухонки, отставной содержанки, заштатной кухарки или просто полоумной женщины, часто пьяной, владеющей будто бы искусством предсказывать будущее.

И вот с раннего утра и до позднего вечера бродил этот старик, посещая жилища этих полупьяных пифий, любительниц кофе и водки, чтобы узнать свою будущность, скорбеть или радоваться, и потом по бестолковым ответам часто полупомешанного или пьяного оракула располагать поступками своей жизни впредь до нового предсказания, купленного за какой-нибудь полтинник или двугривенный.

В те же годы на улицах столицы встречали старика и старуху, отличавшихся патриархальными странностями прошлого века. Это были муж и жена, прозванные всеми Филе-

мон и Бавкида. И действительно, супружеское их согласие не было ничем нарушено во всю их долгую жизнь. Старичок необыкновенно нежно относился к своей старухе, та также строго повиновалась мужу и заимствовала от него все его качества, привычки, наклонности, даже странности.

Они жили вдвоем в мире и любви более полустолетия и детей не имели. Имея всегда постоянное жилище, они обыкновенно приходили к своим родственникам, зажиточным купцам, с просьбою взять их к себе жить. «Ведь вот в этой комнате у вас никто не спит, - говорили они, показывая на зал или гостиную, - так почему же нам здесь не спать?» И когда родственники пытались внушить им, что не все пустые комнаты в доме могут быть обитаемы постояльцами, то они всегда уходили спокойно, не сердясь за отказ, но покачивая головою и говоря: «Какие странные люди! Им тесно в таком большом доме, а мы, старики, жмемся в углу!»

Старушка имела своих любимцев - кошку и птичек; первую она ужасно баловала, приносила для нее игрушки, поила кофеем и

устраивала даже елку. Своих пернатых друзей она любила ещё более: каждый из них имел свое имя, она кормила их червяками, ягодами и разными кашками.

Старик друзей не имел, но в жизни показывал более странностей, чем его жена. Покупая, например, себе новые нитяные перчатки, он, принеся их домой, обыкновенно говорил жене своей: «Федосья Захаровна! нашей, душенька, здесь на ладонях две заплатки. Перчатки мои всегда скоро изнашиваются на ладонях. Так пусть же изнасятся прежде заплатки, а потом я их спорю и буду носить перчатки заново!» Так же делал он и с новым платьем своим, приказывая женешивать заплатки на локтях сюртуков, чтобы прежде изнасились заплатки, и делал это не из опасения отличиться странностями или шутовством, а так, спроста. Жена исполняла приказания его безусловно.

Долго жили они в счастливом браке своем, и не надолго пережили один другого. Кто умер первым, жена или муж, неизвестно. Эти два оригинала пользовались большим уважением у всех, знавших их, за смирение, благо-

нравие и кротость. Они слыли по уличному прозвищу под именем «два гудка».

В описываемые годы можно было встретить на улицах Петербурга ещё одного сумасшедшего - старого чиновника с типичной канцелярской физиономией, который пользовался свободою гулять по свету и доказывал, что он - пушка. Разговаривая о чём-нибудь с вами, он вдруг искривлял лицо свое, надувал щеки и производил ртом своим звук наподобие пушечного выстрела. Это действие он повторял несколько раз каждый день. Разгуливал он, по большей части, близ крепости и адмиралтейства, где, как известно, нередко происходила пальба из пушек.

В ряду уличных чудаков, служивших ходячими рекламами портного, в тридцатых годах на тротуарах Невского проспекта, набережных и в Летнем саду были заметны два брата, крайне любопытно разодетые. Кто они были - никто порядочно не знал. Известно было только, что они учили русской грамоте и французскому языку с полдюжины арапчат у графа 3-го, имевшего особенную склонность к черной прислуге.

В те годы обыкновенного теперь пальто никто не носил. Тогда в моде был английский каррик, т.е. большею частью коричневый или гороховый сюртук с маленькою пелеринкою или капюшоном, вроде тех, какие нынче, и то редко, встречаются у одних только выездных кучеров при английской закладке. Помимо каррика тогда в моду входил ещё широкий синий, подбитый бархатом черным, а часто и малиновым, плащ, называвшийся «альмавива», по имени известного персонажа в пьесе Бомарше.

Тогда в Петербурге модным портным был Руч, и вот, чтобы рекламировать эти два мужских одеяния, он в виде живых вывесок пустил братьев ходить по Невскому. Для одного он сшил даром величественную синюю «альмавиву» с малиновым бархатным подбоем; а на другого напялил щегольской светло-гороховый каррик.

Вместе с этим в листках, разносимых при афишах, было объявлено об альмавивах и карриках, заказы на которые принимаются в портняжном заведении на углу Невского и Малой Морской. Ежели кому угодно удостове-

риться в красоте фасона этих новомодных одежд, тот может их видеть на двух известных столичных элгантах ежедневно на Невском проспекте между часом и четырьмя пополудни.

Для этих живых вывесок бралась ежедневно из манежа английская лошадь, на которой в означенные часы ехал шагом один из братьев, великолепно задрапированный в альмавиву, другой же в английском каррике шел рядом по тротуару. Братья перекидывались французскими фразами, очень своевольного перевода. Так один из братьев говорил: «Votre cheval est dans le savon» (что означало «Ваша лошадь в мыле»), на что другой отвечал: «J'ai vu aujurd'hui le long de matin le prince Boris, qui est arrive de l'Aigle» («Я сегодня утром видел князя Бориса, который приехал из Орла»).

Через полчаса опять встречали братьев, но их роли переменялись: верхом на лошади ехал уже другой брат, а первый выступал по тротуару, драпируясь в альмавиву. Братья где-нибудь под воротами менялись и костюмами. Надевая каррик брата, бывший в альмавиве, заметив на каррике конскую шерсть,

восклидал: «*Voyez, done le cheval deteint*» («Смотрите, лошадь линяет»). Братья говорили на таком своеобразном французском языке, что их приглашали аристократы на свои ужины и обеды, только бы слушать их разговоры, и, точно, редкостны и замечательны были их французские фразы.

Если кто потрудился бы пройти лет пятьдесят назад с карандашом в руке по главным улицам Петербурга, тот собрал бы богатый запас диковинок из литературы вывесок. Особенно курьезны были вывески с вольными переводами. Так на углу Синего моста долго красовалась вывеска портного: «И. Гельгрюн. I. Hellgrun. Tailleur du vert clair». К вольным переводам должно ещё причислить вывеску на углу Троицкого переулка и Невского проспекта: «Мужской и салопный мастер» - «Herrn und Saloppen-Master». На углу Гороховой, над ломбардом, существовала вывеска на французском и немецком языках, но оба языка так перемешаны между собою, что весьма любопытно было бы узнать, на каком языке написаны слова: «*Vude de Moel*, - должно быть, на французском, потому что тут же

находилась немецкая надпись совершенно правильная. У Пяти углов несколько лет существовала надпись над парикмахерской: «Фершельное заведение» - «Ferchelnoe Savedenies»; в Гороховой имелась вывеска: «Рещик печатей» - «Rectik petchatee». На Выборгской стороне, на углу Вульфовой улицы, над табачной лавкой красовалась вывеска: «Продажа табаку и разных товаров» - «Prodaja tabaku i rasnich tovaroff». Не менее достойна была примечания, как по русскому правописанию, так и по переводу, вывеска в Офицерской улице: «Кухмистер Яков Михайлов отпускает порционный стол» - «Koch-Meister Gakof Michailof verfertig Portion Tische». В Мещанской улице, нынешней Казанской, была вывеска: «Щеточный мастер Егор Фед. Равин» - «Rammonetier Georg Th. Rawen». На углу Гороховой и Садовой улиц на вывеске гребенщика Бараева существовала надпись следующая: «Фабрика черепаховых изделий» - «Fabrique de manufactures tortues». Существовали в те годы также вывески необыкновенно простодушные; например, в Измайловском полку была вывеска: «Домашнее табач-

ное заведение отставного унтер-офицера Куропатко».

На углу Владимирской и Невского проспекта над цирюльной красовалось: «Здесь бреют и крофь атворяют»; у Аничкина моста была вывеска сапожника, могущая служить загадкой, ребусом: «Време, це, маст. Кузма Федоровъ», что означало: «Временный цеховой мастер Кузьма Федоров». Были вывески иллюстрированные. Так, на Сенной была пивная лавка, на вывеске которой было изображение бутылки, из которой пиво переливается шипучим фонтаном в стаканы. Под этим рисунком была лаконичная надпись: «Эко пиво!» Замечательная иллюстрированная вывеска красовалась у Аничкина моста: на ней был изображен огнедышащий Везувий, дымом которого коптятся окорока и колбасы. На углу одного из домов Невского проспекта виднелась вывеска: «Фортепьянист и роялист»; за Казанским собором жил «стеклователь», он же «стеклянный художник»; над игрушечной лавкой в Офицерской улице была вывеска «Детское производство»; над лабазом по Гороховой: «Продажа разных мук»; в Спасском пе-

реулке была мясная лавка с вывеской: «Лавка Ивана Капустена»; на Гороховой улице долго проживал «Портной Иван Доброхотов из иностранцев»; близ Столярного переуллка жил портной, у которого на одном углу дома была вывеска: «Военный Прохоров», на другом «Пантикулярный Трофим». Была вывеска у одного из красильщиков: «Здесь красят, декатируют и такожде пропускают машину». На главных улицах столицы, как на Невском проспекте, вывески чаще попадались на французском и русском языках. В доме бывшем Энгельгардта, на углу Невского и Казанского моста, долго красовалась вывеска: «Plumassiere de Paris» - «Парижская перенница»; над лавкою, где продавали ковры: «Vente de Tapisses»; на Гороховой долго висела вывеска: «Живописец вывесок, одобренный начальством и экзаменованный и производит всякое художество».

У одного мозольного оператора была вывеска: «Souper de cors»; у гробовщика висела вывеска с надписью: «Кгари». По объяснению этого гробовщика, надпись была сделана «для тону» и чтоб французы, здесь умирающие,

знали, где могут достать прочные гробы. По стародавнему обычаю, гробы на вывесках всегда изображались не гробами, а красными сундуками или шкатулками.

В двадцатых годах в Петербурге была фабрика табаку Смекаева, на вывеске которой представлено было следующее: за круглым столом сидел с одной стороны господин со стаканом в руке, с другой - стояла дама; она подавала господину трубку и старалась отнять от него стакан; внизу находилось следующее четверостишие:

*Оставь вино, кури табак,
Ты трубочкой разгонишь всю кру-
чину;
Клянусь, что раскуражишь так,
Как будто выпил на полтину!*

В старину на вывесках виднелись и аллегорические картины, многосложные рисунки из арабесков, цветов и разных атрибутов, сообразно с характером лавки или мастерства.

В музее Павла Свинына хранилась железная вывеска питейного дома в Петербурге с портретом Петра I с аллегориями и надписями, современными основанию Петербурга.

В старину лучшие трактиры вывесок с надписями не имели. Так, на вывеске одной из гостиниц Невского проспекта в начале текущего столетия представлены были султан и султанша огромного роста - дама и кавалер в национальной одежде, и они читали «Сенатские Ведомости». На других трактирных вывесках изображались баснословные фениксы в пламени, медведь в задумчивости с газетой и т. д.

Над простыми трактирами рисовали мужиков, чинно сидящих вокруг стола, уставленного чайным прибором или закускою и штофами. Живописцы обращали особенное внимание на фигуры людей: они заставляли их разливать и пить чай в самом грациозном положении, совсем непривычном для посетителей таких мест.

На вывесках иногда людские фигуры были заменены предметами: чайный прибор, закуски и графин с водкой: последнее изображение ещё красноречивее говорило за себя. Существовал близ Сенной трактир и с такою вывеской: «Здесь трактир для приезжающих и проходящих с обеденным и ужиным рас-

положением».

На вывесках винных погребов изображали золотые грозди винограда, а также нагих правнучат и потомков Бахуса верхом на бочках, с плющевыми венками на голове, с чашами, с кистями винограда в руках. Также рисовали прыгающих козлов, полагая, что греки этому четвероногому приписывали открытие вина. На вывесках табачных лавок и сигарных фабрик писали толстых голландцев, американцев, арабов с сигарою в зубах или мастеров, изготавливающих сигары и крошащих табак. Бывали также нагие негры или группы амуров, как белых, так и черных, куривших сигары. Изображали и турок в чалмах, задумчиво курящих из кальяна. Акушерки в старину выставляли вывеску с надписью: «бабка-голанка». Где-то на Песках существовала вывеска, на которой изображен был рог изобилия, из которого падали новорожденные младенцы, но до полного падения руки акушерки не допускали и подхватывали младенцев колоссальными акушерскими щипцами.

ГЛАВА XXI

Собиратель антиков. Моряк-проказник С-н. И.Т. Лисенков.

В ряду заметных чудаков первой четверти текущего столетия был провиантский чиновник генеральского чина Д-ов. Наружным видом он ничем не отличался от известного Собакевича. Д-ов был страстный любитель всяких «антиков», как он выражался, из которых и составил большой музей, собирая их в течение пятидесяти лет своей службы во время служебных поездок по всем почти губерниям России и Сибири. Описание этого любопытного кабинета могло бы рассмешить, кажется, чуть не умирающего человека, так он был примитивен, бесхитростен и своеобразен. Музей состоял, нельзя оказать, чтобы из особенно ценных вещей. В коллекции его ред-

ких вещей были экземпляры, которые для непосвященного в их происхождение не представляли никакой ценности.

Например, в большом его собрании тростей и палок самыми драгоценными считались: палица из высушенного лопуха, крепкая, как кость, трость, сделанная из одного корня хрена; затем простой, жестяной, выкрашенный черною краскою дорожный посошок, в который вливался полуштоф полугара. Далее шли такие диковинки, как железная кочерга, более чем в полвершка толщиной, свитая и согнутая рукою силача в дугу, с надписью «кто кочергу эту спрямит, тот нашу дружбу прекратит». Лежал у него на почетном месте и простой кирпич из города Царева, взятый будто бы из развалин дворца Мамаева. Был и старый барабан из кожи одного волжского разбойника, сделанный по приказу грозного астраханского воеводы. В спирту в узкогорлом сосуде хранилась огромная груша, видимо, запрятанная туда зародышем, так что росла в сосуде до полной зрелости, привязанная к дереву. Была табакерка, сделанная из мужицкого лаптя, на котором на-

писано: «и счастье, как табак, со смертными играет: иного веселит, иного в нос щелкает».

Находился у него «алебастровый слепок с кулака великана Преображенского полка тамбур-мажора Митрофана Случкина, сверенный с подлинным у него в квартире». Была и портретная галерея кисти суздальских богомазов.

В числе замечательных портретов обращало внимание изображение крестьянина Якова Кирилова, которому первая его жена, Федосья, родила 57 живых детей, а вторая -18. Был и другой портрет такого же плодовитого крестьянина, Федора Васильева, которому первая супруга подарила 69 детей, а вторая -16. Существовал портрет и девицы француженки Дюбуа: эта ветреная парижанка вела список своих обожателей и в двадцать лет насчитала их 16527 человек!

Из серебряных вещей у него хранилась выставочная марка, серебряная с чернью, принадлежавшая графу Аракчееву. На одной её стороне были изображены тrefы, на другой - герб и надпись: «без лести предан». Она была куплена на аукционе у Свинына, и как гласила

другая на ней надпись, сделанная рукою Д-ва, «купил для того, чтоб хранить с почтением таковой памятник!»

В коллекции скульптурных вещей под стеклом у него хранилась мышь, сделанная из яблочных зерен. Под этим изваянием было приписано рукой бывшего провиантского чиновника: «от сего насекомого у нас произошло слово «мышьяд», которое усердием и попечением некоторых смотрителей казенных магазинов уничтожается и от коих, по словам Кронау (?), описывавшего в 1789 году чему люди научились от животных, «от мышей научились мы портить все, что ни попадет!»

В числе редких сокровищ в музее Д-ова хранился в пузырьке в довольно измельченном виде необходимый предмет всех кладоискателей - «разрыв-травя». По народному поверью, без нее клада не взять, она отпирает все замки и составляет ключ к открытию всех сокровищ.

Д-в, как рассказывал, отыскал эту траву у одного простого кузнеца за большие деньги. К отысканию этого сокровища ему содействовал один известный московский купец-мил-

лионер, пробу над нею производили в кузнице, действие травы вышло изумительно: полоска железа почти в четверть аршина длиной и в шину толщиной, положенная на наковальню, от одного прикосновения волшебной травы с треском, наподобие выстрела, разлеталась на четыре части.

По мнению скептиков, чудодейственность разрыв-травы была ничто иное, как «гремучее серебро», травка же была примешана только для вида.

Был у этого собирателя столь же мифический высушенный цвет папоротника. По его рассказу, здесь находился только один лепесток цветка, весь же цветок случайно попал в лапоть мужика в Иванову ночь и сообщил счастливцу всеведение, так что он знал, где закопаны клады. Однако мужик, не зная чудодейственного действия цветка, был счастлив только одну ночь, пока в лапте цветок им не был растоптан.

Д-в имел феноменальную способность есть много. Часто обедая у купцов-подрядчиков, имевших с ним дела, накануне обеда он обыкновенно давал реестрик, в котором по-

дробно означал, какое именно кушанье для него приготовить. Своих знакомых он уверял, что у него желудок «треховчинный».

Вот образчик одной такой росписи любимых им блюд. Щи кислые, жирные, подать непременно в горшке, с крынкой сметаны. К ним сто подовых пирожков - пятьдесят пустить в разноску, а остальные пятьдесят положить возле моего прибора. Это, как объяснял он, «в промежутках» (т.е. пока разносят кушанье, чтобы не сидеть праздно). Пирог или кулебяку он непременно велел делать длиною в аршин восемь вершков, шириной двенадцать вершков, а высота какая только возможна. В один её угол надо было положить семги, в другой рыбных молок, в третий курицу с рублеными яйцами, а в четвертый разного фарша. Окорок ветчины он приказывал подать большой, какой только можно было найти. Жареную четверть телянка наказывал всегда обложить парой уток, парой тетеревов и десятком рябчиков. Пирожное, добавлял он, какое хотите, это не мое кушанье. За таким обедом, если какое-либо блюдо ему особенно нравилось, то он на него так чихал, что охот-

ников его есть уже не находилось, и блюдо целиком предоставлялось его аппетиту.

Однажды подрядчик встретил Д-ва стоявшим возле строящегося дома в размышлении с приятной улыбкой на устах перед бревном огромной величины. «Что вы, ваше превосходительство, думаете здесь?» - спросил подрядчик. «А вот что: ну если бы эдакая колбаса! А? Один ломтик был бы мне достаточен на закуску после рюмочки сивушки». Д-в никакого вина, за исключением браги и квасу, не пил; пил же он перед обедом, завтраком и ужином «сивушку» - настой из мелко истолченных корней и трав, которые ему присылал известный малороссийский знахарь Трофимович. По его методу от всякой простуды и болезни он принимал ежедневно ножную ванну из льда, в котором он держал ноги не более пяти минут; по совету того же знахаря он ходил еженедельно в баню, где терли его тело мелким песком.

В прежних наших рассказах о чудаках Голицыных мы говорили об известном князе Иване Голицыне, прозванном «Jean de Paris», который выиграл в игорном доме в Париже

миллион франков и спустя несколько дней проиграл их. Кличку свою он получил вот по какому случаю. Князь женился в Париже на известной певице Комической оперы, которая была особенно хороша в опере Буальдьё «Jean de Paris». Певица эта разбогатела на богатые средства князя и когда у последнего не оставалось ничего от его громадного состояния, то и вышла за него замуж - от этого и стали называть князя «Jean de Paris».

Получив за женой три миллиона франков, князь задумал возвратиться на родину - уселся с нею в великолепный дормез и пустился в дальний путь. Проезжая по улицам Парижа, князь вдруг увидел вывеску известного в то время оружейника Лепажя. Он тотчас же вспомнил, что ему придется проезжать через Варшаву и там явиться к своему прежнему начальнику, великому князю Константину Павловичу. Вспомнил он также, что цесаревич страстно любит охоту с ружьем, а потому решил, что будет кстати, если он купит у Лепажя лучшее охотничье ружье цесаревичу в подарок.

Когда он выбрал ружье и хотел распла-

титься, Лепаж, зная хорошо страсть князя, предложил лучше не платить за ружье, а сквитаться с ним на зелёном поле. И вот игроки сели. С первой же карты князю не повезло, и в какие-нибудь полчаса он проиграл все женины миллионы. Осталась в кармане только небольшая сумма на путевые издержки от Парижа до Варшавы.

Прибыв в Варшаву, князь поднес цесаревичу великолепное ружье. Константин Павлович, любуясь им, спросил: «А что может стоить это ружье?» - «Угадайте, ваше высочество». - «Несколько тысяч франков?» - «Около того: три миллиона франков». - «Ты шутишь?» - «Увы! говорю сущую правду...» И тут Голицын рассказал печальную историю поднесенного ружья и окончил свой рассказ следующим: «И вот теперь я остался без куса хлеба и обращаюсь к вашему высочеству с просьбою: дайте мне какое-нибудь место, чтобы не умереть с голоду вместе с моею женою и дочерью». - «Какое же дам я тебе место? Хочешь, как бы сказать, место моего забавника? Согласен?» - спросил великий князь. «Но только с тем, что моя должность не должна

идти дальше следующего: я буду смешить и забавлять ваше высочество рассказами о всех глупостях, сплетнях, смехотворных или скандальных историях Варшавы, но ни о чём более». - «Идет!» - отвечал цесаревич. Таким образом тот вступил в должность официального буфона при особе его высочества. И все знали его за такого в Варшаве, и все любили и уважали. Он никому не делал ни малейшего зла, а, напротив, делал много добра, отстаивая и выручая из беды прибегавших под его защиту угнетенных и несправедливо преследуемых.

В первые годы царствования Александра Благословенного между светскою петербургскою молодежью, как мы не раз уже рассказывали, существовало несколько тайных обществ, цель которых была не политическая, а разгульная, и было много таких, где преследовались любовные цели. Любовные похождения были в то время в большой чести и придавали светскому человеку некоторый блеск и известность. Нравы регентства были не чужды нам, и у нас были в своем роде герцогини Ришелье. В числе отечественных волокит

был некто X., впоследствии посланник при одном из итальянских дворов. Похождения его, кажется, по числу побед были ничуть не менее донжуановских. Он не знал непокорившейся ему красавицы. Его ум и светскую любезность умели ценить, впрочем, и не одни женщины.

Почти каждый вечер он проводил у известного в то время ресторатора Кулона, где собирался весь цвет тогдашнего общества и, как тогда говорили, «premier Petersbourg». Очень понятно, что оригиналов и разных эксцентриков здесь было довольно много, и частые пари и заклады между ними были весьма распространены. Так, раз X., побился об заклад, что оставит в дождливую ночь всех посетителей Каменного (Большого) театра, не имеющих собственных экипажей, без извозчиков, а ресторан Кулона - без воды.

В тот вечер в Большом театре был бенефис какой-то театральной знаменитости. Театр ломился от публики. Площадь у театра была заставлена извозчиками, но ни один из них не хотел везти нанимателя; все были заняты. Взбешенная публика едва не перебила извоз-

чиков, но должна была разойтись по домам, шлепая по лужам и ручьям. После спектакля вся эта цепь извозчиков потянулась к Кулону и остановилась перед рестораном. Из него вышел Х. и закричал «ванькам»: «Теперь можете ехать по домам». И все возницы с шумом помчались в разные стороны.

Вторую часть заклада он исполнил так. Выйдя в зал ресторана, он поместился за маленьким столиком, заказал себе ужин и спросил графин воды. Все обратили на это внимание, потому что он никогда не пил ничего, кроме шампанского. Тщательно вытер он графин салфеткою, потом вынул из кармана микроскоп и стал пристально глядеть на воду сквозь свет лампы.

Покачав с сомнением головою, он обратился к буфетчику: «Ваше заведение, конечно, лучшее в Петербурге, но этой воды пить нельзя! Посмотрите сами». Буфетчик взглянул в микроскоп и вскрикнул от ужаса. То же повторилось и с прочими посетителями: они увидели в графине с водою всяких водяных чудовищ.

За минутным ужасом последовал едино-

душный хохот, но графины с водою были убраны и заменены бутылками с шампанским. Пари Х. выиграл: воды никто не пил.

В первые годы текущего столетия был моряк С-н, побочный сын известного вельможи павловских времен, графа К-ва[186], человек блестящего образования, лингвист, необыкновенно остроумный, отважный до дерзости и в высшей степени благородный и честный. Он не мог равнодушно слышать ни о малейшем нечестном или злом поступке. Это не был, как говорят, шалун - его шалости иногда доходили до грандиозного. За его проделки и проказы, несмотря на сильные родственные связи, его услали из Петербурга на службу в Архангельск, где он и прослужил несколько лет. Долго он оставался памятен тому городу, куда его закинула судьба, по той необычайной роли, которую он взял на себя и которую исполнял с необыкновенною смелостью, решительностью и редким счастьем. Он играл роль своего рода мстителя за угнетенных и слабых. Это был в полном смысле слова каратель пороков, и он навел страх на весь Архангельск или, вернее, на всех тех, у кого на сове-

сти лежало недоброе, несправедливое или злое дело.

Он перепорол если не всех взяточников и притеснителей, то большую часть угнетателей этого города. Особенно он был лют с местными шемяками и держимордами. И все ему сходило с рук. Благодаря большим денежным средствам, он подобрал себе ватагу из десяти отчаянных матросов, преданных ему душою и телом и готовых за него в огонь и воду.

Много платил он и своей тайной полицией, которую имел как в судебных местах, так и в частных домах. Ему сейчас же доносили, кто, где и когда совершил какую-нибудь мерзость. Вслед за этим у него составлялся суд и исполнение по возможности в скорейшем времени. Наказание, смотря по вине, большей частью состояло в отсчитывании виновному от пятидесяти до ста линьков.

Для достижения этой цели несколько тайных агентов С-на неусыпно следили за каждым шагом обреченной на линьки жертвы, и рано ли, поздно ли, будучи в масках, подкарауливали, завязывали ей рот, скручивали руки и увлекали в какое-нибудь глухое, пустынное

место и там, под председательством мстителя, тоже замаскированного, исполняли приговор над осужденным. Немногим из мелких архангельских пакостников удалось избежать наказания.

А с одним крупным взяточником сделано было однажды следующее. Просидев долго в присутствии, возвращается он домой, но дома своего не находит: весь он был разобран по бревнам и сложен во дворе в правильную кучу. Все знали, что это были штуки С-на, все трепетали перед ним, но ничего нельзя было сделать, так хитро и ловко всё это учинялось. По своим связям, по своему богатству, уму и образованию, он был принят во всех лучших домах города. Начальником был там тогда добрейший человек С. П-в, любимый и уважаемый всеми, однако супруги его никто не терпел. Она была женщина необыкновенно гордая, заносчивая и вспыльчивая до полной невежливости.

Раз, играя в карты с нашим героем, она вспылила и дошла до того, что бросила ему в лицо карты, сильно поранив картою глаз.

На эту дерзость С-н не промолвил ни сло-

ва, подобрал с пола карты, стасовал их и снова сдал и, когда кончился ровер, он сделал расчет, положил на стол деньги, им проигранные, и, сказав тихим и спокойным голосом: «я не могу продолжать игру», раскланялся и оставил дом гордой помпадурши. Терпение и смирение, высказанное благовоспитанным моряком, сильно рассердило и озлобило её. Ненависть её к нему дошла до того, что она принялась чернить его всюду и добилась, что из страха к этой важной губернской даме С-ну стали все отказывать от дома, а самые угодливые на улицах перестали даже узнавать и кланяться. Умный моряк смекнул в чём дело и поклялся строго наказать виновницу этого несправедливого поступка. Начал он с того, что тотчас купил богатым подарком горничную своей превосходительной обидчицы и гонительницы. Горничная обязана была ежедневно доносить ему все верные сведения о том, что её госпожа делает, куда собирается, где бывает и т.д.

Вскоре в Купеческом собрании был назначен маскарад. Обидчица со своей приятельницей заказала у модистки довольно харак-

терный костюм. По получении этого известия у моряка явилась мысль, каким образом жестоко отомстить барыне. Он поехал к одному своему приятелю, у которого жила кухарка-шведка, довольно красивая молодая женщина, имевшая с его обидчицей много наружного сходства. Кухарка была из разбитных женщин. Он упросил её сыграть для него роль в будущем маскараде, и та без труда согласилась на предложение. Он отправился к модистке, у которой были заказаны платья. Последняя подрядилась сшить такой же костюм и для кухарки.

В день маскарада моряку дано знать, что важная барыня уже одевается и скоро будет в маскараде. Тогда кухарка, одетая в известный костюм, едет с моряком в карете. Приехав и не снимая салопа, она стала ожидать приезда барыни. Моряк идет в зал, у входа ловит одного довольно глуповатого гостя, завязывает с ним оживленный разговор и как будто невзначай загораживает вход в зал так, что не было возможности никому войти. Поэтому все приезжавшие на бал говорили ему: «Позвольте пройти». Моряк тотчас дает дорогу и

снова занимает свою позицию у входных дверей. Но вот он замечает, что сзади приближаются две стройные дамы в костюмах - и одна из них важный его недруг. Постояв несколько минут при входе, в надежде, что моряк сам догадается пропустить их, она не выдержала и, не желая сказать «позвольте пройти», схватывает моряка своею могучею рукою за шитый воротник мундира, толкает его в грудь и вламывается в бальный зал.

В этот момент, отскочив от входа, моряк говорит: «Дерзкая маска!» и со всего размаху посылает ей ногою сильнейшего шлепка, который очень звучно раздался по залу.

Мгновенно все в зале стихло и все взгляды обратились на эту маску. В ту самую минуту в дверях появляется другая высокая женщина в таком же точно костюме, как и дама, получившая шлепок. Более дерзкая, чем находчивая, первая дама, вместо того, чтобы поскорее вмешаться в толпу масок и затем подобру-поздорову убраться, сдернула с себя маску и закричала, задыхаясь от бешенства: «Дерзкий! Разве вы не знаете, кто я?» - «Ах, это вы! Простите меня великодушно, ваше превосходи-

тельство, я полагал, что это кухарка моего приятеля, известная всему городу. Я видел вчера на ней точь-в-точь такой же костюм, как и на вас. Если бы я знал, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволил бы себе того, что я сделал. Сообразите сами, мог ли я предполагать, что кто-либо из дам общества посмел меня схватить за воротник и толкнуть в грудь в публичном месте? Я предполагал, что только кухарка могла это сделать.

Да вот и она, - произнёс он, обратясь к той. - Прошу тебя снять маску». Кухарка сняла маску и продолжала довольно дерзко рассматривать важную даму. Важная барыня в сильном гневе пошла отыскивать своего мужа, чтобы пожаловаться на дерзкого офицера. Но муж, выслушав её, только пожал плечами и заметил: «Ты сама виновата во всем, вольно же быть тебе такою дерзкою? На месте офицера я сам сделал бы то же самое...»

Рассказывают, что этот губернский каратель нравов не чужд был странностей и в своей частной жизни. Оригинальным был дом, где жил этот моряк-проказник. Он помещался на окраине города, но каково удивление было

каждого подъезжавшего к нему увидеть вместо обыкновенного загородного дома - корабль! В самом деле здание имело вид корабля - виднелась чистая палуба, на лафетах лежали пушки, качались паруса, флаги, виднелась и мачта с целым лесом веревочных снастей. Внутренность тоже ничем не отличалась от настоящего корабля: каюты содержались в совершенной чистоте, вместо кроватей качались койки. Хозяина встречал старик-матрос в полной форме: хозяин привык жить на море, все обычаи морской жизни он перенес на сушу, не изменив ничего и на своем сухопутном корабле.

Большими странностями в Петербурге отличался известный книгопродавец И.Т. Ли[сенк]ов[187]. Он торговал более тридцати лет на Садовой, в доме Пажеского корпуса, а после того переселился в Гостиный двор, на верхнюю линию, которую в своих объявлениях называл бельэтажем и местом рандеву аристократов. Магазин Ли[сенк]ова, действительно, в свое время служил рандеву отечественных литераторов. Сюда сходились И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, А.Ф. Воейков, А.С. Пушкин.

кин, Ф.В. Булгарин, Б.М. Федоров, В.Г. Соколовский и многие другие. Иные из них, как, например, Гнедич, питали к нему даже дружбу, которую признательный книгопродавец нежно чувствовал. Так, ещё при своей жизни Ли[сенк]ов вырыл себе могилу в Невской лавре рядом с переводчиком «Илиады» и водрузил на ней весьма любопытный саркофаг с витиеватыми образцами стихов всевозможных поэтов, начиная с Державина, затем испестрил его нотными знаками и изукрасил разными аллегорическими изображениями.

Лисенков Иван Тимофеевич (1795-1881)

Ли[сенк]ов был одним из первых книгопродавцев, который прибегал к рекламам о своих изданиях: по его словам, Гомер и юноше, и мужу, и старцу дает столько, сколько кто может взять, а Александр Македонский всегда засыпал с «Илиадой», кладя её под изголовье.

Он издавал маленькие детские книги на отлично сатинированной веленевой бумаге форматом в визитную карточку, «полезные и

приятные для взрослых; домовитая хозяйка
найдет в них полезные советы, отец семей-
ства развлечение и нравственные правила

для своих детей» и т.д.

Особенно любил заходить к Ли[сенк]ову Пушкин. По рассказам первого, тот часто бывал у него, когда издавал свой «Современник»: ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в журнале. Иногда ему приходила охота острить в магазине над новыми сочинениями. Взявши книгу прозы, он быстро пробежал её, читая вслух одно лишь предисловие, и по окончании приговаривал, что он имеет о ней полное понятие. Стихотворные книги он просматривал ещё быстрее и забавнее, так что Ли[сенк]ов невольно хохотал, когда Пушкин, улыбаясь, читал только одни кончики рифм и, закрывая книгу, произносил: «а, бедные!»

Так как литераторы не все были достаточны, то Ли[сенк]ов одалживал им без процентов на короткое время, хотя время это тянулось иногда до конца их жизни. Так, по смерти Пушкина Ли[сенк]ов получил по акту 5 тысяч рублей от попечителя семейства его, графа Строганова, а многие счета Ли[сенк]ова остались недоплачены и поныне.

В последний раз Пушкин был у

Ли[сенк]ова за три дня до своей смерти, когда в магазине оставался более чем два часа, ведя довольно жаркий разговор с известным Б.М. Фёдоровым[188]. Это было последнее мимолетное их знакомство и окончилось через три дня навеки. Первый известил Ли[сенк]ова о смерти Пушкина Б.М. Федоров. При том же Ли[сенк]ове Л.В. Дубельт с другими лицами переложили тело покойного поэта со стола в гроб, и при нем же живописец стал писать с покойника портрет.

Ли[сенк]ов написал свои воспоминания, которые хранятся ненапечатанными у его сына[189]. Одинокий, весьма достаточный Ли[сенк]ов торговал по привычке и для препровождения времени до восьмидесяти лет своей жизни. Он не был скупым человеком, и много жертвовал на благотворения, не обидел он и Литературный фонд своими пожертвованиями. Ли[сенк]ов умер лет двадцать назад.

ГЛАВА XXII

Капельмейстер О.А. Козловский. Тайные кружки шутников: Общество любителей прогулки, Общество признательности, «Зелёной лампы» и т.д. Квакеры. Проказы Вакселя. Герой краснословия полковник Тобьев. Кулачный боец «Турка». Казак Зеленухин.

Большой уличной популярностью пользовался в первой четверти текущего столетия ходивший по рынкам и где только собирался народ старик невысокого роста, с худощавым, изрытым оспою лицом и белокурыми с проседью волосами. Это был известный капельмейстер О.А. Козловский[190], автор знаменитого полонеза с хорами, сочиненного на торжество, данное князем Потемкиным в честь императрицы Екатерины II в Таврическом дворце: «Гром победы раздавайся, веселися храбрый росс» и пр.

Слова эти сочинял Державин, и если про-

читать их далее, то в них найдутся пророческие места, как например: «Воды грозного Дуная уж в руках теперь у нас», поскольку «воды грозного Дуная» попали в наши руки уже только при императоре Николае Павловиче. Другой его полонез на слова того же Державина, написанный на коронавание Александра I - «Росскими летит странами на златых крылах молва», - не менее первого имел успех в петербургском обществе.

Известный полонез Огинского, про который существует легенда, что он сочинен несчастным, умершим от любви к высокой особе, современники предполагали написанным тоже не без участия Козловского, который жил в доме князя и учил музыке Михаила Огинского.

Козловский служил при Екатерине II капельмейстером императорских театров. Он отличался большими странностями: ходил в крестьянском тулупе, любил заходить в харчевни, кабаки, где прислушивался к народным песням. Его нередко встречали на площадях с гусями под мышкою в обществе полупьяных мужиков и деревенских баб, кото-

рых он заставлял петь свои песни прямо у возов и ларей продавцов. Другим любимым его занятием было рассказывать детям сказки - детей он любил до обожания.

Козловский написал много народных мелодий; известнейшие из них, на слова Нелединского-Мелецкого. Популярнейшая лакейская песня «Барыня» сочинена тоже им. В первый раз «Сударыня-барыня» была исполнена в 1827 г. театральным оркестром в одном из маскарадов. Мотив этой песни произвел необыкновенный восторг, долгое время был в большой моде и распевался во всех петербургских обществах. Козловский пользовался дружбою Державина, с которым вместе любил играть на гуслях. Большим приятелем его был Яблочкин, известный исполнитель русских песен и скрипач эрмитажной камерной музыки. Яблочкин был учеником знаменитого скрипача и балалаечника Хандошкина. Козловский умер в 1831 году в глубокой старости, в чине статского советника; происходил он родом из белорусских дворян и в молодости служил органистом в костеле св. Иоанна в Варшаве.

В двадцатых годах в столице было немало тайных кружков и обществ, имевших шуточный характер. К таким кружкам принадлежало Общество театралов, членами которого была военная молодежь. Общество это было прекрасно организовано, никаких отношений оно ни к драматическому, ни к хореографическому искусству не имело. Цель его была одна - ежедневно посещать театры и садиться на места, не платя за них денег. Иной такой член во все время спектакля только и делал, что перемещался с места на место. И когда уже свободных мест не хватало, то выходил из театра.

На это общество было обращено серьезное внимание Третьего отделения и члены его все переписаны. Затем было ещё «С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки». Предводителем гуляющих в нем числился известный в то время доктор Иван Ястребцов, церемониймейстером прогулок граф Соллогуб, советником общества П. Безобразов [191], цензором благочиния Василий Соц, а непременно секретарем Осипов. Члены общества имели очень красивые дипломы с ал-

легорическими изображениями времен года во всех углах красивой голубой рамки. Лорнет, висящий на черной ленте, служил знаком отличия почетного пешехода и считался знаком отличия от других пешеходов или собственно прохожих; его давали носить, наблюдая, впрочем, некоторые разделения. Так по статуту в буднично-рабочие дни прогулки лорнет мог быть и в движении, и в покое, по собственному усмотрению владельца; но в празднично-гулевые дни лорнет должен по установленным законам движения гулевой головы непрестанно мотаться перед глазами, и не прежде, как при возвращении домой, дозволялось спустить его на черной ленте рыцарского ордена, протянутой через плечо по камзолу, в карман, или оставить в виде триумфа на камзоле «в фигурном положении».

Надо предполагать, что «Общество любителей прогулки» возникло или на чисто гигиенической почве, или чтобы осмеять существовавшие тогда правила езды в экипажах. Вспомним, что в те годы пешеходной прогулке придавали мещанское значение. Все, что имело чин и дворянство, должно было ездить

в каретах по установленным ещё императрицей Екатериною отличиям - по рангам.

В описываемые годы ещё существовало другое «Общество друзей признательности», президентом которого числился известный впоследствии финансовый деятель А.М. Княжевич. Это общество носило тоже частный характер и было организовано в остроумно-шутливом тоне. Оно устраивало своим сочленам заседания с приличною трапезою, музыкой и пением.

Существовали также в те годы ещё и другие веселые общества, как, например, «Галеры» и «Зелёной лампы». Заседания последних двух, как надо думать, были чисто в анакреоническом вкусе, с веселыми женщинами и бурными возлияниями. Председателем «Галеры» был известный богач Всеволожский; в его доме, напротив Морского собора, и собирались веселые сочлены.

В александровское время в Петербург приезжали квакеры. Своим оригинальным костюмом, своими обрядами, несниманием шляпы перед людьми и другими нравственными особенностями они обращали на себя

внимание, имея вид больших чудаков. Квакеры в столице знакомились со всеми различными сферами русского общества. Они появлялись в школах, тюрьмах, в аристократических домах. Бывали у важных духовных лиц. Известны, например, их беседы с митрополитом Михаилом и епископом Филаретом, впоследствии московским митрополитом. В Петербурге квакеры жили по несколько месяцев. Все власти принимали их с почетом, а квакеры старательно отыскивали секты, в которых находили сходство со своими верованиями. Из русских сектантов особенно молоткане почувствовали к ним большое расположение, потому что в их религиозных понятиях квакеры нашли много общего со своими собственными.

Своими странностями на улицах столицы бросался в глаза Томас Шилитэ. Это был один из первых проповедников трезвости - маленький человек лет семидесяти, с живыми движениями, довольно оригинальной головой и лицом: выдающийся лоб, глубоко лежащие глаза с густыми бровями, крючковатый нос и сильно выдававшаяся нижняя че-

люсть показывали его решительность.

Нервность его темперамента доходила почти до помешательства. Он слышал голоса, говорившие его внутреннему чувству. Увидеть мышь стоило ему болезни. Он часто пугался из страха, чтобы чего-нибудь не испугаться. Рассказывали, что в течение нескольких недель он воображая себя чайником и очень боялся, чтобы люди, подходившие к нему близко, его не разбили. Он думал, что ему надо бежать бегом через мост, чтобы мост не сломался под его тяжестью. Один поразительный случай убийства так подействовал на его воображение, что он несколько недель скрывался, чтобы его не приняли за убийцу. Но в других случаях этот человек был неустрашимым, как герой; он не пил вина и питался одной растительной пищей. Концом его бесед в обществе было молчание в ожидании осенения Св. Духа, а после молитва.

В царствование императора Александра I в кругу военной молодежи славился своими остротами и уличными проказами Ваксель, офицер, служивший в конной артиллерии. Ваксель был лично известен императору. Он

знал хорошо военную службу, лихо ездил верхом, за что ему и спускалось много проказ. Не проходило дня, чтобы Ваксель не выкинул какой-нибудь штуки на улицах столицы.

Рассказывали, что однажды император, прогуливаясь верхом по городу, увидел большую толпу, стоявшую на Казанском мосту и на набережной канала. Народ с любопытством смотрел на воду и чего-то ждал. «Что там такое?» - опросил государь у одного из зевак. «Говорят, ваше величество, что под мост зашла кит-рыба», - отвечал легковерный зритель. «Верно, здесь Ваксель!» - сказал государь громко. «Здесь, ваше величество!» - воскликнул тот из толпы. «Это твоя штука?» - «Моя, ваше величество». - «Ступай же домой и не дурачься!» - промолвил государь, улыбаясь.

Рассказывают, что ещё в царствование императора Павла Петровича Ваксель побился об заклад, что на вахтпараде дернет за косу государя. Ему не хотели верить, но побились с ним ради шутки. В первый же вахт-парад Ваксель вышел из строя, быстро подбежал к императору и легонько дернул его за косу. Император обернулся. Ваксель снял шляпу и,

поклонившись, как требовала тогда форма, сказал тихо: «Коса лежала криво, и я дерзнул поправить, чтобы молодые офицеры не заметили». - «Спасибо, братец!» - сказал государь. И Ваксель с торжеством возвратился на свое место.

В тогдашнем высшем обществе сильно недолюбливали Наполеона. В это время французским чрезвычайным послом прибыл в Петербург бывший адъютант императора, любимец и доверенное его лицо, генерал Савари. Выбор этот был довольно неудачен. Савари был известен Александру Благословенному с Аустерлица: он приезжал к императору от Наполеона с предложением перемирия после битвы. Кроме того, Савари был известен как один из судей и главный виновник смерти принца Энгийенского, члена одной из древнейших европейских династий.

В кругу русской аристократии была сильная агитация против Савари, и его в высшем обществе принимали чрезвычайно холодно. Ваксель поклялся насолить Савари. Он нанял карету четверней у знаменитого тогда извозчика Шарова нарочно с тем, чтоб столкнуться

с каретой генерала Савари. Ваксель выехал, когда Савари возвращался из дворца, и, пустив лошадей во всю рысь, сцепился с каретой французского посла на Полицейском мосту. Одну карету надо было осадить. Посланник, высунувшись в окно, кричал Вакселю: «Faites reculer votr voiture!» - «C'est votr tour de reculer! En avant!»[192] - отвечал Ваксель, и генерал Савари, чтобы избежать несчастья, принужден был выйти из кареты и велел её осадить.

Ваксели были бедные смоленские дворяне. Родственник этого Ваксея был также замечательный человек: он при сметливом уме искусным межеванием составил себе несметное богатство. Этот ловкий землемежеватель прослыл в обществе под именем «Вольтера», при этом сам, шутя, говаривал: «Вот, добился же я чего-нибудь в свете! Меня все называют Вольтером, хотя я от роду не был грешен ни в одном стишке». По наивности он не догадывался, что его называют Вольтером по каламбурному значению vol-terre[193].

Не менее этого Ваксея в сороковых годах в Петербурге был известен Ваксель-охотник

[194]. Человек с превосходным образованием и начитанностью, он от природы был одарен острым умом, был знаток в живописи и отлично рисовал, хотя и левой рукой. В особенности он был замечательный карикатурист и, что ещё замечательнее, заглазно: по памяти его портреты-карикатуры выходили всегда удачнее, имели более сходства. Нарисует он какого-нибудь толстяка худым, чуть не скелетом, а худого - толстяком, и оба как вылитые. Меткие карикатуры Вакселя памятны и теперь, вероятно, многим старожилам.

У известного орловского помещика Н.В. Киреевского находился целый альбом карикатур, и очень будет жаль, если он утратился, как вещь, не имеющая никакой ценности в глазах наследников.

В описываемые годы были лгуны, которых теперь совестно называть лгунами. Речь их была увлекательна и не без сказочной поэзии. Пред ними раскрывались настежь двери аристократических салонов, около них теснился кружок внимательных слушателей. Эти лгуны у стариков носили название «Гамбургской газеты».

Обеды в старину у ресторатора Фельета, на Большой Морской, отличались большим многолюдством и оживлением; в числе постоянных посетителей было несколько лиц, отличавшихся своим красноречием, никому не обидным, а только каждому забавным. В ряду таких болтунов пользовался всеобщей известностью полковник Тобьев, старый служака времен очаковских. Его рассказы поражали необъятною хвастливостью - это был русский барон Мюнхгаузен.

Однажды за общим обедом речь зашла о Потемкине. «Вы знаете, я служил при нем адъютантом, - сказал Тобьев, - и скажу, не хвастаясь, я пользовался любовью князя более, чем кто-либо из его приближенных. Раз, в веселый час, князь просит меня ехать курьером в Тобольск; дело было очень серьезное и другим светлейший не мог его доверить. Князь лично дал мне наставление, и я думал уже откланяться его светлости, как Потемкин остановил меня вопросом: «Что, Тобьев, бывал ли ты когда-нибудь в Сибири?» Я отвечал, что не был. «Ну, рекомендую тебе, - промолвил Потемкин. - Сибирь - страна ред-

костей. Смотри же, исполни главное, что я тебе приказывал, и затем привези для меня из страны редкостей какую-нибудь диковинку, а теперь - прощай!»

Привезти для великолепного князя Тавриды, дивившего всех и уже не удивлявшегося ничему, согласитесь сами, вещь, право, не шуточная; однако ж я не терял надежды. По особому счастью, которое так частенько гонялось за мною, мне удалось окончить дело так успешно и скоро, как иному бы и во сне не приснилось. Я летел из Петербурга, как голубь, загнал за дорогу более ста лошадей, шесть троек положил на месте, - ну, словом, летел так, как никому не удавалось прежде и, конечно, никогда уже не удастся после меня. Вообразите: три тысячи верст я прокатил в шестеро суток. «Ну, Тобьев, молодец ты, удивил меня», - встретил меня этими словами Потемкин. Явился я к светлейшему весь в пыли, донес ему о деле; князь остался очень доволен. «Ну, недаром просил тебя привезти мне диковинку из Сибири, - диковинка теперь - ты сам!» - «Простите, ваша светлость, я не забыл и про диковинку для особы ва-

шей». - «Не забыл?» - сказал князь с рассеянным видом и, подойдя к окну, стал барабанивать по стеклу в задумчивости. «А, ты здесь ещё?» - спросил он, спустя несколько минут, оборотясь от окна. «Да». - «А где же твоя диковинка?» - «Со мною, ваша светлость». - «Что же я не вижу, или она уже так мала?» - «Извините, князь! Как раз на ваш рост». С этим словом я разжал правую руку и распахнул перед князем чудеснейшую соболью шубу. Разумеется, князь так и ахнул...» - «Как, неужели целая соболья шуба могла поместиться в вашем кулаке?» - сказали изумленные слушатели. «Ну, конечно! - отвечал полковник. - Чем же иначе мог я удивить Потемкина, как не такой диковинностью меха?»

Из таких же невероятных рассказов Тобьева вот и другой.

«Раз после обеда, выходя от Фельета, мне с приятелем захотелось побывать в театре. Дорогою к театру пошел проливной дождь; я отдал приятелю зонтик, а сам отказался. Дождь пошел ещё сильнее; приятель просит меня укрыться под зонтиком, я отказываюсь. Приходим к театру: у приятеля шляпа мокрая и

пальто тоже промокло, я же сух, на мне ни одной капли дождя. Представьте, я так ловко и искусно умел во всю дорогу отпарировать палкою каждую каплю, что решительно ни одна не упала на мое платье и шляпу. Тут только разгадал мой приятель, что значит свист, который всю дорогу гудел в его ушах. Вы догадываетесь, конечно, что он происходил от непомерной быстроты моей палки». Эти два рассказа, кажется, приписывали многим из наших вралей[195].

Лет пятьдесят тому назад по линиям Гостиного и Апраксина дворов бродил старик в красном замаранном кафтане охотника-доезжего. Этот обломок былой помещичьей жизни, несмотря на свои преклонные годы, владел феноменальной силой: он кулаком разбивал небольшое полено в мочалку, гнул и ломал подковы, свертывал в клубок кочергу и делал другие невероятные по силе штуки. Старик происхождением был пленный турок и долго жил доезжим в охоте известного самодура князя Грузинского.

Но главное художество этого «турка», как его звали, что он не позволял себя «с чистоты

снять», т.е. победить на кулачках.

В те годы кулачные бои у нас ещё процветали, старики-помещики и купцы любили эту жестокую охоту и нередко, собравшись где-нибудь за городом повеселиться, сводили своих бойцов для потехи и держали за них большие пари и заклады. Кулачный бой с незапамятных времен на Руси был любимой потехой. Охотники выходили против охотников, били друг друга кулаками в голову, в грудь, в живот. Бились до последнего истощения сил, нередко увечили один другого, иногда даже платили жизнью за потеху. Кто падал, того уже не били в силу закона кулачных бойцов - «лежачего не бьют». Кулачные бои происходили в известные дни. Обыкновенно время боев начиналось с зимнего Николы, т.е. с 6 декабря, и продолжалось до соборного воскресенья. Самый большой разгул был на масленицу. Летом бои не бывали.

В Петербурге кулачные бои, по свидетельству иностранцев, ещё в Петровское время происходили на Адмиралтейской площади. Лет сорок назад страшный кулачный бой был на берегах Невы зимой, на Малой Охте: здесь

дрались охтяне с крючниками Калашниковской пристани. Старожилы Петербурга, я думаю, ещё хорошо помнят эту потеху. На вызов к бою или на «затравку», как тогда говорили, высылали детей; те задевали детей противников. Любопытные собирались смотреть. После охотники являлись на защиту детей; тут-то и разыгрывалась молодецкая кровь. Избитые дети мало-помалу уходили, а между взрослыми начиналась свалка. В других городах на кулачные бои выходило селение против селения, одна часть города против другой, охотник против охотника, татары против русских, мещане против посадских и т.д. Прославившихся бойцов возили из города в город и вызывали против них охотников биться. Бойцы городские, привыкшие к ловкости, почти всегда брали верх над деревенскими; из городских славных бойцов были казанские, калужские и тульские.

Таких бойцов богатые купцы привозили зимою в Москву и в Петербург, и они держали бой с татарами, привозившими рыбу и икру. Слабые, но хитрые бойцы иногда закладывали в рукавицы камни, свинчатки, чугунные

бабки, чтобы удар был сильнее. Но таких, если ловили, то били уже не на живот, а на смерть.

Видов боев в старину было три: «один на один», «стенка на стенку» и «сцеплялка-свалка». Бойцы один на один считались выше других и никогда не ходили стенка на стенку. Лучшими из них считались в тридцатых годах тульские: Алеша Родимый, Никита Долговяз, братья Походкины, семейство Зубовых, Тереша Кункин - их с почётом развозили купцы по городам, называя «чудо-богатырями». Пить как можно больше вина считалось у них доблестью, а брать деньги в подарок - бесчестьем. Лучшими бойцами стенка на стенку славились казанские суконщики; всегдашними соперниками их были татары. В Херсоне суконщики дрались с евреями-караимами. В Туле известны бои оружейников с посадскими, в Костроме - дрян с сулянами на Молочной горе. Когда бились стенка на стенку, лучшие бойцы выдерживались в стороне с толпою зрителей, их называли почетным прозвищем «надёжа-боец». Их обязанность была поддержать своих, когда одолевали против-

ники.

Когда неприятели пробивали «стенку», «надёжа-боец» летел на подмогу с шапкою в зубах, бил кулаками на обе стороны и, пробив вражескую «стенку», возвращался при громких похвалах. Угощение в кабаке было неизменною наградою «надёжи-бойца». В «сцеплялке-свалке» противники шли врассыпную и тузились в толпе. Этот род боя употреблялся очень редко.

Замечательной уличной знаменитостью в Петербурге после Отечественной войны был донской казак Зеленухин[196]. Этого донца народ и общество просто носили на руках. Александр Зеленухин был очень типичный казак, 60-ти лет, с седою большою бородою, с Георгиевским крестом и многими медалями на груди. На службе он был более тридцати лет. Слава его начинается с посещения им Лондона, куда он был послан из Гамбурга к нашему посланнику графу Ливену. Англичане, предуведомленные о его приезде, ожидали на пристани в количестве нескольких тысяч человек, и лишь только он появился, как повсюду раздался восторженный крик: «ура,

казак!» Эти возгласы сопровождали его во все его пребывание в Лондоне, как только он показывался на улицах. Его наперерыв хватали за руку, лишь бы поздороваться с ним, давали ему разные подарки. От денег казак отказывался, говоря: «Наш батюшка царь наделил нас всем, мы ни в чём не нуждаемся, сами в состоянии помогать бедным. Спасибо за ласку вашу!» Эти слова Зеленухина были приведены в то же время во всех английских газетах, и никто после того не предлагал ему более денег. Зеленухин не принял от принца-регента даже тысячи фунтов стерлингов, тогда стоивших около 24 тысяч рублей на ассигнации.

Такой редкий пример бескорыстия привел в совершенное изумление всю английскую нацию. Принц-регент приказал сделать казачью военную сбрую на казачий образец, стальную пику, два пистолета, ружье, саблю, трость с выдвигающеюся зрительною трубою, лядунку, перевязь, вышитую серебром и проч. Все же собственное вооружение казака принц взял себе на сохранение, как достопамятность и воспоминание, что был некогда храбрый казак в Лондоне.

Витиченков Александр («Землянухин»)

Зеленухина возили в театр, где он сидел в парадной ложе между первыми сановниками; в антрактах спектакля восторженные овации ему не умолкали. Вся знать желала видеть у себя гостем казака, все пили за него и за здоровье русских воинов - «победителей злодея вселенной». Зеленухина возили в парламент, где лорд-канцлер говорил речь перед ним. «Посмотрите на старика, покрытого сединами, - вещал оратор, - забывая свои утомлённые летами силы он поспешил принести их на поле сражения и привел в трепет и ужас изверга Бонапарта. Не он один, но и многие старее его прилетели защищать свою землю, гробы своих праотцев, сражаться за Бога и царя. Последуйте геройскому примеру великого народа - и злодей исчезнет перед оружием всеобщего ополчения!»

Зеленухина в Лондоне заставили показывать все военные приемы донцов; триста конных гвардейцев были назначены в его распоряжение. На это зрелище съехалось несколько сот тысяч зрителей из всех городов Англии. Его учение привело всех в восторг, народ неистово кричал: «виват донское вой-

ско!». Зеленухина просто закидали подарками, женщины снимали с себя платки, шали и другие вещи, прося принять казака на память.

Некоторые из дам просили у него волос из бороды или с головы. По этому случаю было немало комичных сцен. Зеленухин в Петербурге рассказывал, что не имей он законной жены и будь немного моложе, его непременно женили бы. Все дамы досадовали, что он стар и женат и что предложение выйти за него замуж было бесполезно. Ему давали дом и землю в Лондоне и просили поселиться у них на житье, но все предложения Зеленухин отверг. Он отвечал всем, что хочет умереть у себя в хате, где его старуха и где протекает тихий Дон. После заграничной своей поездки Зеленухин вскоре был отпущен в отпуск и умер у себя на Дону.

ГЛАВА XXIII

«Немой барин». Откупщик М.А. К[усовник]ов. Малороссийский богач С.М. Ш[ир]ай. Уличные проказники и их шалости. Камердинер Матвей Иванович. Художник Ю.А. О[лешкев]ич.

К разряду более заметных былых петербургских чудаков, разгуливавших по Невскому и другим улицам, следует причислить одного знатного иностранца - мистера Рандольфа, посланника Северо-Американских штатов в первые годы царствования императора Николая I. Он был первый раз в Европе и всему удивлялся - все для него было ново. Рандольф рыскал пешком по улицам, вечно в одном фраке, в белом галстуке и ярко-зелёном жилете. Прочитывал надписи вывесок, заносил их в свою карманную записную книжку и все рассматривал со вниманием; он рыскал всюду, как полупомешанный. Про него между дипломатами ходило много анекдотов. Извозчи-

ки, которых он никогда не нанимал и на зывания которых не отвечал, прозвали его «немым барином».

Из таких же уличных оригиналов пользовался известностью в описываемые годы откупщик и крупнейший из петербургских домовладельцев, некто К[усовников]ов[197]. Огромнейшие дома его выходили на Дворцовую площадь, потом были куплены в казну и обращены в здание Главного штаба; их соединили через улицу аркою.

Другой большой дом его был на Невском, у Казанского моста - он его отдал в приданое за дочерью, вышедшей за В.В. Энгельгардта. К[усовник]ов был большой оригинал. Он служил в милиции в 1807 году и сохранил за собою право носить особый костюм, состоявший из кафтана о нашитыми украшениями и треугольной шляпы с большим зелёным пером. Но иногда богач разыгрывал сказочного Гарун аль-Рашида и ходил по улицам в нанковом длиннополом зипуне, подвязанном кушаком, и в лаптях. Любимым его занятием было заходить на пути в лавки и в магазины. «Эй, малый! - кричал он, входя в какую-ни-

будь колониальную лавку. - Подай мне бутылку шампанского!» Мальй с изумлением смотрел на бедно одетого прохожего и после минутного молчания замечал ему, что бутылка шампанского стоит три рубля. «Три рубля, - повторял незнакомец. - Это недорого, только хорошо ли оно?» - «Отличное», - отвечал сиделец. «Так подай две бутылки». Сиделец, ещё более изумленный, бежал к хозяину и рассказывал ему о требовании бедняка. «Подай шампанское, - говорил хозяин, - только приглядывай, чтоб он не ушел не заплативши». Мальй приносил шампанское, ставил на прилавок вино и становился у двери, не опуская глаз со странного посетителя. «Что ты на меня смотришь? - спрашивал незнакомец, улыбаясь. - Видно, тебе самому хочется выпить стаканчик. Принеси стакан, я попотчую тебя».

Мальй не приходил в себя от изумления и со страхом выпивал стакан, к крайнему удовольствию громко смеявшегося незнакомца. «Правда твоя, шампанское хорошо», - говорил незнакомец, вытаскивая из кармана кожаную рукавицу, из которой высыпал на прила-

вок целую кучу червонцев. Взяв два из них, он подавал малому в расплату за вино и приказывал остальные оставить себе на водку.

Пока слуга, не доверявший глазам своим, повертывал в руках червонцы, к дверям лавки подъезжал великолепный экипаж цугом, в который мнимый бедняк и сажился. Так любил потешаться богатый откупщик.

В другой раз, в одежде бедного мужика он входил в магазин ювелира, держа в руках лукошко с яйцами или бочонок с сельдями, и требовал какую-нибудь дорогостоящую бриллиантовую вещь.

Ювелир после долгих споров нехотя показывал требуемую вещь, недоверчиво оглядывая странного покупателя. Затем из витрины вынималась ещё более ценная вещь, и надо было видеть изумление бриллиантщика, что за неё тотчас же следовала расплата, не торгуясь, чистым золотом.

Обыкновенно же К[усовник]ов разгуливал по улицам Петербурга в своем ополченском мундире времен первой милиции. За ним по пятам ходил его выездной лакей с чулком в руках и усердно вязал. Иногда за ним следо-

вал конторщик с пером, чернильницей и счетами под мышкой: К[усовник]ов занимался по смерти казенными подрядами и откупами. Нередко где-нибудь на углу барин останавливался и конторщик записывал какой-нибудь расчет, пришедший откупщику в голову, и озабоченно щелкал костяшками по счетам, выводя итог будущего тысячного предприятия.

Редкий из петербургских жителей не знал этого добродушного, остроумного и приветливого человека - в свое время храброго воина и сердобольного гражданина, оставившего добрую по себе память в сердцах тех, которые имели к нему какое-либо отношение. К[усовник]ов любил правду и шутку; беседы, как на улицах, рынке и в лавках, так и в гостиных высшего общества, в коих он часто появлялся по своему положению, всегда оживлялись весельем и его любезностью.

В первой четверти текущего столетия на стогнах столицы часто попадался малороссийский богатый помещик по фамилии Ш[ир]ай[198], большой оригинал. Ходил он в холстинном сюртуке с анненской звездой, че-

ловек был очень умный, но большой кляузник. Он проживал в столице лишь для того, чтобы, бывая у своих высокопоставленных земляков, Троицкого и Кочубея, в смешном виде рассказывать о делах малороссийских губернаторов, которых он сильно недолюбливал. Его все страшно боялись: старик был очень зол на язык. При Екатерине он служил в почтовом ведомстве, затем был долго губернским полтавским предводителем. При императоре Павле I он добивался места малороссийского генерал-губернатора и подавал ему прошение, где рекомендовал себя человеком, хорошо знающим народ малороссийский. На это ему император ответил, что «достижение в империи высших почестей позволительно всякому, и желание ваше быть малороссийским генерал-губернатором похвально; но для сего мало одного вашего желания, необходима к этому и моя воля, а я вам её не соизволяю». Ш[ир]ай ходил по улицам всегда с большою свитой мелкопоместных дворян, которые у него исполняли разные домашние должности: один носил за ним трубку, другой кiset с табаком и т.д.

Он под конец своей жизни был переименован в генерал-майоры императором Александром I и после долго был предводителем, когда и давал роскошные балы и обеды, на которые являлся по обыкновению в холстинном или нанковом сюртуке с анненской звездой. Получение этой награды он захотел увековечить, и в родовой вотчине выстроил великолепный дворец, долженствовавший из рода в род свидетельствовать перед потомками о чести, которой некогда удостоился его строитель. Дворец сооружен был в форме анненского креста: в середине его - круглый зал, наподобие круга, имеющегося в середине анненского креста, а на куполе - изваяние св. Анны, соответствующее такому же изображению на кресте[199].

Неизвестно, умер ли почтенный кавалер в этом кавалерственном замке, хотя предание и говорит, что он скончался чуть ли не ста лет от роду. Но известно, что наследство его, странствуя по боковым и женским коленам, сопряженным с сим знатного рода умалением, попало, наконец, течением обстоятельств в руки новоявленного боярина от сахарной

коммерции.

Такова уж, видно, рука исторической Немезиды. Участь орденообразного замка вышла тоже довольно плачевна. Тронутый зубом всеокрушающего времени, замок оказался подлежащим ремонту на основании правил купеческой эстетики. Стоявшее на куполе изваяние св. Анны до того пришло в ветхость, что требовалось заменить его новым. Предприниматель обратился к одному киевскому зодчему, и тот за приличный гонорар водрузил сюда тройку лошадей, до которых новый владелец был большой охотник.

В двадцатых годах в Петербурге существовали кружки весельчаков и проказников, преимущественно из гвардейских офицеров, деятельность которых состояла в том, чтобы всячески потешаться над уличными зеваками. Общество было довольно хорошо организовано и имело даже свой ритуал вроде масонских лож. Заседания происходили попеременно у членов - сходки назначались на рынках и улицах, где, словом, было много народа. По большей части проказы их состояли из распускания разных невероятных слухов.

Чем нелепее был слух, тем скорее распространился он по городу.

Трудно перечислить все чудеса и создания их фантазии. Ходили эти шутники всегда попарно, нередко целым обществом, и, сочинив новость, разглашатели шли в разные концы города, останавливались на углах улиц, смотрели на дома и тем привлекали бездну зевак. Вот какие распространяли они слухи.

Например, в одной из глухих улиц Выборгской или Петербургской стороны лежит на мостовой человек в длиннополом сюртуке, видимо, из купцов или приказчиков.

Наши шалуны быстро кидаются к нему. «Боже мой! Какое несчастье! Мертвый!» - восклицает один. «Убитый!» - повторяет другой. В ту же минуту оба, со страхом и не оглядываясь по сторонам, пускаются бежать от трупа в разные стороны.

И через полчаса Петербургская и Выборгская стороны толкуют о том, что в такой-то улице найден труп купца П., известного миллионера, зарезанного - кем же? о, ужас! - чудовищем, родным племянником, которого он лишил наследства за его распутную жизнь.

Бесчеловечно обобрав все деньги у своего дяди, он забрался в его кассу. Пойманный на месте купцом, он без сожаления убил его и, снявши с пальцев несчастной жертвы все кольца и перстни и даже с груди крест, выбросил труп в окно, а сам бежал в Америку с женою покойника, своею родною теткою!

В то же время, в другом конце столицы, где-нибудь на Мещанской, Сенной или Коломне, про этот труп рассказывали совсем другую историю. Один молодой человек страстно любил одну красавицу Петербургской стороны, которая отвечала ему взаимностью. Но положение в свете любящих было разное, и людские предрассудки сильно восстали на них: она была знатна и богата, он бедняк и без всякого положения. Суровый отец велел дочери готовиться к браку с ненавистным ей стариком-графом. Накануне дня, назначенного для бракосочетания, несчастный юноша в последний раз явился к своей возлюбленной, чтобы поцеловать её, сказать ей навеки прости и броситься из пятого этажа, где была её комната, на каменную мостовую, для того, чтобы не видать больше своего

несчастия. Труп бедного юноши был утром найден под окном красавицы.

В руке безвременно погибшего несчастного был зажат медальон с портретом особы, имя которой лепетал он при последнем издыхании.

Но если бы в то время кто-нибудь пожелал узнать настоящую историю этого мнимого трупа, то объяснение он нашел бы в полицейском участке, или у него самого, когда он, после вытрезвления, отправился опять в тот же кабаk, близ которого был найден вестовщиками...

Бывали и другого сорта новости, фабрикованные этими шутниками. Так, однажды возле Измайловского моста, по Фонтанке плыла шляпа. Шляпа, как все шляпы - круглая, черная, не слишком новая, не слишком старая, шляпа плыла себе, да и только.

Казалось, кому до неё какое дело. Но зеваки любят смотреть на все, и толпы стали собираться на набережной смотреть на шляпу, толковать о ней и наблюдать, как она продолжает свой путь. На это дешевое зрелище подошли и наши проказники. Жильцы домов по

Фонтанке, увидев из окон стечение публики, посылали горничных и лакеев узнать, что такое случилось, и в разных частях города получали разные ответы, которые усердно рассказывали шутники.

Так, у Пантелеймоновского моста говорили, что шляпа эта принадлежала чиновнику, утопившемуся с горя, потому что ему не дали никакой награды, тогда как все, кто был ниже его чином и местом, получили по Станиславу.

У Симеоновского моста утонувший чиновник превратился в молодого коломенского поэта, бросившегося в Фонтанку оттого, что издатель одного журнала не хотел печатать его стихотворений.

Далее говорили, что погибший был не поэт, а купец, утопившийся с отчаяния, что ему не удалось взять подряд в казенное место. Уверяли также очень серьезно, что эта шляпа принадлежит какому-то волшебнику, и что она заколдована, потому что, как ни старались её поймать, она никак не давалась и ускользала из рук, и даже один слишком усердно погнавшийся за нею мужик поплатился жизнью - сам упал в воду и утонул. Да-

лее повествовали, что шляпа принадлежала упавшему по неосторожности и утонувшему шестнадцатилетнему мальчику, единственному сыну богатейших родителей; другие тут же уверяли, что мальчик погиб от безнадежной любви к одной жестокосердной и неумолимой актрисе.

Уверяли здесь же, что погибший был известный красавец-миллионер, на днях получивший ещё миллион в наследство, но прекративший самовольно жизнь свою, потому что проиграл этот миллион одному купцу, держателю трактиров и фруктовых лавок. Говорили также, что в шляпе зашито было 200000 рублей, и что её снесло ветром с головы скряги, переезжавшего на другую квартиру и опасавшегося, чтобы у него во время переезда не украли этих денег.

Далее, уже у Аничкина моста, за верное утверждали, что шляпа эта принадлежала девушке, переодевшейся в мужское платье, чтобы бежать со своим любовником, и уронившей шляпу по неловкости в Фонтанку, отчего волосы несчастной рассыпались по плечам, и она, узнанная преследовавшею её роднею,

была возвращена обратно в дом разгневанных родителей.

Затем у Обуховского и Измайловского моста шутники уверяли, что эта шляпа привязана за ниточку к руке одного англичанина, который вследствие крупного пари плывет под водой от самого Прачешного моста.

Нередко распускаемые этими проказниками слухи принимали колоссальные размеры. Петербургские старожилы помнили один такой случай, собравший несметные толпы народа к Казанскому собору по поводу ходившего слуха, что в собор будет привезен покойник с рогами и когтями, словом - верное подобие черта. Ходившие рассказы были так упорны, и народ шел в такой массе на это воображаемое зрелище, что никакие увещания полиции не помогли и потребовалось вмешательство пожарных команд, которые из труб поливали народ, чтобы очистить от зевак Казанскую площадь и Невский проспект.

Впоследствии тонкие политики уверяли, что этот нелепый слух был пущен самим Аракчеевым, чтобы отвлечь умы петербуржцев от царивших тогда в обществе рассказов

про убийство его любовницы Настасьи Минкиной.

Большую популярностью и страхом в описываемые годы, как на улицах Петербурга, так и по линиям Гостиного и Апраксина дворов, пользовался высокий старик, очень худой, в старинных очках, ходивший в фризовой шинели с большим ридикюлем в руках - и в какую бы лавку он ни входил и что бы ни брал, купец не решался просить за товар деньги: в былые, протекшие дни не одни его превосходительства пугали купцов своими громами. Судьба в те годы нередко зависела от лиц, отнюдь не высоко стоявших на лестнице общественной иерархии.

Так, описываемый старик, известный всем под именем Матвея Ивановича, был дворецкий или камердинер одного господина, столь же ветхого летами и столько нищего совестью, сколько богатого силой. Поэтому и Матвей Иванович был своего рода Зевс-громовержец. Место ли кому нужно, подряд ли, милость ли, какую награду - все валили к Матвею Ивановичу, и самое законное дело нередко покупалось у Матвея Ивановича.

Расположение Матвея Ивановича давало счастье, гнев его был страшен. Народная молва из Матвея Ивановича сделала миф. Начало своей карьеры, как уверяли тогда, он сделал тем, что был стеклоед, и за это художество полюбился своему барину. Возьмет, бывало, он рюмку, проглотит водку и в тот же миг рюмку в рот, погрызет её и съест всю без остатка.

Умирая, как говорили, Матвей Иванович оставил миллион; у него были дома и дачи в Петербурге.

В первой четверти текущего столетия в петербургском обществе был известен художник О[лешкеви]ч[200]. Это была замечательная личность: его благотворительность не слушалась никакого расчета, он всегда был без гроша, раздавая все бедным. Жил он один и небогато, его прислугой была только старуха-кухарка Фекла. Он не ел никогда мясной пищи и строго соблюдал правило индийских браминов не убивать никакой жизни - в этом последнем убеждении он доказывал, что если не мучить и не убивать животных, то они не станут причинять никакого вреда человеку.

На этом же основании он не выводил у се-

бя ни клопов, ни блох, ни тараканов, которые во множестве у него водились. Когда он ехал на извозчике, то не позволял гнать шибко и стегать лошадей. В этих случаях он всю дорогу читал извозчику проповедь о том, как он должен беречь свою лошадь и ласково с ней обращаться. «Ведь она тебя кормит, - говорил он, - а ты её бьёшь; она идет таким шагом, как ей следует идти, а ты заставляешь её бежать и запыхаться - зачем? Нехорошо, брат, плохо...»

*Олешкевич Юзеф (Иосиф) Антонович
(Иванович) (1777-1830)*

Он имел особое пристрастие к кошкам - они были его страстью. Штатных было у него двенадцать и немало сверхштатных. Ему подкидывали новорожденных котят; он их принимал и воспитывал. Когда же приемыши достигали положенного возраста, то он раздавал их по будкам, которые в то время составляли в Петербурге полицейские посты. Будочникам он давал приданого: за кошку десять, за кота пять рублей, потом обходил сам эти

посты или посылал свою кухарку наведываться о житье-бытье своих питомцев. Каждая кошка имела имя и отчество какой-либо

дамы или мужчины из близких друзей хозяйна.

Таким образом у будочников завелся обычай иметь при будке кошек. Жители Петербурга замечали их почти у каждой алебарды, но мало кому было известно происхождение этого обычая.

Его любовь к ближнему, милосердие и доброта доходили иногда до эксцентричности почти невероятной. Известен, например, следующий случай. Он имел очень дорогие часы Нортона и для него неоценимые, потому что они были подарены ему тогдашним военным губернатором графом Милорадовичем. Часы эти всегда лежали у него на столе. Раз один молодой человек, его знакомый, взял их, чтобы рассмотреть, затем ловко спустил их к себе в карман и ушел.

О[лешкеви]ч это видел, глубоко вздохнул и не сказал ничего воришке. Кухарка потом рассказала его знакомому; тот немедленно отправился на квартиру воришки, отобрал у него часы и принес владельцу, чему тот очень обрадовался. Когда же его упрекнули за непростительную снисходительность к похи-

тителю, он сказал: «Эх, господа, не будьте так строги, может быть он был вынужден крайностью».

Другой случай был ещё более характерен. Он пил кофе в кофейной, в комнате не было никого. Туда входит незнакомец и, обращаясь к нему, просит разменять двадцатипятирублевую бумажку, но сам не показывает её. Когда же О[лешкеви]ч достал мелкие ассигнации, незнакомец выхватил у него из рук пятирублевую бумажку и убежал. Художник за ним; догоняет дерзкого мошенника у самой будки и говорит ему: «Милостивый государь, вы, конечно, решились на этот поступок из последней крайности. Поскольку вам необходимы деньги, возьмите ещё десять рублей, на этот раз не могу дать более».

Когда впоследствии знакомые упрекали его за то, что он поощряет мошенников, то в ответ слышали: «Вы полагаете, что я поощряю дурных людей, ошибаетесь. Я уверен в том, что то, как я обошелся с ним, послужит к исправлению. Вряд ли лучше подействовал бы на него позор и наказание».

И в самом деле, не был ли он прав в этом?

Он был женат, но жена не жила с ним, хотя супруги были очень между собою дружны. Жена его осталась в доме одной знатной дамы, у которой была компаньонкой. Так было условлено при заключении брака. Он говорил, что женился для того, чтобы из невольницы, какою есть каждая девица, сделать свободную женщину.

Раз, только один раз, вышел он из своего характера снисходительной кротости. Это было на масленице. Проходя по площади Большого театра, где тогда строились балаганы, у одного из них он услышал странные, но слишком его сердцу близкие голоса. Какой-то приезжий итальянец завел у себя хор из кошек. Штук двадцать или более этих животных с подобранными по диапазону голосами составляли нечто вроде фортепиано: хвосты четвероногих музыкантов положены были под клавишами, а в них вделаны булавки. Когда маэстро играл на этих клавишах, то уколотые кошки издавали одна за другой «мяу», и из этих звуков составлялся некоторый гармонический ансамбль.

Он с ужасом выслушал этот концерт, побе-

жал к графу Милорадовичу с жалобой на такое варварство, и кошачий импресарио в тот же день был выслан из столицы, а его труппа выпущена на свободу. О[лешкеви]ч умер в 1830 г.; последние минуты его были трогательны. Толпа его друзей дежурила у его постели, а он со спокойствием ждал всеобщего «конца всякой плоти».

Несмотря на свои страдания, он много говорил, и речи его были назидательны. Перед самой смертью он распорядился всем оставшимся, и все вещи раздарил. Кошек распределил поименно между приятелями. Животные эти были очень привязаны к своему хозяину и, когда он скончался, поняв, что его не стало, наполнили дом жалобными воплями.

Похороны его представляли редкое зрелище: за убогим гробом, который несли на руках его знакомые, тянулась нескончаемая вереница экипажей; шло очень много пешеходов высшего общества, но самую трогательную часть печального шествия составляла толпа нищих в слезах.

ГЛАВА XXIV

Откупщик К[андалин]цев. Грек Зой Павлович. Любитель собачьей комедии. Чревовещатель А. Ваттемар. Старик Яша и его собака. Г-жа Рединг. Князь Тенишев и статский советник Троицкий.

Лет пятьдесят тому назад, с сентября месяца, весь фешенебельный Петербург предпринимал ежедневно загородные прогулки верхом. Туман, сырая осень в те годы считалось порою верховой езды, и все разъезжали по островам, обрамленным ещё яркою золотистою зеленью берез и лип, в джентльмен-рейтерских костюмах, в черных пальто, подбитых легкою байкой синих и жёлтых цветов клетками, с эластическими хлыстиками, в жокейских сапогах с жёлтыми лощеной

кожи отворотами. Всегдашними спутниками джентльменов были легкие английские борзые и огромные терневы.

В числе таких денди на англазированных скакунах, пронизывающих болотистые прибрежья Невы, был известный всему Петербургу как самый зажиточный из людей того времени винный откупщик К[андалин]цев. Придя в Петербург с рублем в кармане и с «родительским благословением», он сперва занялся торговлей зеленью, но вскоре умножил состояние поставками в казну мяса и хлеба, а затем взял на откуп одну из приволжских губерний. Дела его пошли настолько хорошо, что по прошествии десяти лет он держал уже три откупа, от которых имел более миллиона в год дохода. К[андалин]цев был оригинал большой руки: он одевался необыкновенно пышно и даже летом носил внакидку богатейшую шубу из редких камчатских розовых соболей ценою в двадцать тысяч. Пуговицы на его жилете были из бриллиантовых солитеров, а в день коронации императора Николая I он явился во фраке, пуговицы на котором были с музыкой. К[андалин]цев был

большой охотник до табакерок с мелодиями и имел таких более трехсот, т.е. на каждый день новую.

До меховых вещей он был страстный охотник, - вероятно, за их высокую стоимость. Один халат на меху из баргузинской темной белки стоил ему более тысячи рублей, а дорожная его шуба из чернобурых лисиц, собранная в течение двадцати лет знатоком пушного товара, обошлась ему свыше тридцати тысяч рублей, причем вес меха не превышал двух фунтов.

Наружностью К[андалин]цев был очень невзрачен - высокий, тучный блондин с весьма апатичным лицом, глаза его всегда были полузакрыты, как у спящего человека: он страдал параличом век. Проживал он по большей части в родном своем захолустном уездном городке и приезжал в Петербург только на время торгов в Сенате и по зимам.

Дом его на родине отличался необыкновенным устройством. Стены комнат были разрисованы картинами из жизни века маркизов, петиметров и фавориток Людовика XIV, карнизы высоких потолков были распи-

саны медальонами лучшими итальянскими художниками. За работу последним были заплачены баснословные деньги - свыше ста тысяч рублей, а чтобы любоваться картинами были сделаны золотые лестницы. Палаты этого откупщика были полны разными диковинками, всюду были потайные двери, богатые разноцветные карсельские лампы. Прислуга была вся в париках, преимущественно арапы, хотя по редкости настоящих негров, многие из слуг были только загримированы таковыми.

Мебель в его комнатах стояла тяжелая, покойная, по большей части золотая; нога утопала в густых роскошных коврах. Стоило гостю этого откупщика похвалить какую-нибудь из виденных им вещей, будь это хоть за границей или в Сибири, как немедленно туда посылался слуга за покупкой. Причуды его доходили до больших размеров, чем у великолепного князя Тавриды. Так, проживая в Петербурге, ему раз вздумалось попить чайку на воде из своего деревенского родника, и вот более чем за тысячу верст посылается приказчик для привоза таковой. Особенно он любил

угощать свыше меры, ловя встречного и поперечного, пока не истратит всех захваченных его артельщиком денег. Приезжал он в рестораны всегда в сопровождении последнего, у которого был в руках целый узел депозиток; артельщик и дежурил до конца пиршества своего хозяина, заседая скромно в углу зала, где шла баснословная по щедрости трапеза.

Любимыми местами таких лукулловских ужинов были «Hotel du Nord» в Офицерской улице и ресторан «Роше де Канкаль» у Николаевского моста, известного Борреля. «Таможенный квасок», как называли тогда шампанское вино, истреблялся десятками ящиков. Им поили не только всех слуг, но спаивали и извозчичьих лошадей, дожидавших гостей у крыльца. Кутеж его дошел до таких колоссальных размеров, что раз, выходя из ресторана в дождливую погоду, чтобы не промочить ног, он велел артельщику рассыпать депозитки по грязи, и ступая по ним, сел в карету.

Благодаря своей виннооткупной деятельности, откупщики загребали огромные капиталы. При Екатерине II, как видно из «Днев-

ника» Храповицкого, известными винными откупщиками не брезгали быть князь Юрий Долгоруков[201], Сергей Гагарин[202] и князь Куракин. Откупная система для всей империи утверждена была только в 1795 году, по проекту купца К[андалин]цева.

Откупщик того времени пользовался неограниченным правом делать все, что угодно. В великороссийских губерниях, где до этих пор по старине пробавлялись пивом и брагой, тогда явилась одна водка, и с ней вдруг появилось страшное пьянство, а в мире народных поверий возродился образ Ярилы, бога водки, русского Бахуса, и праздник Ярилы, почти забытый, разом появляется в губерниях Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской. В Петров пост, 30 мая, в последний день празднования Яриле, в Воронеже, на площади стояли бочки с вином, валялись пьяные. В это время является на площади епископ воронежский Тихон, начинает кротко поучать любимый им народ, народ его слушает, потом разбивает бочки с вином, и с тех пор праздник Ярилы в Воронеже навсегда

прекращается.

Но преосвященному Тихону подвиг этот даром не прошел. Всесильные откупщики донесли, что он смущает народ, учит его не пить водки и тем подрывает казенный интерес. Вследствие этого доноса святитель должен был отправиться на покой.

Уничтожение откупа составляет лучшую страницу из царствования императора Александра II. 1 января 1863 года открыла свои действия новая акцизная система, и дешевая водка, столь для народа необходимая, стала его достоянием. Народ, как гласили тогда газеты, собравшись пред домом одного откупщика, пропел ему анафему; в другом городе, на святках, кто-то ходил по трактирам, замаскировавшись в надгробный памятник откупу. Ходящий памятник представлял большой четырехгранный столб, широкий снизу, узкий кверху; по сторонам его были написаны приличные эпитафии, оплакивающие откуп. Явились и лубочные картинки - похороны откупа и т.д.

Откупщики делались в самое короткое время известными миллионерами. Из числа

таких богатейших лиц были Лукин, Шемякин, Кандалинцев, Походяшин, Рюмин, Логинов. Последний устроил однажды народный праздник, на котором излишком оставшейся у него водки перепоил народ допьяна так, что несколько человек замерзло, причем полиция, как тогда уверяли, подобрала до 400 тел.

Логинов данный им народный праздник считал как сделанным им пожертвованием. Откупщики, наживаясь от народа, вместе с тем расстраивали казну. Так, на одном Логинове недочет простирался до двух миллионов рублей.

Последними богатыми откупщиками были Бенардаки, Кокорев, Каншин. По большей части, все такие откупщики обыкновенно забывали разумные осторожные расчеты, задавались большими предприятиями, в конце концов лопались и обращались в таких же бедняков, какими они были до своей первой разжиги.

С уничтожением откупов, за откупщиками осталось недоимок свыше 50 миллионов рублей.

В смеси народностей, составляющих насе-

ление Петербурга в описываемые нами времена, немало встречалось на улицах в нарядах древнеэллинического королевства. В ряду таких личностей, ходивших в фустанелах и красной феске, часто попадался на людных улицах столицы низенький старичок, всеобщий знакомец, известный под именем Зоя Павлыча[203]. Это был выходец из угнетенной Греции, очень зажиточный уроженец Янины, страстный ревнитель древней славы Эллады и истинный покровитель классического образования. Едва ли было какое-либо благотворительное или ученое предприятие, особенно касавшееся его соотечественников, в котором бы он не принимал деятельного участия. Зой Павлыч был собиратель разных редкостей, его кабинет открыт был для всех, его посещали ученые, путешественники, он охотно всем показывал свои богатые собрания редких рукописей, монет и медалей, драгоценных камней и особенно свою «Пелегрина», составлявшую его гордость и отраду. «Пелегрина» была высокой красоты жемчужина, весом около 28 карат и совершенно круглая; от блеска и высокого глянца она казалась

прозрачною. Жемчужина была куплена им в Ливорно у капитана одного купеческого корабля. Зой Павлыч хранил её в трёх коробочках, одна в другую вложенных, и с торжеством показывал её любопытным на листе белой бумаги.

Эту жемчужину в конце концов похитил один его же соотечественник-грек, явясь переодетым в мундир адъютанта генерал-губернатора. Похититель был вскоре найден, но жемчужину он успел попортить. Это так поразило Зоя Павлыча, что он вскоре с горя умер. Все редкости и драгоценности по предсмертному его желанию были отправлены в Афины для основания там греческого музея.

В конце сороковых годов в Летнем саду бросалась в глаза гуляющих стройная фигура, видимо, молодого мужчины, постоянно одетого в глубокий траур, с обшитыми по кантам сюртука плерезами, а на рукавах и шляпе с черной повязкой. Но всего примечательнее в наряде этого господина было то, что лицо его всегда было скрыто под черной плотной маской. Много ходило тогда толков в обществе об этом таинственном незнакомце, приезжав-

шем всегда в карете в сопровождении одного старика-слуги. По рассказам, судьба этого незнакомца была очень трогательная. Несчастье постигло в день его свадьбы на нежно обожаемой им особе.

После свадебного пира, когда гости уже разъехались и он находился в своем кабинете, вдруг ему слышится запах дыма. В ужасе он кидается на половину жены, и тут видит, что весь дом уже объят пламенем. С трудом он пробирается к ней, схватывает её и уносит сквозь пламень, но у выхода силы его оставляют и он вместе с женою падает без чувств. Пока сбежался народ и приехали пожарные, дом уже был весь в огне. Несчастных супругов нашли обгорелыми. Молодая жена его была без признаков жизни, а он лежал с лицом, не имевшим уже подобия человеческого. Три дня он был без чувств и уже делали приготовления к его погребению; желая похоронить его с женой, не засыпали могилы последней. Но доктора возвратили его к страдальческой жизни. И вот с тех пор лица его, кроме слуги, никто уже не видел.

В числе лиц, обрекших себя на уличное

шутовство и гаерство, был известен отставной чиновник, крайне невзрачной наружности, с золотушными шрамами на лице, ходивший по рынкам и улицам всегда со свитой собак-ублюдков, одетых в костюмы. Одна была в зелёном фраке, жёлтых штанах и красном жилете, другая в обтянутом пестром кафтане и синих штанах, третья в каком-то бурнусе с колпачком, в шапочке с разноцветными перьями, четвертая - в фижмах, роброне и парике с тупеем, пятая - в дамском капоте и шляпке, какие носили в сороковых годах.

Все эти костюмированные собаки носили имена современных франтов и франтих, известных в тогдашнем обществе. Появление этого полупомешанного чиновника со своей свитой возбуждало всеобщий хохот. Толпа мальчишек бегала за ним; кто угощал собак сахаром, кто давал пряник, сухарь и т.д.

Большую популярностью в описываемые года на улицах и рынках пользовался ещё бродячий фокусник Апфельбаум, упоминаемый Гоголем в одной из его повестей. Апфельбаум видом был очень приличен, ходил он во фраке, с большим жабо. В руках у него всегда

была палочка из слоновой кости, которая и помогала при его манипуляциях.

Он ловко вынимал у извозчиков из носа картофель, ломал у пирожника пироги, в которых находил червонцы, сковывал висячим замком рот какого-нибудь ротозея, выпускал из рукава голубей, морских свинок и т.д. Апфельбаум все это проделывал даром, видимо, только ради одной рекламы.

Ваттемар Александр (1790-1864)

Ходил и другой такой же ловкий фокусник, высокий старик-итальянец с серьгой в ухе. Это был пленный итальянский офицер, пришедший в Россию с Наполеоном в двенадцатом году. Последний, помимо фокуснических штук, чинил зонтики, делал курительную смолку и продавал замечательный по целебным свойствам пластырь от мозолей. За рецепт этого пластыря известный придворный доктор Арендт предлагал ему более пяти-сот рублей, но итальянец не хотел открыть его и за большую цену. Много чудесного тогда в народе рассказывали и про одного наезжав-

шего в Петербург иностранца, француза-чре-
вовещателя Александра Ваттемара[204]. Про
него говорили, что он раз довел будочника,

стоявшего на часах у будки, до того, что тот стал ломать будку алебардой, полагая, что в углу постройки скрывается нечистый.

В другой раз он довел бабу, несшую в охапке дрова, до полного отчаяния, разговаривая с нею из каждого полена.

Этот чревовещатель обладал редкостной коллекцией рисунков и автографов различных знаменитостей. В числе многих раритетов, в ней находились рисунки русских императоров. В коллекции автографов было тоже значительное число русских знаменитостей, между которыми особенно интересны две строчки на французском языке в его альбоме, выражающие удивление великого поэта к редкому подражательному таланту знаменитого чревовещателя:

*«Votre nom est legion,
Car vous etes plusieurs» [205]*

с подписью А. Пушкина и датой: St.-Pet. 16 juni 1834.

В те годы на улицах Петербурга можно было встретить и другого иностранца в старом мундире итальянского моряка, невысокого

роста старичка с развевающимися седыми волосами, с доброю улыбкою на устах. Под мышкою у него вечно находился портфель с разноцветною бумагой и акварельными красками. Бедняга снискивал себе пропитание, за мелкую монету очень художественно вырезая модные в те годы силуэты со всякого, а также делая виньетки на бумаге для поздравительных писем и поминальных книжек. Рассказывали, что этот бедняк - обнищавший эмигрант, граф или виконт. В числе таких же уличных лиц и знаменитостей мостовой был известен всем петербуржцам стоявший на тротуаре Невского проспекта под навесом кожаного фартука с походною лавочкою трубок, ножей, ножниц, зубочисток и зонтиков горбун Даниэль Тиайнен. Сколько необычных лиц Невского сменилось перед ним. Сколько богачей, известностей, героев прошло мимо него! Сложив руки, смотрел он из-под длинного козырька на проходящих по проспекту или читал газету. Говорят, что этот горбун был не прочь от ручного залога.

Петербургским старожилам был известен и другой такой уличный торговец, который

тоже видел не одно сменившееся поколение. Это был старик с седыми бакенбардами, под именем Яши известный таким лицам, как Крамзину, Сперанскому, Крылову, Пушкину и Грибоедову.

Более полувека сидел он на скамейке по Зеркальной линии в Гостином дворе против Публичной библиотеки и торговал мягкими, как бархат, мелками для карт и светильнями для лампад. Он помнил, когда игра в карты была допущена в маскарадах, а в Большом театре была «горница для карт». Карты в то время выписывались из-за границы и стоили два рубля дюжина.

Впоследствии карты были отданы на откуп, а цена на них возвысилась из-за сбора за их клеймение, установленное в пользу Воспитательного дома. В первое время Александровская мануфактура делала по 14000 колод ежедневно, но, несмотря на это, не могла удовлетворить требованиям тогдашнего общества, и карты распродавались каждый раз без всякого остатка.

Этот же продавец карточных мелков был известен вместе со своим отцом как хороший

дрессировщик собак. Когда в начале 50-х годов в театре-цирке была возобновлена драма «Обриева собака», белый одноглазый пудель Яши очень эффектно разыгрывал свою роль. Собака в этой драме отыскивает могилу своего барина, разрывает её и бежит к знакомой барину старушке - известить её о случившемся несчастье. Старушка, ничего не понимая, выходит с фонарем и ставит его на пол; собака лает и тащит её за платье за собой. Наконец собака хватается поставленный на пол фонарь и бежит за сцену, старушка следует за собакой. Но самая эффектная сцена была в последнем акте, когда собака узнает убийцу и бросается на него. За каждое представление собака получала поспектакльную плату. Вся же суть была в колбасе, которой дразнили голодную собаку.

В начале же 50-х годов уличную знаменитостью был и мужичок-волшебник, родом москвич, обыкновенно дававший представления на каком-нибудь многолюдном дворе под открытым небом. Это был укротитель змей, совсем в роде индийского факира. Представление начиналось тем, что укротитель при-

творялся пьяным, вынимал из-за пазухи довольно большой клубок и бросал его на землю. По его слову, клубок развертывался в две змеи, длиною по аршину. Укротитель шел к ним и приказывал им ползти за собою. Змеи извивались по земле, поднимали головы, высовывали языки и сверкали глазами. Затем он брал одну из змей головою в рот, а остальную часть её тела обвивает вокруг своей шеи, потом проделывал то же самое с другой из них. Восклицаниям и аханью не было конца, а медные деньги так и сыпались в карман кудесника.

В числе столичных фланеров, все поступки и жизнь которых в высшей степени были странны, в 50-х годах замечалась одна бедная женщина, г-жа Рединг. Она зимой и летом ходила босиком и в чепце, спереди которого был пристегнут шифр в виде эмблемы - веры, надежды и любви. О ней знали только то, что она была когда-то богата и хороша собою, а в крайнюю бедность впала вследствие какого-то тяжелого несчастья.

В числе лиц, отвергавших совсем головной убор и обувь, в описываемое время на улицах

Петербурга, как нам сообщал один из старожиллов, были известны: князь Те[ниш]ев[206] и действительный статский советник Троицкий.

В николаевское время на улицах столицы встречалось много азиатских народностей, поражавших петербуржцев своими костюмами. Среди них выделялись хан Нахичеванский, хан Карабахский и шамхал Тарковский. Особенно пользовался популярностью второй хан, очень красивый, высокого роста мужчина в своем колоритном национальном наряде с неизбежной бараньей шапкой и с большой, окруженной крупными бриллиантами, золотой медалью на шее.

Этот хан был большой охотник до карт, и его крупная пожизненная пенсия почти целиком расходилась по карманам шулеров. Что же касается до шамхала Тарковского, то он был генерал-лейтенантом российской службы, видом был очень толст и неуклюж и возраста весьма почтенного. Он был типичным образцом полудикого кавказского властелина. Его всегда сопровождала многочисленная толпа слуг, с которыми он распоряжался по-

свойски, отрезая уши и носы за небольшие проступки. Благодаря таким расправам, в сильные июльские жары он умер в плотно закрытой карете, в которой лежал в подушках. Не любившие его служители устроили ему такую кончину от апоплексии по дороге во время его следования в Дагестан.

В сороковых годах на петербургских улицах ещё встречалось несколько военных времен Екатерины II в своих характерных кафтанах, с тростями в руках. Попадался один ветеран в елисаветинском мундире светло-зелёного цвета с красными отворотами и золотым галуном, в треугольной шляпе с коротким белым султаном: это был столетний старик майор Щегловский[207].

ГЛАВА XXV

**Феноменальные силачи Д-в и К-ин.
Балетоман Ч-ев. Граф С.П. Потемкин.
Театрал С.М. Каменский. Оригинал
В[илин]ский. Путешественник К-о.
Идилик-учитель.**

Между знаменитыми русскими силачами был известен небогатый помещик П.Л. Д-в. Это был восьмидесятилетний старик высокого роста, белый, как лунь, и необыкновенно крепкого сложения. Ходил он всегда, зимою и летом, в одном синем, довольно длинном сюртуке с палкою в руках, на которую иногда садился верхом и скакал, а иногда махал ею в воздухе как саблей. Он был крепок и здоров, как самый крепкий юноша, и никто не помнит, чтобы он когда-нибудь болел. Он не чувствовал слабости и усталости в ногах, у него ещё скрипели кулаки, когда он их сжимал. Не было силача, который мог бы с ним сладить. Он сам говорил, что сила у него непомерная, и при этом показывал огромность своих креп-

ких кулаков и наслаждался их скрипением. Он только надевал рукавицы и подвязывал платком уши. Однако ж не любил этих рукавиц и платка, и если надевал их при ком-нибудь, то всегда с горечью замечал: «Вот уж и я, батюшка, старею, рукавицы надо надевать».

В молодости он служил в армии Потемкина и Суворова в гусарах и был во многих походах и сражениях. Из его рассказов памятен один о страшном турке, тоже силаче. Это было на Кинбурнской косе; при этом он вспоминал слова солдатской песни: «Наша Кинбурнска коса наделала чудеса!» Вот что рассказывал богатырь.

Во время одной схватки в плен был взят необыкновенной силы турок, который содержался потом при нашей армии, хвастался своей силой и вызывал русских на единоборство. Многие отваживались с ним биться, но никто не мог его одолеть. Иных он даже изувечил, и некоторое время единоборство с ним было запрещено. Вдруг о турке узнает командир того полка, где служил богатырь Д-в. Послали за ним. Он находился в нескольких верстах от главной квартиры, где содержался ту-

рок. Д-в чрезвычайно обрадовался случаю показать свою силу и немедленно отправился в путь с тем провожатым, которого за ним послали. На дороге им случилось брести водою целых восемь верст. По приходе Д-ва ввели в подземный зал, весь увешанный коврами с турецкими диванами по стенам. На полу были тоже ковры. Собрались зрители, состоявшие из главных начальников войск, и был приведен турок. Д-в признавался, что турок ему показался очень страшным. Он был необыкновенно огромен и широк. Но Д-в, никем ещё не побежденный, надеялся на себя крепко и стал читать суворовскую молитву, которую он читал во всех случаях жизни и которой, как он говорил, научил их сам батюшка-Суворов. Бойцам велели раздеться донага и потом подали им два богатые турецкие платка, которые они тут же повязали себе на шею. Потом, взяв друг друга левой рукой за платок под горлом, стали ходить. Д-в был предуведомлен, что турок бьется обыкновенно головой в грудь и потому заметив, что платок у него повязан на шее свободно (чтобы при ударе головой было свободнее рвануться

вперед), остановился и потребовал, чтобы платок у турка перевязали несколько туже. Платок перевязали и они, схватившись снова, начали ходить. Турок много раз покушался ударить Д-ва головою в грудь, но никак не мог сломить его руку. Бой продолжался долго, самым ожесточенным образом. Наконец турок был побежден.

Вскоре после этого подвига, при первой схватке с неприятелем Д-в был произведен в корнеты и потом вышел в отставку.

Он жил то у одного, то у другого знакомого, а летом и просто где-нибудь в поле или в лесу. Он обладал ещё одной странной способностью - умел укрощать всякую злую и неизвестную ему собаку, и не было примера, чтобы собаки его кусали. Когда его спрашивали, как он это делает, он обыкновенно отвечал: «Я, батюшка, суворовскую молитву читаю!»

К таким же феноменальным силачам принадлежал Ал. Ст. К-ин, орловский дворянин; росту он был два аршина и 13 вершков, толщины необъятной. Он служил при Екатерине II в кавалергардах, а затем в Гатчине у Павла Петровича. Сила у него была колоссальная:

он крестился пятипудовыми гирями, поднимал одной рукою двенадцать пудов, играл в мячики пятипудовыми гирями, разрывал канат в два дюйма толщины, сгибал и разгибал широкую железную полосу, поднимал более 20 пудов.

При вступлении императора Павла I на престол, государь, лично знавший и любивший К-ина, спросил, куда он хочет быть назначен. К-ин отвечал, что он по тяжести своей в кавалерии служить не способен, потому что никакая лошадь его не выдержит, а в пехоте потому, что не может ходить в строю, поэтому он просил у царя службы гражданской на родине. Император приказал его произвести в коллежские асессоры с назначением в Орел городничим. Предание гласит, что он имел право писать государю лично, и даже получал ответы.

К-ин, служа городничим, на всех наводил такой страх, что им пугали матери детей, а продавцы на базаре бегали от возов, только бы не попадаться богатырю-городничему, в гневе бывавшем неумолимым, зная, что его проделки всегда сходили ему с рук. Сила этого

городничего была чисто сказочная. В досаде он поднимал купцов за бороды выше своей головы и перебрасывал через забор; лошадь убивал кулаком с одного раза. Одного мещанина, в чём-то провинившегося, городничий не хотел ударить рукою, а толкнул пальцем в бок и переломил ему ребро. Однажды он остановил за рога бешеного быка и держал его до тех пор, пока подоспевшие люди не спутали его ног.

В двадцатых годах в Петербурге в числе проказников был некто Ч-ев. Он был предводителем тогдашних балетоманов, делал репетиции аплодисментов и вызовов и отряжал в раек наемных хлопальщиков, где по установленному знаку они должны были дружно вызывать артистов. По поводу таких вызовов нередко происходили и ошибки. Раз в каком-то спектакле пред появлением известной балерины на сцене показалась незначительная танцовщица. В эту самую минуту Ч-ев по рассеянности выдернул из кармана платок, хлопальщики приняли это за сигнал и произвели такой оглушительный прием, что бедная танцовщица смущена была до крайности

и в недоумении скрылась за кулисы.

У Ч-ева были проказы ещё забавнее. Театральные кареты, возившие воспитанниц для кордебалета из школы в театр, находились тогда в самом жалком виде, они тянулись всегда на тощих, сутками не кормленных клячах одна за другою. Этот проказник пред разездом из театра имел обыкновение раздавать на водку кучерам, возившим эти кареты, чтобы они слушали на пути его команду, и забавлялся тем, что проезжая на резвой своей паре в дрожках мимо целой вереницы карет, кричал: «Стой, равняйся!» и по команде его все кареты и фургоны оставались неподвижными.

Не раз он появлялся и на сцене в одежде какого-нибудь пейзажа в дивертисментах, переодетый так, что сразу его было очень трудно узнать. Мистификатора узнавали только по дружному хохоту его товарищей, и потом начальство долго разыскивало, как он мог туда проникнуть.

В описываемые нами годы в лучшем петербургском обществе было много людей, которые в закулисных делах актрис принимали

самое горячее участие. Известно несколько случаев, когда публика нелюбимых актрис встречала в неподходящих для них ролях самым дружным шиканьем и не давала им сказать ни одного слова, приводя полицию и театральное начальство в недоумение. За такие проделки театралы часто платились арестами и даже высылкой из столицы, как это было с известным Катениным[208], высланным графом Милорадовичем в его костромское имение.

В Москве раз театральный скандал дошел до того, что вышло приказание из Петербурга арестовать таких зачинщиков и рассадить - военных или отставных по гауптвахтам, а статских по съезжим домам. В числе временных жильцов съезжей был известный всему Петербургу богатый граф С.П. Потемкин, внучатный племянник светлейшего Потемкина-Таврического[209]. Этот театрал перенес весь свой дом на одну из таких съезжих, всю свою роскошную обстановку - и там задавал самые лакомые и веселые обеды.

В своем заточении граф пробыл с неделю, и когда узнику была объявлена свобода, тот-

час же покинул белокаменную и переехал навсегда в Петербург. Петербургские старожилы помнят хорошо ещё сановитую фигуру графа. Лет сорок тому назад Потемкина можно было каждый день встретить в первом ряду кресел Александринского театра. Это был оригинал, каких не много, рожденный с наклонностями ко всему изящному и прекрасному. Он был тонкий ценитель драматического искусства, стихов, музыки и архитектуры. Он любил драму, комедию, балет и оперу и везде был полезен справедливостью и основательностью своих приговоров. Тогдашний директор императорских театров Гедеонов[210] высоко ценил его мнения и очень часто обращался к нему за советами. Все артисты знали его, уважали его суждения и часто собирались к нему, встречая самый радушный прием.

Граф начал свою службу в Преображенском полку. В Тильзите он стоял в почетном карауле у Наполеона, который, узнав его фамилию, вступил с ним в разговор вопросом: «Vous etes, n'est ce pas, le neveuex du celebre Prince de la Tauride?»[211] и потом расспрашивал его о службе, родных и проч. Граф Потем-

кин был петербургским старожилом, он вышел в отставку в 1820 году. С молодых лет он вращался в литературном кругу, перевел стихами известную «Гофолию», которая с успехом давалась долго на сцене, хотя и не была напечатана. Он издал свои стихотворения «И мои мечтания» и написал несколько остроумных театральных пьес. Одна из них, «Последняя песнь Лебедя», была сочинена им в 1853 году, для прощального бенефиса Веры Васильевны Самойловой.

Артистическая изящная натура его делала графа бесспорно замечательным лицом в нашем обществе. Вместе с графом Потемкиным, как кажется, умерло предание о старинном хлебосольстве, которым так прежде славились наши богачи. Граф жил на Невском в небольшом каменном доме напротив Аничкина дворца, на месте которого теперь воздвигнут банковский частный дом.

Граф обладал многими и другими добрыми качествами. Кто знал его, тот никогда не забудет его приятного ума, любезности, привлекательной простоты в обращении, великодушия, готовности услужить, наконец, так

сказать младенческой беззлобности, того непоколебимого добродушия, которые немногим счастливым удастся сохранить до старости.

Из известных чудаков-театралов был неподражаем граф С.М. Каменский, сын фельдмаршала[212]. Проживал он в Орле в большом деревянном доме или лучше в нескольких больших постройках к дому, занимавших почти целый квартал. После своего отца он наследовал до семи тысяч душ крестьян, но до того разоренных, что граф нуждался даже в сотне рублей. В большом доме его, как внутри, так и снаружи, царствовала неопишуемая грязь и нечистота. Более чем в половине окон торчали какие-то тряпки и подушки, заменяя стекла, лестницы и крыльца были без одной, а то и без двух и более ступеней, без балясинок, перила валялись на земле, одним словом - беспорядок страшный. В этих комнатах, более похожих на сарай, помещался сам граф и с ним четыреста человек прислуги и театр.

Каменский Сергей Михайлович (1772-1834)

Он проживал в Орле на широкую ногу, стараясь подражать старинным вельможам. У него всегда был накрыт стол на пятьдесят персон. К столу мог приходиться всякий порядочно одетый человек, совершенно незнако-

мый хозяину. Стол был обильный, вин много, прислуги при столе толпилось очень много, но больше ссорившейся и ругавшейся громко между собой, чем служившей. Сервирован стол был очень грязно, скатерти немытые, в пятнах, потертые, порванные и залитые, салфетки тоже; стаканы и рюмки разных фасонов: одни - граненые, другие - гладкие, некоторые с отбитыми краями; ножи и вилки - тупые, нечищенные.

Сам хозяин за обедом занимал гостей рассказами о своем театре и о талантах своих крепостных артистов. Когда било пять часов, с последним боем граф, невзирая на гостей, вставал со своего места, просил извинения и бегом отправлялся за кулисы, подготавливая сам все к спектаклю, который начинался в шесть с половиной часов.

Актеры у него все были его крепостные люди, причем некоторые куплены за большие деньги. Так за актёра Кривченкова с женою и шестилетнею дочкою, которая танцевала модный тогда «тампет», им была уступлена деревня в 250 душ. Музыкантов у него было два хора, роговой и инструментальный,

каждый человек в сорок. Все они были одеты в форменную военную одежду. У него и вся дворня жила на солдатском положении, получала паек и ходила к общему столу: собирались и расходились по барабану с валторной, и за столом никто не смел есть сидя, а непременно стоя, по замечанию Каменского, «что так будешь есть досыта, а не до бесчувствия».

Пьесы в его театре беспрестанно менялись, и с каждой новой пьесой являлись новые костюмы. В театре графа была устроена особая ложа, а к ней примыкала галерея, где сидели так называемые пансионерки, будущие актрисы и танцовщицы - для них было обязательно посещение спектаклей. Нередко граф требовал от них повторения какого-нибудь слышанного ими накануне монолога или протанцевать вчерашнее па.

В ложе перед хозяином театра лежала на столе книга, куда он собственноручно вписывал замеченные им на сцене ошибки или упущения, а сзади на стене висело несколько плеток, и после всякого акта он ходил за кулисы и там делал свои расчеты с виновными, вопли которых иногда доходили до слуха зри-

телей. Он требовал от актёров, чтобы роль была заучена слово в слово, говорили бы без суфлера, и беда тому, кто запнется; но собственно об игре актёра он мало хлопотал. Во время спектакля он приходил и в кресла.

Публики собиралось к нему всегда довольно, но не из высшего круга. К нему приезжали только, чтоб посмеяться, однако он всегда замечал насмешников и, заметив шутки, приказывал тушить все лампы, кроме одной или двух, которые чадили маслом на всю залу, а иногда даже и приостанавливал спектакль. В антрактах публике в креслах разносили моченные яблоки, груши, изредка пастилу, но чаще всего вареный мед.

Граф лично с 7 часов утра открывал кассу театра и сам раздавал и рассылал билеты, записывая полученные деньги за билеты и спрашивая, от кого прислан человек за билетом, и если кто ему не нравился, то ни за какие деньги билета не давал. Кто же был у него в милости, тому давал билеты даром. С девяти до четырех часов у него шли репетиции, на которых присутствовал всегда он сам. У него в доме была комната, где висели от по-

толка до самого пола портреты актёров и актрис всех возможных наций.

В двадцатых годах наша Фемида особенно страдала слепотой и в некоторых учреждениях допускались вопиющие злоупотребления. Во время управления министерством финансов графом Гурьевым взяточничество, особенно по департаментам государственных имуществ, неокладных сборов и внешней торговли (таможенном), достигло колоссальных размеров. Империя была наводнена контрабандой. Из мест государственной службы того времени, не исключая провиантской и комиссариатской, места в таможнях были самые прибыльные. Чиновники не краснея хвастали своими доходами. Тоже самое было по другим частям управления - горной, соляной и лесной.

Из питейного сбора, как говорит один современник, можно сказать положительно, что одна треть, если не более, расходилась по карманам чиновников. По ревизской части, например, в гродненской казенной палате для взыскания подушных податей велись два списка народонаселения: один для самой па-

латы, где означено действительное число платящих подати, другой, почти в половину меньше, для казны. Так продолжалось более десяти лет, и кто знает, не то ли самое делалось в других палатах?

Казнокрадство при Гурьеве, наподобие какого-то чудовищного многонога, обвивало своими лапами всю империю.

И вот в это время поголовного лихоимства существовал в Сенате довольно влиятельный чиновник, оригинал, чудак, составляющий единственное в своем роде исключение. Он до того боялся взяток и разных подкупов, что не желал иметь никаких сношений, никакого знакомства с заинтересованными лицами, и до того был строг в этом отношении, что с целью оградить себя от внезапных посещений выпросил у обер-прокурора позволение не записывать адреса своей квартиры в общем адресном списке чиновников. Фамилия этого, как его прозвали товарищи, «дикаря», заслуживает того, чтобы сделаться историческою: он был в Сенате обер-секретарем и назывался Вилинский.

Так как на нем лежала обязанность прини-

мать прошения, то его можно было вызвать в приемную комнату. Он являлся всегда в сопровождении курьера, в почтительном отдалении осматривал просителя исподлобья, и как только узнавал, что проситель пришел не для подачи просьбы, тотчас же, не отвечая ни на какие вопросы, убегал опрометью из комнаты. В жизни у него была только одна страсть - духовная музыка. Страстно любя звуки органа, он ходил по праздникам в католическую церковь, где с опущенными книзу глазами с видом испуганного зверя слушал церковную музыку. В умиленном экстазе проводил он эти часы. Имевшие к нему нужду просители пытались заговорить с ним при выходе из церквы, но он спасался от них бегством.

В тридцатых годах известен был богатый помещик К-о, которого все знали под именем «путешественника», несмотря на то, что он никогда не выходил из своего дома. У него была единственная в мире коллекция графинов, штофов и полуштофов с разными водками. Вся эта коллекция помещалась в нескольких десятках дорожных погребцов. На каж-

дом погребце была надпись, например, Новгородская губерния, Псковская, Киевская, Черниговская и т.д. В погребце было столько штофов с водкою, сколько в губернии городов. Вечный «путешественник» обыкновенно отправлялся с утра по губерниям и иногда объезжал две и три губернии в день. В каждом городе он находил знакомых или родных; здоровался с ними, разговаривал, прощался и ехал далее. Иногда «путешественник» совсем не вставал с постели, а возле себя на столике ставил колокольчик и, просыпаясь, звонил. Входил слуга. «А! а! мы на станции, - говорил путешественник, - пуншу!» Приносили пунш, он выпивал его и ложился. В полдень просыпался и звонил. «А! а! мы на станции, - говорил он слуге, - давай обедать!» И, пообедав, ложился спать. Вечером опять просыпался и звонил. «Сколько мы отъехали?» - спрашивал он вошедшего слугу. «Двести верст», - отвечал тот. - «Хорошо, хорошо, давай же ужинать...» Ужинал, ложился спать и спал до утра.

На другой день ехал опять таким же образом, и путешествовал этот господин так до тех пор, пока не отправился в самое дальнее

путешествие - на тот свет.

Между оригиналами Петербурга в тридцатых годах встречался на улицах столицы старичок лет восьмидесяти, маленький, в соломенной пастушеской шляпе. Он прогуливался по улицам в коротеньком красном камзоле, таких же коротеньких панталонах, красном жилете и в башмаках, тоже красных.

Шляпа его с широкими полями украшена была лентами и цветами, преимущественно же гирляндами из алых роз. Впрочем, то был его праздничный наряд, в будни же он появлялся на улице в цветах жёлтых и голубых. По профессии он был учитель французского языка, приехал в Россию с женой в царствование императора Павла I, за что-то был арестован на улице, долго содержался в крепости, а когда был выпущен на свободу, то не нашел уже в живых своей жены. Это обстоятельство так на него повлияло, что несчастный стал заговариваться и уверять, что жена его не умерла, в доказательство чего наряжался в самые праздничные веселые цвета и возненавидел все темные, цветным же не изменял до конца своей жизни.

Когда он появлялся на улицах, то его постоянно преследовала толпа зевак, на которых он, впрочем, никогда не сердился. Он отличался редкой честностью. Небольшие деньги, приобретаемые им уроками, он разделял на три части: одну для бедных, другую брал себе на пищу, третью на свой туалет, т.е. на покупку светлых материй. Он разорялся на тафту и бархат.

Обед себе он готовил сам. Стол его состоял из горсти риса, нескольких штук картофеля, изредка говядины, и никогда он не ел хлеба. Он уверял, что от хлеба всякое кушанье получает хлебный вкус и рот от этой однообразной пищи перестает различать приятность других блюд.

Он спал не раздеваясь в кресле, вставал летом и зимою очень рано, до света. Чувствуя какую-нибудь болезнь, он отправлялся при малейшем недомогании в больницу, где и просил врачей продержат его до выздоровления. В смерть он не верил. По его мнению, интеллигентные люди не умирают, а только исчезают на время: они продолжают жить на земле и ходят между людьми, невидимые для

других. Он умер тихо, как тихо жил. Он впал в беспамятство, сидя на скамейке в Летнем саду, и когда к нему подошли, то он уже не обнаруживал ни малейшего признака жизни.

ГЛАВА XXVI

**Старуха Н.Д. Офросимова и её сын.
А.Н. Хитрова. Княгиня Т.В. Юсупова.
Е.А. Архарова. А.П. Толстая. Кошко-
любивые дамы.**

В старом русском обществе встречалось много типичных старух, которые были отражением своего века. В московском обществе в начале нынешнего столетия долго была воеводою старуха Офросимова[213]. Таких, впрочем, старух в описываемую эпоху известно было несколько. Так, в Пензе жила старуха Золотарева, известная под кличкой «пензенская Офросимова».

Настасья Дмитриевна Офросимова была старуха высокая, мужского склада, с порядочными даже усами. Лицо её было суровым, смуглым, с черными глазами, - словом, тип, под которым дети обыкновенно воображают колдунью. Офросимова в свое время имела большую силу и власть. Силу захватила, а власть приобрела она с помощью общего к ней уважения. Откровенность и правдивость её налагали на многих невольное почтение и даже страх. Это был суд, как говорит князь Вяземский в своих воспоминаниях, пред которым докладывались житейские дела и тяжбы. Молодые барышни, только что вступившие в свет, не могли избежать осмотра и, так сказать, контроля её. Матери представляли ей девиц своих и просили её, как мать-игуменью, благословить их и оказывать им и впредь свое начальническое благоволение.

Благово в своих «Рассказах...» пишет: «Все, и знакомые, и незнакомые, ей оказывали особый почет. Бывало, сидит она в собрании, и Боже избави, если какой-нибудь молодой человек или барышня пройдут мимо нее и ей не поклонятся: «Молодой человек, поди-ка

сюда, скажи мне, кто ты такой, как твоя фамилия?» - «Такой-то». - «Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мне не кивнешь. Видишь, старуха, ну и поклонись, голова не отвалится. Мало тебя драли за уши, а то бы повежливее был»[214].

И так каждого ошельмует, что от стыда сторит. Все трепетали перед этой старухой - такой она умела нагнать страх, и никому в голову не приходило, чтобы возможно было ей сгубить или ответить дерзко. У Офросимовой был ум не блестящий, но рассудительный и отличающийся русской врожденной сметливостью. Когда генерал Закревский был назначен финляндским генерал-губернатором, она сказала: «Да как же будет он там управлять и объясняться? Ведь он ни на каком языке, кроме русского, не в состоянии даже попросить у кого бы то ни было табачку понюхать!»

Старуха Офросимова была вдова генерал-майора, она выведена графом Толстым в его романе «Война и мир». У Офросимовой было несколько сыновей, с которыми она обходилась довольно грубо. Старший её сын

Александр Павлович[215] был тоже большой чудак и забавник.

Офросимов был в мать - честен и прямодушен. Он говорил оригинально, чистым, крепко отчеканенным русским словом и любил речь свою пестрить разными русскими прибаутками и загадками.

Про себя он говорил, по словам князя Вяземского: «Я человек несчастный, человек безвинный, но не бездушный. А почему так? Потому что часов не ношу, вина не пью, но духи употребляю». Он некогда служил в гвардии, потом был в ополчении, и в официальные дни любил щеголять в своем патриотическом кафтане с крестом Анны второй степени непомерной величины. Впрочем, как он бывал и во фраке, то постоянно носил на себе этот крест вроде иконы.

Проездом через Варшаву отправился он посмотреть на развод. Великий князь Константин Павлович заметил его, узнал и подзвал к себе. «Ну, как нравятся тебе здешние войска?» - спросил он его. «Превосходны, - отвечал Офросимов. - Тут уже не видать клави-кордничанья!» - «Как? Что ты хочешь ска-

зать?» - «Здесь не прыгают клавиши одна за другою, а все движется стройно, цельно, как будто каждый солдат сплочен с другими». Великому князю очень понравилась эта оценка, и он долго смеялся выражению, которое применил Офросимов.

В старой Москве много жило подобных оригиналов, но почтенных и почётных старух ещё больше. Так, в числе уважаемых оригинальных старух была известна многие годы в Белокаменной старушка Хитрова[216], дом которой был всегда открыт для всех и утром и вечером, и каждый приезжавший бывал принят так, что можно было подумать, что именно он-то и есть самый дорогой и желанный гость. Хитрова была очень красивая маленькая старушка, слегка напудренная, в круглом чепце, что называли в старину старушечьим чепцом (*a la vielle*), с большим бантом, в роброн-де, но со шлейфом, на высоких красных каблуках и нарумяненная во всю щеку. В приемах, в обращении - в полном смысле большая барыня. До последнего времени ездила она цугом в золоченой карете с двумя лакеями. Хитрову все знали в Москве, и все знав-

шие её любили. Она составляла контраст Офросимовой: последнюю все боялись за её грубое обращение, и хотя ей оказывали уважение, но более из страха; другую, напротив, все любили и уважали чистосердечно и непритворно.

Много странностей имела эта Хитрова, но все эти прихоти и особенности были так просты и милы, что над ними не смеялись. Одевалась она, как мы сказали, на свой лад, причесывалась она также своеобразно: на висках у нее было до пучку буклей мелкими колечками, платье капотом с поясом и маленьким шлейфом, высокие каблуки носила она для того, чтобы казаться выше. Лицо её в преклонных летах было очень миловидно, глаза оживленны.

Она была очень мнительна и при малейшем нездоровье тотчас ложилась в постель, клала себе компрессы на голову из калуферной воды, привязывала уксусные тряпочки к пульсу, и так лежала в постели, пока не придет к ней кто-нибудь в гости. Поутру она принимала у себя в спальне, лежа в постели часов до трех; потом она вставала, а иногда обе-

дала со всеми.

Вечером она выходила в гостиную и любила играть в карты, и чем было больше гостей, тем она была веселее и довольнее. А когда вечером не бывало гостей, то она хандрила, скучала, ей нездоровилось, она ложилась в постель и обкладывала себя компрессами, посылая за своей карлицей или другой какой старухой, которая пользовалась её милостями, носила с плеча её обноски и донашивала старые чепцы.

Она была любопытна, любила все знать, но была очень скромна и умела хранить тайну, так что никто и не догадается, знает она или нет. Она не любила слушать рассказов о покойниках, и если кто-нибудь бывал болен — домашние и хорошо знакомые всегда это от нее скрывали. Когда же ей, особенно ночью, не спалось, то она позовет бывало девушку и велит принести свою «шкатуночку». Когда принесут ей этот сундучок, она отопрет его и начнет вынимать оттуда мешочки: в одном изумруды, в другом яхонты, в третьем солитеры. На другой день и рассказывает приезжим: «Мне ночью что-то не поспалось; я перебира-

ла все свои солитерчики, которые для внучки готовлю».

Еще одна особенность в характере её была, это собирание разных вещиц и безделушек. Она любила, когда ей в именины, в рожденье или в Новый год привозили какую-нибудь безделушку. При этом она не смотрела, дорогая ли вещь или безделка, и трудно было угадать, что ей больше нравилось. Для всех этих вещей у нее было несколько шкапов в гостиной, и там, за стеклом, были расставлены тысячи разных мелочей, дорогих и грошовых. Она любила и сама смотреть на них и показывать их другим. Хитрова была очень богомольна, под каждое воскресенье и под праздник у нее на дому непременно бывала всенощная. Если у кого из знакомых оказывалось горе или семейная потеря, так уж наверно первой в таком доме можно было встретить эту добрую старушку.

В ряду таких же почтенных женщин видное место занимает и княгиня Татьяна Васильевна Юсупова[217], слывшая в обществе за очень скупую женщину, но на деле последнее качество было только одной из причуд княги-

ни. По рассказам хорошо знавших Юсупову, ей надо было услышать только об истинно нуждающемся человеке, и тот, как по волшебству, получал сумму, какая ему требовалась - будь это двадцать или более тысяч. И только случайно позднее узнавали, что деньги были присланы княгиней Юсуповой.

Юсупова Татьяна Васильевна (1767-1841)

Вот что передавала её невестка, Татьяна Борисовна Потемкина. По известному скопидомству своему, княгиня очень редко возобновляла свои туалетные запасы. Она долго носила одно и то же платье почти до совершенного износа. Однажды, уже под старость, пришла ей в голову следующая мысль: «Да если мне держаться такого порядка, то женской прислуге моей немного пожитков останется после моей смерти». И с самого этого часа произошел неожиданный и крутой поворот в её туалетных привычках. Она стала часто заказывать и надевать новые платья из материй на выбор и дорогих. Все домашние и зна-

комые её дивились этой перемене, поздравляли её с щегольством, с тем, что она как будто помолодела. «Вы, которая знаете загадку этой

перемены, - говаривала она невестке своей, - вы поймете, на какую мысль наводят меня эти поздравления». И в самом деле, она, так сказать, наряжалась к смерти и хотела в пользу прислуги своей пополнить и обогатить свое духовное завещание.

Очень типичной в характеристике старых женщин прошлого времени является Архарова[218], жена известного сенатора Ивана Петровича [Архарова]. Дом этой доброй старушки всегда был полон гостей. Все оставшееся шло на подарки и добрые дела. Старушка была самого симпатичного вида, наряжалась она своеобразно: в будни носила она над глазами зелёный зонтик[219], который в праздничные дни сменялся паричком с седыми буклями под кружевным чепцом с бантиками. Лицо у нее было гладкое и свежее, глаза голубые и приятные, на щеках играл румянец, правда, искусственный, по моде прежнего времени. В лице выражалось спокойствие, непоколебимость воли, совести, ничем не возмущаемой, и убеждений, ничем не тревожимых. От улыбки сияло приветливостью. Одевалась она в шелковый особого покроя капот, к кото-

рому на левом плече пришиливалась кокарда екатерининского ордена. Через правое плечо перекидывалась старая наследственная желтоватая турецкая шаль. В руках была золотая табакерка в виде моськи и костыль.

Когда выезжала она со двора, то провожал её целый штат домашних. Её выводила из горницы жившая у неё старая полковница, рядом шли две дворянки-сиротки, а после — старшая горничная и две младшие горничные.

*Архарова Екатерина Александровна
(1755-1836)*

Калмык и морщинистый карапузик-карлик всегда вязали чулок. Перед шествием суетился дворецкий со взъерошенным хохлом, в белом жабо, округленным веером под белым галстуком. У кареты дожидались в треугольных уродливых шляпах два рослых ливрейных лакея.

Карету Архаровой знал весь Петербург. Она спаслась от московского пожара. Четыре клячи тащили её в первобытной упряжи. На

улицах, когда показывалась карета, прохожие останавливались с удивлением, весело улыбались или снимали шапки и набожно

крестились, воображая, что едет прибывший из провинции архиерей. Когда старушка ездила на придворный обед к императрице, то возвращения её ожидал нетерпеливо весь дом. Несколько колыхаясь от утомления, старушка, шла, опираясь на костыль; впереди выступал дворецкий, не суетливо и важно. В каждой руке он держал по тарелке, наполненной конфетами, фруктами и пирожками, всё с царского стола. Когда за столом обносили десерт, старушка не церемонилась и при помощи соседей наполняла две тарелки лакомою добычею. Гоф-фурьер знал для чего это делалось, и препровождал тарелки потом в карету.

Возвратившись домой, Архарова разоблачалась, надевала на глаза зонтик, нарядный капот заменяла другим, более поношенным, садилась в свое широкое кресло. Перед креслом ставили стол, на который помещали привозимые тарелки, и начиналась раздача в порядке родовом и иерархическом: никто в доме не бывал забыт. За стол у неё гости садились по старшинству. Кушанья подавались преимущественно русские, нехитрые и жир-

ные, но в изобилии. Квасу потреблялось много. За стол никто не садился не перекрестившись. Блюда подавались от хозяйки в перепрыжку, смотря по званию и возрасту. За десертом хозяйка сама наливала несколько рюмочек малаги или люнелю и подчивала ими гостей.

По окончании обеда, дворецкий подавал костыль, Архарова подымалась, крестилась и кланялась на обе стороны, приговаривая: «Сыто не сыто, а за обед почтите. Чем Бог послал...» День неизменно заключался игрою в карты, причем летом она играла в одни игры, а зимою - в другие. Зимой избирались бостон, вист, реверсы, ломбер; летом шла игра более легкая, дачная - мушка, брелак. В одиннадцать часов игра кончалась, старушка шла в спальню, долго молилась перед образами, её раздевали, и она засыпала сном младенца.

Граф Соллогуб рассказывает, что в юности ему удалось подслушать исповедь Архаровой, причем исповедником был старик-священник, такой же глухой, как и она. «Грешна я, батюшка, - каялась старушка, - в том, что я покушать люблю!» - «И, матушка, ваше превос-

ходительство, - возражал духовник, - в наши-то годы оно и извинительно». - «Еще каюсь, батюшка, - продолжала грешница, - что иногда сержусь на людей, да и выбраню их». - «Да как же и не бранить их», - извинял священник. - «В картишки люблю поиграть, батюшка». - «Лучше, чем злословить», - довершал духовник. Этим исповедь и кончалась.

В доме Архаровой бывало всегда множество гостей. Своей родне она счет давно потеряла. Бывало, приедет из захолустья помещик и прямо к ней, а вместе с собой привозит и своих деток, которых Архарова рассовывала по казенным заведениям. По праздникам те гостили у нее в доме, родитель же, покинув пристроенных, спокойно уезжал к себе в деревню.

Старуха относилась весьма серьезно к своим заботам добровольного попечительства. Она сплошь и рядом делывала визиты по учебным заведениям. Подъедет карета к кадетскому корпусу, и лакей отправляется отыскивать начальство. «Доложите, что старуха Архарова сама приехала и просит пожаловать к её карете». Начальник тотчас же яв-

лялся, охотно и почтительно. Старуха сажала его в карету и начинались расспросы. Речь шла, разумеется, о родственнике или родственниках, об их успехах в науках, об их поведении, об их здоровье, после чего в карету призывались и они сами. Достойные удостоивались похвалы, виновные наказывались выговором и угрозой написать к отцу или матери. Жизнь Архаровой является испарившейся идиллией быта патриархального, исчезнувшего навсегда. В жизни её все дышало чем-то сердечным, невозмутимым, убедительно-покойным. Родилась Архарова в 1752 году, в день гибели Лиссабона, воспетый В.К. Тредиаковским в следующих стихах:

*С одной стороны гром!
И с другой стороны гром!*

и т.д., а умерла в 1836 г. и похоронена она в Невском, на Лазаревском кладбище. Урожденная она была Римская-Корсакова[220].

Мать её отличалась тоже большими странностями - она была очень скупа и расчетлива. Особенная её странность была та, что она не любила дома обедать, что в старое время в

особенности было редко: она каждый день кушала в гостях, кроме субботы. С вечера, бывало, призовет своего выездного лакея и велит на утро сходить в три-четыре дома её знакомых и узнать, кто кушает дома сегодня и завтра, и ежели обедают дома, то узнать от нее о здоровье и сказать, что она собирается приехать откушать. Вот и отправится с дочерьми.

*Римская-Корсакова Мария Семеновна
(1731-1796)*

В старину блюда выставлялись все на стол. Когда ей понравится какое-нибудь холодное блюдо, или один из соусов, или жаркое, она и скажет хозяйке: «Как это блюдо должно быть вкусно, позвольте мне его взять», и, обращаясь к своему лакею, стоявшему за её стулом, говорит: «возьми такое-то блюдо и отнеси его в нашу карету». Все знали, что она имеет эту странность, и так как она была почтенная и знатная старушка, то многие сами ей предлагали выбирать какое угодно блюдо. Так она собирает целую неделю, а в субботу зовет обедать к себе и потчует вас вашим же блюдом.

Но более она угощала гостей чаем. В старину чай пили только вечером. В гостиную приносили большую жаровню и медный чайник

с горячей водой. Хозяйка сама заваривала чай. Ложечек чайных для всех не было, размешивали чай простой деревянной палочкой или корицей, пили более с медом и патокой, сахар нынешний был большая редкость, и первый сорт был цветом жёлтый, очень дурно очищенный; пили также и с изюмом.

В числе женщин, особенно известных своими причудами и оригинальностью, отличалась в Петербурге в первой четверти нынешнего столетия графиня Толстая, урожденная Протасова[221]. Эта барыня за много лет до учреждения Общества покровительства животным устроила у себя нечто в роде приюта для всех бродячих собак и бесприютных кошек. У ней в доме была целая богадельня для таких четвероногих, и когда уже не находилось более места, то она развозила их по городским будкам, уплачивая будочникам известную месячную плату на содержание и харч питомцев. Во время прогулок она объезжала свои колонии, приказывала вносить к себе в карету призреваемых, и когда казалось ей, что они не довольно чисто и сытно содержатся, делала будочникам строгий выговор и

грозила, что переведет своих приемышей на другую застольную. Графиня Толстая, несмотря на свои странности, была женщина образованная и очень умная. Она говорила, что не желала бы умереть скоропостижною смертью: как-то неловко явиться перед Богом запыхавшись.

По словам её, как это рассказывает хорошо знавший её князь П.А. Вяземский, первой заботой её на том свете будет разведать тайну о Железной Маске и о разрыве свадьбы графа В. с графиней С., который всех удивил и долго был предметом догадок и разговоров петербургского общества.

Наводнение 1824 года в Петербурге произвело на нее такое сильное впечатление и так раздражило её против Петра I, что ещё задолго до славянофильства дала она себе удовольствие проехать мимо памятника Петра Великого и высунуть перед ним язык. Муж её тоже чуть-чуть не сошел с ума во время наводнения. Встав с постели довольно поздно, подходит он к окну (жил он на Большой Морской), смотрит и вдруг страшным голосом зовет к себе камердинера, велит смотреть на улицу и

сказать, что он видит на ней. «Граф Милорадович изволит разъезжать на двенадцативёсельном катере», - отвечает слуга. «Как на катере?» - «Так, ваше сиятельство, в городе страшное наводнение». Тут Толстой перекрестился и сказал: «Ну, слава Богу, что так, а то я думал, что на меня дурь нашла!»

Когда была воздвигнута колонна в память императора Александра Благословенного, графиня Толстая крепко-накрепко запретила кучеру своему возить её по площади поблизости колонны: «Неровен час, - говорила она, - пожалуй, и свалится она с подножия своего».

Таких же кошколюбивых дам, как графиня Толстая, у нас найдется множество. В Москве в двадцатых годах проживала одна княгиня Долгорукая, дом которой уже за несколько шагов охватывал прохожего кошачьим духом. Во всех комнатах и на всей мебели у этой барыни лазили, сидели, спали и хозяйничали одни кошки. На окнах и на горшках с цветами у неё видны были доказательства, что кошки занимаются ботаникой больше, чем сама хозяйка.

Лет десять тому назад в Рязанской губер-

нии, в Михайловском уезде ещё живы были две сестры, богатые помещицы, усадьба которых по замкнутости представляла нечто вроде крепости в военное время. В этой усадьбе, в богатом большом барском доме, обнесенном каменной стеной, жили помещицы со штатом из нескольких старушек, обязанности которых были ухаживать за целым стадом из нескольких сот штук всевозможной масти и возраста кошек, призреваемых этими барынями.

Каждая из этих четвероногих носила свое имя и кличку. Страсть к своим воспитанницам-кошкам помещицы питали самую нежную, и в случае нездоровья или потери аппетита одной из «Зизи» или «Фифи» они сами делались больны и ложились в постель.

В Петербурге, на одной из улиц, примыкающих к Владимирской, и в наши дни рано утром можно встретить старушку с большим ридикюлем в руках, в котором в небольших свертках разложены печенка, сырая говядина, рыба и другие лакомые блюда кошек. Старушка ежедневно обходит соседние дворы, где и кормит бесприютных кошек.

Любовь к этим четвероногим сердобольная кормилица получила по следующему случаю. Проживая долгие годы где-то в углу с любимцем своим котом «Полташей», она как-то додумалась на его счастье взять на последние свои деньги билет внутреннего займа, на который в скорейшем времени и выпал выигрыш в 75000 рублей, и вот с тех пор у старушки и явилась самая нежнейшая любовь к кошкам.

ПАМЯТИ М.И. ПЫЛЯЕВА

Третьего февраля 1899 года, в семь часов вечера, скончался Михаил Иванович Пыляев, автор книг «Старый Петербург», «Старая Москва», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», «Старое житье», «Драгоценные камни» и «Замечательные чудачки и оригиналы». Михаил Иванович принимал постоянное участие в «Новом Времени» А.С. Суворина и в «Историческом Вестнике». Все, что было им помещено в этих изданиях, вошло в перечисленные выше книги и хорошо известно читающей публике. В «Историческом Вестнике» напечатаны следующие статьи Пыляева: «Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России», «Полубарские затеи» (о помещичьих театрах в Екатерининское время), «Наш театр в эпоху отечественной войны», «Столетие собора Александро-Невской лавры», «Записки русских людей» (перечень мемуаров), «В.И. Суворов, генерал-аншеф, отец генералиссимуса» и др. В «Новом Времени», помимо фельетонов, посвященных русской старине, Михаил Иванович

поместил множество театральных заметок, исторических справок, сведений о юбилеях выдающихся общественных деятелей, о заброшенных могилах, о драгоценных камнях и пр. До последних дней своей жизни Пыляев писал в «Новом Времени» статьи по вопросам спорта, отчеты о скачках и бегах и давал весьма ценные известия в хронику, касающиеся большею частью забытой старины.

К литературе и театру Михаил Иванович питал симпатии с юношеских лет, когда ему представилась возможность завести знакомства с братьями В.С. и Н.С. Курочкиными, затем с И.Ф. Горбуновым, И.Е. Чернышевым - автором «Уголков театрального мира», драмы «Отец семейства» и пр., Г.Н. Жулевым и с целым рядом выдающихся артистов драматической труппы Александринского театра. Пыляев постоянно посещал русский театр, проводил время с артистами, стараясь каждому из них чем-нибудь услужить, сделать что-нибудь приятное. Знакомствами этими Михаил Иванович обязан отчасти пребыванию в парфюмерной лавке отца своего, помещавшейся в Гостином дворе, ныне № 33. Сюда заходили

и актёры, возвращаясь с репетиций из Александринского театра, и драматурги, и случайно за покупками многие литераторы. Впоследствии молодой Пыляев по свойственной ему доброте, посещая приятелей, сам приносил всем в подарок разные парфюмерные производства, принадлежности гримировки и духи. Да и не только с этими презентами являлся Михаил Иванович ко многим из новых друзей своих: он делился с беднейшими и нуждающимися из них чем мог, просиживал целые дни около больных, пользовал последних в качестве дилетанта медицины советами, снабжал лекарствами, утешал и развлекал. В редакции «Искры» Пыляев скоро сделался своим человеком и за последнее время ещё нередко вспоминал о Василии Степановиче Курочкине, которому с радостью передавал свои первые заметки и сообщал различные факты и наблюдения из столичной жизни, попадавшие в обработанном виде на страницы «Искры». Наилучшие отношения сохранил он и с братом Василия Степановича, Николаем Степановичем, посещая последнего и в городе, и на даче в Лесном.

– Николай Степанович, - вспоминал Пыляев, - постоянно жаловался на болезни, перестал выходить из дому и сидел на диване, поджавши ноги, подобно турецкому паше. Около него постоянно суежилась старуха, баба лет семидесяти, если не больше, руководившая домашним хозяйством. Николай Степанович постоянно жаловался, что его никто не хочет знать, что все его забыли.

Сближение с Курочкиными и с выдающимся кружком «Искры» настолько ободрило М.И. Пыляева, что он мало-помалу начал писать небольшие статейки, которые появлялись затем постепенно во многих изданиях, как, например, в «Иллюстрации» Баумана, редактированной Н.С. Курочкиным, «Сыне Отечества», «Петербургском Листке», в «Театральном Мирке», где он поместил ряд статей «Исторические дни и годы русского театра», в «Суфлере», в «Петербургской Газете», где в течение нескольких лет Пыляев давал отчеты о художественных выставках, помещал воспоминания о прошлом русской сцены, выкапывая редкие афиши, написал немало фельетонов из общественной столичной жизни, ста-

тей по разным отраслям спорта и т.д. Покинув лет десять назад «Петербургскую Газету», Михаил Иванович, оставаясь по-прежнему постоянным сотрудником «Нового времени», печатал статьи в «Правительственном Вестнике», «Родине», «Петербургском Листке», «Всемирной Иллюстрации», «Труде», «Севере», «Московском Листке» и др. Всего, что напечатано Пыляевым, он сам не в состоянии был бы собрать, потому что многого не подписывал. Любя литературу и журналистику, Михаил Иванович в некоторых начинающих изданиях работал даже безвозмездно, отказываясь от всякого гонорара, хотя последний не был лишним для него. В этом отношении он вообще проявлял замечательную деликатность, как будто не желая придавать ценность своим трудам.

М.И. Пыляев получил образование в реформатском училище, откуда вышел вместе с Н.А. Лейкиным. Родился он 1 января 1842 года в купеческой семье и до самой смерти был приписан к купечеству г. Гдова. Образование свое Михаил Иванович пополнил сам, слушая лекции в русских и, благодаря знанию немец-

кого языка, заграничных университетах, путешествуя, а главным образом читая массу книг, из которых черпал драгоценные для него сведения. Обладая феноменальной памятью, Пыляев не нуждался в энциклопедическом словаре для справок: он не только помнил факты, имена, но знал годы рождения и смерти и биографические подробности из жизни знаменитых государственных деятелей, известных ученых, литераторов, артистов и др. Запас его сведений по самым разнообразным предметам был так велик, что не раз профессора обращались к нему за справками. В самом деле, Михаил Иванович был минералог, библиофил, знаток живописи, спорта, нумизмат, специалист по части старинных струнных инструментов, знаток автографов, народной медицины, не говоря, конечно, о русской старине, которой он посвятил большинство литературных трудов.

Лет пятнадцать прошло с тех пор, как Михаил Иванович переехал на Фонтанку, в дом № 22, где в то время на одной с ним лестнице жил и я. Здесь мы сблизились ещё больше и целые дни проводили вместе. Пыляев жил

один, без прислуги, занимая две комнатки, которые незаметно с каждым годом заваливал книгами, скупая их на рынках и у букинистов. В конце концов выросли горы книг, и Михаил Иванович, несмотря на свою память, затруднялся многое найти и предпочитал ходить за справками в Публичную библиотеку, где его отлично знали и допускали заниматься в отделениях наиболее редких изданий. Пыляева все знакомые упрекали, что он не ремонтирует своей квартиры, потолки которой и стены положительно почернели, но Михаил Иванович отлично сознавал, что теперь ещё он мог пользоваться своими книгами, а если их потревожат, станут перетаскивать, то все перепутают и собьют его с толку. Вот почему он отклонял советы отремонтировать с гигиенической целью квартиру и был очень недоволен, когда новый домовладелец настоял однажды и выбелил потолки. В комнатке, заваленной книгами, помещался письменный стол Пыляева с грудой бумаг, обрывков, записочек, книжек, гравюр и пр., два кресла, диван и кровать. Вот и вся обстановка скромного приюта литературного труженика,

где он работал по ночам часто до пяти, шести часов утра. Приют этот был гостеприимным для тех, кто допускался в него, а гостей Пыляев не любил. Его посещали двое, трое близких друзей, к которым он причислял и меня. Не раз я заставал Михаила Ивановича озабоченным, встревоженным и видимо недовольным.

– Что с вами, Михаил Иванович? - интересовался я.

– Генерал Икс два письма прислал, я не успел зайти к нему, сам приезжал, не застал и завтра опять приедет... где мне его принимать!

– Что ему нужно?

– Просит сообщить биографические сведения о его прадеде и указать, где он жил перед смертью.

– Да вы-то знаете это?

– Нашел-с кой-какие указания, да принимать-то у себя очень не люблю.

Михаил Иванович, чтобы избавиться от визита генерала, рано утром бросился к нему и, к своему удовольствию, застал его дома. «Боюсь, чтобы благодарить не приехал, за-

пруть на ключ!» - беспокоился он. Бывали, однако, случаи, что Михаил Иванович попадался врасплох и должен был принимать незнакомых лиц, не зная, как избавиться от них и куда их посадить. Он готов был служить от души, только бы к нему не ходили.

От времени до времени Михаил Иванович по утрам отправлялся на петербургские кладбища, разыскивал забытые могилы, а по вечерам, утомленный, принимался в своем архиве собирать справки об этих могилах и напоминал публике об них. Благодаря его указаниям, несколько исторических памятников были возобновлены.

В своих работах М.И. Пыляев был всегда точен, и ошибался тот, кто предполагал, что он утрировал, описывая какого-нибудь чудачка или оригинала. Пыляев заимствовал данные из хороших источников и не любил иллюстрировать фактов собственной фантазией. Ошибки в таких работах, впрочем, неизбежны и случаются не по вине автора.

– Пренеприятное письмо я сегодня получил! - сообщил мне как-то Михаил Иванович.

– От кого?

– Описал одного оригинала, думал, что он умер, а он жив! Пишет, что ему девяносто два года, и что пить он, действительно, пил, но пьяницей никогда не был. О нем несколько раз упоминается в различных мемуарах, но он не читал, а мой фельетон попался ему в руки. Придется сослаться на источники.

Не проходило недели, чтобы Пыляев не получал писем с различными просьбами; столетие какого-нибудь здания, учреждения, полка - у Михаила Ивановича постоянно наводили справки, и никто, кроме него, не мог дать в таких случаях ценных указаний и ссылок на редчайшие документы. Он снабжал часто обращавшихся к нему и рисунками, и гравюрами, которые любил собирать. Мало того, он помнил, у кого какие имеются в Петербурге коллекции, где можно достать необходимые рисунки.

– Обратитесь к П.Я. Дашкову, у него вы все найдете, что вам нужно. Скажите, что я вас направил, - советовал, бывало, Михаил Иванович.

Роясь у всевозможных букинистов, Пыляев не забывал, где что видел, и направлял туда

приходивших за всевозможными указаниями. Иногда, впрочем, он делал это неохотно.

– Надо поискать в другом месте, подождите, я поищу для вас. Этот букинист запрашивает огромные деньги, не стоит у него брать.

И обязательный Михаил Иванович бегал по лавчонкам букинистов, чтобы исполнить обещание. Делал он это с удивительной готовностью, как будто для самого себя хлопотал. Любезность этого милого человека не знала границ.

В жизни Михаила Ивановича Пыляева играла большую роль дружба его с покойным генералом В.И. Асташевым, богатейшим и просвещенным человеком, известным своей благотворительностью и отзывчивостью. Судьба столкнула и сблизила этих прекрасных людей, понявших и оценивших друг друга, совершенно случайно. Асташев был очень болен, и его собирались везти за границу, но Михаил Иванович упросил его отложить отъезд и помог ему своим советом. Генерал быстро встал на ноги, поправился и был бесконечно признателен Михаилу Ивановичу, которого не называл иначе, как «современным Па-

рацельсием». Вениамин Иванович, помимо этого, любил Михаила Ивановича, как доброжелательного и благородного человека, которому были чужды практические интересы, деликатность натуры которого была прямо-таки привлекательной. В свою очередь и Пыляев был предан Асташеву, глубоко уважал его и восторженно отзывался об его простоте, человечности и добром сердце.

Находясь в таких искренних, близких отношениях с Асташевым, Михаил Иванович не раз указывал ему на бедных, нуждающихся людей, к которым генерал приходил на помощь, избегая при этом малейшей огласки. Как счастлив был Пыляев, когда сознавал, что, благодаря доброте Вениамина Ивановича, ему удавалось спасти кого-нибудь от горькой нужды, прийти на помощь к бедному в тяжелую минуту. Михаил Иванович рассказывал мне, что генерал Асташев, узнав от него о том, что две, три могилы знаменитых русских писателей пришли в такую ветхость, что скоро будут стерты с земли, просил его поехать и возобновить памятники. Делалось все это не ради искания популярности, а на-

против, незаметно, и таким фактам не придавалось никакого значения. Вместе с Асташевым Пыляев совершил поездку по Сибири; они ездили на золотые прииски, и это путешествие не прошло бесследно для Михаила Ивановича: он собрал там много минералов, о которых не раз упоминал в печати и которые показывал известному минералогу, профессору П.В. Еремееву, своему хорошему знакомому. Тут будет кстати заметить, что незадолго до своей смерти Михаил Иванович шел за гробом Еремеева и говорил, что скоро с ним увидится. Однако Пыляев выглядел ещё вполне бодрым, и нельзя было ожидать столь быстрой развязки. По крайней мере, никаких особенных перемен не заметил в нем тогда Л.Б. Бертенсон, с которым они беседовали на похоронах Еремеева. В.И. Асташев, как сообщил мне Пыляев, передал ему однажды ненапечатанное стихотворение Н.А. Некрасова. Поэт прислал это стихотворение Асташеву в виде письма, в котором распространяется между прочим об охоте. Нашлось ли это стихотворение при разборе бумаг Михаила Ивановича - неизвестно.

Ввиду предстоящего двухсотлетнего юбилея С.-Петербурга с М.И. Пыляевым вел, правда, неофициально, переговоры один из членов с.-петербургской городской управы относительно составления истории города. Михаил Иванович с особенным удовольствием согласился взяться за этот труд, но переговоры прекратились. Очевидно, этот безусловно желательный проект не встретил сочувствия.

По своей натуре Пыляев был жизнерадостным человеком, обладавшим юмором и наблюдательностью, проявлявшимися у него постоянно в разговоре. Он многим давал меткие, типичные прозвища, подмечал людские слабости и был очень разборчив в знакомствах. Только за последние годы жизнерадостность Михаила Ивановича начинала как будто сменяться мрачными тучками, он жаловался, что покальывает тут, да побаливает здесь, и спокойно говорил:

– Не проживу долго, умру... вижу, что смерть приближается.

Пыляев был далек от всяких литературных историй и сплетен, и когда его незаслуженно обидел один журналист, он писал мне за гра-

ницу: «Бог с ним, я на него не сержусь, он человек ранее всего легкомысленный. Жизнь наша не так долговечна, и жалки те люди, что носят в сердце месть и зло». Эти строки в достаточной степени характеризуют отношение Михаила Ивановича к своим малочисленным литературным врагам. Он оскорблялся, но не мстил, веруя, что возмездие наступит само собой.

Пыляев занемог 1 февраля. Возвратившись домой в восемь часов вечера, он почувствовал себя нехорошо, но к доктору обращаться не желал. Позднее ему стало хуже, и он позвал старшего дворника, который прислуживал ему, заменяя собой весь штат прислуги, и попросил послать за доктором, что и было исполнено. Только в 12 часов дня 2 февраля Михаил Иванович уведомил близких ему людей о своей болезни. Его застали в весьма тяжелом состоянии: он с трудом дышал, но был в полной памяти. Вскоре был приглашен Л.Б. Бертенсон, а вечером приезжали его ассистент доктор П.К. Березкин и затем доктор И.А. Диканский, знакомый Пыляева, объявившие положение больного очень серьезным.

На другой день, т.е. 3 февраля, Пыляеву стало ещё хуже, и посетивший его профессор Е.В. Павлов застал больного в безнадежном состоянии, что подтвердил вскоре и Л.Б. Бертенсон. В семь часов вечера Михаила Ивановича не стало. Причиной смерти был паралич сердца.

Пыляев скончался, как солдат на своем посту, среди книг, оставив на столе половину написанной им новой рукописи «Анекдоты и случаи из жизни Пушкина», которую он намеревался выпустить отдельным изданием к предстоящим пушкинским торжествам.

Смерть, да ещё такая неожиданная, симпатичного, милого человека, глубоко опечалила всех знавших М.И. Пыляева и его обширную аудиторию читателей. 1 февраля, в 4 часа дня, его видели работавшим в Публичной библиотеке, а 3 февраля он навсегда закрыл глаза.

Кроткая, добродушная улыбка Михаила Ивановича, к которой мы привыкли, сохранилась такой же на челе покойного, несмотря на перенесенные им страдания. Оставляя в стороне общественные заслуги Пыляева как литератора, каждый, знавший его, искренно пожалел этого редкого человека, именно ред-

кого по своей сердечности, доброте душевной, бескорыстию, скромности и обязательности. Проникнутый желанием всем сделать приятное, всех порадовать, поддержать в минуты невзгоды и несчастий, Михаил Иванович постоянно хлопотал для других, презирая собственные интересы. Заболеет кто-нибудь из пишущей братии, первым к нему является Пыляев, горе у кого-нибудь - утешает Пыляев. Все это он делал искренне, побуждаемый только душевным расположением к братьям. Ласковое, приветливое, совсем родственное отношение Михаила Ивановича и его бесконечные услуги создали ему в литературных кружках почтенную репутацию, его все любили, и всегда, всюду он являлся приятнейшим гостем, своим человеком. Были, разумеется, у Пыляева, как у всякого из нас, свои заботы, свои огорчения, угнетавшие его, например, душевная болезнь единственной сестры, которую он часто навещал в больнице, но, переживая эти огорчения, он молчал о них и не искал сочувствия. Свое собственное горе он хоронил в душе, а на чужое откликался в силу свойственной ему отзывчивости.

Литературные труды Михаила Ивановича со смертью его не утратят живого интереса и всегда найдут многочисленных читателей, а светлый облик доброго, сердечного человека сохранится в памяти всех знавших его.

Александр Плещеев

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

А., секунд-майор - 209

Авдотья Петровна, приживалка Н.К. За-
гряжской - 206

Адан Адольф (1803-1856), фр. композитор -
86

Адойе Анатолий Федорович, штабс-капи-
тан, опекун Е.И. Пацевич - 11

Адойе Надежда Федоровна, вдова штабс-ка-
питана А.Ф. Адойе - 12

А-ки, таганрогский богач - 47

Аксенов Семен Николаевич (1784 или 1790-
1853), гитарист, композитор - 227

Александр I Павлович (1777-1825), импера-
тор - 25, 27-28, 31, 33, 38, 43, 55, 59, 61-62, 91, 93,
97, 102, 105, 130, 142, 169, 174, 183, 190, 213, 248,
256, 259-260, 271, 312

Александр II Николаевич (1818-1881), импе-
ратор - 282

Александр Македонский (356-323 до н.э.),
царь - 192, 254

Александров Юрий Николаевич, писатель,

краевед - 6-7, 10

Алексеев Илья Иванович, московский полицмейстер -108

Андрей Борисович, масон-филантроп - 64-66

Андреянова Елена Ивановна (1816-1857), танцовщица - 230-231

А-ни, полковник-рагузинец - 46

Апраксин Василий Иванович, «Васинька», (1788-1822), граф, полковник, флигель-адъютант Александра I, музыкант-любитель, карикатурист - 166, 169-170

Апфельбаум, бродячий фокусник - 284

Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834), граф, временщик при Павле I и Александре I - 25-29, 34, 69, 113, 144-145, 206-207, 245, 274

Арендт Николай Федорович (1786-1859), хирург - 285

Архаров Иван Петрович (1747-1815), сенатор - 306

Архарова Екатерина Александровна, урожд. Римская-Корсакова (1755-1836), жена московского генерал-губернатора И.П. Архарова - 301, 306-309

Асенкова Александра Егоровна (1796-1858),

актриса - 17

Асташев Вениамин Иванович, генерал,
благотворитель - 319-320

Атилла, актёр, побочный сын гр. Литта - 78

Б

Б., генерал-кладоискатель - 188, 191-192

Б., провинциальный секретарь - 206

Багратион Петр Иванович (1765-1812), гене-
рал от инфантерии - 302

Байков Илья Иванович (1768-1838), лейб-
кучер - 93-94

Бальзак Оноре де (1779-1850), фр. писатель -
85

Бараев, гребенщик - 240

Барклай де Толли Михаил Богданович
(1761-1818), князь, генерал-фельдмаршал - 99

Бартенев Петр Иванович (1829-1912), исто-
рик, издатель - 130

Барушка, ключница А.П. Демидова - 224

Бауман, издатель - 316

Беггров Иван Петрович (Иоганн-Фридрих)
(1793-1877), литограф - 78

Беггров Карл (Иоахим) Петрович (1799-

1875), литограф - 78

Безбородко Илья Андреевич (1756-1815), граф, сенатор - 270

Безобразов Петр Романович (1797-1856), ротмистр - 257

Безупречный Иахим - 161

Бекетов Иван Платонович (?-1835), действ. статский советник - 173

Бекетовы - 177

Белявский Федор (Гавриил?) Федорович, губернский секретарь - 116

Бемер, фр. ювелир -103 Бенардаки, откупщик - 16, 282

Бенкендорф Александр Христофорович (1783-1844), граф - 55

Бенкендорф Христофор Иванович (1749-1823), генерал от инфантерии - 55-56

Березкин П.К., врач - 321

Бертенсон Лев Бернардович (1850-после 1903), врач, лейб-медик - 320-321

Бибииков Гаврило Гаврилович (?-1850), действ. тайный советник - 137

Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792-1870), государственный деятель - 137

Бибииков Илья Гаврилович (1794-1867), ге-

нерал-адъютант - 137

Бибииков Павел Александрович (ок. 1757-1784), флигель-адъютант - 117

Бирч, англичанка -105 Б-й, врач-скупец - 140

Благово Дмитрий Дмитриевич (1827-1897), литератор - 185, 301

Бландо, фр. коллекционер - 86

Боальдые (см. Буальдые Ф.-А.)

Боде Александр (Адольф) Карлович (1870-1857, по другим данным 1790-1861), барон, литератор - 104

Боде Мария Александровна, баронесса, ме-муаристка - 104-105

Боде Лев Карлович (1787-1859), барон, обер-гофмейстер - 137-138

Болтин Иван Никитич (1735-1792), историк и писатель - 186

Бомарше (наст. имя - Пьер Огюстен Карон) (1732-1799), фр. драматург - 239

Бонапарт (см. Наполеон)

Боррель, ресторатор - 281

Брандт, голландский негоциант - 22-23

Браницкая Александра Васильевна, урожд. Энгельгардт, (1754-1838), графиня, племянни-

ца Потемкина - 100, 157

Брок Петр Федорович (1805-1875), министр финансов - 137

Брызгалов Иван Семенович (1753-1841), статский советник - 221

Брюллов Карл Павлович (1799-1852), художник - 24

Буальдьё Франсуа-Адриен (1775-1834), фр. композитор - 163, 247

Булгаков Александр Яковлевич (1781-1863), московский почт-директор - 47

Булгаков Константин Александрович (1812-1862), прапорщик лейб-гвардии Московского полка - 46-51, 230-231

Булгаков Константин Яковлевич (1782-1835), петербургский почт-директор - 47

Булгаков Павел Александрович (1825-1873), московский повеса-балетоман - 230

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789-1859), писатель - 39, 100, 253

Бунин Иван Алексеевич (1870-1953), писатель - 67

Бунин Иван Петрович (1773-1842), брат поэтессы А.П. Буниной - 67-68

Бунина Анна Ивановна, дочь И.П. Бунина,

жена А.Ф. Чубарова - 67

Бунина Анна Петровна (1774-1829), поэтесса - 68

Бунина Людмила Александровна, урожд. Чубарова, мать И.А. Бунина - 67

Быков Петр Васильевич (1844-1930), поэт, прозаик, библиограф - 7, 11

В

В., княгиня-скряга - 139, 142

Ваксель, офицер - 259-261

Ваксель Лев Николаевич (1811-1885), карикатурист, охотник - 261

Валишевский Казимир (1849-1935), французский писатель-историк - 6

Васильев Федор, плодовитый крестьянин - 245

Васильев Алексей Иванович (1742-1807), граф, министр финансов - 70

Ваттемар Александр (1790-1864), фр. актёр - 279, 285

Веллингтон, сэр Артур Веллеслей (1769-1852), фельдмаршал - 213

Вельяминов Алексей Александрович (1785-

1838), генерал-лейтенант - 29, 35-37

Веревкин Михаил Иванович (1732-1795), педагог, драматург - 139, 147-149

Верецагин Иван Афанасьевич, поэт второй пол. XVIII в. - 178

Верстовский Алексей Николаевич (1799-1862), композитор - 202, 227

Вигель Филипп Филиппович (1786-1856), мемуарист - 62, 105

Виельгорская Софья Дмитриевна, урожд. Матюшкина (1755-1796), графиня, фрейлина, первая жена Ю.М. Виельгорского - 100

Виельгорский Юрий Михайлович (1753-1807), граф - 100

Визапур (Порюс-Визапурский) Александр Иванович (?-1823), князь индийского происхождения; статский советник - 107-108

Визапур Надежда Александровна, урожд. Сахарова, жена А.И. Визапуре - 107

Виктория-Александрина (1819-1901), королева английская - 221

Вилинский, обер-секретарь Сената - 290, 298

Виллие Яков Васильевич (1765 или 1768-1854), баронет, лейб-медик - 69

Вирт Иоганн (1825-1852), фабрикант роялей - 21

Витворт, лорд, английский посланник - 154

Витиченков Александр, донской казак по прозвищу «Землянухин» - 265-267

В-кий, польский граф, миллионер, торговец драгоценностями - 98-102

Воейков Александр Федорович (1778-1839), сатирик и журналист - 253

Волков, московский антиквар - 22

Волков Дмитрий Васильевич (1727-1785), статс-секретарь - 84

Волконский Григорий Семенович (1742-1824), князь, генерал-аншеф - 33, 54-55

Волконский Николай Сергеевич (1753-1820), князь, генерал-аншеф - 35, 54

Волконский Петр Михайлович (1776-1852), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, министр - 127

Волконский Семен Федорович (1703-1768), князь - 54

Волконский Сергей Григорьевич (1788-1865), генерал-майор, декабрист - 33, 54

Володимиров, богач - 83-84

Вольтер Франсуа-Мари-Аруэ (1694-1778),

фр. писатель - 61

Воронский, поляк, «шахматный автомат» - 188, 191

Воронцов Семен Романович (1744-1832), граф - 43

Вроблевский, драматург - 181

Вронченко Федор Павлович (1779-1852), государственный деятель - 137

Всеволожская А.С. (см. Голицына А.С.)

Всеволожский Андрей Алексеевич, пензенский воевода - 225

Всеволожский Всеволод Андреевич (1769-1836), камергер, основатель Волжского пароходства - 202, 223, 225-227, 258

Всеволожский Никита Всеволодович (1799-1862), литератор, основатель О-ва «Зелёная лампа» - 227-228

Всеволожский Никита Никитич, женат на актрисе М.Г. Савиной - 227

Вьетан Анри (1820-1881), фр. скрипач - 17

Вяземская М.Г. (см. Голицына М.Г.)

Вяземский Петр Андреевич (1792-1878), поэт и критик - 16, 59, 62-63, 91, 106, 129, 146-147, 170-171, 180, 301-302, 311

Вязмитинов Сергей Козьмич (1749-1819),

Г

Гагарин Павел Гаврилович (1777-1850), князь, генерал-адъютант, женат на фаворитке Павла I - А.П. Лопухиной; вторым браком (с 1831 г.) на балерине М.И. Спиридоновой - 18, 142-144

Гагарин Сергей Васильевич (1713-1782), действительный тайный советник, сенатор - 281

Гагарин Федор Федорович («Адамова голова») (1787-1863), князь - 18

Гагарина Александра Павловна, дочь П.Г. Гагарина - 144

Гагарина Мария Ивановна, урожд. Спиридонова (?-1867), жена П.Г. Гагарина - 144

Гагарина Наталья Павловна (1837-1905), дочь П.Г. Гагарина - 144

Гамулецкий Антон Маркович (1753-?), коллежский регистратор, коллекционер - 232, 234-235

Гантимуровы, князья - 112

Гарнерен Андре-Жан, фр. воздухоплава-

тель - 155-156

Гаше, де (см. Ламот, де)

Гедеонов Александр Михайлович (1790-1867), директор имп. театров - 94

Гелгуд А. (1790-1831), генерал польской армии - 170

Герольд Луи-Жозеф-Фердинанд (1791-1833), фр. композитор - 86

Глинка Михаил Иванович (1804-1857), композитор - 202

Глинка Федор Николаевич (1786-1880), драматург - 227

Глотов Александр Яковлевич (1779-1825), морской писатель - 131

Гнедич Николай Иванович (1784-1833), поэт, переводчик - 253

Гоголь Николай Васильевич (1809-1852), писатель - 14, 16, 284

Голицын Александр Николаевич («Cosa cara») (1769-1817), князь, камергер - 150, 165

Голицын Александр Николаевич (1773-1844), гос. деятель - 183

Голицын Василий Петрович («Рябчик») (1800-1863), князь, певец-любитель - 200, 202

Голицын Владимир Сергеевич (1794-1861),

генерал-майор, племянник гр. Литта - 78

Голицын Григорий Сергеевич (1779-1848), князь, пензенский губернатор, затем сенатор - 158-159, 166-168

Голицын Дмитрий Владимирович (1731-1798), светлейший князь, генерал-губернатор московский - 124, 203

Голицын Иван Александрович (1783-1852), князь, «парижский Ванька», камергер - 150, 163-164, 247

Голицын Петр Алексеевич (1731-1810), сенатор - 81

Голицын Сергей Григорьевич («Фирс») (1803-1868), князь, поэт-дилетант - 200-201

Голицын Федор Сергеевич (1781-1826), князь, певец-любитель - 128

Голицын Юрий Николаевич («Юрка») (1823-1872), князь, композитор и дирижер - 150, 160-161

Голицына Анна Сергеевна, урожд. Всеволожская (1779-1837), первая жена И.А. Голицына - 163-164

Голицына Мария Григорьевна, урожд. Вяземская (1772-1865), жена А.Н. Голицына - 165

Голицына Наталья Петровна, урожд. Чер-

нышева (1741-1837), княгиня, статс-дама - 203

Головкин Юрий Александрович (1767-1846), граф - 100

Головкина Екатерина Львовна, урожд. Нарышкина (1762-1820), графиня - 100

Гомер, др.-греческий поэт - 179, 254

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65 г. до н. э. - 8 г. до н. э.), др.-римский поэт - 131

Горбунов Иван Федорович (1831-1895), актёр - 315

Гортензия-Евгения (1783-1837), голландская королева - 126

Горчаков Александр Михайлович (1798-1883), князь, дипломат, министр иностранных дел - 80, 85-87

Греков Тимофей Дмитриевич (1770-1831), генерал-майор - 38

Грекова Мария Матвеевна, урожд. Платова (1791-1866), жена Т.Д. Грекова - 38

Грибоедов Алексей Федорович (1767-1833), поручик гвардии Преображенского полка, дядя А.С. Грибоедова - 149

Грибоедов Александр Сергеевич (1795-1829), писатель, дипломат - 149, 219, 286, 301

Грузинский Егор (Георгий) Александрович

(Вахтангеевич) (1762-1852), князь, нижегородский помещик-самодур - 150-153, 263

Гурьев Дмитрий Александрович (1751-1825), граф, министр финансов - 297-298

Гюго Виктор (1802-1885), фр. поэт и писатель - 85

Д

Давид (кон. XI в. - около 950 г. до н. э.), царь иудейский - 167

Даву Луи-Николя (1770-1824), фр. маршал - 154

Давыдов Денис Васильевич (1784-1839), писатель - 38, 41, 132

Давьяк, армянин, предсказатель - 64, 66

Дарий III Кодоман (336-330), царь персидский - 192

Дашков Павел Яковлевич (1849-1910), собиратель редкостей - 319

Дашкова Екатерина Романовна, урожд. Воронцова (1743-1810), княгиня - 106-107, 149

Д-в П.Л., силач - 290-291

Демидов Акакий Прокофьевич, сын П.А. Демидова - 223-224

Демидов Николай Иванович (1773-1833), генерал от инфантерии - 29-30

Демидов Павел Григорьевич (1738-1821), основатель ярославского Лицея - 150-151

Демидов Прокопий Акинфиевич (1710-1788), действит. Статский советник, миллионер - 80, 223

Державин Гавриил Романович (1743-1816), поэт, государственный деятель - 84, 148-149, 192, 256-257

Дидло Карл-Людвиг (1767-1837), балетмейстер - 219

Диканский И.А., врач - 21

Дмитревский Иван Афанасьевич (1734-1821), актёр - 175

Дмитриев Иван Иванович (1760-1837), поэт - 149, 175-177

Доброхотов Иван, портной - 241

Д-ов, «духовный майор» - 181-183

Д-ов, генерал-провиантмейстер, коллекционер - 244-247

Долговяз Никита, кулачный боец - 264

Долгоруков Иван Михайлович (1764-1823), князь, поэт и мемуарист - 107, 152, 173-174

Долгоруков Юрий Владимирович (1740-

1830), князь, генерал-аншеф - 281

Долгорукова, московская княгиня-кошатница - 312

Домбровский Игорь Евгеньевич, генеалог - 12

Д-ский, сенатор, любитель церковного пения - 212, 214

Дубельт Леонтий Васильевич (1792-1862), начальник корпуса жандармов - 255

Дурасов, помещик - 271

Дюбуа, француженка - 245

Дюваль Я.Д., ювелир - 102

Дюма Александр (1802-1870), фр. писатель - 85

Е

Евпраксия, девица - 271

Еготов Иван Васильевич (1756-1815), архитектор - 271

Екатерина II Алексеевна (1729-1796), императрица - 34, 56, 61, 85, 91, 100, 111, 117, 130, 146-148, 154-155, 173-174, 178, 184, 186, 190, 204, 218, 256, 258, 270, 281, 288, 292

Елизавета Петровна (1709-1761), импера-

трица - 147

Еремеев Павел Владимирович (1830-1899),
минералог - 320

Ермолов Алексей Петрович (1772-1861), ге-
нерал - 44, 131-132

Ерофеич, знахарь - 221

Ж

Жанлис Стефания-Фелисита (1746-1830), фр.
писательница - 101

Железняк (Зализняк) Максим (вт. полови-
на XVIII в.), казак - 192

Жерамбо, фр. барон, авантюрист - 106-107

Жерве Николай Андреевич (1808-1841), по-
ручник Кавалергардского полка - 42

Жихарев Степан Петрович (1788-1860), пи-
сатель - 108, 129, 157, 185

Жоржель, аббат, фр. писатель - 106

Жуковский Василий Андреевич (1783-
1852), поэт - 62, 229

Жулев Гавриил Николаевич (1836-1878),
поэт - 315

З., купец-сахароторговец - 107

Забелин Иван Егорович (1820-1908), историк - 6

Завадовский Александр Петрович (1794-1856), граф, камер-юнкер, убивший на дуэли В.В. Шереметева из-за Е.И. Истоминой - 218-219

Завадовский Петр Васильевич (1739-1812), министр народного просвещения - 70, 270

Загоскин Михаил Николаевич (1789-1852), писатель - 91

Загряжская Наталья Кирилловна, урожд. Разумовская (1747-1837) - 200, 204 - 206

Закревский Арсений Андреевич (1783-1865), московский генерал-губернатор - 134 - 135, 302

Засс Григорий Христофорович (1797-1883), барон, генерал-лейтенант - 44-45

Зеленухин А. (см. Витченков А.)

Землянухин А. (см. Витченков А.)

З-ий (Завадовский?), граф, держал «арапов» - 238

Зиновьева Е.Н. (см. Орлова Е.Н.)

Золотарева, «пензенская Офросимова» -

Зосима Зой Павлович (1757-1827), меценат, издатель книг на греческом языке - 279, 283

Зотов Николай Иванович (1782-1849), граф, действ. статский советник, муж Елены Алексеевны Куракиной (1787-1869) - 123

Зубов Валериан Александрович (1771-1804), генерал-аншеф - 100

Зубова Мария Федоровна, урожд. Любомирская (1773-1810), в первом браке - Потоцкая, графиня - 100

Зубовы, кулачные бойцы - 264

Зыбин, московский чудака - 166, 168-169

И

Илья (см. Байков И.И.)

Иоанн Златоуст (347-407), отец церкви - 68

Иона Иванович, слуга М. Румянцева - 81

Ирка-Матьяс, танцовщица - 230

Истомина Евдокия (Авдотья) Ильинична (в замужестве - Якунина) (1799-1848), танцовщица - 219

К

Калашников Александр Степанович, полковник-филантроп - 24 - 25

Калиостро (наст. имя - Джузеппе Бальзамо) (1743-1795), авантюрист - 103-104

Каменская Анна Павловна, урожд. Щербатова (1749-1826), жена М.Ф. Каменского - 35

Каменская Мария Федоровна, урожд. Толстая (1817-1898), мемуаристка - 41

Каменский Михаил Федотович (1738-1809), граф, фельдмаршал - 29, 34-35, 58

Каменский Сергей Михайлович (1772-1834), граф, сын М.Ф. Каменского, владелец крепостного театра - 10, 290, 295 - 296

Кандалинцев, винный откупщик - 279-282

Канкрин Егор Францевич (1774-1845), граф, министр финансов - 69

Каншин Василий Семенович, откупщик - 282

Капустин Иван, мясник - 241

Карабахский хан - 288

Карамзин, брат Н.М. Карамзина - 177

Карамзин Николай Михайлович (1766-1826), историк - 38, 178

Каратыгина Александра Михайловна,

урожд. Колосова (1802-1880), актриса - 229

Карин Фёдор Григорьевич (кон. 1730-1800),
поэт - 178

Каркачек, казачок Н.К. Загряжской - 204,
206

Карла-головастик, домоправитель Нащо-
кина - 16

Катенин Павел Александрович (1792-1853),
литератор и театрал - 293

К-в, владелец певчих (см. Кологривов А.А.)

Квируга Антонио (1784-1841), испанский
генерал - 219

Кемпелен Вольфганг фон (1734-1803), ба-
рон, механик - 190-191

К-ин Ал[ексей] Ст[епанович], силач, орлов-
ский городничий - 290, 292

Киреевский Николай Васильевич (1797-
1870), мемуарист - 188, 193, 195-196, 261

Кириллов Яков, плодовитый крестьянин -
245

Кириллова Федосья, жена Я.Кириллова -
245

Клейнмихель Петр Андреевич (1793-1869),
граф - 66, 132-134

Княжевич Александр Максимович (1792-

1872), гос. деятель - 258

Княжнин Яков Борисович (1742-1791), драматург - 175

Княжныны, семейство - 149

К-о, помещик-«путешественник» - 298

Козловский Иосиф (Осип) Антонович (1757-1831), капельмейстер и композитор - 256-257

Козловский Петр Борисович (1783-1840), князь, дипломат, литератор - 61-62

Козодавлев Осип Петрович (1751 или 1755-1819), министр внутренних дел - 70

Кокорев Василий Александрович (1817-1889), откупщик - 282

Кокурина, орловская помещица - 107

Кологривов А.А., костромской помещик, владелец крепостного театра - 212, 214-215

Кологривов Дмитрий Михайлович (1779-1830), гофмейстер, единоутробный брат А.Н.

Голицына, министра просвещения - 93, 124, 127-129, 218

Колосова А.М. (см. Каратыгина А.М.)

Кондрант Степанович, староста А.П.Демидова - 224

Константин Павлович (1779-1831), великий князь - 164, 170, 247-248, 302

Корсаков Михаил Семенович (1826-1871), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Сибири - 26, 210

Корсаков, советник Н.И. Трескина - 116

Корф Модест Андреевич (1800-1876), барон - 76

Костенецкий Василий Григорьевич (1769-1831), генерал-лейтенант - 29, 31-33

Костомаров Николай Иванович (1817-1885), историк - 6

Костров Ермил Иванович (1755-1796), писатель, переводчик - 166, 175-180

Кочубей Виктор Павлович (1768-1834), граф, председатель Государственного совета - 202, 206, 270

Красинский (Корвин-Красинский) Викентий (Венсент) Иванович (1783-1858), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, маршал Польского Сейма - 139, 146-147

Кремповский Иван Авксентьевич (1781-1835), действ. статский советник - 68

Кривченков, крепостной актёр - 296

Криденер (см. Крюденер)

Кронау, автор - 245

Кропотов Андрей Фролович (1780-1817), по-

эт, прозаик - 69-71

Кротков Степан Егорович, симбирский помещик - 181, 184-186

Кроткова Марфа Яковлевна, вторая жена С.Е. Кроткова - 186

Крузенштерн Иван Федорович (Иоганн-Антон) (1770-1846), адмирал - 101

Крылов Иван Андреевич (1768-1844), баснописец - 149, 227, 253, 286

Крюденер Варвара-Юлия, урожд. Фитингоф (1764-1825), мистик - 104, 164

Кугель Александр (Авраам) Рафаилович (1864-1928), публицист, мемуарист - 7

Кудеяр, разбойник второй пол. XVI в. - 191

Кузнецов Ефим Андреевич (1771 или 1783-1850 или 1851), купец-миллионер, статский советник - 115-116

Кукольник Нестор Васильевич (1809-1868), писатель, драматург - 178

Куликов Николай Иванович (1812-1891), поэт, драматург, актёр - 19

Кулон, ресторатор - 249

Кульнев Яков Петрович (1763-1812), генерал - 213

Кункин Терентий, кулачный боец - 264

- Куракин Александр Борисович (1752-1818), князь, канцлер - 109, 117-122, 161, 163, 281
- Куракин Алексей Борисович (1759-1829), князь, канцлер - 122-123, 150, 161
- Куропатко, унтер-офицер - 240
- Курочкин Василий Степанович (1831-1875), поэт - 315
- Курочкин Николай Степанович (1830-1884), врач, писатель - 315
- Курута Дмитрий Дмитриевич (1770-1838), граф, генерал - 170
- Кусовников Михаил Алексеевич (?), откупщик, коллежский советник - 268, 270
- Кусовников Петр Алексеевич (1753-1823), московский домовладелец - 139-140
- Кусовникова Арина Ивановна (1762-1832), жена П.А. Кусовникова - 139-140
- Кусовникова О.М. (см. Энгельгардт О.М.)
- Кутайсов Александр Иванович (1784-1812), генерал - 31
- Кутайсов Иван Павлович (1759-1834), граф, обер-шталмейстер - 61, 250
- Кушелев (Безбородко) Григорий Григорьевич (1754-1833), граф - 234, 250
- Кфеф, доктор - 120

Л

Лазаро-Лазарини, испанский оружейник - 196

Ламот, де (см. Ламот-Валуа)

Ламот-Валуа, де (1756-?), графиня - 103-106

Ланжерон Александр Федорович (1763-1831), граф, генерал от инфантерии - 56-59

Ланкастер, англ. оружейный фабрикант - 196

Лаптев, домовладелец - 232

Л-ге, швейцарка - 105

Лебеда, оружейник - 196

Л-ев, любитель похорон - 224

Лейкин Николай Александрович (1841-1906), писатель - 316

Ленорман Мария-Анна-Аделаида (1772-1843), фр. Гадалка - 78-79

Лепаж, фр. оружейник - 21, 196, 247-248

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841), поэт - 42

Лесков Николай Семенович (1831-1895), писатель - 10

Ливен Дарья (Доротейя) Христофоровна,

- урожд. Бенкендорф (1785-1857), княгиня - 62
- Ливен Христофор Андреевич (1774-1838), князь, посланник в Англии - 62, 265
- Ливий Тит (59 г. до н. э. -17 г. н. э.), др.-римский историк - 131
- Лисенков Иван Тимофеевич (1795-1881), книгопродавец, мемуарист - 253-255
- Литта Екатерина Васильевна, урожд. Энгельгардт (по первому браку - Скавронская) (1761-1829), графиня - 77
- Литта Юлий Помпеевич (1763-1839), граф, старший обер-камергер - 74-78
- Логинов, откупщик - 282
- Лопухин Петр Васильевич (1753-1827), князь, министр юстиции - 69
- Лопухина Анна Петровна (1777-1805), фаворитка Павла I - 142
- Лоран, де, фр. певица - 163
- Лорер Николай Иванович (1797 или 1798-1873), декабрист - 129
- Лужков Алексей Иванович (1754-1808), коллежский асессор, унтер-библиотекарь Эрмитажа - 81, 184
- Лукин, откупщик - 282
- Лукин Владимир Игнатьевич (1737-1794),

комедиограф - 149

Лукин Дмитрий Александрович (1770-1807), капитан флота, силач - 92-97

Лунин, «гофмаршал» Познякова - 91

Лунин Михаил Сергеевич (1787-1845), декабрист - 53, 124, 126-127

Лунин Петр Михайлович, генерал-лейтенант - 124

Лунина Е.П. (см. Риччи Е.П.)

Львов Сергей Лаврентьевич (1740-1812), генерал от инфантерии - 150, 154-157

Любомирская Мария Львовна, урожд. Нарышкина - 100

Любомирский Франц-Ксаверий-Станислав (1747-1819), князь, генерал-поручик - 100

Людовик XIV (1643-1715), фр. король - 98, 167, 280

Людовик XVI (1754-1793), фр. король - 103

М

Мажерам (см. Мунсурам)

Майков Леонид Николаевич (1839-1900), литературовед - 84

Максим Петрович (см. Новосильцев Д.А.)

- Маргаритка, ростовщик - 216
- Мария Антуанетта (1755-1793), фр. королева - 98, 103, 163
- Мария-Луиза (1791-1847), фр. императрица - 120
- Мария Федоровна (1759-1828), императрица - 55-56, 96, 122
- Мартини Висенте (см. Мартини-Солер)
- Мартин-и-Солер (1754-1806), композитор, органист и драматург - 165
- Матвей Иванович, камердинер - 268, 275
- Матинский Михаил Алексеевич (1750-1820), драматург - 181
- Матюшкина С.Д. (см. Виельгорская С.Д.)
- Маурер Людвиг (1789-1878), композитор и капельмейстер - 227
- Мацнев Спиридон Тимофеевич, помещик - 181, 184, 186
- Меншиков Александр Данилович (1670 или 1673-1729), князь, фаворит Петра I - 130
- Меншиков Александр Сергеевич (1787-1869), князь, адмирал - 130-138
- Мецапелли, кондитер - 76
- Милорадович Михаил Андреевич (1771-1825), граф, военный губернатор - 277-278, 311

Минкина Настасья Федоровна (?-1825), любовница А.А. Аракчеева - 274

Михаил Павлович (1798-1849), великий князь - 42, 47-48, 51, 132, 230

Михаил (Десницкий Матвей) (1762-1820), митрополит С.-Петербургский - 259

Михайлов Яков, кухмистер - 240

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790-1848), историк - 28, 33, 134

Михель, главный вагенмейстер великого князя Константина Павловича - 164

Мицкевич Адам (1798-1855), поэт - 275

Мишле Жюль (1798-1874), фр. Историк - 85

М-й, сенатор, подаривший соловья Аракчееву - 207

Можар, акробатка - 135

Монтасю, танцовщик - 230

Мортимер, оружейник - 196

Мунсурам (ок. 1758-1833), индус-ростовщик - 232-233

Мюссе Альфред де (1810-1857), фр. поэт - 85

Мятлев Иван Петрович (1796-1814), поэт, драматург - 227

Н

- Н, купец-раскольник, скряга - 141
- Нагаева В.А. (см. Нащокина В.А.)
- Наполеон I (1769-1821), фр. Император - 18, 27, 29, 35-37, 107, 120, 126, 145, 260, 267, 294
- Нарышкин Василий Васильевич (1738-?), управляющий Нерчинскими заводами - 109, 111-112
- Нарышкин Дмитрий Львович (1764-1838), обер-егермейстер - 100
- Нарышкин Кирилл Александрович (1786-1838), обер-гофмаршал - 117
- Нарышкин Лев Александрович (1733-1799), генерал-адъютант - 68, 100
- Нарышкин Лев Кириллович (1809-1855), генерал-контролер, «экс-лейб-гусар» - 216
- Нарышкина Мария Антоновна, урожд. Четвертинская, (1779-1854), жена Д.Л. Нарышкина - 100
- Нарышкина Е.Л. (см. Головкина Е.Л.)
- Нарышкина М.Л. (см. Любомирская М.Л.)
- Нарышкина Н.Л. (см. Соллогуб Н.Л.)
- Нахичеванский хан - 288
- Нащокин Александр Петрович (1758-1838), камергер - 19

Нащокин Павел Воинович (1801-1854), подпоручик - 14-25

Нащокина Вера Александровна, урожд. Нагаева (1811-1900), дочь А.П. Нащокина - 19-20

Н-в, купец-золотопромышленник, гастроном - 71

Некрасов Николай Алексеевич (1821-1877), поэт, издатель - 320

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752-1828), поэт, сенатор - 257

Немцов Федор Глебович, бригадир, с 1775 г. иркутский губернатор - 112

Нечволодов Григорий Иванович (1780-1830-е гг.), подполковник - 42-44

Нечволодова Екатерина Григорьевна (1815-1887), вторая жена Нечволодова - 44

Нечволодова, урожд. Тышкевич, первая жена Нечволодова - 43

Николай I Павлович (1796-1855), император - 27, 47-48, 59, 76, 135, 138, 212-213, 256, 268, 280

Новиков Николай Иванович (1744-1818), издатель, масон - 149

Новосильцев Дмитрий Александрович (1759-1836), отставной бригадир - 80, 91

Нодье Шарль (1780-1844), фр. писатель - 86
Нортон, часовой мастер - 277
Нурри Адольф (1802-1839), оперный певец
и композитор - 86

О

Огинский Михаил Клеофас Андреевич (1765-1833), композитор, сенатор - 256
Огюст (наст. имя - Огюст Пуаро) (1780-1844), фр. балетмейстер - 202
Окропир, кавказский князь - 222
Олешкевич Юзеф (Иосиф) Антонович (Иванович) (1777-1830), художник, академик живописи - 268, 275-278
Олива, девица - 103-104
Ольга Андреевна (см. Солдатова О.А.)
Орлов Алексей Григорьевич (1737-1807), граф - 83
Орлов Григорий Григорьевич (1734-1783), граф - 83, 180
Орлов Федор Григорьевич (1741-1796), граф - 83
Орлова Екатерина Николаевна, урожд. Зиновьева (ум. в 1782 г.), жена Г.Г. Орлова - 180

Орловский Александр Осипович (1777-1832), художник, академик живописи - 216-217

Осипов, секретарь О-ва любителей прогулки - 257

Остерман Андрей Иванович (1686-1747), граф, вице-канцлер - 61

Остерман Федор Андреевич (1723-1804), граф, сенатор - 49-61

Офросимов Александр Павлович (1782-1846), полковник, адъютант П.И. Багратиона - 302-303

Офросимова Настасья Дмитриевна, урожд. Лобкова (1753-1826) - 301-303

П

Павел I Петрович (1754-1801), император - 25, 34-35, 55, 74, 100, 106, 119, 122, 142, 157, 163, 184, 214, 234, 250, 260, 270, 292, 299

Павлов Евгений Васильевич (1845- после 1896), хирург - 321

Пацевич Елена Ивановна, урожд. Пыляева, сестра М.И. Пыляева - 11

П-в, курский помещик-откупщик - 188, 197-

П-в, барин, не любивший пьяных слуг - 223, 225

П-в С., губернатор или градоначальник Архангельска - 251

Перлов Семен Васильевич (1821-1879), домовладелец - 139

Пестель Иван Борисович (1765-1843), сибирский генерал-губернатор - 114

Петито Жан (1607-1691), фр. художник по эмали - 101

Петр I Алексеевич (1672-1725), император - 22-23, 112, 117, 242, 311

Петр III Федорович (1728-1762), император - 148

Петров Василий Петрович (1736-1799), поэт, переводчик - 166, 179-180

Петров Петр Николаевич (1827-1891), генерал-алог - 100

Пинети, фокусник - 59

Пирогов, нотариус - 22

Пирогов Яков Иванович, друг М.И. Пыляева - 8

Платов Матвей Иванович (1751-1818), граф, атаман Войска Донского - 37-38, 44

Платова М.М., дочь М.И. Платова (см. Грекова М.М.)

Платон (Левшин Петр Егорович) (1737-1812), митрополит московский - 49

Плещеев Александр Алексеевич (1858-1944), писатель - 7, 11

Плуталов, домовладелец - 209

Плутарх (ок. 45-ок. 127 г. н.э.), др.-греческий писатель и историк - 170

Позняков Петр Адрианович (1753-1814), генерал-майор, владелец театра - 80, 90-91

Понинский, князь польский - 100

Потемкин Григорий Александрович (1739-1791), князь - 10, 23, 77, 146, 154-155, 157, 166-167, 177, 180, 187, 256, 262-263, 290, 293-294, 304

Потемкин Сергей Павлович (1787-1858), граф, поэт и драматург - 290, 293-294

Потемкина Татьяна Борисовна, урожд. Голицына, (1797 или 1801-1869), статс-дама жена С.П. Потемкина - 128-129, 306

Потоцкая (см. Зубова)

Потоцкий Северин Осипович (1762-1829), сенатор - 100

Потто Василий Александрович (1836-1911), историк - 100

- Походкины, братья, кулачные бойцы - 264
- Походяшин Максим Михайлович, откупщик, горнозаводчик - 282
- Пржецлавский Осип Антонович (1799-1879), публицист - 221
- Протасова А.П. (см. Толстая А.П.)
- Прохоров, портной - 241
- Прошка, дворецкий «Рококо» - 88
- Прыжов Иван Гаврилович (1827-1885), публицист - 6
- Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742-1775), предводитель крестьянского восстания - 185, 191
- Пукалов Иван Антонович, статский советник - 206
- Пукалова Варвара Петровна (1784-?), жена ст. советника И.А. Пукалова - 206-207
- Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837), поэт - 14, 16, 24, 61, 129, 171, 202, 204, 253-255, 286
- Пушкин Лев Сергеевич (1805-1852) - 14
- Пыляев Михаил Иванович (1842-1899), литератор - 4-12, 20, 35, 147, 177, 184, 189-191, 219-220, 289, 314-322
- Пыляева Е.И. (см. Пацевич Е.И.)

Р

Равин Егор Федорович, щеточный мастер -
240

Рагозина, орловская помещица - 150, 158

Разин Степан Тимофеевич (1630-1671),
предводитель казачьего восстания - 191

Разумовская Варвара Петровна, урожд. Ше-
реметева (1750-1824), жена А.К. Разумовского -
189

Разумовский Алексей Кириллович (1748-
1822), граф - 189

Разумовский Кирилл Алексеевич (1777-
1829), граф, камергер - 189

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728-
1803), граф, гетман - 181, 187, 189

Разумовский Лев Григорьевич (1816-1868),
граф - 189

Разумовский Петр Алексеевич (1775-1835),
граф, камергер - 190

Раль, барон, банкир - 102

Рандольф, американский посланник - 268

Растопчин Ф.В. (см. Ростопчин Ф.В.)

- Рахманин, гастроном - 89
- Р-в, княжна, в которую влюбился Костенецкий - 32
- Рединг, г-жа, «босоножка» - 279, 288
- Резанов, кондитер - 76
- Рейтерны, графы - 189
- Ренет Гастон, фр. оружейник - 196
- Ржевуский Адам Станиславович (1760-1825), граф - 100
- Рибопьеры, графы - 189 Ридигеры, графы - 189
- Римская-Корсакова Мария Семеновна, урожд. княжна Волконская (1731-1796), жена А.В. Римского-Корсакова (1729-1780), мать Е.А. Архаровой - 309-310
- Риччи Екатерина Петровна, урожд. Лунина (1787-1886), жена гр. М. Риччи - 125-126
- Риччи Миньято (1792-1860 или 1877), граф, поэт, певец-любитель - 126-127
- Ришелье, герцог - 248
- Ровинский Дмитрий Александрович (1824-1895), сенатор, коллекционер - 265
- Роган-Гамене, Людовик-Рене-Эдуард принц де (1735-1803), кардинал - 103-104
- Родимый Алексей, кулачный боец - 264

«Рококо», камер-юнкер - 86-90
Ростовцевы, графы - 189
Ростопчин Федор Васильевич (1763-1826),
граф - 38, 91
Рубини Джиованни-Баттиста (1795-1854),
ит. певец - 138
Румянцев Михаил Петрович (1751-1811),
граф, сын П.А. Румянцева-Задунайского, сена-
тор - 80-81
Румянцев-Задунайский Петр Александро-
вич (1725-1796), граф, фельдмаршал - 81, 189
Руч, портной - 239
Рюмин, откупщик - 282

С

С., братья - 129-130
Савари Анн-Жан-Мари-Рене (1774-1833), ге-
нерал - 260-261
Сальватор, кондитер - 76
Салтыков Алексей Дмитриевич (1806-1859),
князь, писатель, путешественник - 216
Самойлова Вера Васильевна (1824-1880), ак-
триса - 294
Самойлова Юлия Павловна, урожд. Пален

(1803-1875), графиня, внучка гр. Литта - 77

Санковская Екатерина Александровна
(1816-1878), танцовщица - 230

Санти, граф, поверенный Е.Р. Дашковой -
107

Сапега Лев (Леон) Александрович (1801-
1878), граф - 99

С-ва, орловская помещица, ходившая боси-
ком - 220

Сведенборг Эммануил (1688-1772), швед-
ский натуралист и мистик - 64

Свиньин Павел Петрович (1788-1839), писа-
тель - 242, 245

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763-1831),
адмирал - 93

Серафим (Глаголевский Стефан Василье-
вич) (1763-1843), Санкт-Петербургский митро-
полит - 133

Сибиряков, купец - 112

Сильчевский Дмитрий Петрович (1851-
1919), библиограф, историк литературы - 11

Случкин Митрофан, тамбур-мажор - 245

Смекаев, табачный фабрикант - 241

Смирнова Александра Осиповна, урожд.
Россет (1810-1882), мемуаристка - 129

С-н, моряк, внебрачный сын Г.Г. Кушелева -
244, 250-253

Соколовский Владимир Игнатьевич (1808-
1839), литератор - 253

Солдатова Ольга Андреевна, цыганка, со-
жительница П.В. Нащокина - 18-19

Солдатова Степанида Сидоровна (ок. 1784-
1822), цыганка - 18

Соллогуб Александр Иванович (1784-1843),
граф, отец В.А. Соллогуба - 100, 218, 257

Соллогуб Владимир Александрович (1814-
1882), граф, писатель - 128, 308

Соллогуб Иван Антонович (?-1812), граф -
100

Соллогуб Наталья Львовна, урожд. Нарыш-
кина - 100

Соц Василий Иванович (1788-1841), писа-
тель, цензор - 257

Спада Антоний-Франциск (?-1813), писа-
тель - 154

Сперанский Михаил Михайлович (1772-
1839), граф - 117, 138, 286

Спиридонова М.И., балерина (см. Гагарина
М.И.)

Старбук, шведский оружейник - 196

- Стеша-Каталани (см. Солдатова С.С.)
- Строганов Григорий Александрович (1770-1857), граф, обер-камергер - 255
- Струве Василий Яковлевич (1793-1864), астроном - 138
- Струйский Николай Еремеевич (1749-1796), поэт и типограф - 166, 171-175
- Сувестр Эмиль (1806-1854), фр. писатель - 86
- Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912), издатель, драматург - 9, 314
- Суворов Александр Васильевич (1739-1800), генералиссимус - 29, 33-35, 42-43, 148, 153-154, 179, 290
- Суворов Василий Иванович (1705-1775), генерал-аншеф - 314
- Сулье Мельхиор-Фридерик (1800-1847), фр. драматург и романист - 85
- Сумароков Александр Петрович (1717-1777), поэт и драматург - 174
- Сю Эжен (1804-1857), фр. писатель - 99

Т

Тарковский шамхал - 288

Татищев Александр Иванович (1762-1833), генерал - 69

Тацит (ок. 58 - ок. 117 г. н.э.), др.-римский историк - 131

Т-в, стихотворец - 182

Т-в, пензенский помещик, не спавший по ночам - 80

Тевяшов, верхнеудинский воевода - 113

Телегин, поручик, силач - 92, 97

Тенишев, князь - 279, 288

Тиайнен Даниэль, лавочник - 286

Тихон Задонский (Кириллов Тимофей Савельевич) (1724-1783), епископ воронежский - 281-282

Тобьев, полковник, враль - 261-263

Толстая, дочь гр. Толстого (см. Каменская М.Ф.)

Толстая Анна Петровна, урожд. Протасова (1794-1869), графиня, жена В.В. Толстого - 301, 311-312

Толстой Варфоломей Васильевич (?-1838), граф - 311

Толстой Лев Николаевич (1828-1910), граф, писатель - 35, 302

ТрEDIAKовский Василий Кириллович

(1703-1768), ученый и поэт - 174, 230

Трескин Николай Иванович (1763-1842),
иркутский губернатор - 109, 113-117, 211

Трескина Агнесса (Агния) Федоровна,
урожд. Ключарева (?-1819), жена Н.И. Трески-
на - 115

Трещиха (см. Трескина А.Ф.)

Триангельянов Сенька - 161

Троицкий, действ. статский советник - 279,
288

Трофимович, знахарь - 247

Троцинский Дмитрий Прокофьевич (1754-
1829), гос. деятель - 270

Трубецкая Елизавета Петровна (1796-1870),
жена С.П. Потемкина - 293

Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883), писа-
тель - 193

Тышкевич, графиня, первая жена Г.И. Неч-
володова - 53

У

Уваров Фёдор Петрович (1773-1824), гене-
рал-адъютант - 101

Ушаков Фёдор Фёдорович (1745-1817), ад-

Ф

Фалеев Михаил Леонтьевич (?-1792), сначала купец, затем дворянин - 181, 187

Федор, камердинер Ф.Ф. Ушакова - 153

Федоров Борис Михайлович (1798-1875), литератор - 253, 255

Федоров Кузьма, мастер - 240

Федюшин, кондитер - 76

Фекла, кухарка Ю.А. Олешкевича - 275

Фельет (см. Фильетт Ж.)

Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1783-1867), московский митрополит - 259

Фильетт (Фельетт) Жан, владелец трактира на Невском - 261, 263

«Франт» (см. Кологривов Д.М.)

Франц II Иосиф Карл (1768-1835), император австрийский - 189

Х

Х, посланник при итальянском дворе, петербургский донжуан - 248-249

Хандошкин Иван Евстафьевич (1747-1804), скрипач и композитор - 257

Хвостов Александр Дмитриевич (1796-1870), граф сардинский, статский советник - 218

Хвостов Александр Семенович (1753-1820), тайный советник, поэт и переводчик - 155, 174

Хвостов Дмитрий Иванович (1757-1835), граф сардинский, поэт - 218

Хитрово Анастасия (Настасья) Николаевна урожд. Каковинская (1762-1842), московская барыня, вдова Н.П. Хитрово (1756-1809) - 301, 303-304

Хмельницкий Николай Иванович (1789-1845), драматург - 227

Храповицкий Александр Васильевич (1749-1801), сенатор, статс-секретарь Екатерины II - 34, 155, 281

Ц

Ципринус (см. Пржецлавский О.А.)

Цицианов Дмитрий Евсеевич (1747-1835), князь, рассказчик - 129, 139, 145, 263

Ч

Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856), писатель - 24

Чагин, артиллерист-силач - 57, 92, 97

Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768-1825), генерал - 170

Ч-ев, петербургский балетоман - 290, 292-293

Чернышев Александр Иванович (1785-1857), князь, военный министр - 134, 200

Чернышев Иван Григорьевич (1726-1797), граф, генерал-фельдмаршал - 83

Чернышев Иван Егорович (1833-1863), актёр, драматург - 315

Четвертинская (см. Нарышкина М.А.)

Чеусов, иркутский казачий офицер - 211

Чичагов Павел Васильевич (1765-1849), адмирал, министр - 71

Чичерин Денис Иванович (1721-1785), генерал-майор, сибирский губернатор - 109-111

Чубаров Александр Федорович, дед И.А. Бунина - 67

Чупятов Василий Анисимович, ржевский купец - 80, 83-84, 235

Ш

Шаров, извозчик - 260

Шаховской Александр Александрович (1777-1846), князь, драматург - 149, 227

Шварценберг Феликс-Людвиг-Иоганн-Фридрих (1800-1852), австрийский гос. деятель - 120

Ш-ев, отставной вице-губернатор, масон - 183

Шемякин, откупщик - 282

Шереметев Василий Васильевич (1794-1817), штабс-ротмистр - 219-220

Шереметев Николай Петрович (1751-1809), граф, обер-камергер - 181

Шереметева В.П. (см. Разумовская В.П.)

Шилитэ Томас, проповедник - 259

Ширай Степан Михайлович (1767-1841), генерал-майор - 268, 270

Шишков Александр Семенович (1754-1841), адмирал, писатель - 156

Ш-ов, князь, враль - 139, 145

Шубинский Сергей Николаевич (1834-1912), историк - 6

Шувалов Иван Иванович (1727-1797), меценат - 148, 176, 178

Шумигорский Евгений Севастьянович (1857-?), историк - 6

Щ

Щегловский Василий Романович (1737-1845), майор - 289

Щербатова А.П. (см. Каменская А.П.)

Э

Эккартсгаузен Карл фон (1752-1803), немецкий писатель - 64

Энгельгардт Василий Васильевич (1785-1837), полковник, внучатный племянник Потёмкина - 268

Энгельгардт Е.В. (см. Литта Е.В.)

Энгельгардт Лев Николаевич (1765-1836), генерал-майор, мемуарист - 35

Энгельгардт Ольга Михайловна, урожд. Кузовникова (1796-1853), жена В.В. Энгельгардта - 268

Энгельгардт Т.В. (см. Юсупова Т.В.)

Эрар Себастьян (1752-1831), фабрикант музыкальных инструментов - 21

Эртель Федор Федорович (1767-1825), обер-полицеймейстер - 226

Ю

Юнкер А.Л., моряк, капитан-лейтенант - 137

Юсупов Николай Борисович (1750-1831), князь - 100, 304

Юсупова Татьяна Васильевна, урожд. Энгельгардт (1767-1841), княгиня, племянница Г.А. Потемкина-Таврического, вторым браком за кн. Н.Б. Юсуповым (1750-1831) - 301, 304-305

Я

Яблочкин Иван Федорович (1762-1848), скрипач - 257

Яковлев, вообразивший себя кабардинским принцем - 236

Якубович Александр Иванович (1792-1845), декабрист - 219

Ястребцов Иван, врач - 257

Яша, уличный торговец - 279, 286-287

Яшка, повар «Рококо» - 88, 90

УКАЗАТЕЛЬ ПОРТРЕТОВ

А праксин Василий Иванович(1788-1822).
Литография В. Ульриха с миниатюры
А.П. Рокштуля. [СБК, т. 3, с. 132] (с. 169)

Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834).
Художник неизвестен. [РП, т. 1, № 171] (с.
25)

Архарова Екатерина Александровна
(1755-1836).
Художник В.Л. Боровиковский. [РП, т. 1, №
9] (с. 307)

Байков Илья Иванович (1768-1838).
Художник Жан Вивьен. [РП, т. 2, № 121] (с.
94)

Булгаков Константин Александрович
(1812-1862).
Литография Удалова. [Адарюков, т. 1, с. 142]
(с. 46)

Ваттемар Александр (1790-1864).

Художник неизвестен. [Смирнов-Сокольский, 1959, с. 291] (с. 285)

Вельяминов Алексей Александрович (1785-1838).

Художник неизвестен. [ВЭ, т. 5, с. 255] (с. 36)

Витиченков Александр («Землянухин»).

Гравюра Фреша. [Морозов, т. 2, тб. 198] (с. 266)

Волконский Григорий Семенович (1742-1824).

Художник В.Л. Боровиковский. [РП, т. 4, № 129] (с. 55)

Всеволожский Всеволод Андреевич (1769-1836).

Художник Д. Доу. [РП, т. 2, № 184] (с. 226)

Всеволожский Никита Всеволодович (1799-1862).

Художник М.П. Вишневецкий. [Муза, с. 12] (с. 228)

Гагарин Павел Гаврилович (1777-1850).
Художник неизвестен. [РП, т. 3, № 73] (с. 143)

Гагарин Федор Федорович (1787-1863).
Художник П. Волков. [РП, т. 2, № 57] (с. 18)

Голицын Григорий Сергеевич (1779-1848).
Художник неизвестен. [РП, т. 3, № 118] (с. 159)

Голицын Сергей Григорьевич (1803-1868).
Художник неизвестен. [Русские писатели, т. 1, с. 609] (с. 201)

Голицын Федор Сергеевич (1781-1826).
Художник неизвестен. [РП, т. 3, № 99] (с. 128)

Голицын Юрий Николаевич (1823-1872).
Художник неизвестен. [Адарюков, т. 1, с. 244] (с. 160)

Голицына Наталья Петровна (1741-1837).
Художник А. Рослен. [РП, т. 1, № 42] (с. 203)

Горчаков Александр Михайлович (1798-1883).

Фотография. [Собрание И.Е. Домбровского] (с. 87)

Грузинский Егор (Георгий) Александрович (1762-1852).

Художник неизвестен. [ДР, т. 3, с. 49] (с. 152)

Демидов Павел Григорьевич (1738-1821).

Художник неизвестен. [РП, т. 5, № 197] (с.151)

Загряжская Наталья Кирилловна (1747-1837).

Художник А.А. Васильевский. [РП, т. 1, № 58] (с. 205)

Истомина Евдокия (Авдотья) Ильинична (1799-1848).

Художник неизвестен. [РП, т. 3, № 93] (с. 219)

Каменский Михаил Федотович (1738-

1809).

Художник неизвестен. [Б-К, ч. 2, с. 75] (с. 34)

Каменский Сергей Михайлович (1772-1834).

Художник неизвестен. [РП, т. 4, № 95] (с. 295)

Киреевский Николай Васильевич (1797-1870).

Фотография. [СБК, т. 3, с. 276] (с. 193)

Козловский Петр Борисович (1783-1840).

Художник неизвестен. [Русские писатели, т. 3, с. 9](с. 62)

Костенецкий Василий Григорьевич (1769-1831).

Художник Д. Доу. [1812 г., № 52] (с. 31)

Костров Ермил Иванович (1755-1796).

Гравюра Александра Флорова. [Морозов, т. 2, тб. 222] (с. 176)

Красинский (Корвин-Красинский) Викен-

тий (Венсент) Иванович (1783-1858).

Художник Л. Каплинский. [РП, т. 2, № 151]
(с. 147)

Куракин Александр Борисович (1752-1818).

Художник В.Л. Боровиковский. [РП, т. 1, № 48]
(с. 118)

Куракин Алексей Борисович (1759-1829).

Художник А. Ритт. [РП, т. 1, № 163] (с. 122)

Ланжерон Александр Федорович (1763-1831).

Художник Д. Доу. [РП, т. 2, № 168] (с. 57)

Лисенков Иван Тимофеевич (1795-1881).

Художник неизвестен. [Смирнов-Сокольский, 1962, с. 389] (с. 254)

Литта Юлий Помпеевич (1763-1839).

Художник Ж. Лампи-отец. [РП, т. 1, № 29] (с. 75)

Лунин Михаил Сергеевич (1787-1845).

Художник П.Ф. Соколов. [Пушкин, № 106]
(с. 52)

Львов Сергей Лаврентьевич (1740-1812).
Художник неизвестен. [ВЭ, т. 15, с. 76] (с.
156)

Меншиков Александр Сергеевич (1787-
1869).
Художник Д. Доу. [РП, т. 1, № 139] (с. 134)

Михаил Павлович (1798-1849), великий
КНЯЗЬ.
Художник неизвестен. [РП, т. 4, № 39] (с. 51)

Нащокин Павел Воинович (1801-1854).
Художник К.П. Мазер. [Пушкин, № 159] (с.
15)

Нащокина Вера Александровна (около
1811-1900).
Художник неизвестен. [Пушкин, № 160] (с.
20)

Олешкевич Юзеф (Иосиф) Антонович

(Иванович) (1777-1830).

Художник неизвестен. [Дробов, с. 28] (с. 276)

Орловский Александр Осипович (1777-1832).

Автопортрет. [Репродукция из собрания И.Е. Домбровского] (с. 217)

Остерман Федор Андреевич (1723-1804).

Художник неизвестен. [Морозов, т. 3, тб. 301] (с. 60)

Петров Василий Петрович (1736-1799).

Гравюра А. Осипова. [Морозов, т. 3, тб. 345] (с. 179)

Платов Матвей Иванович (1751-1818).

Художник неизвестен. [РП, т. 4, № 125] (с. 37)

Платова Мария Матвеевна (1791-1866).

Художник Пашковский. [РП, т. 4, № 126] (с. 38)

Потёмкина Татьяна Борисовна (1797 или 1801-1869).

Художник неизвестен. [РП, т. 3, № 116] (с. 129)

Римская-Корсакова Мария Семеновна (1731-1796).

Художник неизвестен. [РП, т. 4, № 83] (с. 310)

Риччи Екатерина Петровна (1787-1886).

Художник А.-Ф. Лагрене. [Пушкин, № 149] (с. 125)

Риччи Миньято (1792-1860 или 1877).

Художник неизвестен. [Пушкин, № 148] (с. 127)

Румянцев Михаил Петрович (1751-1811).

Художник М. Квадалъ. [РП, т. 5, № 20] (с. 82)

Самойлова Юлия Павловна (1803-1875).

Художник Д. Босси. [РП, т. 3, № 69] (с. 77)

Соллогуб Александр Иванович (1784-

1843).

Художник Д. Босси. [РП, т. 1, № 75] (с. 218)

Струйский Николай Еремеевич (1749-1796).

Художник Ф.С. Рокотов. [Лапшина, с. 146] (с. 172)

Трескин Николай Иванович (1763-1842).

Художник неизвестен. [Штейнгель, т. 2, с.193] (с. 113)

Ушаков Федор Федорович (1745-1817).

Художник неизвестен. [РП, т. 5, № 247] (с. 153)

Чичерин Денис Иванович (1721-1785).

Художник неизвестен. [РП, т. 5, № 53] (с. 110)

Шереметев Василий Васильевич (1794-1817).

Художник неизвестен. [СБК, т. 3, с. 241] (с. 220)

Юсупова Татьяна Васильевна (1767-1841).

Художник Е. Виже-Лебрен. [РП, т. 1, № 10]

(с. 305)

СОКРАЩЕНИЯ

Адарюков - Адарюков В.Я., Обольянинов Н.А. Словарь русских литографированных портретов, т. 1. М., 1916.

Б-К - Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, ч. 2. СПб., 1840.

ВЭ - Военная энциклопедия: т. 5, СПб., 1911; т. 15, Пг., 1914.

ДР - Дворянские роды Российской империи, т. 3. Под ред. С.В. Думина. М., «Ликоминвест», 1996.

Дробов - Дробов Л.Н. Живопись Белоруссии XIX-начала XX в. Минск, 1974.

Лапшина - Лапшина Н.П. Федор Степанович Рокотов. М., 1959.

Морозов - Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов: т. 2 и 3. М., 1913.

Муза - Муза Е.В. Друзья души моей. М., 1969.

Пушкин - А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины 19 века. Л., 1985.

Русские писатели - Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1, М., 1989; т. 3, М., 1994.

РП - Русские портреты XVIII и XIX столетий, тт. 1-5. СПб., 1905-1909.

СБК - Сборник биографий кавалергардов, т. 3 (1801-1826). СПб., 1906.

Смирнов-Сокольский, 1959 - Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. М., 1959.

Смирнов-Сокольский, 1962 - Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962.

1812 год - 1812 год. Бородинская панорама. М., 1982.

Штейнгель - Штейнгель В.И. Сочинения и письма, т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.Л. Никитин. Последняя книга М.И. Пыляева. ... 5

ГЛАВА I Чужачества П.В. Н[ащоки]на, его дорогая игрушка. Голландский домик Брандта. Странности А.А. Аракчеева. ... 14

ГЛАВА II Суевер Н.И. Д[емид]ов. Экспен-

тричности генерала В.Г. Костенецкого. Подражатели странностям А.В. Суворова: граф М.Ф. Каменский и генерал Вельяминов. ... 29

ГЛАВА III Военные повесы былых времен. Майор Г.И. Нечволодов. Генерал-лейтенант Г.Х. Засс. Полковник А-ни. Проказы К.А. Булгакова. ... 39

ГЛАВА IV Эксцентричности князя В-ского. Странности графа Х.И. Бенкендорфа. Замечательная рассеянность графа А.Ф. Ланжерона и графа Ф.А. Остермана. Оригинал П.Б. Козловский. ... 54

ГЛАВА V Давьяк. Чудачества Андрея Борисовича. Живой скелет. Таланты моряка И.П. Бунина. Оригинал И.А. К[ремповск]ий. Поэт-эксцентрик А.Ф. Кропотов. Золотопромышленник Н-ов и его банкеты. ... 64

ГЛАВА VI Вельможа-оригинал граф Ю.П. Литта. Страсть его к мороженому. Жертва предсказания гадалщицы. ... 74

ГЛАВА VII Чудачества помещика Т-ва. Причуды графа М.П. Румянцева. Марокканский принц В.А. Чупятов. Князь А.М. Горчаков и его коллекция. Камер-юнкер «Рококо». П.А. Позняков и Д.А. Новосильцев. ... 80

ГЛАВА VIII Легендарный силач Д.А. Лукин. Рассказы о его невероятных подвигах. Силачи Чагин и Телегин. ... 92

ГЛАВА IX Загадочные личности. Граф В-ский. Ожерелье Марии-Антуанетты. Графиня де Ламот. Барон Жерамбо. Граф А.И. Визапур. ... 98

ГЛАВА X Исторические самодуры Д.И. Чичерин и В.В. Нарышкин. Иркутский губернатор Н.И. Трескин. Пышная жизнь князя Куракина. Брат канцлера в Орловском имении. ... 109

ГЛАВА XI Странности семейства Луниных. Проказы Д.М. Кологривова. Оригиналы кн. Д.Е. Цицианов и братья С. Остроты А.С. Меншикова. ... 124

ГЛАВА XII Замечательные скряги, неряхи и вруны. Московские Кусовниковы. Доктор-скупец. Богач-раскольник и его странности. Княгиня В. и её скупость. Чудачества князя П.Г. Гагарина. Краснобай князь Ш-в. Рассказы князя Д.Е. Цицианова и графа В.И. Красинского. М.И. Веревкин. ... 139

ГЛАВА XIII Оригинал П.Г.Демидов. Чудачества князя Е.А. Грузинского. Странности адми-

рала Ф.Ф. Ушакова. Остряк генерал С.Л. Львов. Помещица Рагозина и её двор. Двор князя Г.С. Голицына. Придворный штат князя А.Б. Куракина. Князь «Юрка» и Jean de Paris. Князь «Cosa cara» и его баснословная расточительность. ... 150

ГЛАВА XIV «Пензенский Людовик» - князь Григорий Голицын. Англоман Зыбин. Граф В.И. Апраксин. Типограф Н.Е. Струйский. Переводчик Е.П. Костров. Поэт В.П. Петров. ... 166

ГЛАВА XV Любители печальных церемоний: «духовный майор» Д-ов и вице-губернатор Ш-в. А.И. Лужков. Богатые помещики С.Е. Кротков и С.Т. Мацне Богач М.Л. Фалеев. ... 181

ГЛАВА XVI Граф-бродяга. Игрок-автомат Воронский. Кладоискатель генерал Б. Охотник Н.В. К[иреевск]ий. Откупщик П-ов. ... 188

ГЛАВА XVII Голицын - «Фирс». Актёры-любители. Старушка Н.К. Загряжская. Чудак-сенатор. Старосветская помещица. Меховщик-путешественник. ... 200

ГЛАВА XVIII Уличные оригиналы. Сенатор Д-ский. Помещик А.А. К[ологриво]в. Ростовчики-индийцы. Приверженцы восточной моды. Граф А.И. Соллогуб. Бригадир И.С. Брызга-

лов. Князь Окропир. ... 212

ГЛАВА XIX Акакий Прокофьевич Демидов. Блюститель трезвости П-в. В.А. Всеволожский и его праздники. Проказы Паши Булгакова. ... 223

ГЛАВА XX Индиец-ростовщик. Алхимик Антон Маркович Гамулевский. Кабардинский принц Яковлев. Любитель гадалок. Петербургские Филимон и Бавкида. Человек-пушка. Ходячая реклама портного. Литература вывесок. ... 232

ГЛАВА XXI Собиратель антиков. Моряк-проказник С-н. Книготорговец И.Т. Лисенков. ... 244

ГЛАВА XXII Капельмейстер О.А. Козловский. Тайные кружки шутников: Общество любителей прогулки, Общество признательности, «Зелёной Лампы» и т.д. Квакеры. Проказы Вакселя. Герой краснословия полковник Тобьев. Кулачный боец «Турка». Казак Зеленухин. ... 256

ГЛАВА XXIII Немой барин. Откупщик М.А. К[усовник]ов. Малороссийский богач С.М. Ш[ир]ай. Уличные проказники и их шалости. Камердинер Матвей Иванович. Художник

Ю.А. О[лешкев]ич. ... 268

ГЛАВА XXIV Откупщик К[андалин]цев. Грек Зой Павлович. Любитель собачьей комедии. Чревовещатель А. Ваттемар. Старик Яша и его собака. Г-жа Реддинг. Князь Тенишев и статский советник Троицкий. ... 279

ГЛАВА XXV Феноменальные силачи Д-в и К-н. Балетоман Ч-ев. Граф С.П. Потемкин. Театрал Каменский. Оригинал В-ский. Путешественник К-о. Идилик-учитель. 290

ГЛАВА XXVI Старуха Н.Д. Офосимова и её сын. А.Н. Хитрова. Княгиня Т.В. Юсупова. Е.А. Архарова. А.П. Толстая. Кошкололюбивые дамы. ... 301

А.А. Плещеев. Памяти М.И. Пыляева. ... 314

Указатель имён. ... 323

Указатель портретов. ... 347

Сокращения. ... 352

На форзацах:

А. Я. Волосков За чайным столом. 1851

Неизвестный художник середины XIX века
Интерьер гостиной. 1840-е

© Редакция текста, вступительная статья, именной указатель - А. Л. Никитин, 2001

© Примечания - И. Е. Домбровский, А. Л. Никитин, 2001

© Художественное оформление А. А. Зубченко, К. А. Зубченко

© «ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ», название серии, 2001

Пыляев М.И.

Замечательные чудаки и оригиналы. Редакция текста, вступительная статья, именной указатель и составление А.Л. Никитин. М., «ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ», 2001, - 359 с., илл. /Русская историческая библиотека/

Издательство «ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ»:

109386, Москва, Таганрогская ул., 10/21.

Адрес для переписки:

101000, Москва, Главпочтамт, а/я 76.

E-mail: trivek@mail.ru

Интернет: www.triv.narod.ru

Отпечатано с готовых плёнок в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93. ISBN 5-93453-030-5

Примечания

Александров Ю. К читателю. // Пыляев М. И.
Старая Москва. М., 1990, с. 3-23.

[^^^]

Кугель А. (Ното novus) Литературные воспоминания. Пг., 1924, с. 47.

[^^^]

РГАЛИ, ф. 637, оп. 1, ед. хр. 23, л. 54.

[^^^]

Щукинский сборник, вып. 8. М., 1909 г.

[^^^]

Цит. по: Александров Ю. Указ. соч., с. 20.

[^^^]

Из статьи А. А. Плещеева остается неизвестным, кто разобрал этот архив, во всяком случае не он и не П. В. Быков, как то можно было бы заключить на основании некролога Пыляева, опубликованного Д. П. Сильчевским в «Русских ведомостях», согласно которому «все хлопоты по похоронам взяли на себя» («Русские ведомости», 1899, № 37, суббота). Точно так же остается неизвестной судьба упоминаемых в этом же некрологе «богатейших коллекций книг, картин и разных редкостей, которые в течение многих лет собирал покойный, живший чудачком-отшельником и даже не имевший прислуги: все необходимое делал для него дворник».

[^^^]

РГАЛИ, ф. 1716, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1-5.

[^^^]

Ошибка: П. В. Нащокин (1801-1854) учился не в Царскосельском лицее и не с А. С. Пушкиным, а с Львом Сергеевичем Пушкиным (1805-1852) в Благородном пансионе при Царскосельском лицее в 1814-1815 гг.

[^^^]

Асенкова Александра Егоровна (1796-1858), актриса.

[^^^]

Солдато́ва Степанида Сидоровна (ок. 1784-1822).

[^^^]

Гагарин Федор Федорович (1787-1863).

[^^^]

Куликов Николай Иванович (1812-1891) - поэт,
драматург, актёр.

[^^^]

П. В. Нащокин женился на Вере Александровне Нагаевой, внебрачной дочери своего троюродного брата - Александра Петровича Нащокина (1758-1838).

[^^^]

Ошибка М. И. Пыляева: П. В. Нащокин всегда оставался москвичём.

[^^^]

В 1918 г. «Нащокинский домик» и некоторые предметы из него находились в Государственном историческом музее в Москве, а затем экспонировались во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

[^^^]

Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856).

[^^^]

Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834),
граф, временщик и самодур при Павле I и
Александре I.

[^^^]

Впоследствии у графа была другая собака - Дианка. Памятники этим собачкам «Верному Жучку» и «Милой Дианке», с чугунными изображениями и мраморными плитами, находятся в его саду в Грузино. Под конец жизни Аракчеева любимым его четвероногим другом был Азор. Прим. Автора.

[^^^]

Демидов Николай Иванович (1773-1833), генерал от инфантерии.

[^^^]

Костенецкий Василий Григорьевич (1769-1831), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., в Бородинском сражении командовал всей русской артиллерией после гибели А. И. Кутайсова.

[^^^]

Волконский Григорий Семенович, князь (1742-1824), генерал-аншеф, отец декабриста С. Г. Волконского.

[^^^]

Этим приказанием воспользовался убийца Каменского, крепостной мальчик-казачок, поджидавший фельдмаршала в лесу, который ударом топора рассек череп своему барину.

[^^^]

Энгельгардт Лев Николаевич (1765-1836), генерал-майор, автор «Записок».

[^^^]

М. И. Пыляев ошибается: Л. Н. Толстой описал в своем романе «Война и мир» своего деда, генерал-аншефа, князя Николая Сергеевича Волконского (1753-1820), высланного из Петербурга при Павле I и безвыездно жившего в своем имении.

[^^^]

Вельяминов Алексей Александрович (1785-1838).

[^^^]

Платов Матвей Иванович (1751-1818), граф.

[^^^]

Греков Тимофей Дмитриевич (1770-1831), генерал-майор.

[^^^]

«Радуйтесь жизни...» (нем.).

[^^^]

«Сорви розу!» (нем.).

[^^^]

Каменская Мария Федоровна, урожд. Толстая
(1817-1898), мемуаристка.

[^^^]

Жерве Николай Андреевич (1808-1841) - поручик кавалергардского полка, знакомый М. Ю. Лермонтова.

[^^^]

Нечволодов Григорий Иванович (1780-1830-е гг.).

[^^^]

Нечволодова Екатерина Григорьевна (до крещения - Сатанаиса) (1815-1887), сначала - приемная дочь и воспитанница Г. И. Нечволодова, «дочь полка», а с 1830 г. - его вторая жена.

[^^^]

Засс Григорий Христофорович (1797-1883), барон, генерал-лейтенант.

[^^^]

Речь идет о Константине Александровиче Булгакове (1812-1862), сыне московского почт-директора А. Я. Булгакова (1781-1863).

[^^^]

«Ужасный ребенок» (фр.).

[^^^]

Булгаков Константин Яковлевич (1782-1835),
петербургский почт-директор.

[^^^]

Михаил Павлович (1798-1849), великий князь,
брат Николая I.

[^^^]

Декабрист Михаил Сергеевич Лунин (1787-1845); в 1822-1825 гг. офицер лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

[^^^]

«С высоты птичьего полета» (*фр.*).

[^^^]

«Князь В-ий» мог быть только «Волконским» или «Вяземским», однако среди кн. Вяземских не было генерал-аншефов, а среди Волконских их было трое: Григорий Семенович, Николай Сергеевич и Семен Федорович, из которых только первый имел орден Андрея Первозванного и был известен своими странностями. Таким образом, это, скорее всего, князь Григорий Семенович Волконский (1742-1824) - отец декабриста С. Г. Волконского.

[^^^]

Ошибка: кн. Г. С. Волконский стал андреевским кавалером только при Александре I, в 1806 г.

[^^^]

Бенкендорф Христофор Иванович (1749-1823),
генерал от инфантерии.

[^^^]

Ланжерон Александр Федорович, граф (1763-1831), участник Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии.

[^^^]

Остерман Федор Андреевич (1723-1804), граф,
действительный тайный советник, сенатор.

[^^^]

Кутайсов Иван Павлович (ок. 1759-1834), граф,
обер-шталмейстер.

[^^^]

Остерман Андрей Иванович (1686-1747), граф,
вице-канцлер, первый кабинет-министр.

[^^^]

Козловский Пётр Борисович (1783-1840), князь, дипломат, литератор, знакомый А. С. Пушкина.

[^^^]

Ливен Дарья Христофоровна, урожд. Бенкендорф (1785-1857), графиня, жена русского посланника в Лондоне Х. А. Ливена.

[^^^]

Клейнмихель Петр Андреевич (1793-1869), граф, генерал-адъютант, член Государственного Совета.

[^^^]

Бунин Иван Петрович (1773-1842). Его дочь, А. И. Бунина, была замужем за А. Ф. Чубаровым, дочь которого, Людмила Александровна, была матерью известного писателя И. А. Бунина.

[^^^]

Лев Александрович Нарышкин (1733-1799), генерал-адъютант.

[^^^]

Бунина Анна Петровна (1774-1829), поэтесса.

[^^^]

Кремповский Иван Авксентьевич (1781-1835),
действительный статский советник.

[^^^]

Кропотов Андрей Фролович (1780-1817), поэт,
прозаик, журналист.

[^^^]

«Юлий, уроженец миланский, родился 12 дня апреля 1763 года; отошел к Богу... августа 1836» (*лат.*).

[^^^]

Литта Екатерина Васильевна (1761-1829),
урожд. Энгельгардт, в первом браке - Скаврон-
ская.

[^^^]

Речь идёт об одном из братьев - Иване Петровиче (1793-1877) или Карле Петровиче (1799-1875) Беггровых, знаменитых литографов того времени.

[^^^]

Incroyabl - «невероятный, крайний» (фр.) - кличка французских щеголей, составлявших во время Директории одну из групп роялистской оппозиции.

[^^^]

Румянцов Михаил Петрович (1751-1811), сенатор.

[^^^]

Чупятов Василий Анисимович, ржевский купец.

[^^^]

По-видимому, князь Александр Михайлович Горчаков (1798-1883), известный дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер.

[^^^]

«делать так делать» (*фр.*).

[^^^]

«крылья» (*фр.*).

[^^^]

С тех пор (*φρ.*).

[^^^]

«Ни выбора, ни смерти» (*лат.*).

[^^^]

«Всё проходит, всё приедается, всё разбивается» (*фр.*).

[^^^]

Без страха и надежды (*фр.*).

[^^^]

По-видимому, ошибка; скорее всего, речь идёт о фр. писателе Шарле Нодье (1780-1844).

[^^^]

«Так требует рассудок» (*фр.*).

[^^^]

«Надеюсь и боюсь» (*фр.*).

[^^^]

«Тише, тише, тише! (фр.).

[^^^]

«Случай - вот основа удачи» (дословно: «Ничего прекрасного без случая») (*фр.*).

[^^^]

«Пляска смерти» (*фр.*).

[^^^]

Позняков Петр Адрианович (1753-1814), генерал-майор, владелец театра.

[^^^]

Новосильцев Дмитрий Александрович (1759-1836), отставной бригадир, тесть писателя М. Н. Загоскина.

[^^^]

Лукин Дмитрий Александрович (1770-1807).

[^^^]

«Франт» - Кологривов Дмитрий Михайлович
(1779-1830), гофмейстер.

[^^^]

Байков Илья Иванович (1768-1838), лейб-кучер.

[^^^]

«Смелый игрок» (*фр.*).

[^^^]

«Против мошенника - полтора мошенника» (*фр.*).

[^^^]

По-видимому, Лев (Леон) Александрович Сапега (1802-1878).

[^^^]

Соллогуб Иван Антонович (?-1812), граф.

[^^^]

Нарышкин Лев Александрович (1733-1799), обер-шталмейстер. Примечательно, что Ф.В. Булгарин сообщает о браке с этими самыми поляками дочерей Д.Л. Нарышкина («Воспоминания Фаддея Булгарина», ч. 1, СПб, 1846, с. 222224), тогда как генеалог П.Н. Петров утверждает, что дочери Л.А. Нарышкина были замужем: Наталья Львовна - за гр. И.А. Соллогубом, Екатерина Львовна - за гр. Ю.А. Головкиным, Мария Львовна - за кн. Ф.К. Любомирским (см.: Петров П.Н. История родов русского дворянства, т. I, СПб, 1886, с. 380).

[^^^]

Виельгорский Юрий Михайлович (1753-1807),
граф.

[^^^]

Нарышкин Дмитрий Львович (1764-1838),
обер-егермейстер.

[^^^]

М.А.Четвертинская (1779-1854), дочь князя Антония-Станислава Четвертинского.

[^^^]

Зубов Валериан Александрович (1771-1804),
граф, генерал-аншеф.

[^^^]

Женой гр. В.А. Зубова была кн. М.Ф. Потоцкая, урожд. Любомирская, которая третьим браком была за Ф.П. Уваровым.

[^^^]

Боде Мария Александровна, баронесса, мемуаристка.

[^^^]

Поскольку воспоминания о графине де Ламот оставлены М.А. Боде, речь идет о её отце, писателе, бароне Александре (Адольфе) Карловиче Боде (1780-1857, по другим данным - 1790-1861).

[^^^]

«Дело о колье». Париж, 1785 (*фр.*).

[^^^]

«Князь, я бы вас обожал, если бы вы были вашей сестрой» (*фр.*).

[^^^]

Траппист - член монашеского ордена траппистов, основанного в XVIII в. во Франции в монастыре Ла Трапш.

[^^^]

Граф (или князь) Визапур (Порюс-Визапурский) Александр Иванович (?-1823) был князем индийского происхождения. Статский советник, он был женат на Надежде Александровне Сахаровой, от которой имел троих сыновей. Род пресёкся.

[^^^]

Как следует из приведенной выше справки и даты смерти А.И. Визапуре, в этой части сведения М.И. Пыляева не верны.

[^^^]

Чичерин Денис Иванович (1721-1785), генерал-майор, сибирский губернатор в 1763-1781 гг.

[^^^]

Нарышкин Василий Васильевич (1738-?), начальник Нерчинских заводов.

[^^^]

Немцов Федор Глебович, бригадир, с 1775 г.
Иркутский губернатор.

[^^^]

Трескин Николай Иванович (1763-1842), иркутский гражданский губернатор.

[^^^]

Трескина Агнесса (Агния) Федоровна, урожд.
Ключарева (?-1819).

[^^^]

Кузнецов Ефим Андреевич (1771 или 1783-1850 или 1851), статский советник.

[^^^]

Белявский Федор (Гавриил?) Федорович, губернский секретарь.

[^^^]

Нарышкин Кирилл Александрович (1786-1838), обер-гофмаршал.

[^^^]

Бибиков Павел Александрович (ок. 1757-1784),
флигель-адъютант.

[^^^]

Лунин Петр Михайлович, генерал-лейтенант,
родной дядя декабриста М.С. Лунина.

[^^^]

Лунина Екатерина Петровна (1787-1886), дочь
П.М. Лунина, жена гр. М. Риччи.

[^^^]

Гортензия-Евгения (1783-1837), королева голландская.

[^^^]

Граф Миньято Риччи (1792-1860 или 1877), поэт, переводчик, певец-любитель.

[^^^]

Лунин Михаил Сергеевич (1783-1845), полковник.

[^^^]

Волконский Петр Михайлович (1776-1852),
светлейший князь, генерал-фельдмаршал,
министр.

[^^^]

Кологривов Дмитрий Михайлович (1779-1830), гофмейстер.

[^^^]

Голицын Федор Сергеевич (1781-1826), князь.

[^^^]

Потемкина Татьяна Борисовна, урожд. Голицына (1797 или 1801-1869), статс-дама, благотворительница.

[^^^]

Скорее всего, речь идет о князе Дмитрие Евсеевиче Цицианове (1747-1835), родственнике декабриста Н.И. Лорера и приятельницы А.С. Пушкина А.О. Смирновой (урожд. Россет). Многие авторы - П.А. Вяземский, С.П. Жихарев, А.С. Пушкин, А.О. Смирнова и др. - пишут о нем, как об интересном рассказчике, хотя и не упоминают о его переодеваниях.

[^^^]

Меншиков Александр Сергеевич (1787-1869),
князь, адмирал.

[^^^]

Возможно, А.Л. Юнкер.

[^^^]

Вронченко Федор Павлович (1779-1852).

[^^^]

Брок Петр Федорович (1805-1875), член Гос. совета.

[^^^]

Т.е., «к оброку».

[^^^]

Боде Лев Карлович (1787-1859), барон, обер-гофмейстер.

[^^^]

Струве Василий Яковлевич (1793-1864), астроном, основатель и первый директор Пулковской обсерватории.

[^^^]

Кусовниковы Петр Алексеевич (1753-1823) и
Арина Ивановна (1762-1832).

[^^^]

Гагарин Павел Гаврилович (1777-1850), князь,
женат на фаворитке Павла I, Анне Петровне
Лопухиной (1777-1805).

[^^^]

В 1831 г. П.Г. Гагарин женился на балерине Марии Ивановне Спиридоновой (?-1867), от которой имел дочерей Александру (умерла в молодости) и Наталью (1837-1905).

[^^^]

Красинский (Корвин-Красин-ский) Викентий (Венсент) Иванович (1783-1858), граф, генерал от кавалерии, маршал польского Сейма.

[^^^]

Вяземский П.А., поэт, мемуарист.

[^^^]

«Винсент! Я обязан тебе короной!» (*фр.*).

[^^^]

Верёвкин Михаил Иванович (1732-1795), педагог, драматург и переводчик. Приведённые здесь рассказы о нём использованы М.И. Пыляевым также в книге «Старый Петербург»: о картах (гл. IX) и о переводе молитвы (прим. 78).

[^^^]

Спада Антоний-Франциск (?-1813), писатель, библиотекарь, педагог, действительный член многих европейских академий.

[^^^]

Дворяне Рагозины владели именьями в Орловской губернии.

[^^^]

Голицын Григорий Сергеевич (1779-1848), князь, сенатор, пензенский губернатор в 1811-1816 гг.

[^^^]

Преображенское.

[^^^]

Князя Алексея Борисовича Куракина.

[^^^]

Куракин Александр Борисович, известный установлением такого же дворцового этикета в свой усадьбе в с. Надеждино Саратовской губернии.

[^^^]

Голицын Юрий Николаевич (1823-1872), князь, любитель-музыкант, писатель, тамбовский губернский предводитель дворянства.

[^^^]

«Как император» (*фр.*).

[^^^]

Причина такого прозвища была следующей: князь И.А.Голицын (1783-1852), камергер, первым браком женатый на Анне Сергеевне Всеволожской (1779-1837), вторым браком был женат на певице де Лоран, которая была особенно хороша в опере Буальдьё «Jean de Paris», название которой в приложении к Голицыну можно перевести и как «Иоанн Парижский» и... «парижский Ванька».

[^^^]

Игра слов: «La vieille des Monts» означает «старушка с горы», тогда как «La vieille Demon» - «старая чертовка» (*фр.*).

[^^^]

Голицын Александр Николаевич (1769-1817), князь, прозванный «Cosa rara» («Редкая штука») по пьесе Венсента Мартини, которая пользовалась успехом в Москве, был женат на княжне Марии Григорьевне Вяземской (1772-1865), не вынесшей его расточительности и самодурства и ещё до развода с ним в 1801 г. жившей с графом Л.К. Разумовским (1757-1818), брак с которым был ею оформлен в 1802 г.

[^^^]

Кн. Григорий Сергеевич Голицын (1779-1848).
О нём см. выше.

[^^^]

Апраксин Василий Иванович (1788-1822), граф, полковник, флигель-адъютант Александра I, музыкант-любитель, карикатурист.

[^^^]

Encourage «ободрение, поддержка» (*фр.*).

[^^^]

Струйский Николай Еремеевич (1749-1796),
чудак-стихотворец и типограф.

[^^^]

Костров Ермил Иванович (1755-1796), писатель, переводчик, из крестьян.

[^^^]

Сюжет этот использован М.И. Пыляевым также в книге «Старый Петербург», гл. VIII.

[^^^]

Карин Федор Григорьевич (кон. 1730-1800).

[^^^]

Матинский Михаил Алексеевич (1750-ок.
1820).

[^^^]

Шереметев Николай Петрович (1751-1809),
владелец знаменитого крепостного театра
под Москвой.

[^^^]

В тексте издания 1898 г. у Пыляева указан «Иван Федорович Лужков», что опровергается многочисленными документальными материалами: библиотекарем, каталогизатором и хранителем драгоценных камней в Эрмитаже при Екатерине II, точно так же как и автором примечательных эпитафий на охтенском кладбище Петербурга, был коллежский асессор Алексей Иванович Лужков (1754-1808), что, к слову сказать, подтверждается и в другой книге Пыляева - «Старый Петербург» (гл. X).

[^^^]

Степан Егорович Кротков.

[^^^]

Спиридон Тимофеевич Мацнев.

[^^^]

Жихарев С.П. Записки современника. М.-Л.,
1955, с. 120.

[^^^]

Благово Д. Рассказы бабушки. Л., 1989, с. 245.

[^^^]

Известие сомнительно по хронологии: И.Н. Болтин (1735-1792) осиротел в 1738 г., тогда как описываемые события имели место после 1774 г.

[^^^]

Фалеев Михаил Леонтьевич (?-1792), сотрудник кн. Г.А. Потемкина, занимался постройкой верфи и гребных судов в г. Николаеве, за что получил чин бригадира и потомственное дворянство.

[^^^]

Захватывающая история, рассказанная М.И. Пыляевым, требует развернутого комментария. Судя по всему, её героем является внук графа Кирилла Григорьевича Разумовского - Кирилл Алексеевич Разумовский (1777-1829), сын Алексея Кирилловича Разумовского (1748-1822) и Варвары Петровны Шереметевой (1750-1824). Свидетельством в пользу такой идентификации служит указание на «внука известного вельможи, графа Р.», поскольку российские графы Рейтерны, Ридигеры, Рибопьеры, и Ростовцевы никогда не были «известными вельможами» у графа П.А. Румянцева не было внуков, так что единственно возможным «графом Р.» остается граф К.Г. Разумовский, обладавший и внуками, и безусловным «вельможеством». С другой стороны, именно у графа К.А. Разумовского в Австрии имелся двоюродный брат, Лев Григорьевич Разумовский (1816-1868), признанный указом императора австрийского Франца II от 2 июля 1811 г. в графском достоинстве Богемского королевства, а сам К.А. Ра-

Разумовский долгое время находился в монастырском заключении, только не в Соловках, а в Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. За всем тем рассказанная М.И. Пыляевым история К.А. Разумовского ничего общего с действительностью не имеет, начиная с утверждения, что его мать «всегда проживала в роскоши за границей» (на самом деле В.П. Шереметева безвыездно прожила всю свою жизнь в Москве), и кончая невероятными приключениями героя и его загадочной смертью в подземных лабиринтах собственного дворца в некоем «приморском городе», как в этом можно убедиться, обратившись к статье о К.А. Разумовском, помещенной в соответствующем выпуске «Русского биографического словаря». Из последней видно, что в 22 года граф К.А. Разумовский был представлен ко двору, пожалован в камергеры, но через пять лет уже являл все признаки умопомешательства и был отправлен для лечения за границу, откуда вернулся совершенно сумасшедшим, почему согласно приказанию императора Александра в 1806 г. был заключен сначала в Шлиссельбургскую крепость, а затем в Спа-

со-Ефимьевский монастырь. В 1822 г. после смерти его отца над помещанным была учреждена опека, его перевели в Харьков и там он тихо скончался в 1829 г. Что же касается «приморского города», под которым следует видеть Одессу, то там с 1806 г. в звании камергера и в чине действительного статского советника, будучи чиновником по особым поручениям при Новороссийском губернаторе, жил его родной брат, Петр Алексеевич Разумовский (1775-1835), оставивший после себя роскошный дом и великолепную библиотеку. Каким образом эти факты стали основой для столь фантастического повествования, остается ещё одной загадкой последней книги М.И. Пыляева.

[^^^]

М.И. Пыляев ошибается: В. фон Кемпелен был истинным создателем «автомата», а Воронский - лишь первоклассным шахматистом, которого нашел конструктор.

[^^^]

Киреевский Николай Васильевич (1797-1870), богатый помещик Карачевского уезда Орловской губернии, страстный охотник, автор книги «Сорок лет постоянной охоты. Из воспоминаний охотника».

[^^^]

Голицын Сергей Григорьевич (1803-1868),
князь, поэт-дилетант, композитор.

[^^^]

Голицын Василий Петрович (1800-1863), князь, певец-любитель, лейб-гусар. Ему принадлежала усадьба Славгородок Ахтырского уезда Харьковской губернии.

[^^^]

«Усатая княгиня» (фр.)

[^^^]

Пукалова Варвара Петровна (1784-?), жена
стат. советника И.А. Пукалова.

[^^^]

Корсаков Михаил Семенович (1826-1871), генерал-лейтенант.

[^^^]

Ошибка: Кульнев Яков Петрович (1763-1812), герой войны 1812 г., был командиром Гродненского гусарского полка.

[^^^]

Салтыков Алексей Дмитриевич (1806-1859), князь, писатель, художник, путешественник.

[^^^]

Нарышкин Лев Кириллович (1809-1855), генерал-контролер.

[^^^]

Соллогуб Александр Иванович (1784-1843),
граф, отец писателя В.А. Соллогуба.

[^^^]

Кологривов Дмитрий Михайлович (1779-1830), гофмейстер.

[^^^]

Хвостов Александр Дмитриевич (1796-1870), граф сардинский, статский советник, сын поэта Д.И. Хвостова (1757-1835).

[^^^]

Завадовский Александр Петрович (1794-1856),
граф.

[^^^]

В Истомину Евдокию (Авдотью) Ильиничну
(1799-1848).

[^^^]

Шереметев Василий Васильевич (1794-1817). В реальности дело обстояло иначе. С Истоминой жил, смертельно влюбленный в нее В.В. Шереметев. Заподозрив, что она ему изменила (или намеревается изменить) с А.П. Завадовским В.В. Шереметев вызвал его на дуэль, на которой был убит. Невольным виновником дуэли был А.С. Грибоедов, а «поджигателем» - А.И. Якубович.

[^^^]

Брызгалов Иван Семенович (1753-1841), сын крестьянина, статский советник. О нем М.И. Пыляев пишет и в книге «Старый Петербург» (гл. XIV).

[^^^]

Ципринус - псевдоним публициста Осипа Антоновича Пржецлавского (1799-1879).

[^^^]

Демидов Акакий Прокофьевич, сын Прокофия Акинфовича Демидова от первого брака; Воспитывался не в Голландии, а в Гамбурге.

[^^^]

Речь идет о Всеволоде Андреевиче Всеволожском (1769-1836), камергере, основателе волжского пароходства. Он был сыном пензенского воеводы Андрея Всеволожского, убитого пугачевцами.

[^^^]

Никита Всеволодович Всеволожский (1799-1862) и его сын, Никита Никитич Всеволожский.

[^^^]

«Le soulie» - «напившийся»; «le soulier» - «башмак» (фр.).

[^^^]

«Quel beau nez» - «какой красивый нос»;
«bonnet» - «чепчик» (*фр.*).

[^^^]

«Mouchoir - носовой платок (*фр.*).

[^^^]

«Quel bon the!» - «какой хороший чай!»; «Quel bonte!» - «какая доброта!» (*фр.*).

[^^^]

«Я причиняю просителю невыносимую боль.
Поверните меня» (*фр.*).

[^^^]

«НЕТ» ($\phi p.$).

[^^^]

Булгаков Павел Александрович (1825-1873).

[^^^]

При Павле I было двое «известных вельмож», графов: Иван Павлович Кутайсов (1759-1834) и Григорий Григорьевич Кушелев (1754-1833). Последний был адмиралом, поэтому логично, что его сын стал моряком. Кроме того, Кушелев, в отличие от И.П. Кутайсова, имел многочисленные родственные связи в высшем обществе, о чём говорится ниже.

[^^^]

Иван Тимофеевич Лисенков (1795-1881).

[^^^]

Фёдоров Борис Михайлович (1798-1875), прозаик, стихотворец, журналист.

[^^^]

Опубликованы с сокращениями в кн.: Рукою Пушкина. М.-Л, 1935, с. 803.

[^^^]

Козловский Иосиф (Осип) Антонович (1757-1831), композитор и капельмейстер.

[^^^]

По-видимому, Безобразов Пётр Романович
(1797-1856), ротмистр.

[^^^]

«Поворачивайте ваш экипаж!» - «Это вы осаживайте! Вперёд!»

[^^^]

Vol - полет, terre земля (*фр.*).

[^^^]

Ваксель Лев Николаевич (1811-1885), карикатурист, автор сочинения «Карманная книжечка для начинающего охотиться с ружьем и легавой собакой». СПб, 1856.

[^^^]

Это же рассказывал про себя и князь Д.Е. Цицианов (*см. выше*).

[^^^]

Речь идет о донском казаке Александре Витиченкове, которого англичане именовали «Землянухиным» - очевидно, по станице Цимлянской, в тогдашнем произношении - Землянской. Существует 6 гравированных портретов этого казака с надписью «Александр Землянухин», приведенных у Д.А. Ровинского в «Подробном словаре русских гравированных портретов» (т. II, СПб, 1887, с. 984).

[^^^]

Кусовников Михаил Алексеевич (?), коллежский советник. Его дочь, Ольга Михайловна (1796-1853) была замужем за Василием Васильевичем Энгельгардтом (1785-1837), полковником, внучатым племянником кн. Г.А. Потёмкина.

[^^^]

Ширай Степан Михайлович (1767-1841 г.), генерал-майор, предводитель дворянства Черниговской губернии. Ширай - богатые украинские помещики, связанные родственными отношениями с фаворитом Екатерины II П.В. Завадовским и сенатором И.А. Безбородко.

[^^^]

Аналогичный дом в виде ордена св. Анны был построен по заказу помещика Дурасова в 1801 г. в Люблино под Москвой по проекту архитектора И.В. Еготова. Ныне дом этот вошел в черту Москвы и находится на территории Люблинского парка культуры и отдыха.

[^^^]

Олешкевич Юзеф (Иосиф) Антонович (Иванович) (1777-1830), Академик живописи, друг А. Мицкевича.

[^^^]

Долгоруков Юрий Владимирович (1740-1830),
генерал-аншеф.

[^^^]

Гагарин Сергей Васильевич (1713-1782), действительный тайный советник, сенатор.

[^^^]

Зосима Зой Павлович (около 1757-1827), меценат, издатель книг на греческом языке.

[^^^]

Ваттемар Александр (1790-1864), французский драматический актёр, мим и чревовещатель, собиратель автографов и рисунков.

[^^^]

«Имя вам легион, так вас много» (*фр.*).

[^^^]

Кроме Тенишева, других князей с фамилией «Те-ев» в России не было.

[^^^]

Щегловский Василий Романович (1737-1845).
Более подробно о нём М.И. Пыляев пишет в
книге «Старый Петербург» (гл. XIV).

[^^^]

Катенин Павел Александрович (1792-1853),
литератор, театрал.

[^^^]

Потемкин Сергей Павлович (1787-1858), граф, поэт и драматург, страстный театрал, далекий родственник князя Г.А. Потемкина, женатый на кн. Елизавете Петровне Трубецкой (1796-1870), сестре декабриста.

[^^^]

Геденов Александр Михайлович (1790-1867), действительный тайный советник, обер-гофмейстер.

[^^^]

«Вы племянник знаменитого князя Тавриды?» (фр.).

[^^^]

Каменский Сергей Михайлович (1772-1834),
граф, сын М.Ф. Каменского (1738-1809).

[^^^]

Офросимова Настасья Дмитриевна, урожд. Лобкова (1753-1826), прототип Хлестовой из «Горя от ума» А.С. Грибоедова и М.Д. Ахросимовой из «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

[^^^]

«Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово». Л., 1989, с.141.

[^^^]

Офросимов Александр Павлович (1782-1846),
полковник, адъютант П.И. Багратиона.

[^^^]

Хитрово Анастасия (Настасья) Николаевна
(1762-1842).

[^^^]

Юсупова Татьяна Васильевна, рожденная Энгельгардт (1767-1841), княгиня, племянница кн. Г.А. Потемкина, жена владельца подмосковной усадьбы «Архангельское», князя Н.Б. Юсупова.

[^^^]

Архарова Екатерина Александровна, урожд. Римская-Корсакова (1752-1836), жена московского генерал-губернатора И.П. Архарова (1747-1815).

[^^^]

Т.е. козырёк.

[^^^]

Е.А. Архарова была дочерью Марии Семеновны Римской-Корсаковой, урожд. кн. Волконской (1731-1796).

[^^^]

Толстая Анна Петровна (1794-1869), жена камергера гр. Варфоломея Васильевича Толстого (ум. в 1838 г.).

[^^^]